

МЕЃУНАРОДЕН ЦЕНТАР ЗА СЛАВЈАНСКА ПРОСВЕТА - СВЕТИ НИКОЛЕ

«МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД»
(ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛТУРОЛОГИЈА)

СПИСАНИЕ
на научни трудови

**ДЕСЕТТА МЕЃУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА
МЕЃУНАРОДЕН СЛАВЈАНСКИ УНИВЕРЗИТЕТ
„ГАВРИЛО РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН“**

Година VI

Број 4

Април 2019

- СВЕТИ НИКОЛЕ, Р. МАКЕДОНИЈА -
- 2019 -

Издавач: Меѓународен Центар за Славјанска Просвета - Свети Николе

За издавачот: Михаела Ѓорчева, директор

Наслов: «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД» (ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛТУРОЛОГИЈА)

Организационен одбор:

Претседател: Доц. д-р Јордан Ѓорчев
Заменик претседател: Проф. д-р Владислав М. Јурјев
Член: м-р Борче Серафимовски

Уредувачки одбор:

Проф. д-р Ленче Петреска - Република Северна Македонија
Проф. д-р Александар Илиевски - Република Северна Македонија
Проф. д-р Мирослав Крстиќ - Република Србија
Проф. д-р Момчило Симоновиќ - Република Србија
Проф. д-р Тодор Галунов - Република Бугарија
Проф. д-р Даниела Тасевска - Република Бугарија
Доц. д-р Хаџиб Салкич - Република Босна и Херцеговина
Проф. д-р Татјана Осадчаја - Руска Федерација
Доц. д-р Вера Шунаева - Руска Федерација

Технички раководител: Милена Спасовска

Уредник: Доц. д-р Јордан Ѓорчев

Компјутерска обработка и дизајн: Благој Митев, Адриано Панајотов, Кристијан Цанев

ISSN (принт) 1857-9299

ISSN (онлајн) 1857-9302

Адреса на комисијата: ул. Маршал Тито 77, Свети Николе, Р. Македонија

Контакт телефон: +389 (0)32 440 330

Организациониот одбор им се заблагодарува на сите учесници за соработката!

Напомена:

Организациониот одбор на Десеттата меѓународна научна конференција «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК-ЗАПАД» не одговара за можните повреди на авторските права на научните трудови објавени во списанието. Целосната одговорност за оригиналноста, автентичноста и лекторирањето на научните трудови објавени во списанието е на самите автори на трудовите.

Секој научен труд пред објавувањето во списанието «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК-ЗАПАД» е рецензиран од двајца анонимни рецензенти од соодветната научна област

Печати: Печатница МЦСП, Свети Николе

Тираж: 100

МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ

ИСТОК - ЗАПАД

(ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛТУРОЛОГИЈА)

СОДРЖИНА

<i>Елена Ерохина</i> ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Д. БУРЛЮКА	1
<i>Јована Стевановиќ</i> ПОИМЕНИЧЕЊЕ КАО ТИП КОНВЕРЗИЈЕ НА ПРИМЕРИМА КЊИЖЕВНОУМЕТНИЧКОГ СТИЛА	7
<i>Бошко Караџов</i> ПАРАДИГМИТЕ И НАУЧНАТА РЕВОЛУЦИЈАТА НА ТОМАС КУН	13
<i>Ана Кечан</i> СТИЛИСТИКА - ИНТЕГРИРАЊЕ НА КНИЖЕВНОСТА И ЈАЗИКОТ ВО НАСТАВАТА	21
<i>Алла Алексеевна Шатовкина</i> «ПОЭМА ЗАСТАВЫ» М.И.ЦВЕТАЕВОЙ: ИСТОРИКО- БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ	25
<i>Елена Владимировна Долгова</i> <i>Бабина Людмила Владимировна</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ- СОМАТИЗМОМ “HEAD” КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ	33
<i>Мишо Нетков</i> ДЕМОКРАТИЈАТА, ПОЛИТИКАТА И МЕДИУМИТЕ	39
<i>Лариса Чович</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЈА КОНЦЕПТА СКУКА В РОМАНЕ В СТИХАХ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С.ПУШКИНА И В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК	45
<i>Бранимир Чович</i> К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»: ОТ ВЕРЫ К БЕЗБОЖИЮ И ОТ БЕЗБОЖИЯ К ВЕРЕ	57
<i>Инна Викторовна Алленова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-РИМСКИХ ЫСЛИТЕЛЕЙ IV ВЕКА Н. Э. ОБ ИДЕАЛЬНОМ МОНАРХЕ.	69
<i>Јана Васильевна Манака</i> «ВДОВА КАПИТАНА» И «ДУША ЖЕНЩИНЫ» Б.А. ЛАЗАРЕВСКОГО: СПОСОБЫ И ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ЭМИГРАНТСКИХ УМОНАСТРОЕНИЙ	75
<i>Мария Даниловна Худайбергенова</i> РОМАНЫ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ» И К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	81

<i>Наталья Лапаева Ристеска</i> «БАЛКАНСКАЯ» СТРАНИЦА В СУДЬБЕ И ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА	87
<i>Артём Костерев</i> ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ: ПРОФАШИСТСКИЕ МОТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	93
<i>Катерина Видова</i> ЛИНГВИСТИЧКИ МАРКЕРИ ЗА ОЗНАЧУВАЊЕ НА КАТЕГОРИЈАТА ОПРЕДЕЛЕНОСТ ВО МАКЕДОНСКИТЕ НАСЛОВИ И НИВНИТЕ АНГЛИСКИ ПРЕВОДНИ ЕКВИВАЛЕНТИ	99
<i>Радомир Виденовиќ</i> ПЛУРАЛИТЕТ НА СВЕТОВИТЕ	107
<i>Душица Ѓокиќ</i> ИГРАТА – ВОЗВИШЕНА ДИМЕНЗИЈА НА ТВОРЕЧКИОТ РАЗВОЈ НА КУЛТУРНИТЕ ИДЕНТИТЕТИ	113
<i>Наталия Юрьевна Желтова</i> ПОЭТИЧЕСКИЕ ИМЕНА РУССКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ: ОЛЬГА ЯРОСЛАВНА И ГРИГОРИЙ ФИНН	119
<i>Галина Борисовна Буянова</i> МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ О МИХАИЛЕ ЛЕРМОНТОВЕ В ПОВЕСТИ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО “РАЗЛИВЫ РЕК”.	127
<i>Бабий Мария Игоревна</i> ОБРАЗ ТЕАТРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	135
<i>Кирил Трајчев</i> ФЕНОМЕНОТ НА БОЖЈАТА СВЕТЛИНА ВО ФИЛОСОФИЈАТА НА СВЕТИ ГРИГОРИЈ ПАЛАМА	141
<i>Анита Ангелевска</i> ЗА АВТОРСТВОТО РЕДАКЦИИТЕ И СРЕДНОВЕКОВНАТА СИМБОЛИКА НА СВЕТИКЛИМЕНТОВИТЕ СЛОВА	147
<i>Христо Петрески</i> <i>Ана Петреска</i> УЛИЧНА УМЕТНОСТ И УЛИЧЕН ТЕАТАР	153
СПЕЦИЈАЛЕН ДЕЛ	
ЧЕТВРТИ МЕЃУНАРОДЕН ФИЛОСОФСКИ ДИЈАЛОГ „ИСТОК – ЗАПАД“ СИМПОЗИУМ: „БИОЕТИКАТА НА КРСТОПАТ“	
<i>Željko Kaluđerović</i> BIOETHICAL CONSIDERATION OF THE STATUS OF NON-HUMAN LIVING BEINGS	161
<i>Kostas Theologou</i> THE ONTOLOGY OF HUMAN PERSON AS AN ENCOUNTER OF PHILOSOPHY WITH RELIGION AND AS A RESPONSE TO CONTEMPORARY ANTHROPOLOGICAL ISSUES	169

<i>Iana Chernova</i> THE HERMENEUTIC ETHICS OF PAUL RICOEUR	177
<i>Marija Todorovska</i> A BRIEF OVERVIEW OF THE PERCEPTION OF DISABILITY	183
<i>Elena Ignovska</i> PRE-GENETIC DIAGNOSIS AND PRE-NATAL DIAGNOSIS: LEGAL AND ETHICAL DISCUSSION	191
<i>Aleksandra Deanoska</i> WHERE DO WE GO? – BIOETHICAL AND CRIMINAL LAW RESPONSE TO THE CONCEPT OF REPROGENETICS	207
<i>Amir Muzur</i> <i>Iva Rinčić</i> THE FUTURE OF NON-MAINSTREAM BIOETHICS: THE CASE OF WESTERN EURO-MEDITERRANEAN	215
<i>Iva Rinčić</i> <i>Amir Muzur</i> THE FUTURE OF NON-MAINSTREAM BIOETHICS: THE CASE OF EASTERN EURO-MEDITERRANEAN	221
<i>Bardhyl Çipi</i> BIOETHICS IN ALBANIA NOWADAYS	227

ОБЛАСТ
**ФИЛОЗОФИЈА,
ЛИНГВИСТИКА,
КУЛТУРОЛОГИЈА**

Елена Ерохина
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Д. БУРЛЮКА

В статье рассматривается система взглядов Д.Д. Бурлюка на фундаментальные, мировоззренческие преобразования, вызванные русской революцией. Обращается внимание на то, что «отец русского футуризма» воспринимал события 1917 года как имеющие глубоко национальные корни, связанные с желанием русского народа изменить свою судьбу и самостоятельно строить свое будущее. С этим связаны мотивы очищения и освобождения, которые были близки творческой платформе футуристов. В то же время Бурлюк в своем творчестве акцентирует внимание на том, что за свое стремление к мечте русский человек заплатил кровавую цену.

Ключевые слова: русская литература XX века, русский футуризм, Давид Бурлюк, образ революции

ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL SPECIFICITY OF THE IMAGE OF THE REVOLUTION IN THE WORK OF D.D. BURLIUK

The article considers the system of views of D.D. Burluk on the fundamental, ideological transformations caused by the Russian revolution. Attention is drawn to the fact that the “father of Russian futurism” perceived the events of 1917 as having deep-rooted national roots associated with the desire of the Russian people to change their destiny and independently build their future. Related to this are the motives of purification and liberation, which were close to the creative platform of the futurists.

At the same time, Burluk in his work focuses on the fact that the Russian paid for his desire for a dream a bloody price.

Key words: Russian literature of the twentieth century, Russian futurism, David Burluk, the image of the revolution

Октябрьская революция 1917 года нашла яркое отражение в творческом наследии «отца русского футуризма» Д.Д. Бурлюка. В статье «Красный Октябрь и предчувствия его в русской поэзии» он писал: «Законом поэзии, литературы является, что всякое историческое событие всегда находит громадное воплощение свое в творчестве наиболее чутких поэтов» [Бурлюк 1928: 17].

Все деятели литературы после Октября разделились на два лагеря: одни поддерживали революцию, другие же не смогли ее принять. Эту мысль транслирует и сам «отец русского футуризма»: «Октябрь — как водораздел; в поэзии русской он лег огненным кряжем» [Бурлюк 1928: 23]. Бурлюк относился к тем, кто был воодушевлен этим событием, он принял революцию, однако, через некоторое время ему пришлось покинуть страну. В Россию он лишь через много лет вернется только в качестве гостя, на родине он так и не получит желанного

признания. Позднее в письме тамбовскому краеведу и коллекционеру Н.А. Никифорову, с которым Бурлюка связывала долгая переписка на протяжении всей его жизни, он напишет: «Бурлюк был выброшен взрывом революции, Гражд. войны и стал «спутником»» [Бурлюк 2011: 127].

Давида Бурлюка как человека деятельного, горячо любящего свою родину и переживающего за ее судьбу, волновало будущее России, и это, несомненно, отражалось в его произведениях. В произведениях, написанных до событий 1917 года, очевидно предчувствие грядущего. Например, в стихотворении «Пред этой гордою забавой...», впервые опубликованном в 1913 году в сборнике «Требник троих», он описывает людей, которые изменят существующий порядок вещей:

*Пред этой гордою забавой
Пред изможденностью земной
Предстанут громкою оравой
Храм обратя во двор свиной*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 95]

Прямого упоминания о России и революции здесь нет, однако, то, что сам Бурлюк впоследствии опубликует в 1924 году это же стихотворение в книге «Бурлюк пожимает руку Вульворту Билдингу», и озаглавит его «Россия», дает повод охарактеризовать данное стихотворение как взгляд в будущее. О пророческом характере своего творчества говорит и сам автор, в частности, в стихотворении «Мои стихи слагались ночью...». Он пишет, что выбрал для себя «пророчью тропу», утверждая:

*В моих стихах росли ступени
Ближайших лет, грядущих дней
В закономерном строчек пеньи
Цветы не вянущих огней.*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 265]

Если в стихотворении «Россия», написанном за несколько лет до революции, Бурлюк называет тех, кто разрушил старый мир, «громкой оравой», и «хулителями основ», не конкретизируя, то в стихотворении «Рифмы о прошлом и теперь», которое было написано в 1920-е годы и в котором описываются уже произошедшие события, он определяет революцию как дело, свершенное народом:

*Когда ж терпению пал конец,
Народ безжалостной метлою,
Вточь огородник огурец,
Сорвал и вымел все гнилое.*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 212]

Народ он называет «хозяином» и «устроителем». В данном стихотворении автор анализирует историю страны, сравнивая Россию царскую и Россию после Октября. Основная мысль произведения подтверждает, что автор считает такой поворот в истории страны логичным и справедливым, подытоживая в последней строке: «На трон царей воссел Рабочий» [Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 213].

Еще одним пророчеством можно считать стихотворение 1915 года «Нежданные визитеры». Здесь автор описывает хозяйку городской квартиры, чей покой был нарушен. Она еще не знает, что случилось, и делает предположения, среди возможных причин, поселивших беспокойство в ее квартире, — «бунт нищеты». Автор называет визитеров «слонами», с помощью этой метафоры показывая их

силу и мощь. Метрдотель задает вопрос хозяйке, принять гостей или нет, и сам же отвечает на него: «Вам не решить самой — Принять их или нет часу для всех открыто» [Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 344]. Этими словами автор подчеркивает неизбежность катастрофы и что хозяйке придется смириться с происходящим.

Интересно стихотворение «Воспоминание». Несмотря на то, что Бурлюк принимает революцию, тем не менее, он осознает, какими жертвами обернулись эти изменения, какую цену народ заплатил за свободу. Прошлое России, а именно революцию и Гражданскую войну он называет «черными днями». Говоря о новой России, поэт декларирует: «Свободой ветер снова восхищен» [Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 217]. Ветер здесь является символом движения, символом нового, свежего, но интересно, что этот символ новой России он сравнивает с отголоском России прошлого: «Он в бархат темноты слоняется забавно/ Как пьяный дьяк с веселых похорон» [Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 217]. Это стихотворение Бурлюк написал в 1923 году. Прошло только 6 лет, в исторических масштабах это очень маленький срок, и живы люди, которые помнят царскую Россию, и есть люди, которые не понимают и не принимают произошедшие изменения, и в этом сравнении открывается двойственность положения нового государства. Ветер, как символ новой России, встречается также и в стихотворении «Весна пришла приперла...». Жизнь идет своим чередом, поменялась власть, новый строй диктует свои условия, но некоторые вещи остались неизменными:

*По-прежнему слободка
Ярится в хоровод
Беременна молодка
Дитя она зовет!*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 312]

Но религия теперь — опиум для народа, вместо церквей — клубы:

*Но в храмах ныне клубы
И поп свистит в кулак
Былое время зубы
Теряет по углам!*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 313]

Время идет, и скоро от былых событий останутся только воспоминания, уйдут и свидетели тех лет:

*Теперь пришла свобода
И колокол угас*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 313]

Колокольный звон заменил марш Интернационал — символ революции. И этот марш над полями и озерами Руси разносит ветер.

В стихотворении «Конец рождественской елки» Бурлюк утверждает, что религия и бог ушли, уступив место науке и реалиям прогресса:

*Нашей эпохою: радио — храмы!
Библия — вечные своды наук!*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 219]

Канун одного из главных христианских праздников — Рождества — он называет «чтимый старухой сочельник», и отмечает, что все, что касается религии — «невежества темного звук» [Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 219]. В стихотворении «Ленинград осенью» Бурлюк провозглашает:

*Встает иною, бодрой тенью
Рабочий Красный Ленинград,
Стуча по мраморным ступеням
Дворцов низринутых громад*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 399]

В революции Бурлюк видит освобождение, очищение. В стихотворении 1918 года «Призыв» автор называет Русь «клоповником», «грязевым болотом» и призывает покончить с этим:

*Моем мощной, бодрой шваброй
— Милой родины удел
Все, кто духом юно-храбрым
Торопясь, не оскудел!*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 411]

В 1930 году выходит книга «Энтелехизм», в которой автор публикует стихотворение «Авиатор». В нем Бурлюк с радостью замечает, что вместе с революцией в народ пришло образование:

*Дед отец считали галок на крестах
И на крышах хат серых без цветов
Дед темнее был отца... не умел читать
Но умен Сын летайлой
Смелым красным Стал ласточной
Эсесесер Ресесесэ*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 250]

Еще одно стихотворение о революции — «Пес на сердце», в нем есть строки:

*Вечер речей речетатив
На сердце вылез пес буржуазии
Бурлюк протестовал всем сердцем
И прозван футуристом был*
[Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 237]

О том, что он протестовал против недостатков царского режима, и не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, автор неоднократно подчеркивает в своих мемуарах «Фрагменты из воспоминаний футуриста»: «До моего переезда в Японию я писал в России большие холсты социального характера, где в символических образах протестовал против дикости и бессмысленности капитала милитаристов: в своих картинах я изображал трудящиеся массы» [Бурлюк 1994: 127]. Поэт отмечал: «Картины 1917 и 18 годов полны выражения глубочайшего сочувствия страданиям и скорби народных масс» [Бурлюк 1994: 126].

Бурлюк также заявлял и о том, что футуризм готовил почву для революции. В своих мемуарах он писал: «Мы, старые футуристы, первая шеренга, были тогда воистину революционерами в искусствах (и в жизни), бичуя вкусы тошнотно пыльные и выводя из терпения литературных, художественных Передоновых, густо выполнявших заказ помещицкой, купецкой, полукрепостной России,

катившейся к Красному Октябрю» [Бурлюк 1994: 14]. Там же, в главе «Предки мои» он с пафосом пишет о преображении своей родины после событий Октября: «Ибо родился на Украине, ныне под бурей Революции ставшей свободной и незримо прекрасной» [Бурлюк 1994:98].

В статье «Красный Октябрь и предчувствия его в русской поэзии», которую Бурлюк написал к десятилетию со дня октябрьской революции, он осуждает поэтов, которые не приняли революции, среди противников Октября особенно выделяет А.А. Ахматову и З.Н. Гиппиус, и, даже, не стесняясь в выражениях, называет стихотворение Гиппиус «ублюдистыми стишонками». Бурлюк делает предположение, что в воинственности к Октябрю виновата «экспансивность представительниц слабой половины рода человеческого» [Бурлюк 1928: 18].

Чем же обусловлен такой пиетет перед революцией и пришедшим на смену царской России Советским Союзом? Ведь именно эти трагические события в истории России и установившийся новый государственный строй вынудили его эмигрировать в Америку и всю жизнь тосковать по родине. Возможно, тем самым Бурлюк хотел показать, что он поддерживает СССР, несмотря на то, что он эмигрант, и проживает в стране с враждебным Советскому Союзу капиталистическим строем, и таким образом он пытался заставить говорить о себе на родине и добиться признания. Но родина не хотела его принимать: «Родина-мать – она и невнимательна, и не торопится любить живого прекрасного Давида Бурлюка» [Бурлюк 1994: 87]. Он сетовал: «Если другие футуристы, особенно второй призыв, после революции и получили признание, то я лично, волею судеб попавший на другие материки нашей планеты, продолжая всежильно работать на пользу страны Рабочих и Крестьян, моей великой революционной родины, никакого признания у себя на родине так и не видал...» [Бурлюк 1994: 14].

Таким образом, отношение Бурлюка к революции всегда было в целом позитивным и практически не претерпело существенной эволюции в его творчестве. События 1917 года воспринимались поэтом как символ свободного будущего, за которое, однако, русский народ вынужден платить кровью. Очищение и освобождение — главные лейтмотивы «революционных» произведений Д.Д. Бурлюка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурлюк Д. Десятый октябрь. Нью-Йорк, 1928
2. Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб, 1994
3. Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. СПб., 2002
4. Бурлюк Д. Письма из коллекции С.Н. Денисова /авт.- сост. А.С. Чернов. Тамбов, 2011

Јована Стевановиќ
 Универзитет у Нишу, Филозофски факултет Ниш
 Република Србија

ПОИМЕНИЧЕЊЕ КАО ТИП КОНВЕРЗИЈЕ НА ПРИМЕРИМА КЊИЖЕВНОУМЕТНИЧКОГ СТИЛА

Апстракт: Предмет рада јесте поименичење као тип конверзије на примерима књижевноуметничког стила. Циљ овог рада јесте да се сагледа поименичење у оквиру књижевноуметничког стила и да се утврди које се све врсте речи претварају у именице и у којој мери. На основу анализе долази се до следећих резултата: у великој мери се поименичавају придеви, трпни глаголски придеви, радни глаголски придеви, у мањој мери се поименичавају заменице, а ретко се поименичавају глаголски прилог садашњи и глаголски прилог прошли.

Кључне речи: поименичење, конверзија, именице, придеви, глаголски придеви, заменице, глаголски прилози, књижевноуметнички стил

SUBSTANTIVIZATION AS A TYPE OF CONVERSION ON THE EXAMPLES OF A LITERARY STYLE

Abstract: The subject of the work is the substantivization as a type of conversion on examples of a literary style. The aim of this paper is to look at the substantivization within the literary style and to determine which types of words are converted into nouns and to what extent. Based on the analysis, the following results are presented: to a large extent are converted adjectives, suffering verbal adjectives, working verbal adjectives, to a lesser extent are the converted of pronouns, and are rarely converted to as the verbal adverb of the present and the verbal adverb has passed.

Keywords: substantivization, conversion, nouns, adjectives, verbal adjectives, pronouns, verbal adverbs, literary style

УВОД

Рад се бави проблемом конверзије (поименичења) који је недовољно изучаван у лингвистици. Претпостављамо да разлог запостављања конверзије лежи у њеној мањој продуктивности у односу на суфиксацију, префиксацију и слагање. Конверзија представља прелазак из једне врсте речи у другу без промене облика и без додавања суфикса. У српском језику постоје следећи типови конверзије: поименичење, попридевљење, поприложење, попредложење и повезничење.

Овај рад представља, са једне стране, наставак наших досадашњих истраживања. У мањој мери се ослања на рад Конверзија у настави српског језика који је публикован у зборнику радова Језици и књижевности у контакту и дисконтакту. Док се споменути рад бави конверзијом са лингвометодичког аспекта, овај рад настоји да сагледа конверзију у оквиру књижевноуметничког стила.

За потребе овог рада ограничили смо се на један тип конверзије, односно на поименичење¹. Поименичењем се у литератури назива претварање неке друге врсте речи у именице. Корпус обухвата прозна дела савремених српских писаца:

1. У литератури срећемо и термине: поименичавање и супстантивизација. У модерној лингвистици је прихватљив термин поименичење.

Кад су цветале тикве Д. Михаиловића (у даљем тексту КЦТ), Кишни пси (КП), Дуге ноћи и црне заставе (ДНЦЗ), Олујни бедем (ОБ) и Константиново раскршће Д. Стојиљковића (КР), Бродолом В. Арсића (Б), Сплеткарење са сопственом душом М. Јовановић (ССД), Гласови у ветру Г. Олујић (ГВ), Душан Силни – биографија првог српског цара Л. Мичете (ДС) и Лузитанија Д. Атанацковића (Л).

АНАЛИЗА КОРПУСА

Анализирани корпус сведочи о томе да се у српском језику најчешће поименичавају придеви. Анализирајући корпус, забележили смо велики број примера који илуструју појаву претварања придева у именице. За потребе овог рада издвајамо само један део:

Мој матори нешто шушка са буразером (КЦТ, 48), ...мој стари стоји на перону (КЦТ, 102), Хајде, буди малог па да кренемо (Б, 151), Дебели зашкргута зубима, али с муком остаде суздржан (КП, 79), Видео сам.... Зеленог како јуначки истрчава из аута и безглаво бежи (КП, 103), Ево, најзад, Старога (КЦТ, 52), ...Риђи слуша како деда Лука опомиње милооку унучицу Вету... (ГВ, 21), То те Нечастиви искушава (ДНЦЗ, 127), ...ушао у Хум и повратио спорну област, као и град Нови на Неретви (ДС, 237), Како то разговараш са мном, Нишки? (КП, 79), ...угарски краљ Никола Горјански (ДНЦЗ, 200), Били смо вечерас код Батовског (КП, 67), ...враћајући се са сахране Црњанског... (ССД, 70), Није Лука Арацки случајно стигао на 17. спрат њујоршког хотела (ГВ, 24), Гробаров је од војске био цењен као праведан и добар старешина (КП, 82), Ако је са Голог извукао живу главу, Петар га је морао потражити (ГВ, 203), Заједно смо отишли на Филозофски и предали моја документа (ССД, 65), У Радничком сам се ја готово и родио и нисам могао ни да замислим да ћу једног дана отићи (КЦТ, 58).

Лизао би љуту² и повремено би се стресао (Б, 145), Можда и ти тражиш младу? Има овде лепих и богатих удавача (ОБ, 58), Кад ти се смуче крв, војна³ и ноћи у опседнутим градовима... све друго ти постаје животна радост (ОБ, 54), Луда⁴ ће примити лажну акчу, и уз мало среће за њу ће купити хлеб или урму (ОБ, 185), ...већ у оно што је постала Риђокоса (ГВ, 53), Ја и Данка се старамо о њој, али мала се још није опоравила од свега, мало прича и не дружи се са осталом децом (КР, 69), Ко ти је ово матора? (Б, 34), Добро си, мила (ССД, 215), Драга се бацила преко Александра да га заштити, али он је већ био мртав (КП, 14), Да знају, не би ме звали Милена, а понекад Ружа (ГВ, 13), Ова нова Немачка... Рајх... и зачета је у једној оваквој пивници (КП, 63), ...и последицама пораза Немачке на Марни (Л, 146), Јавите се господину Андрићу када стигнете у Швајцарску (КП, 65), ...заједницама у Швајцарској (Л, 211), Норвешке? Исланда? Можда Данске? Није могао да се сети (ГВ, 70), Европа је много више од Бугарске, Македоније или Ромејских земаља (ДНЦЗ, 134), Владислав је потом избегао у Угарску (ДС, 32), А са недавним искрцавањем савезника у Француској извесност пораза ближа је него икад (КР, 43), Знао је да ће Радослава када се врати у Рашку скратити за главу (ОБ, 78), Главнина војске се већ окупила, чекамо још одреде Страхиње од Бањске и браћу Југовиће (ОБ, 140), Љубазни момци из 63. падобранске дали су нам неке слаткише и чај (КП, 123), Отац Тадеј... умро је јутрос на интензивној (КП, 165), Ниш окружују брегови на којима се мешају преливи златне и зелене (ОБ, 81),

2. Љута у значењу ракија.

3. По нама, овај пример је добијен поименичењем. Наиме, у изразима војна тајна, војна заклетва, војна служба реч војна је придев, а у овом контексту реч војна је именица јер се односи на рат. Дакле, можемо закључити да се придев војна поименичио.

4. Исти случај као и са примером војна. У изразима луда глава, луда жена реч луда је придев. У овом контексту реч луда је именица јер се односи на слугу. Дакле, и придев луда се поименичио.

Зар обавештајна није имала друге, деликатније задатке? (КР, 96), Ти си био првак Србије у полусредњој? (КЦТ, 71), И свеармијски првак у средњој, кад сам служио војску (КЦТ, 12), ...левом успем да га отворим и десном да га пуном снагом погодим онде где треба (КЦТ, 92).

...чувало се крупно, а просипало ситно (Б, 143), Апаш пропљувао црвено⁵ (КЦТ, 70). Продао сам све потурици! Сваки комад манастирског блага који су моји људи запленили (ДНЦЗ, 163), ...а слатко од дуња сечено на парчиће топи се у устима (КР, 53), ...древно зло стоји на границама њеног царства (ДНЦЗ, 79), Он и његови људи су у ствари чинили добро људима (ДНЦЗ, 154), Високи човек у црном испусти чудан звук из груди, сличан режању (ДНЦЗ, 167), ...и показа на младог витеза у плавом који је стајао у углу, крај Обилића (ДНЦЗ, 252), Орловић тада уочи танушну фигуру, девојку у белом која као да је изронила право из мрака (ОБ, 173), А и приближавали су се границама Лазареве земље, тако да ће ускоро бити на безбедном (ДНЦЗ, 193).

...живи сустижу мртве и пењу се преко њих (ДНЦЗ, 266), Кратки предах док се не сахране мртви (ДНЦЗ, 158), Једноставно, постојала су правила ратовања, неписани закони и за правоверне и за невернике (ДНЦЗ, 304), ...и ваши стари што њихов збег није сустигла агаренска коњица и расула им дроб по цариградском друму... (ДНЦЗ, 220), То неуди и убоги трљају бесмислице (ОБ, 155), Било је ту подједнако и себара и госпде, и сиротиње и богаташа, и убогих и велможних, и чедних и грешних... (ОБ, 108), А онда су почели сукоби белих и црвених (ГВ, 23), Небројено пута су му на очи излазили мртви, крвави, обешени или бомбом разнесени (Б, 34), Тек понегде, неки преживели путник је дозивао помоћ или се унезверено окретао око себе тражећи своје најближе (Б, 167–168), Одлучио је да колико сутра потегне везе и несрећног Радмила коначно врати најмилијима (Б, 114), Православни, дакле, морају да схвате своју заблуду и да је се одрекну (ДС, 226), Неко би то назвао мањком храбрости, неспособношћу осредњих да се супротставе неправди... (КП, 36), Старији кажу да је ископан још у време Турака и да је служио да се на њему намерници напију воде (КП, 38), Зар Џибрил шапуће на уво и невернима? (ДНЦЗ, 152), Један од њих, онај у црвеној долами, обратио му се, без оне гордељивости којом се племићи обраћају нижима од себе (ОБ, 43), ...Не зато што у рату страдају деца и невини (ОБ, 56), Нићифор Григора је оставио записано да је Орхан послао вереници тридесет бродова, многе коњанике и највиђеније са свог двора, обећавају да ће бити вазал њеном оцу (ДС, 109), Истина је да су пренели тела славних и богатих, али је сиротиња и даље остала овде, да се по њиховим костима гази (Б, 201).

Поред правих придева, у именице се претварају и трпни глаголски придеви и радни глаголски придеви. Анализирани корпус бележи велики број примера. Издвајамо један део:

Окупљени су збуњено посматрали шта се дешава (Б, 51), Иако су окупљени у више наврата покушавали да од старца нешто дознају, Милисав је оћутао (Б, 145), Увек ће бити тлачитеља и тлчених (ДНЦЗ, 114), У тврђави су пребројавали мртве и збрињавали рањене (ДНЦЗ, 251), ...лирске чулности којом одишу само изабрани... (ССД, 153), Небројено пута су му на очи излазили мртви, крвави, обешени или бомбом разнесени (Б, 34), Иако сам имао боље оцене од већине пријављених, нисам успео да се упишем у Средњу учитељску школу (Б, 58), Запослени су имали редовне плате... (Б, 73), Цех су плаћали његови потчињени, према којима је био

5. Црвено у значењу крв.

све строжији (Б, 93), Старешине су га волеле, а потчињени поштовали (Б, 33), Не могу да верујем да се партија бавила и тако тривијалним стварима, па да је спајала и раздвајала заљубљене, држала им свећу, давала им или одрицала благослов (Б, 44), Одједном, једно вече кад сам се вратио на спавање, сусрете ме дежурни (КЦТ, 97), Узалуд је трагао по азилима за поремећене, расељене и прогнане (ГВ, 91), По њему, победиоцу је припадало све, и оно отето силом, и оно што је побеђени давао да своју слободу откупи (ДНЦЗ, 210).

Римљани су своје преминуле често сахрањивали са драгоценостима (КП, 95), ...тело умрлог треба сахранити до сутона идућег дана, иначе неће отићи у рај (ДНЦЗ, 253), Народ се сјатио око преживелих, упијао сваку њихову реч... (Б, 164), ...и обећавао да ће држава учинити све да се штета санира, а породице страдалих финансијски помогну (Б, 163), ...и где под земљом почивају кости палих у том боју? (ДНЦЗ, 80), ...како одрасли убијају једни друге (КР, 125), ...као што се тешко оболелом даје последње причешће? (ОБ, 203), Чак су и Агарени подно зидина застали, престали са сакупљањем погинулих и подигли очи ка месту на зиду одакле је допирала песма (ДНЦЗ, 259).

Поименичавају се и заменице, али ређе од правих придева и глаголских придева. Издвајамо један део примера:

Савио је оно писмо, ставио га у џеп, па се окренуо својима (Б, 23), ...окренуо се и салутирао свештенику, а затим је пожурio ка својима (Б, 51), Слутио сам да не потиче из породице пролетера, али нисам могао ни да претпоставим шта су све њени имали пре револуције – сећао се Милан (Б, 43), Видиш да ће наши да победе (КР, 72), Поздравим се са мојима: нити могу ја њима да помогнем нити могу они мени (КЦТ, 70), Сви у чети знате да су његови подмитили комисију да га прогласе способним (КП, 78), Јавили су се твоји... Требало би да их позовемо да дођу до нас (ССД, 152), Претукли су већ неколицину наших (КЦТ, 150), Мало ми је лакше откако овде има наших (КЦТ, 17).

Глаголски прилог садашњи и глаголски прилог прошли се ретко претварају у именице. Анализирани корпус бележи неколико примера:

За Стевана Арацког то је остало тајна, коју је схватио као последњу Божју милост намењену одлазећем (ГВ, 112), Овога пута он није слушао јауке рањених и умирућих (ДНЦЗ, 53), Бука и бес чују се далеко, звекет челика и јауци умирућих допиру чак до брда на коме Али-паша са својим свештеницима посматра окршај (ДНЦЗ, 248).

Почетком XX века београдски Дом за с ума сишавше био је необична и напредна институција (Л, 9).

ЗАКЉУЧАК

На основу спроведене анализе дошли смо до следећих резултата.

У великој мери се поименичавају придеви, трпни глаголски придеви и радни глаголски придеви. За потребе овог рада издвојен је само један део примера. Поименичавају се и придеви мушког рода и придеви женског рода и придеви средњег рода. Претварањем у именице придеви добијају именичку промену. Од придева су добијена и женска имена: Драга, Милена. Ова женска имена се мењају по именичкој промени и у дативу једнине имају наставак -и, а не -ој као код придева. Придеви средњег рода се ређе претварају у именице: благо, зло, добро, крупно, ситно, црвено.

У српском језику је некад тешко разликовати претварање придева у именице од изостављања именица из именичких синтагми. У лингвистици постоје мишљења да се и придев који постаје репрезент читаве синтагме третира као поименичени придев: ...и показа на младог витеза у плавом (у плавом оделу), Заједно смо отишли на Филозофски (Филозофски факултет).

Са друге стране, имена држава и покрајина у женском роду са суфиксом -ски или његовим аломорфима су добијена поименичењем: Швајцарска, Француска, Немачка, Норвешка, Данска. Такође, и имена појединих насеља су добијена поименичењем: Бањска, Рашка. Презимена на -ски добијена су, такође, поименичењем: Горјански, Црњански. Овакви примери у потпуности задржавају придевску промену.

Забележени су и поименичени трпни и радни глаголски придеви које не налазимо у литератури: окупљени, обешени, разнесени, побеђени/преживели, пали, погинули, преминули.

У мањој мери се поименичавају заменице. Најчешће се поименичавају присвојне заменице: моји, твоји, његови, њени, наши, своји.

Глаголски прилог садашњи и глаголски прилог прошли се ретко претварају у именице. Анализирани корпус бележи један поименичени глаголски прилог садашњи који не бележи литература: одлазећи. Са друге стране, анализирани корпус бележи и један глаголски прилог прошли који не бележи литература: с ума сишавше.

ИЗВОРИ

1. Јовановић, М. (2007). Сплеткарење са сопственом душом. Београд: Caligraph.
2. Михаиловић, Д. (2015). Кад су цветале тикве. Београд: Лагуна.
3. Мичета, Л. (2016). Душан Силни – биографија првог српског цара. Београд: Лагуна.
4. Олујић, Г. (2010). Гласови у ветру. Београд: Српска књижевна задруга.

5. Arsić, V. (2014). Brodolom. Beograd: Laguna.
6. Atanacković, D. (2017). Luzitanija. Zemun: Besna kobila.
7. Stojiljković, D. (2010). Konstantinovo raskršće. Beograd: Laguna.
8. Stojiljković, D. (2012). Duge noći i crne zastave. Beograd: Laguna.
9. Stojiljković, D. (2015). Kišni psi. Beograd: Laguna.
10. Stojiljković, D. (2017). Olujni bedem. Beograd: Laguna.

ЛИТЕРАТУРА

1. Јовановић, В. (2007). Конверзија у енглеском и српском језику. Ниш: Филозофски факултет.
2. Клајн, И. (2003). Творба речи у савременом српском језику, II део, Суфиксација и конверзија. Београд: Прилози проучавању српскога језика II.
3. Стевановић, Ј. (2018). Конверзија у настави српског језика. У И. Јовановић (ур.), Језици и књижевности у контакту и дисконтакту, Наука и савремени универзитет 7 (стр. 145–159). Ниш: Филозофски факултет.
4. Bujaš, Ž. (1972). Contrastive Analysis Evaluation of Conversion in English and Serbo-Croatian, Rudolf Filipović i ed, 6, 41–56.

д-р Бошко Караџов
 СОУ „Кочо Рацин“ – Велес
 Република Северна Македонија

ПАРАДИГМИТЕ И НАУЧНАТА РЕВОЛУЦИЈАТА НА ТОМАС КУН

Апстракт: Науката како организиран систем од знаења вообичаено се разликува од другите области на човековата култура по својата прогресивна природа. И денес владее уверувањето дека, за разлика од религијата, моралот и филозофијата, во научното познание и научната практика постојат одредливи стандарди преку кои можеме да воочиме подобрување на научното знаење и јасни критериуми врз основа на кои можеме оправдано да говориме за напредок во науката воопшто. Меѓутоа, ова гледиште за научното знаења како знаење кое низ вековите се наголемува по принципот на акумулација беше жестоко предизвикано од голем број на филозофи, социолози и историчари на науката во 60 – сетите и 70 – сетите години на минатиот век. Дотолку повеќе што кон поимот прогрес во науката се пристапи со сомнеж во смисла: дали воопшто прогресивноста е одлика на научното познание? Томас Кун, во денес веќе култната студија Структурата на научните револуции, предложи една критичка интерпретација на теоријата за научниот раст назначувајќи ја пресудната улога на социолошките фактори во научната практика. Со неа започна постмодерниот тренд на оспорување на привилегираниот општествен и епистемолошки статус на науката и научното познание. Па затоа во оваа статија критички ќе ја анализираме неговата теорија за научните револуции и ќе ги претставиме клучните перспективи и решенија кои истата ги заговара.

Клучни зборови: научна промена, научен напредок, револуција, научна револуција, аномалии, парадигма, промена на парадигма, социологија на познание, социологија на науката

THOMAS S. KUHN'S PARADIGMAS AND SCIENTIFIC REVOLUTION

Abstract: Science as an organized system of knowledge is usually different from other areas of human culture in its progressive nature. Today, the belief is that, unlike religion, morality and philosophy, in scientific knowledge and scientific practice, there are certain standards through which we can see the improvement of scientific knowledge and clear criteria on the basis of which we can justifiably speak about advancement in science in general. However, this view of scientific knowledge as a knowledge that has been acclimated over the centuries was disputed by a number of philosophers, sociologists and historians of science in the 1960s and 1970s. Moreover, the notion of progress in science is challenge in the sense of this question: is progression at all a feature of scientific knowledge? Thomas S. Kuhn, in today's cult book *The Structure of Scientific Revolutions*, proposed a critical interpretation of the theory of scientific growth by designating the role of sociological factors in scientific practice. It began with the postmodern trend of disputing the privileged social and epistemological status of science and scientific knowledge. Therefore, in this article, we will criti-

cally analyze his theory of scientific revolutions and outline the key perspectives and solutions that advocate it.

Key words: scientific change, scientific progress, revolution, scientific revolution, anomalies, paradigm, paradigm shift, sociology of cognition, sociology of science

ВОВЕД: НАПРЕДОКОТ ВО НАУКАТА КАКО ИСТРАЖУВАЧКИ ПРОБЛЕМ

Научниот емпиризам на Ф. Бекон и методолошкиот рационализам на Рене Декарт едногласно уверуваа дека употребата на соодветните методи во научното испитување ќе го гарантира откривањето и оправдувањето на новите научни вистини.¹ Сметаа дека новиот органон и правилата на методот ќе обезбедат наголемувања на науката во кои ќе бидат јасно и разделно воочливи практичните вредности на научното познание. Во нивниот епистемолошки оптимизам се зароди идејата за кумулативниот научен прогрес. Оваа идеја понатаму стана важен составен дел во оптимистичките модерни погледи кон науката во XVI-II век кога дури се поверува дека со наголемувањето на научното познание се наголемува и прогресот во општеството. Овие идеи ги систематизираше 1830-тата година Огис Конт во неговата позитивна програма уверувајќи дека научните истражувања можат активно да се применат во подобрувањето на општествените односи и социјалниот живот во целина. Неговиот хуманистички сциентизам од Курсот на позитивната филозофија произлезе токму од уверувањето дека растот на научното познание непосредно го условува подобрувањето на општествените услови за живот.² Кумулативната парадигма се отчтуваше и во други влијателни тенденции во XVIII век: романтичарските гледишта за органското растење на културата, Хегеловиот динамичен дијалектички приказ на историската промена на Апсолутот, теориите за социјалната и природната еволуција на Спенсер и Дарвин и др. Овие гледишта ги инспирираа епистемолошките позиции на аналитичкиот филозофи, марксистите и прагматистите за кои човековото познание воопшто е процесно и развојно по својата епистемолошка природа.³

Меѓутоа, по втората половина на XX век се појавија истражувачи на научното познание кои сметаа дека кон проблемот на прогресот во науката треба да се пристапи дијахрониски. Се појавија низа метанаучни студии кои го разлишаа долго вкоренетото гледиште дека научното познание низ вековите се развива и расте по начелата на едноставната акумулација на нови научни знаење врз темелот на старите и постоечките. Меѓу нив најзначајни беа: Моделите на откритието⁴ на Норвуд Хансон, Структурата на научните револуции⁵ на Томас Кун Против методот⁶ на Пол Фаерабенд, Методологија на научно-истражувашките проблеми⁷ на Имре Лакатош и Прогресот и неговите проблеми⁸ на Лари Лауден. Оваа

1. Francis Bacon, *Novi organon*. Zagreb: Naprijed, 1964; Рене Декарт, *Научна расправа за методот*. Скопје: Епоха, 1996

2. Lešek Kolakovski, *Filozofija pozitivizma*. Beograd: Prosveta, Sine anno; Vladimir Filipović, *Auguste Comte i pozitivizam*. Novija filozofija zapada. Zagreb: NZMH, 1983, 55-76

3. За историјата на теориите за научниот прогрес видете и споредете: John Losee, *A Historical Introduction to the Philosophy of Science*. 3-rd ed., rev. end enlarge. Oxford: Oxford University Press, 1993 и Ilkka Niiniluoto, "Scientific Progress". *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. ed. Edward N. Zalta. < <http://plato.stanford.edu/entries/scientific-progress>.>

4. Norwood Russell Hanson, *Patterns of Discovery: An Inquiry into the Conceptual Foundations of Science*. Cambridge University Press, 1958

5. Томас Кун, *Структура на научните револуции*. Скопје: Магор, 2001.

6. Пол Фаерабенд, *Против методот*. Скопје: Темплум, 2000.

7. Имре Лакатош, "Оповргавање и методологија научноистражувачких програма", у: Имре Лакатош и Аллен Масгрејв (прир.), *Критика и Раст Сазнања*. Београд: Плато, 2003, 104-225

8. Larry Laudan, "A Problem-Solving Approach to Scientific Progress", in: Ian Hacking (ed.), *Scientific Revolutions*.

дела фрлија ново светло врз академската расправа за проблемите на научната промена, научниот развој и прогрес воопшто. Тоа го интензивираше интересот за метанаучниот пристап кон науката како научна тема и предизвика промоција на интердисциплинарни соработки помеѓу историјата на науката, социологијата на науката, филозофијата на науката и сл.

НАУЧНИТЕ ПАРАДИГМИ

Томас Кун во Структурата на научните револуции⁹ ја разви својата доктрина низ категориите: нормална наука - постреволуционерна наука. Неговото дело во проблемска смисла е една оригинална анализа на условите и последиците од драматичните промени на основните научни поими, искази, закони и теории. Според него, теоријата која содржеше педагошка слика за науката како систем од знаења кои еволуционо и кумулативно се наголемуваат е фундаментална заблуда. Анализата на историјата на науката ни покажува дека поимот наука не соодветствува со поимот раст на научното знаење по пат на акумулација.¹⁰ Сите овие тешкотии се надминуваат со една нова теорија за раст на научното познание која не е кумулативна. Поточно, со една нова претстава за историјата на науката.

Првиот основен поим на Кун е концептот за нормалната наука. Под овој поим подразбира одредено истражување кое е цврсто засновано за едно или повеќе поранешни научни достигнувања за кои определена научна заедница признава дека за извесен временски период дава општа основа за понатамошната научна практика. Со други зборови, поимот "нормална наука" подразбира една севкупна подолготрајна и етаблирана научна состојба што доминира во научниот развој. Нормалната наука е единство од определени методолошки достигнувања, извесни аксиоматски епистемолошки стојалишта, една практично - нормативна структура со функција на пропишувач на упатствата за научниот опит и една пишана пропедевтичко - наставна форма или учебник во кој се содржани постигнувањата на самата наука. Затоа нормалната наука е цврсто определена и владејачка научноистражувачка дејност.¹¹

Вториот основен поим во неговата филозофија на науката е поимот "научна парадигма". Кун научната парадигма ја разбира како "она достигнување на нормалната наука, оние прифатени примери на научната практика, оние закони и теории како и нивните инструментализации кои обезбедиле модел или урнек по кој произлегуваат определени кохерентни традиции на нормалната наука во нејзиното научно истражување".¹² Со други зборови, научната парадигма е апстрахиран обврзувачки модел кој го подготвува, води и обврзува научникот во неговите истражувања. Вредностите на парадигмата како урнек - модел кој содржи метод, теорија, универзални закони, стандарди, авторитети, правила и слично, се лоцираат во фактите што без парадигмата не евозможен консензусот и приврзаноста во заедницата на практичарите на нормалната наука, ниту е возможна генезата и континуитетот на научно истражувачката традиција на нормалната наука. Според Кун, научната парадигма не може да се сведе само на доминантната теорија во науката, ниту само на методолошката рамка на научното иследување, туку таа содржи и делотворни метафизички спекулации, како Кант -

Oxford: Oxford University Press, 1981, 144-155.

9. Томас Кун, Структура на научните револуции, *op. cit.*

10. Томас Кун, Структура на научните револуции, *op. cit.*, 21-22.

11. Томас Кун, Структура на научните револуции, *op. cit.*, 31-32.

12. *Ibid.*

Лапласовата хипотеза на пример, кои на научниците во текот на еден определен период им обезбедуваат модел - проблем и модел - решение, и суштински проблемско - стратегиски насоки на истражувањето. Како вели "...со прифаќањето на парадигмата, научникот се стекнува со теорија, метод и стандарди, често во една мешавина што не може да се разлучи".¹³

Првиот проблем на определувањето на тоа кои факти се релевантни во научното истражување определувачко е врзан со парадигмата на тој начин што само таа посочува која класа факти го расветлува проблемот на истражувањето, а која не го прави тоа. Штом парадигмите овозможуваат вреднување на фактите врз основа на тоа дали соодветствуваат со предвидувањата на парадигматската теорија, тогаш е јасно дека вториот проблем на обврзувачката улога на парадигмата врз усогласувањето на теоријата со фактите се изразува во тоа што парадигмата го поставува проблемот што треба да се реши. А третиот проблем при научно - нормалната истражувачка дејност, поточно артикулацијата на теориите зависи од парадигмата на тој начин што таа е предуслов за пронаоѓањето на универзалните закони. Како вели Кун, историјата на науката не ни дава пример во кој, со чисто мерење, експериментирање без теоретски опфат, се дошло до универзален закон. Законите не се пронаоѓаат без теоријата, а теоријата се артикулира по стандардите на парадигмата.¹⁴

Во однос на проблемот на решавањето на загатките нормалната наука се одликува со тоа што во тој период сосема малку и недоволно се стреми научното истражување кон создавањето на крупни научни новини, било појмовни било појавни. Кун во историјата на науката воочува дека тековната нормална наука нема за цел да даде суштински новини, туку нејзината цел се исполнува во зголемувањето на обемот и прецизноста со кои може да се ползува парадигмата. Причините ги лоцира во тоа што заедно со парадигмата научната заедница се стекнува и со критериумот за избор на проблемите, кои додека парадигмата се прифаќа, проблемите на кои укажува се претпоставуваат како решливи. Другите проблеми кои претходно биле стандардни, или се отфрлаат како псевдонаучни, или како проблем на друга дисциплина, или како премногу проблематични за да се троши времето на нив. Поради овие причини, парадигмата во смислата на Кун има способност да ја оттргне научната заедница од некои проблеми кои можат да бидат социјално значајни или научно битни, но кои не се во сведливи во формата на парадигматската загатка.

НАУЧНИТЕ РЕВОЛУЦИИ

Томас Кун уверува одлучувачка релација меѓу аномалиите во науката и појавата на научните откритија. Низ историските епизоди на аномалиите кои придонеле за одредено научно откритие Кун ги екстрахира следниве услови кои иницираат криза во науката и потреба од промена на парадигмите: (а) аномалиите или несогласувањата на емпирииската евиденција со очекувањата или предвидувањата кои ги поттикнува парадигмата која е владејачка во нормалната наука каде се јавува аномалијата, (б) ново научно откритие кое не соодветствува со парадигмата, (в) постоење на експликативна и предиктивна немоќ и (г) јавувањето на нова научна теорија која раскинува со старата и нужно ја повлекува и промената на парадигмата.¹⁵

13. Ibid 168.

14. Томас Кун, Структура на научните револуции, op. cit., 52-55.

15. Ibid. 110-122.

Се додека орудијата што ги обезбедува тековната парадигма, како методите, теоријата, практичните стандарди и правилата се во состојба да ги решат проблемите и кризите во науката кои ги одредува парадигмата, се дотогаш науката се движи во забрзано темпо со сувереноста на своите парадигматски орудија. Кога орудијата на парадигмата ќе престанат да функционираат, тогаш нормалната наука стагнира, нема раст во неа се додека не се промени самата парадигма. Кога некој “нормален” проблем кој треба да биде решлив со познатите правила и процедури се спротивставува на повторените обиди на најспособните членови на групата во чија научна надлежност е проблемот или кога дел од опремата што е смислена и конституирана за целите на едно “нормално” истражување не се однесува по однапред определениот начин, по однапред планираниот начин откривајќи отстапување, аномалии, девијации кои и покрај упорните повторувања не можат да се усогласат со професионалните очекувања, тогаш се превземаат необични истражувања кои професијата ја насочуваат кон ново множество принцип, кон нова основа за примена на науката или општо кажано, кон нова парадигма. Овие необични епизоди во кои се одвива пресвртот во професионалните определби, Кун ги нарекува научни револуции. Конкретно, научната револуција е необичен случај во историјата на науката предизвикан од аномалиите кои ја уриваат постојната традиција на научната практика во одредена дисциплина.¹⁶ Природата, нужноста и карактерот на научните револуции како драматични промени на парадигмата и специфични одговори на кризите во нормалната наука Кун ги поставува како категории низ кои може да се вреднува научниот прогрес бидејќи нивната функција во растот на научното познание е одлучувачка. Промената на парадигмата, Кун ја нарекува научна револуција затоа што постои еден очигледен паралелизам помеѓу научните и политичките револуции. Поточно, како што политичките револуции се инаугурирани со чувството дека постојните институции престанале адекватно да ја вршат својата функција и престанале адекватно да реагираат на проблемите наметнати од околината, кои проблеми делумно и самите институции ги создале, така и научната револуции се инаугурираат со растечкото чувство дека постојната парадигма престанала адекватно да си ја врши функцијата во истражувањето на некои аспекти од природата кон кои аспекти самата претходно го посочила патот. И во науката и во политиката, чувството за нарушени функции доведуваат до криза и претпоставка за револуција. Како кризата ја намалува улогата и влијанието на политичките институции, така кризата во науката ја намалува улогата на парадигмата, или како што членовите на општеството се принудени да се поларизираат за или против општествената промена, така и во науката членовите секогаш се за или против новата парадигма.¹⁷

Како што цел на политичките револуции е промената на институциите на начин на кој самите институции тоа го забрануваат, па успехот на револуцијата нужно повлекува рушење на претходните и поставување нови институции, така идентично научните револуции се со цел да се промени парадигмата, но воедно нужно по себе повлекуваат потреба од поставување нова парадигма. По нужноста за воспоставување на нова парадигма по револуцијата, следен проблем е која од ривалските парадигми да се избере по кризата. Изборот на една меѓу компетитивните парадигми - ривали секогаш е избор на инкомпатибилни

16. Ibid., стр. 145

17. Ibid., стр. 146-147.

начини на живот во научните заедници. Кун смета дека во расправата за изборот на постреволуционерната парадигма секоја група ја користи сопствената парадигма за да предложи аргументи во одбраната на супериорноста на сопствената парадигма. Затоа аргументите во постреволуционерната расправа се транзеутни, незасегливи меѓу себе. Поточно, сите аргументи се основани на сопствената парадигма. Па затоа, како и во политичките револуции, така и во изборот на постреволуционерната парадигма нема стандарди кои се надредени над несогласувањата на релевантните научни заедници. Врз основа на овие претпоставки, Кун ја дава својата основна социолошка поента дека разбирањето на научната револуција, научниот прогрес и начините на поставувањето на новата парадигма не значи повикување на логичките релации меѓу новото и старото, туку победата на новата парадигма после револуцијата зависи од факторите кои се различни од логиката и природата на самите научни содржини, поточно од техниките на аргументација и убедување на научните заедници, од општествено - политичките околности, економската исплатливост, политичко - стратешките импликации, дури и правните околности и слично.

За Кун разликите помеѓу парадигмите на нормалните науки и парадигмите на постреволуционерната наука се нужни и непомирливи. Новата парадигма говори за нови научни објекти, нови методи, нови стандарди за решенијата, нов корпус на загатки и најбитно, ново дефинирање на соодветната наука.

ЗАКЛУЧОК

Епистемолошката историја на науката е историја на револуционерни промени на научните парадигми. Оваа филозофија на науката претставува прво драматично раскинување со модерната слика за науката во неколку клучни позиции. Како прво, вклучувањето на метафизичките и вредносните принципи во науката се во дисконтинуитет со традиционалната и позитивистичката слика за науката. Како второ, односот кон аномалиите се коси со примената на хипотетичко – дедуктивниот метод како алатка на модерната наука. И како трето, најсуштинско, изборот на соперничките елементи на парадигмата е условен од вон логички или социолошки фактори. Со ова започна постмодерниот тренд на оспорување на привилегираниот општествен и епистемолошки статус на науката и научното познание.

РЕФЕРЕНЦИ

1. Bury, J.B. The Idea of Progress. Project Gutenberg CD. (ed. and prod.) Michael Hert, August 2003, CD-ROM.
2. Faerabend, Pol. "Kako zaštititi društvo od nauke". u: N.Sesardić (prir.), *Filozofija nauke: Zbornik tekstova*. Beograd: Nolit, 1985, 350-365.
3. _____.. Против методот. Скопје: Темплум, 2000.
4. _____.. "Утехе за специјалиста", у: Имре Лакатош и Ален Масгрејв (прир.), *Критика и Раст Сазнања*. Београд: Плато, 2003, 226-263.
5. _____. "Методологија научноистражувачких програма", у: Имре Лакатош и Ален Масгрејв (прир.), *Критика и Раст Сазнања*. Београд: Плато, 2003, 353-385.
6. Гордић, Александар. "Социолошки аспекти научног подухвата. Парадигме, револуције и кумулативност". поговор у: Имре Лакатош и Ален Масгрејв (прир.). *Критика и Раст Сазнања*. Београд: Плато, 2003, стр. 411-415.

7. Ѓошевски, Мирко. "Филозофските основи на современата наука", во: Б. Вељаноски и Д. Јакимовски (прир.), Хрестоматија по филозофија на науката. Зборник на текстови, Скопје: 2003, 32-43.
8. Hacking, Ian. "Lakatos's Philosophy of Science", in: Ian Hacking (ed.), *Scientific Revolutions*. Oxford: Oxford University Press, 1981, 128-143.
9. _____.. "Introduction", for: Ian Hacking (ed.), *Scientific Revolutions*. Oxford: Oxford University Press, 1981.
10. Kemeny, John. *A Philosopher Looks at the Science*. London: D. Van Nostrand Company, 1959.
11. Кун, Томас. Структура на научните револуции. Скопје: Магор, 2001.
12. Lakatos, Imre. "Historija nauke i njezine racionalne rekonstrukcije", u: N. Sesardić (priir.), *Filozofija nauke: Zbornik tekstova*. Beograd: Nolit, 1985, 266-312.
13. Лакатош, Имре. "Оповргавање и методологија научноистраживачких програма", у: Имре Лакатош и Ален Масгрејв (прир.), *Критика и Раст Сазнања*. Београд: Плато, 2003, 104-225.
14. Laudan, Larry. "A Problem-Solving Approach to Scientific Progress", in: Ian Hacking (ed.), *Scientific Revolutions*. Oxford: Oxford University Press, 1981, 144-155.
15. Losee, Jonh. *A Historical Introduction to the Philosophy of Science*. 3-rd ed., rev. end enlarge. Oxford: Oxford University Press, 1993.
16. Марковић, Михаило. *Филозофски основи науке*. Београд: САНУ, 1981.
17. Nejgel, Ernest i Moris Koen. *Uvod u logiku i naučni metod*. Beograd: Zavod za izdavanje udžbenika, 1982.
18. Nejgel, Ernest. *Struktura nauke*. Beograd: Nolit, 1974.
19. Niiniluoto, Ilkka. "Scientific Progress". *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. ed. Edward N. Zalta. 30.08.2005. < [http:// plato.stanford.edu/entries/scientific-progress](http://plato.stanford.edu/entries/scientific-progress).>
20. O'Hear, Anthony. *An Introduction to the Philosophy of Science*. Oxford: Oxford University Press, 1989.
21. Pap, Arthur. "Does Science Have Metaphysical Presuppositions?", in: H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), *Readings in the Philosophy of Science*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953, 21-33.
22. Shapere, Dudley. "The Revolt Against Positivism. Meaning and Scientific Change", in: Ian Hacking (ed.), *Scientific Revolutions*. Oxford: Oxford University Press, 1981, 28-59.
23. Wiliams, Henry Smith. *A History of Science*. Vol. I.-IV, Project Gutenberg CD. (ed. and prod.) Michael Hert, August 2003, CD-ROM.

д-р Ана Кечан
 Интернационален Балкански Универзитет
 Република Северна Македонија

СТИЛИСТИКА - ИНТЕГРИРАЊЕ НА КНИЖЕВНОСТА И ЈАЗИКОТ ВО НАСТАВАТА

Апстракт: Во денешно време читањето на книжевни текстови е активност којашто е речиси пред изумирање, особено кај студентите, а од друга страна изучувањето на странски јазик е во постојан пораст. Затоа е интересно да се види како овие две области може да си помогнат – книжевноста може да ги зголеми мотивацијата, интересот и активноста кај студентите, а јазичните активности може да им помогнат на учениците да ги совладаат дури и потешките книжевни текстови и да им даде чувство на достигнување. Во овој есеј ќе претставиме неколку начини на интегрирање на книжевноста и јазикот, со фокус врз стилистиката.

Клучни зборови: книжевност, јазик, стилистика, студенти.

STYLISTICS - INTEGRATING LITERATURE AND LANGUAGE TEACHING

Abstract: In a world where reading literature is becoming an almost extinct activity, especially among students, and language learning is seeing an ever-increasing rate, it is interesting to look at ways in which these two fields can help one another out. Literature can help increase motivation, interest and activity among language students, whereas language activities can help students tackle even the more difficult texts and give them a sense of accomplishment. This essay will look at several approaches to integrating literature and language, with a focus on stylistics.

Keywords: literature, language, stylistics, students.

Teachers nowadays have a very difficult job of keeping students interested and motivated: the literature teachers have a difficult time trying to make their students read the original literary works (and not the summaries found online or the movie versions) and the language teachers are struggling with boring coursebooks containing non-authentic and demotivating texts on the same old topics (hobbies, food, movies, holidays, etc). It is therefore worth taking a look at some ways in which these two areas can be integrated and help the problem with student motivation and interest.

According to Lazar (1993), when using literature in the language classroom, a distinction should be made and that is the distinction between the study of literature and the use of literature as a resource for language teaching. The study of literature makes literature itself the content or subject of a language course, while the use of literature as a resource draws on literature as one source among many different kinds of texts for promoting interesting language activities. There are numerous reasons and benefits to using literature in the language classroom. Collie and Slater (1987) mention the following:

- » It is valuable authentic material
- » It adds towards a cultural enrichment of the students
- » It also adds towards a language enrichment
- » It provides opportunities for personal involvement

Lazar (1993) goes on to add more reasons to the above-mentioned ones:

- » It is very motivating
- » It has general educational value
- » It is stimulus for language acquisition
- » It develops students' interpretative abilities
- » Students enjoy it and it's fun
- » It is highly valued and has a high status

Let us go into detail on a few of these. Literature, for example, is motivating for several reasons. One would be the high esteem in which literary texts are held in many countries in the world and tackling literary texts in a foreign language would give the students a real sense of achievement. They would also provide points of comparison between theirs and the foreign culture and also expose the students to complex themes and fresh, unexpected uses of language. The exposure to foreign cultures is particularly motivating if the student is ever to visit the country or even more so, if they know they never will and literature is the only way for them to experience a particular culture. The way in which literature helps acquisition of a foreign language, for example, is by providing meaningful and memorable contexts for processing and interpreting new language, as the contexts provided by the coursebooks are generally very restricted. Widdowson (in *ELT journal* 37/1) has argued that literature is a particularly good source for developing students' abilities to infer meaning and to make interpretations. This is because literary texts are often rich in multiple levels of meaning and demand that the reader/learner is actively involved in teasing out the unstated implications and assumptions of the text. While doing this, students are also providing a personal response to the text, expressing their views or feelings on a given topic and are therefore increasing their emotional awareness as well.

So, how does one decide on which literary work to use with his/her students? The choice would obviously depend on the group of students and their needs, interests, cultural background and language level. Collie and Slater, however, also suggest that "one primary factor to consider is ... whether a particular work is able to stimulate the kind of personal involvement ... by arousing the learners' interest and provoking strong, positive reactions from them" (1987:6).

When it comes to common approaches to teaching literature, Lazar outlines three different ones: a language-based approach, literature as content and literature for personal enrichment. The first approach helps integrate the language and literature syllabuses more closely, for it involves a detailed analysis of the language of the literary text, therefore increasing their general awareness and understanding of the language. The second approach is the traditional approach to teaching literature, and it concentrates on areas such as history, literary movements, the social, political and historical background to a text, genres, etc. Language is also being acquired here, by reading set texts and literary criticism. The third approach helps students to become more actively involved both intellectually and emotionally in learning the language, therefore aiding their acquisition of language.

Collie and Slater outline their own approach, in an effort to "complement more conventional approaches and so diversify the repertoire of classroom procedures" (1987:8). The aims of their approach are the following:

- » Maintaining interest and involvement by using a variety of student-centered activities
- » Supplementing the printed page

- » Tapping the resources of knowledge and experience within the group
- » Helping students explore their own responses to literature
- » Using the target language
- » Integrating language and literature

The overall aim of this approach being to “let the student derive the benefits of communicative and other activities for language improvement within the context of suitable works of literature” (10). In their experience, they have found that it is important to vary the activities as any single approach can become tedious to students. They, therefore, use role play, improvisation, creative writing, discussions, questionnaires, visuals and such activities. Pair work and group work are also extremely helpful in the context of using literature as they are with other, purely language activities. It is also important to use activities which help students to acquire the confidence to develop, express and value their own response. Even though not all students may have the linguistic capabilities to respond to a literary text, it is important to only encourage target language use, as there are a number of ways in which they can be helped to express their response either non-verbally or by using their limited linguistic repertoire.

The integration of literature and language invariably leads us to stylistics. Stylistics, which involves “the close study of the literary text itself, has two main objectives: firstly, to enable students to make meaningful interpretations of the text itself; secondly, to expand students’ knowledge and awareness of the language in general” (Lazar, 1993:29). According to Simpson (2004:2), stylistics is “a method of textual interpretation in which primacy of place is assigned to language.” The reason why language is so important is that linguistic structure is an important index of the function of the text and the text’s functional significance leads to its interpretation. It is an erroneous perception that a stylistic analysis only involves the counting of nouns, verbs, etc. in a text, for it acknowledges that utterances are produced in a time and a place, and in a cultural and cognitive context – taking all of these extra-linguistic parameters into account, stylistics can give a full analysis. Doing stylistics means exploring the creativity in language use, and conforming to these basic three principles, which Simpson (3) casts as the three R’s:

- » Stylistic analysis should be rigorous
- » Stylistic analysis should be retrievable
- » Stylistic analysis should be replicable

Rigorous means that the analysis should be based on an explicit framework; retrievable means that the analysis is organized through explicit terms and criteria, the meanings of which are agreed upon by other students of stylistics; and replicable means that the methods should be sufficiently transparent as to allow other stylisticians to verify them, either by testing them on the same text or applying them beyond that text.

Jeffries and McIntyre argue that “stylistics draws upon model and theories from other fields more frequently than it develops its own unique theories” (2010:3) because it is a meeting point for many sub-categories of linguistics, literary studies and psychology. Widdowson (1975:4) says that “stylistics can provide a way of mediating between two subjects: English language and literature”.

According to Lazar (30), for the language learner, stylistics has the advantage of illustrating how particular linguistic forms function to convey specific messages. It uses terminology and a set of procedures reasonably familiar to students to reach and justify literary intuitions. In this way it not only helps students to use their existing

knowledge of the language to understand and appreciate literary texts, it also deepens their knowledge of the language itself. Stylistic analysis can also provide a way of comparing different types of texts in order to ascertain how they fulfil different social functions. Widdowson gives the example of students being asked to compare the description of a character in a novel with the information about someone given in a letter of reference or on a medical form.

Lazar outlines a very simple procedure for devising activities for students which use stylistic analysis and it involves two steps: in step 1 one should note down any linguistic features which are particularly noticeable in a text (noticeable perhaps because they recur with unexpected frequency, or they deviate from the grammatical or lexical norms, etc.), whereas in step 2, one should develop a series of questions which alert students to these features, and encourage students to reach an interpretation or appreciation of the text bearing these features in mind.

The outlined procedure is simple enough to be used by novice and experienced teachers alike and is one that would, in our opinion, contribute to greater motivation and interest in students when it comes to dealing with literary texts, as well as offer more, and more authentic, variety of contexts for language students.

REFERENCES

1. Collie, Joanne & Slater, Stephen. *Literature in the Language Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
2. Jeffries, Leslie and McIntyre, Daniel. *Stylistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Lazar, Gillian. *Literature and Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
4. Simpson, Paul. *Stylistics*. London: Routledge, 2004.
5. Widdowson, H.G. *Talking shop: H. G. Widdowson on literature and ELT*. *ELT Journal*, Volume 37, Issue 1, 1 January 1983, Pages 30–35.
6. Widdowson, H.G. *Stylistics and the Teaching of Literature*. London: Routledge, 1975.

Алла Алексеевна Шатовкина
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

«ПОЭМА ЗАСТАВЫ» М.И.ЦВЕТАЕВОЙ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается художественно-тематическая организация «Поэмы заставы» М.И.Цветаевой, позволяющая выявить мотивационные предпосылки, благодаря которым на страницы лирической книги «После России» возвращается тема социального неравенства, начатая циклом «Заводские». Обращение к эпистолярному и дневниковому наследию, филологический анализ, включающий рассмотрение жанровых, композиционных, структурных, пространственно-временных и интертекстуальных особенностей стихотворения позволяют воссоздать историко-биографический контекст, связанный с чешским периодом жизни в статусе эмигранта и с воспоминаниями о гибели младшей дочери.

Ключевые слова: М.И.Цветаева, лирическая книга «После России», «Поэма заставы», тема, жанр, композиция, пространственно-временная организация

«POEM OF OUTPOST» MARINA TSVETAEVA: HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL CONTEXT AND THE SPECIFICITY OF THE ARTISTIC STRUCTURE

Annotation: The article discusses the artistic and thematic organization of the "Poem of Outpost" by M.I. Tsvetaeva, which makes it possible to identify the motivational prerequisites that make the topic of social inequality, begun by the "Factory" cycle, return to the pages of the lyric book "After Russia". Appeal to the epistolary and diary heritage, philological analysis, including consideration of genre, compositional, structural, spatial-temporal and intertextual features of the poem allow you to recreate the historical and biographical context associated with the Czech period of life in the status of emigrant and with memories of the death of the younger daughter.

Keywords: M.I. Tsvetaeva, lyric book "After Russia", "Poem of Outpost", theme, genre, composition, space-time organization

В феврале 1923 года, размышляя о лирике, в письме к Б.Л.Пастернаку Цветаева писала: «Лирические стихи (то, что называют) – отдельные мгновения одного движения: движение в прерывности.<...> В книге (роман ли, поэма, даже статья!) этого нет, там свои законы. Книга пишущего не бросает, люди – судьбы – души, о которых пишешь, хотят жить» (здесь и далее курсив М.Ц.) [3, 40]. Точка зрения поэта демонстрирует одну из особенностей композиционного строения книги «После России»: упорядочение стихов «по внутренней принадлежности» и возврат на её страницы героев и тем, о которых, казалось, уже всё было сказано в предшествующем творчестве.

Тема социјално-класовог неравенства не является доминирующей в «После России», но каждое стихотворение содержит крупницы предыдущего жизненного опыта, говорящие о противоестественной для Цветаевой действительности. Пережитое иногда возвращалось, спровоцированное воздействием новых впечатлений. Так, результатом прогулки по рабочим окраинам Праги и посещением Свободарни – общежития, в котором на тот момент жил Сергей Эфрон в августе 1922 года, – явился спустя месяц цикл «Заводские», почти следом – «Хвала богатым» и «Спаси Господи, дым!». Ровно через семь месяцев после появления «Заводских» (23 сентября 1922 года) 23 апреля 1923 года Цветаева пишет «Поэму заставы» – весьма любопытное совпадение в случае пристрастного внимания поэта ко всякому его выражению.

Т.М.Геворкян в статье «Об одной рифме в книге Марины Цветаевой “После России”» отмечает: «Стихов с социальной подоплёкой в “После России” совсем немного. <...> Но суть не в количестве. Важно то, что в книгу насквозь интимную, любовно-лирическую, вошли чуть ли не все стихи Цветаевой, напрямую говорящие о социальной несправедливости» [1, 164-165]. Что же на этот раз сыграло роль пускового механизма в жизни поэта, позволившего разбавить интимно-лирическую атмосферу «После России» поэмой с социальной подоплёкой?

Ответ отчасти присутствует в словах Цветаевой о «законах книги»: «люди – судьбы – души, о которых пишешь, хотят жить». Добавим: жить естественной, простой жизнью, не предусматривающей ни социальных, ни идеологических разногласий, с которыми поэту постоянно приходилось сталкиваться в последний период жизни в России, и которые вновь приходилось испытывать в эмиграции. Имея за плечами тяжёлый и горький опыт выживания, Цветаева отрицательно относилась ко всяким националистическим и народническим идеям, развивавшимся в эмигрантской среде. В этой связи обратимся к письмам Цветаевой с февраля по май 1923 года к Р.Б.Гулю – участнику Белого движения, эмигранту, писателю и критику, знакомство с которым в Берлине стало одним из первых новых знакомств поэта. «Готовлю к апрелю книгу прозы (записей). Вроде духовного (местами бытового) дневника. <...> Чувствую, вообще, отвращение ко всякому национализму вне войны. – Словесничество. <...> Гуль, народность – тоже платье, м.б. – рубашка, м.б. кожа, м.б. седьмая (последняя), но не душа» [5: т. 6, 521]. Другими словами, для поэта (души) не существовало отдельных тем в жизни, она сама была единым – «одним движением». В чём и убеждаемся далее: «А у нас весна: вербы! Пишу, а потом лезу на гору. <...> Русь или нет, – люблю и никогда не буду утверждать, что у здешней берёзы – “дух не тот”. <...> Я скоро перестану быть поэтом и стану проповедником: против кривизн» [5: т. 6, 521].

Цветаева 17 февраля 1923 года поясняет Гулю, о какой книге прозы идёт речь: «А Вам на Ваши вопросы отвечаю следующее: 1) Книга записей (быт, мысли, разговоры, сны, рев^олюционная Москва, – некая душевная хроника) 2) объединена годами (от 1917 г. по конец 1918 г.) и моей сущностью: ВСЁ, В ИТОГЕ, ПРИХОДИТ К ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ» [5: т.6, 522]. Переговоры об издании книги Цветаева ведёт с А.Вишняком, руководителем берлинского издательства «Геликон». В среде печатающихся эмигрантов Вишняка нередко именовали Геликоном. Так называет его и Цветаева, когда в следующем письме Гулю сообщает о своих новостях: «Два слова о делах. Геликон ответил, условия великолепные... но: вне политики. Ответила в свою очередь. <...> ПОЛИТИКИ в книге нет: есть страстная правда: пристрастная правда холода, голода, гнева, Года! У меня младшая девочка

умерла с голоду в приюте, – это тоже “политика” (приют большевистский). <...> Это не политическая книга, ни секунды. Это – живая душа в мёртвой петле – и всё-таки живая» [5: т. 6, 523]. Последняя цитата из майского письма: «Это книга живой жизни и правды, т.е. политически (т.е. под углом лжи!) заведомо проваливается. <...> Единственное, что читаю сейчас – Библию» [5: т. 6, 528].

Т.М.Геворкян в статье «Об одной рифме...», производя условное деление первой части книги («Тетрадка первая») на три раздела, считает стихотворения первого из них (большую часть) адресованными А.Вишняку. Это бесспорно. Второй раздел назван «лирикой крайнего отрешения» и появление стихотворений с социальной тематикой (цикл «Заводские», «Хвала богатым», «Спаси Господи, дым!») относится ею на счёт «непосредственного впечатления от прогулки по рабочим окраинам Праги» [1, 164]. С этим можно согласиться отчасти, поскольку непосредственность впечатления была реализована спустя месяц, а содержание «Заводских» прямо указывает не только на впечатление от прогулки, но и на испытания, пережитые прежде. Наблюдения же, представленные по поводу «Поэмы заставы», считаем в корне неверными. Находясь в третьем разделе, посвящённом Пастернаку, поэма, по оценке исследователя, вписана поэтом в общую канву книги лишь на основании рассматриваемой рифмы («...изн – жизнь»), которая призвана защитить социальную тему «от подозрения в периферийности». Исследователь указывает, что название стихотворения поэмой мотивируется «значимостью темы», не получившей дальнейшего развития и при этом отмечает, что использование второго компонента рифмы в строке «Буду петь – последнюю жизнь!» выступает в новом значении: «жизнь последней, самой низшей ступеньки общества» [1, 164-165]. Под таким углом зрения появление «Поэмы...» в период заочной «увлечённости» Цветаевой Пастернаком выглядит чуть ли не случайностью, которую не может компенсировать заявленная «значимость темы». Тем более, что жизнь низшей ступеньки общества была как нельзя лучше представлена в цикле «Заводские» семью месяцами ранее.

Цветаевские цитаты, взятые из эпистолярных источников: о лирике и о книге, имеющей свои законы, о кривизне мира, о его заставах (жизненных рубежах), о читаемой в указанное время Библии – частичное доказательство атмосферы того периода, сгущавшейся вокруг поэта и послужившей толчком к возврату «застав» как мест «жизни, где жить нельзя» [4: т. 3, 48].

Лиро-эпическое вступление в поэму представляет своего рода поэтический манифест переживаемого периода. Автор, оставаясь «мнимым и невидимым» [2, 79], выбирает из своей «сокровищницы подобий» [2, 73] скромные метафорические формулировки: «А покамест пустыня славы/Не засыпет мои уста,/Буду петь мосты и заставы,/Буду петь простые места//А покамест ещё в тенётах/Не увязла – людских кривизн,/Буду брать – труднейшую ноту,/Буду петь – последнюю жизнь!» [2, 75]. Анафорический повтор позволяет максимально расширить семантическое значение авторского оксюморона «пустыня славы». Пустое (безжизненное) славословие (молва) – один из признаков людских кривизн («тенёт»), который в данном случае является не только способом ловли поэта, но и средством (песок) лишить его голоса. Простота мест («мосты и заставы») лишь на первый взгляд является таковой благодаря стилистическому сочетанию архаической и просторечной лексики. Их описание оказывается «труднейшей нотой», поскольку «тенётами кривизн» не предусматривается прямое и правдивое изображение простых мест и «последней жизни» в них.

Метрико-ритмическое строение поэмы характеризуется разноразмерностью каждой из трёх композиционных частей, и, кроме того, несколько раз меняется в первой из них. Таким образом, интонационная выразительность обретает декламационное и речитативное своеобразие, оправдывающее тематическую и жанровую специфику стихотворения.

В третьей и четвёртой строфах первой части формируется и детализируется пространство, обозначается время действия: «Жалобу труб/Рай огородов/Заступ и зуб/Чуб безбородых//День без числа/Верба зачахла/Жизнь без чехла:/Кровью запахло!» [2, 75]. Фабричная окраина с неизменными атрибутами – трубами дополняется огородами, саркастически именуемымися автором: «Рай». Орудие труда, представленное как в названии, так и через метафорическое «подобие» («зуб») развивает внешнюю образную характеристику присутствующих в пространстве субъектов, данную метонимией («чуб»). Неопределённость времени при отсутствии начала и конца («день без числа») подчёркивает длительность, неизбежность процесса и незащищённость «безбородых чубов» («без чехла»).

Следующие две строфы, меняя ритмический и темповый рисунок поэмы, передают, возникшее было, возмущение складывающейся ситуацией и решимость присутствующих её изменить. Однако попытка безжалостно погашается автором, который, детализируя героев (потные: толстые и тощие), по принципу композиционного усиления и анафорического повтора развивает мысль о нереальности и, следовательно, о неосуществимости попыток покинуть «рай», несмотря на запах крови: «Потных и плотных,/Потных и тощих:/– Ну да на площадь?! –/Как на полотнах –//Как на полотнах/Только – и в одах:/Рёв безработных,/Рёв безбородых» [2, 76]. В данном случае вопрос-восклицание реализуется не как риторическая фигура, а как реплика, принадлежащая «чубам», представляя «полифоническое» (М.М.Бахтин) многоголосие. Это проявляется на лексико-стилистическом уровне, причём звуковая сила «рёва» погашается выразительностью изображения, сравниваемого с художественным полотном.

Заключительные строфы первой части поэмы композиционно выделяются не только метрико-ритмическим строением, но и количеством строк: «Ад? – Да,/Но и сад – для/Баб и солдат,/Старых собак,/Малых ребят» [2, 76]. За риторическим вопросом следует авторская точка зрения на представленную в своей неизменности пространственно-временную ситуацию. Поэт лаконично подтверждает неразрывную слитность изначально оппозиционных понятий рай – ад, подробно перечисляя беззащитные категории населения. Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что «старые собаки» в авторской иерархии беззащитности находятся выше «малых ребят». Следовательно, последние, по мнению Цветаевой, и являются самыми незащищёнными.

Следующая строфа обнаруживает голосовое присутствие ещё одного субъекта: «“Рай – с драками?/Без – раковин/От устриц?/Без люстры?/С заплатами?!”» [2, 76]. Лексическое содержание речи «оппонента», благодаря неуместному, фальшивому тону, представляет мещанскую категорию «людских кривизн». Демонстрируя социальное и пространственное расхождение субъектов и завершая первую часть поэмы, автор саркастически реагирует на напыщенное и сытое недоумение: «– Зря плакали:/У всякого – /Свой» [2, 76].

Четыре строфы второй части поэмы не содержат метрико-ритмических перебивок, но метафорическая насыщенность, анафорические повторы, лексический и синтаксический параллелизм в композиционном строении, обилие

восклицательных знаков позволяют говорить о смысловой и интонационной выразительности. Ход поэтической мысли автора запечатлён в черновой тетради Цветаевой того периода: несколько набросков к поэме помечены как «Строки из Пустыни славы» [6, 138-139]. И хотя из восьми черновых строк в поэму была взята лишь одна («Буду петь – последнюю жизнь!»), интерес представляют авторские пометки, согласно которым становится понятен композиционный контур поэмы. В частности, ко второй её части, вероятно, относится цветаевская запись: «Библейские беды». Она усиливает интерпретационную версию, несмотря на то, что и сам текст содержит в себе связь с библейским источником: «Здесь страсти поджары и ржавы:/Держав динамит!/Здесь часто бывают пожары:/Застава горит!//Здесь ненависть оптом и скопом:/Расправ пулемёт!/Здесь часто бывают потопы:/Застава плывёт!» [2, 76]. Уже само художественное сопоставление позволяет говорить о временном постоянстве описываемых ситуаций. Их повторяемость, так же как и общая статичность времени отмечается на грамматическом уровне. Авторская экспрессия не приемлет мнимую естественность данных событий через аналогию и противопоставление художественной действительности с библейскими катаклизмами. Негодование поэта граничит с недоумением: самые непрехотливые и древние в своей исконности желания людей («страсти поджары и ржавы»), живущих в фабричных районах, – взрывоопасная смесь для государственных устоев («держав динамит»)! Однако, поэт равнодушен и к случающимся народным волнениям, которые имеют массовый, всеобъемлющий характер («ненависть оптом и скопом»), и к скорому кровавому подавлению народных возмущений («расправ пулемёт»). Таким образом, «простая жизнь» на неограниченной временной шкале оказывается неизменной в постоянстве одних и тех же событий.

В чём же выражается «простота жизни»? «Здесь плачут, здесь звоном и воем/Рассветная тишь/Здесь отрочества под конвоем/Щебечут: шалишь!//Здесь платят!Здесь Богом и Чортом,/Горбом и торбой!/Здесь молодости как над мёртвым/Поют над собой» [2, 77]. Образы «чубов безбородых», «потных и плотных, потных и тощих, малых ребят» обретают окончательную завершённость, представленные как человеческая возрастная категория («отрочества», «молодости»). Абсолютная незащитность и несправедливость «отрочеств» (щебет под конвоем), дальнейшая беспросветность жизни приводят к тому, что яркий, казалось бы, период «молодости» рождает негативные по содержанию, лишённые будущего мысли («как над мёртвым поют над собой»). Анафорический повтор (Здесь плачут! Здесь платят!), предваряющий отрочества и молодость, представляет их основные категориальные отличия. Кроме того, «пение как над мёртвым» утверждает единство, а не отличие добра и зла (Бог – чёрт), труда и нищеты (Горб – торба). Демонстрируя эти понятия через соединительный союз, последней строкой автор лишь завершает оппозиционный распад.

Заключительная часть поэмы обладает настолько сгущённым смыслом при малом формальном объёме (шесть строк, четвёртая из них – разорвана), что основную поэтическую мысль трудно было бы представить без обращения к авторским, по счастью, сохранившимся, черновым записям. Не использованные строки «Мир о коем досель молчали/Лиры .../... в начале/И петля на худой конец» и скобочное замечание-пояснение под ними «(Крюк на к<отор>ом висит колыбель, превращается в крюк для петли.)» [5, 139] позволяют восстановить смысл, содержащийся в двух семантических цепочках, основные образы которых – «матери» и «отцы»: «Здесь матери, дитя заспав.../– Мосты, пески, кресты застав!

– //Здесь младшую купцу пропив.../Отцы.../– Кусты, кресты крапив...//– Пусти/– Прости» [2, 77]. Поступок матери, которая во время сна – случайно душит или давит младенца, ненамеренно обрывая несостоявшуюся жизнь, метафорически отражается и утверждается деталями пространства, подчёркивающими вездесущность смерти (мн. ч., разнообразный ландшафт). Поступок отца усугублён пороком пьянства: его бессознательность уже иного качества и губит дочь тем, что прерывает цепь естественного развития (детство – отрочество – юность) – отрочество («младшую») погибает («купцу пропив») не реализовавшись в юность. В фольклоре «кресты крапив» ассоциируются с ритуальным обрядом заклинания зла (сплетённые стебли укладывали в «красных» углах домов в виде креста). В данном случае, на наш взгляд, они характеризуют разницу между матерью, которая может прийти на могилу младенца (кресты застав) и отцом, который заживо хоронит ребёнка, уходя от беспросветной действительности в пьянство, забываясь от всех и вся в кустах крапивы («кусты, кресты крапив»). Третья часть, таким образом, композиционно реализует анафоры «Плачут!» и «Платят!».

Отношения родителей и детей, продемонстрированные И.С.Тургеневым в романе «Отцы и дети», в «Поэме заставы» представлены Цветаевой в ином ракурсе и развитии. Две однословные строки, завершающие поэму: «– Пусти/– Прости», на основании предыдущего содержания позволяют установить их «авторов»: дети и отцы. Именно такую отнесённость, на наш взгляд, подразумевает поэт, так же как Тургенев, не противопоставляя их позиции. Глубочайший смысл короткого диалога становится ясен, если представить детскую просьбу («пусти») как желание обрести элементарное человеческое право на жизнь и свободу, а ответ на неё («прости»: сними вину, освободи) как такую же взаимную просьбу. Здесь есть жертвы: дети, есть преступники: родители, но над теми и другими – жизнь, везде и во все времена одинаково беспощадная к людям. В изображении Цветаевой она не противопоставлена смерти, а приравнивается к ней. Как же следует воспринимать в этом случае авторскую установку: «Буду брать – труднейшую ноту/Буду петь – последнюю жизнь!»?

Безусловно, автор подразумевает «жизнь последней, самой низкой ступеньки общества» (Геворкян), но при этом, как представляется из анализа, акцентирует внимание на самой беззащитной и бесправной категории – на детях. Поэтапное раскрытие темы исключает всякие сомнения. Первая часть, представляющая смешение понятий ада и рая, говорит о самых незащищённых на границах «застав»: они подробно персонифицированы. Вторая часть также соотносится с библейскими мотивами, опираясь на неизменность и повторяемость процессов (схождение: «концы концов» [6, 239]), но демонстрирует уже не персонажи, а отрочество и юность как возрастные категории. Детская бесправность и беззащитность в абсолюте представлены заключительной частью поэмы: «последняя жизнь», крошечная и едва достигшая отроческой поры («дитя», «младшую»), обрывается родными людьми. Таким образом, мы видим, что ответственность: судить или оправдывать, казнить или миловать автор возлагает не на бога, а на жизнь – неизменную, многоликую.

Заключительная часть стихотворения проливает свет и на «труднейшую ноту», вернее, позволяет озвучить – одну из множества! – причину, по которой взятие поэтично-песенной ноты в «Поэме заставы» оказалось для Цветаевой «труднейшим», но необходимым и осознанным решением. Имя причине – Ирина Эфрон, младшая дочь поэта, в 1920 году в России умершая в приюте от

голода. Вероятность такого предположения весьма высока, если вспомнить приводимые цитаты из писем Цветаевой о подготовке к изданию дневниковой прозы послереволюционных лет, неосуществившемуся при жизни. Кроме того, хронологическое сопоставление писем, стихотворения и работы поэта над дневниковой прозой демонстрирует их временную связь, что также служит весомым доказательством.

Влияние историко-биографического контекста на художественно-тематическую организацию «Поэмы заставы» демонстрируется в ходе многоаспектного анализа произведения. Эпическая форма повествования позволяет Цветаевой передать не только собственное отношение к проблеме социального неравенства, но и показать, насколько далеки были от неё люди, окружающие поэта в эмигрантской жизни. Тема бесправия социально не защищённых слоёв общества, выразительно представленная в цикле «Заводские», получает продолжение и расширяется за счёт пристального внимания поэта к ситуации, при которой дети, а значит и – будущее, оказываются наиболее уязвимыми звеньями в цепи социально-исторического развития. Пространственно-временные планы с использованием принципа ретроспекции: настоящее – прошлое – настоящее не просто демонстрируют авторский ракурс осмысления неизменности или повторения жизненных ситуаций, но отсылают к литературным источникам, рассматривающим вечную неразрешимость проблемы «отцов и детей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Геворкян Т.М. Об одной рифме в книге Марины Цветаевой «После России»//Вопросы литературы. 2017 № 2.
2. Цветаева М.И. После России (1922–1925). Paris: YMCA-PRESS, 1976.
3. Цветаева М.И. Пастернак Б.Л. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004.
4. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3/сост., подгот. текста и коммент. А.Саакянц и Л.Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.
5. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6/вступ. ст. А.Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л.Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995.
6. Цветаева М.И. Незданное. Сводные тетради/подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б.Коркиной и И.Д.Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997.

Елена Владимировна Долгова
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

Бабина Людмила Владимировна
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ "HEAD" КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00267 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

Аннотация: В статье рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) английского языка, содержащие компонент-соматизм "head", как средство репрезентации знаний о человеке. Выявляется, что фразеологические единицы могут передавать многоаспектные знания о человеке. Отмечается, что концепт HUMAN BEING, репрезентированный английскими фразеологическими единицами, может быть представлен в виде общей когнитивной матрицы, когнитивными контекстами которой служат выявленные в ходе изучения знания о действиях и поведении, состояниях и существовании, а также характеристиках и чертах человека. Также обращается внимание на значимую роль компонента-соматизма в формировании семантики ФЕ.

Ключевые слова: фразеологические единицы, соматизм "head", репрезентация знаний о человеке, когнитивно-матричный анализ, когнитивная матрица, когнитивный контекст

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATIC COMPONENT HEAD AS A MEANS OF REPRESENTATION OF KNOWLEDGE ABOUT HUMAN BEING

Abstract: The article deals with the phraseological units (PU) of the English language, containing the somatic component "head", as a means of representation of knowledge about a human being. The authors reveal that phraseological units can transmit multidimensional knowledge about a human being. It is noted that the concept of HUMAN BEING, represented by phraseological units, can be presented in the form of a common cognitive matrix, cognitive contexts of which are identified in the study of knowledge about human actions and behavior, states and existence, as well as characteristics and features. The authors also draw attention to the significant role of the somatic component in the formation of PU semantics.

Key words: phraseological units, somatism "head", representation of knowledge about a human being, cognitive matrix analysis, cognitive matrix, cognitive context

Фразеологические единицы любого языка – это зеркало, в котором особым образом отражаются знания людей об окружающей действительности, давая возможность максимально приблизиться к пониманию того или иного феномена. Ключевым моментом здесь является то, что в это зеркало устремлен взгляд индивида, интерпретирующего определенное явление, и смотрит осмысляющий прежде всего сквозь себя, через призму закоулков собственного восприятия. Изображение, получаемое на выходе, насквозь антропоцентрично и обусловлено синтезом личного и коллективного опыта, привлекаемого человеком. Неслучайно заметная доля ФЕ передает сведения именно о людях, ведь осмысление мира человек начинает с себя, а затем по своим меркам, кроит реалии, с которыми имеет дело.

В процессе познания действительности человеку необходимо опираться на уже известное, чтобы суметь понять и выразить новое. Логично отметить, что в этом случае на первое место выходят концептуальные области, репрезентирующие наиболее значимые для человека объекты или явления. К их числу можно отнести концепты FOOD, CLOTHES, FURNITURE, но прежде всего - многоаспектный концепт HUMAN BEING, включающий множество когнитивных контекстов.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить особенности репрезентации концепта HUMAN BEING ФЕ английского языка, содержащими наименования частей тела, описать некоторые механизмы создания ФЕ. Важно отметить, что ФЕ, содержащие соматизмы, довольно многочисленны, поэтому при рассмотрении подобных единиц целесообразно обращать внимание и на особенности функционирования конкретных компонентов. Данное исследование основывается на изучении более 100 фразеологизмов, включающих соматизм "head".

В ходе исследования было установлено, что около половины из отобранных единиц передают сведения о действиях и поведении человека, остальные ФЕ примерно в равных долях передают сведения о состоянии и существовании человека, о характеристиках и чертах человека, также выявляются ФЕ, образно описывающие реалии окружающей действительности. Таким образом, были условно выделены четыре семантические группы, первые три из которых напрямую связаны с передачей сведений о людях. В четвертой группе данная связь носит уже косвенный характер.

Рассмотрим некоторые примеры, иллюстрирующие состав семантических групп.

1. Действия и поведение человека.

В семантике ФЕ данной группы роль соматизма "head" может быть различной. В ряде единиц данный компонент отсылает нас к психическому состоянию человека и его умственным способностям:

- » to go off one's head - to go mad, to act like a madman [PDEI 1994: 76].
- » to keep one's head / to keep a level head - to remain calm and sensible [PDEI 1994: 76].
- » to lose one's head - to lose one's power of reasoning, to get into a panic [PDEI 1994: 76].
- » to take it into one's head - to have a sudden idea, often with the implication that the idea is a mistaken one [PDEI 1994: 77].
- » to get into one's head - to learn, comprehend [PDEI 1994: 77].
- » to put their heads together - to enlist someone else's advice in solving a problem, to discuss a problem with someone. From the proverb, 'Two heads

are better than one' [PDEI 1994: 77].

- » to get it through one's (or someone's) head – to understand (or cause someone to understand) something [CFOD].

Таким образом, в ряде единиц компонент “head” дает представление о ментальной сфере и действиях, которые с ней связаны. Метафорический перенос основывается в данном случае на аналогии между физическим и ментальным действием. Сам концепт HEAD в данном случае может рассматриваться как область-источник для области-цели - концепта MIND.

В следующих примерах исследуемый соматизм отсылает нас к переосмыслению физических действий, связанных с движениями головы:

- » to turn someone's head - to give someone a high opinion of himself, to give him a false idea of his own importance [PDEI 1994: 76].
- » to keep one's head down - to avoid drawing attention to oneself [PDEI 1994: 76].
- » to keep one's head above water – to earn only just enough money to be able to live or to pay one's debts [PDEI 1994: 78].
- » to hang one's head – to lower one's head or conceal one's face in or as in shame [CFOD].
- » to bang one's head against a brick wall - to try to achieve something impossible [CFOD].

Подобные примеры можно рассматривать как случаи интеграции метафоры и метонимии – метафтонимию. Конкретные физические действия, связанные с частью тела, отсылают нас к иным сферам деятельности людей.

Существуют единицы, в которых происходит метафорическое осмысление ситуаций, не связанных с движениями головы:

- » to snap off / bite off someone's head - to speak sharply to someone, to snub or correct curtly [PDEI 1994: 77].
- » to go bald-headed at - to attack with great energy, in total disregard of the consequences [PDEI 1994: 77]. Phrase Origin: US slang, from rushing out in such haste that one is hatless [AED 2014].
- » to count heads / head-counting – to accept the view of the majority [PDEI 1994: 77].

Немаловажно отметить, что в последней единице за счет метонимического переноса через компонент “head” осуществляется отсылка к человеку. Метонимический перенос осуществляется по модели PART-WHOLE («часть вместо целого»).

В качестве вывода по данной группе следует отметить, что во ФЕ через компонент “head”: 1) метафорически обозначается умственное/психическое состояние человека; 2) метонимически производится отсылка к людям, о которых идет речь; 3) компонент “head” сохраняет свое исходное значение, но переосмысление в этом случае получают действия, связанные с головой, в результате чего, помимо метафорического и метонимического, наблюдается метафтонимическое переосмысление.

2. Состояния и существование человека.

Во ФЕ to be off one's head - to be mad [PDEI 1994: 76] и not right in the head – to be strange, foolish, or crazy [CFOD], через компонент “head” отсылка производится к психическому состоянию человека.

Эмоционално состояние человека передают следующие единицы:

- » to hold one's head high - to be free from any taint of guilt [PDEI 1994: 76].
- » to have a swelled head - to be conceited, to have a high opinion of oneself [PDEI 1994: 77].
- » to be head over heels in love with – to be madly in love with. Sometimes abbreviated to 'to be head over heels' [PDEI 1994: 78].
- » ФЕ данной группы могут иметь и другие значения:
- » to be head and shoulders better than - to be altogether superior to [PDEI 1994: 78].

Для примеров данной группы характерно то, что в смоделированной ситуации через описание положения головы, ее состояния метафорически описываются состояние и особенности существования человека. Здесь также возможно отметить переосмысление по метафтонимической модели.

3. Характеристики и черты человека.

ФЕ, вошедшие в состав данной группы, характеризуются тем, что соматизм "head" в их составе используется следующим образом:

1) через компонент "head" метонимически происходит отсылка к человеку, а прилагательное, используемое с ним, передает ту или иную характеристику, свойственную человеку. Как уже отмечалось ранее, переосмысление в подобных случаях происходит по модели PART-WHOLE («часть вместо целого»). Например:

- » a cool head – a calm, focused demeanor and mindset; a person having such characteristics [CFOD].
- » a hot head – an excitable or fiery person [CFOD].
- » a big head - a conceited person [CFOD].
- » a wooden head - a person lacking intelligence [CFOD].

2) компонент "head" позволяет передать значения, связанные с различными свойствами человека. Так, сведения о мыслительных способностях могут метафорически передаваться рядом единиц, где через компонент "head" дается представление о свойствах ума:

- » soft in the head - foolish, dense, mentally retarded; sometimes used as a reproach for some foolish action [PDEI 1994: 77].
- » to be bone-headed from the neck up (slang) - to be completely stupid. From the idea of the bone replacing the brain [PDEI 1994: 77].
- » to need one's head examined - to do something so stupid as to be almost insane [PDEI 1994: 78].
- » have (got) one's head screwed on right (the right way) – to be wise or sensible [CFOD].
- » to have an old head on young shoulders - possessing greater wisdom than might be expected of a young person [PDEI 1994: 78].

В ряде единиц через исследуемый соматизм осуществляется отсылка к способностям человека к чему-либо, например:

- » to have a head on one's shoulders – to possess good judgement [PDEI 1994: 78].
- » to have a head for - to have a gift or aptitude for. Often used in connection with figures, accounts and business [PDEI 1994: 76].
- » to have a head for heights - to feel comfortable at great heights. Often used in the negative form [PDEI 1994: 76].

Таким образом, соматизм “head”, представленный в составе единиц данной группы, может метонимически называть самого человека, либо благодаря метафорическому переносу сообщать о тех или иных его способностях.

4. Реалии окружающей действительности.

Что касается единиц данной группы, то следует отметить их разноплановость и в то же время общность – компонент “head” в них так или иначе метафорически переосмысливается в зависимости от того, какая аналогия, какое сходство лежит в основе процесса переосмысления. Это можно увидеть в следующих примерах:

- » a head start - an advantage over one’s competitors [PDEI 1994:76].
- » to come to a head - (of ill-feeling, disagreements, etc.) - to reach a crisis [PDEI 1994: 76].
- » on one’s head - 1) to deserve blame if anything goes wrong; 2) to do something without the slightest difficulty or effort [PDEI 1994: 76].

King Charles’ head - a synonym for any quaint or fanciful obsession. The phrase comes from Charles Dickens’s novel David Copperfield, in which a half-crazy character, Mr. Dick, constantly refers in his conversation to King Charles’s head [PDEI 1994: 76].

Heads or tails? - the call made when tossing a coin to decide the order of play, especially in a game. ‘Heads’ refers to the sovereign’s head on one side of the coin, and ‘tails’ the reverse side [PDEI 1994: 78].

Из рассмотренных примеров очевидно, что компонент “head” играет ключевую роль в формировании семантики рассмотренных ФЕ, определяя пути осмысления окружающей действительности. При этом важно отметить, что в данном исследовании, где в рассматриваемых единицах фигурирует соматизм, во многих случаях правильнее говорить о метафорическом пути переосмысления, так границы между метафорой и метонимией, либо условны, либо полностью размыты.

Кроме того, анализируя особенности семантики ФЕ, содержащих соматизм “head”, нельзя не отметить преобладание сведений, касающихся человека. Это соображение поднимает вопрос о том, как можно в общем виде смоделировать концепт HUMAN BEING, репрезентируемый ФЕ английского языка с компонентом-соматизмом. Выделенные в ходе исследования семантические группы, передающие сведения о людях, навели на мысль о возможности их рассмотрения в качестве когнитивных контекстов общей когнитивной матрицы HUMAN BEING. Нельзя отрицать, что знания о человеке в данном случае носят многоплановый характер, который определяет сложность соответствующей когнитивной структуры.

При исследовании многоаспектного знания матричного формата применяется когнитивно-матричный анализ, получивший подробное обоснование в трудах Н.Н. Болдырева. Когнитивная матрица как концептуально-сложный формат знания представляет собой систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта. В структуре когнитивной матрицы такие контексты являются независимыми друг от друга компонентами и носят опциональный характер, не предполагают их обязательно одновременного иерархического ассоциирования с тем или иным словом или концептом. Выделяют общую и частную когнитивные матрицы. Общая и частная когнитивные матрицы могут рассматриваться как многомерные системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, передающих соответственно многоаспектность знания об определенной области или многоаспектность осмысления того или иного явления [Болдырев 2014].

Так, опирајќи се на семантику рассмотрених ФЕ, можно построити општу когнитивну матрицу HUMAN BEING, репрезентируему ими и вклучујущу во свој состав следуюшие когнитивни контексти: 1) дејствија и поведение човека, 2) состојанија и сушествование, 3) карактеристики и черти човека.

При этом необходимо отметить, что в семантике единиц, отсылающей нас к тем или иным когнитивным контекстам полученной матрицы, так или иначе заложена информация о значимости концепта BODY – ведь исследуемые ФЕ возникли именно из взаимодействия концептуальных областей BODY и HUMAN BEING. Процессы переосмысления во многом опирались на то, каким образом «сработал» соматизм “head” в составе ФЕ. Следовательно, нельзя отрицать важности переосмысления конкретных компонентов, во многом определяющих получаемую на выходе семантику языковых единиц как продукт этого переосмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций ; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитивологов. Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2014.-236 с.
2. AED - Australian English dictionary. - 2014. URL: http://australian_english.enacademic.com/8333/baldheaded
3. CFOD - Collins Free Online Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
4. PDEI – Gulland D.M., Hinds-Howell D. The Penguin Dictionary of English Idioms. Second edition. L.: Penguin Books, 1994.

Проф. д-р Мишо Нетков
Универзитет за аудиовизуелни уметности „ЕФТА“ – Скопје
Република Северна Македонија

ДЕМОКРАТИЈАТА, ПОЛИТИКАТА И МЕДИУМИТЕ

Апстракт: Непобитен факт е дека човекот е суштество кое најнапред перцепира со своите сетила како приоритетни рецептори за апсорбирање и анализирање на информации, и врз основа на нив гради индивидуална и колективната свест, која останува како трајна вредност кај секоја личност, врз чија основа подоцна се донесуваат заклучоци по пат на анализа, за она што е прогресивно (напредно) и за она што е негативно (назадно). На тој начин се движи човештвото, барем во овие денешни услови на техничко-технолошка револуција и компјутерско-дигитална технологија, особено во време на се позачестени глобалистички тенденции, кој се се понагласени и се практикуваат од големите воено-политички сили и светски корпорации, зад кој стои една мала, извонредно богата, и би рекол нехумана бизнис-елита, користејќи ги во најново време масмедииите, пред се електронските, за да ги оствари извитоперените замисли за уништување на човекот како биолошко битие.

Денес, се повеќе се етаблира аксиомата дека медиумите стануваат од ден на ден (како што покажуваат анкетните резултати) главни манипулатори за се и сешто, особено на големите светски корпорации зад кој стои одредена група на моќници. Сакам да кажам, дека последиците којшто тие можат да ги предизвикаат, со помош на масовните медиуми, особено телевизијата, би можеле да бидат лоши за сите, имајќи ја во предвид премисата дека вољата е двигател на сета наша енергија и креативност.

Клучни зборови: медиуми, телевизија, политика, демократија, медиумски војни

DEMOCRACY, POLITICS AND MEDIA

Abstract: It is an undeniable fact that the man is essentially a creature that primarily perceives with senses as priority receptors for absorbing and analyzing information, and on that basis builds an individual and collective consciousness. That consciousness remains as a lasting value in every type of relationship on which basis later by analyzing for what is progressive (advances) and negative (outdated) a conclusion is reached. The mankind is moving forward is this way in these modern conditions of technological revolution and computer digital technology, especially in times of more frequent globalist tendencies, which are more and more emphasized and practiced by large military- political forces and world corporations, behind which a small, remarkably rich and I would say non-human business elite stands. That elite is extensively using the mass media, primarily the electronic media, to accomplish the twisted idea of destroying man as a biological being.

Nowadays, it has become frequent axiom that the media are becoming more and more the main manipulators (as the survey results show), especially used by the big world corporations behind which a particular group of powerful people stands. What I would like to say is that the consequences that can be caused, with the help of mass media especially television, could be bad for everyone, bearing in mind the premise that the will is driving force of all our energy and creativity.

Keywords: media, television, politics, democracy, media wars

Се повеќе се чувствува притисокот на медиумите, особено електронските, кои имаат скоро неограничено влијание на поединецот и колективитетот, и на некој начин се несомнено најмасовна културна и општествена сила. Денес, некој нешта не можеме да речеме дека се оствариле, и се случиле на одреден простор, ако истите не се медиумски обработени. Тоа, само по себе покажува дека за да направиш нешто, било тоа да е во позитивна или негативна смисла, треба да го пласираш преку медиумите.

Во изобилството информации што ни ги пласираат јавните медиуми нависнина е многу тешко и извонредно деликатно да се оцени што од сето тоа е вистина а што лага. И на основа на такво едно размислување, уште веднаш се поставува прашањето кој има корист да го лаже населението и зошто? Од ова прашање произлегуваат милион други перцепции, претпоставки и слично. Секако, ние виновникот ќе го бараме на сите страни, но, во секој случај основата за манипулација ја гледам во медиумот телевизија што секако претставува еден олтар во секое семејство, поточно составен член на семејството. Оттаму и заклучокот дека ако се види одредено нешто на телевизијата, ако таа го прикаже, тоа нешто и постои и се случило, и обратно, ако таа не соопшти, како да не постоело и е многу тешко, дури невозможно да се докаже пред поширокиот аудиториум.

Сведоци сме дека телевизорот одамна стана домашен бог без кој не може да се замисли секојдевието, без кој ниту се сака, ниту се мрази. Неговата моќ се огледа најчесто при вечерните вести или некоја интересна серија. Тогаш, не смее да се изговори ништо, да не ја поремети концентрацијата на гледачот (абонентот). Ако тоа се случи, скоро секојпат следи вербална расправија исполнета со навреди од типот ...па каков човек си ти, па ти немаш чувство за ништо, тебе ништо не те интересира и слично. Слично нешто, само со друг вокабулар може да се очекува од другиот пол, особено за време на вестите, спортските натпревари и т.н. за потоа ситните, навидум мали закачки може да прераснат во сериозна семејна кавга каде што се отвара пандотрината кутија на сите направени поранешни „глупости“..... Значи ова е само еден пример кој на најсликовит начин ја дава силата на медиумот телевизија.

Како што во приватниот секојдневен семеен живот, такви случување многу често се прават и во политиката. Да разгледаме еден со председателот на САД Барак Обама. Поставуваме прашање, дали тој го лаже народот во Америкака и како? Ке се послужиме со истражувањето на познатиот американски новинар-истражувач Самјуел Херш. Имено тој во својата книга тврди дека спротивно на официјалната верзија за тајната операција на специјалните воени единици „Фоки“ за ликвидацијата на Бин Ладен, водачот на озлогласената „Ал Каеда“ е исклучиво заслужен Пакистан а директниот пренос од фаќањето, дносно убиството на Бин Ладен беше голема режија со цел Барак Обама да добиое уште еден председателски мандат. Ова може да биде класичен пример, поточно, еден од низата класични примери (бидејќи САД ги имаат во изобилство) кој треба да се изучува по специализираните школи за аудиовизуелно тумачење на телевизијата. Значи, може да речеме со сигурност дека овој настан, случка, со која беше изманипулирана американската јавност на 2 мај 2011 година, во многу помогна за зацврстување на изборниот триумф на Обама следаната 2012 во ноември.

Така е тоа во белиот свет, особено онаму каде што има сила, како што велат старите правда нема. Многу светски корпорации се обидуваат денес убаво да заработат конструирајќи разноразни теории на заговор со цел да го исплашат

народот и да го натераат на покорност. Такви лаги само за покас може да ги споменеме оние со големи наслови по светските медиуми „Ирак поседува оружје за масовно уништување“ што беше катадневно кажувано преку медиумите во целиот свет, со цел да биде и повод за да се нападне оваа земја. Други верзии кои се присутни меѓу народот, особено во САД со бомбастични наслови се „Сите ја мразат американската демократија и сакаат да и наштетат“ и дека на државата и прети смртна опасност. И тн. и тн. А тоа се се приказни на оние богати слоеви кој го раководат од сенка светот и поставуваат свои марионети за да можат да ги реализираат своите планови. Во таа смисла може слободно да се каже дека и самиот избор за председател на САД е во најтесна врска со бизнис-елитата (задскриените владетели) која пласира информации според кој САД треба да води перманентно војни за да ја одбрани својата „демократија“ Се зане дека војната е најголем и најсигурен бизнис без некоја сериозна контрола врз средствата што се употребуваат за истата. Затоа се водат перманентно низ целиот свет тие нивни „хумани војни“. Се прашувам што би било со САД ако не водат константно војни? Америка секојдневно е бомбардирана со такви и слични манипулации од типот, „Симнување на месечината“, „Терористичкиот напад на светскиот трговски центар 11/9“, „Улогата на ХАРП системот“, „Дали трагите од авионите на небото се штетни.....“? Се се тоа прашања со кој се оптеретуваат граѓаните на САД со цел да не размислуваат за секојдневните проблеми со кој се судрува американското општество, едноставно се манипулира народот. Сензациите и смислените манипулации добро изрежирани доминираат, бидејќи не подлежат на општествена одговорност. Таа е сокриена зад слободата на изразувањето и мислењето а последиците се во секој случај катастрофални. Се е тоа во основа „медиумска слобода“ или со други зборови кажано „продавање магла“ во кој главни агенти за продажба се медиумите. Но, така било отсекогаш, а сметам дури дека и медиумот како средство за информирање и комуникација е создадено токму од тие луге кој во него почувствувале средство за масовна манипулација.

Ако се враќаме наназад може многу лесно да се направи и подлабока анализа за медиумскиот простор и влијание и во Првата и во Втората светска војна. Ако погледнеме денес: Либија, Ирак, Сирија, Украина, Македонија 2001, Шарената револуција што ја сруши владата на Груевски и ред други држави со помош на медиумските алатки се рушат актуелни влади кој не се по мерка на некој светски сили.

Како и да е, овој вид на вакво информирање кое владее денес, покажува дека секој од нас, ако има и најмали технички можности (мобилен телефон во кој има вградено камера и микрофон, па и уште ако владее добро со компјутерот), може да биде некој вид известувач кој може да информира од лице место, од било која страна на светот, осудувајќи, негирајќи или фалејќи одредена група, партија, личност и слично. Но, се прашувам дали е тоа новинарство и што претставува тоа? Да се разбереме, овој вид на информација, во основа, на некој начин помага побрзо да се склопи одреден мозаик за одреден настан, бидејќи доаѓа од независен извор, но, едно „но“, сепак постои, а тоа е дека овој вид на новинарство може да има извонредно несогледливи негативни последици кај консументот, па и за општеството. Бидејќи, од една страна колку помага да се гледаат од друг агол (неофицијално) работите, се поставува и прашањето колку е тоа објективно информирање и колку тоа ја отсликува реалноста.

Значи, примателите на основа на повеќе информации имаат можност да

направат сопствена анализа и да изведат заклучок, но, сепак, останува да виси прашањето што со оние акредитирани и професионални медиуми. Исто така прашање е колку граѓаните се спремни да направат разлика во видовите на информирање помеѓу она, така да го наречем „граѓанско новинарство“ и она професионалното новинарство. Кај граѓанското информирање постои своевидна оригиналност, со докази, нема личност која ги селектира сликите, тонот, значи постои автентичност која се пласира без никаква контрола или цензура-нема режија. Значи, секој може да информира за се и сешто, а наједноставно и најлесно е по интернетот. Иако и овој вид на информација наидува на одредени цензури уште при примањето од страна на некој кој е заинтересиран да ја заврти водата кон неговата воденица. Значи, секој може да биде известувач-новинар со својот интернет, и ако ова го пласираме на интересен начин, обично на некој сопствен отворен интернет-портал, едноставно стануваме и самите медиум. Вакви портали постојат еден куп, а кои се основачите, каква е целта на вестите, односно информациите е секогаш отворено прашање.

Денес (би рекол со целосна одговорност), во ера на информатичко општество се повеќе доаѓа до израз и завладува квазиновинарство, кое особено се појави и го турка патот на либералната демократија кон бесмисленото и ирационалното информирање, кое се повеќе се етаблира во земјите од Југоисточна Европа (особено по паѓањето, односно рушењето на Берлинскиот ѕид), кога дојде до некоја „демократија“ толку посакувана и прижелкувана. На оваа тема има повеќе размислувања почнувајќи од она кое говори дека треба да се воведат тестирања за новинари како што тоа го има направено Здружението на новинарите од Албанија, па се до она кое кажува и укажува на фактот дека секој може да биде новинар и да информира. Дури има некој размислувања кој иницираат една нова практика а која говори дека во блиска иднина треба да им се даде на граѓаните да имаат по 5 минути свој простор за сопствено информирање и погледи за одредени општествени настани и личности, односно телевизијата да се обнароди и да стане тотално јавна. Но, дали е тоа можно и колку е тоа објективно е сосема друго прашање кое бара и повеќеслојна опсервација. Пред се дали државата ќе дозволи едно такво независно новинарство, или поточно, ајде да речеме, дали во основа постои независно новинарство?

Ќе се согласите со мене дека онаму каде што нема слободни медиуми нема ни лични ни политички слободи. Онаму каде што медиумите се спречени да ја кажуваат вистината на нештата во соочувања со луѓето и настаните кои се на власт, не може да се зборува за вистинска демократија. Такви примери имаме мноштво. Владеењето на Чаушеску во Романија, и диктатурата на Милошевиќ во Србија се класични примери кои треба да се проучуваат во медиологијата и комунологијата, па и во социо-демократските односи во едно либерално општество.

Си поставувам самиот на себе прашање колку либералната демократија содејствува со една современа општествена демократија? Зборот, терминот демократија, во суштина, на некој начин го одразува владеењето на народот. Секако, дека терминот со себе ги носи од друга страна и сите права и слободи на тој народ меѓу кој секако предњачи слободата на мислење и изразување, што во крајна смисла на зборот преставува правото да бидеш информиран. Токму ова право ги претвори медиумите (како редоследно се појавуваат), и ги одреди како носители, односно столбови на демократијата.

Многу е јасно, и во сите меѓународни конвенции и закони пропишано, дека

развојот на демократијата и медиумската слобода во едно општество се во тесна релација. Слободата е основа за демократијата, исто како што на демократијата и се главни непријатели слабите институции на системот и инструментализираните медиуми. Од друга страна сето тоа упатува или насочува кон размислата дека има некоја органска врска помеѓу слободата и одговорноста, како на медиумите, така и на оние што ги заштитуваат медиумите, но, секако, и правото на јавноста да биде информирана за прашањата од јавен интерес.

Бидејќи перманентно сме бомбардирани со теории за почитување на слободата на медиумите, човековите права, како и независноста на новинарите, укажувајќи на тоа дека тие се еден од основните предуслови за демократско владеење на правото и слично а практиката покажува нешто спротивно од тие заложби, се поставува прашањето во каква демократија живееме? Како што ќе истакне на едно од своите предавања Рајлс „Самиот термин демократија ни во Антиката никогаш не значел владеење на народот, туку владеење над народот. Сеуште живееме во робовладетелско општество под паролата на демократијата. Фактички, постојат оние кој владеат а впрочем, секогаш така и било и постојат робови-ние кои дозволуваат така да се постапува со нив. Робовите не смеат да имаат знаење затоа што знаењето ексклузивно припаѓа на оние кој владеат. Робот мора да се плаши и кога веќе не можеш да го манипулираш го оставаш да биде уплашен за својот живот како конечен вид на уцена...Имаше право Теодор Адорно кога кажа дека човекот денес наликува на уплашено стадо и дека времето на убавината измина...”

Според бројни аналитичари состојбата со медиумската слобода во поголем број земји на Европа е катастрофална и во најскоро време треба да се изнајде некоја правна регулатива со цел истата да се подобри. Имено, јавна тајна е, барем според лугето кој ги следат медиумите дека слободата на изразување и авто цензурата во земјите на ЕУ и поготово оние кој не се членки во ЕУ, новинарите воопшто не се заштитени и дека токму тоа е причина што бројни видни и етаблирани новинари се повеќе отстапуваат од сопствените принципи и подлегнуваат на цензурата и автоцензурата. Како што ќе истакне и во една своја реплика Јанковиќ „ Не може медиумската слобода да се базира на херои. Денес немаме заштита на лугето кој стануваат против притисокот за професионалните принципи и тоа е еден од основните причини на баластот на проблемите што ги имаме“

Имајќи во предвид дека медиумите претставуваат еден од камен темелниците на модерното демократско општество, со самото тоа претставуваат клучен елемент во конституирањето на јавната свера. Од нив се очекува да служат на јавниот интерес. Тие, едноставно не се изедначуваат со другите општствени организации, туку треба да ги исполнуваат целите од пошироко и подолготрајно значење за општеството во целина. Затоа, медиумите се сметаат за одговорни за се она што го прават, или не го прават, односно нивниот производ перманентно се ставал и ќе се става на кантар. Жалосно, но, вистиниото е дека медиумите во служба на населението, перманентно се соочуваат со проблемот на својот легитимитет бидејќи се постојано под притисок било да е политички или економски. Во прво време со самата појава на медиумот не секогаш можело да му се одреди неговото значење што ќе го има во општеството, како што во модерно време се појави синдикатот, па политичките партии или некој законодавни тела. Творците на медиумите во прво време не беа свесни за тоа во колку општествени свери медиумот ќе се простира и дека ќе стане еден од клучните посредници меѓу државата и цивилното општество.

ЗАКЛУЧОК

Интерпретацијата на ТВ медиумот како комуникациско средство, како да вртиме, секако, во генерална линија оди во насока да се потенцира неговата документарна предност. Фактот дека Телевизијата не бомбардира со информации, чија цел е што поголема автентичност за настанот, самиот факт дека директниот пренос во живо ни ја обезбедува таа „објективност“, сето тоа му придаде голема важност на овој електронски медиум. Денес, гледачот во ера на сателитска врска може да постави директно прашање на својот политичар, да проследи инаогурација за прогласување на нов преаседател, да отслика политички избори и слично, и сето тоа во крајна линија му дава извонредна моќ на медиумот а и статус на привилегирана позиција на луѓето што работат во него. Таа ни објаснува и кажува се она што не опкружува со сите бои и простори. Затоа треба да се гледа критички на се она што телевизијата ни презентира. Се разбира сето тоа што го гледаме ќе биде позитивно ако истиот провајдер информациите ги користи во позитивна насока, а не да стане средство за манипулација и репресија како што се покажува во најново време со „мировните војни за човекови права“ што ги води НАТО и САД.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

1. Bozidar Kalezic, „Televizija, tvrdjava koja leti“, Novi Sad, 1978.
2. Devid Mek Kvin, „Televizija“ Clio, Beograd, 2000.
3. Даринка Петреска, Виолета Ачкоска, „Осознавање на историјата“, Универзитет „Св. Кирил и Методи“, Филозофски факултет-Скопје, Скопје, 2007.
4. Tadic Milan, Osnovi medjunarodne propaganda, Beograd, 2002.
5. Daglas Kenler, „Mediska kultura“, Clio, Beograd, 2004.
6. Djovani Gocini, „Istorija novinarstva“, Clio, Beograd, 2001.
7. Edvard S. Herman, Robert V. Mekcesni, „Globalni mediji“, Clio, Beograd, 2004.
8. Endrju Bojd, „Novinarstvo u elektronskim edijima“, Clio, Beograd, 2002.
9. Ернст Гелнер, „Науките и национализмот“, Култура – Скопје, 2001.
10. Gramsi Antonio, „Filozofija istorije i politike“, Slovo Ljubve, Beograd, 1980.
11. Kimlika, Vil, „Etnicki odnosi i zapadna politicka teorija“, Habitus br 1/1999, Novi Sad.
12. Obradovic Danijela, „Masovni mediji i demokratizacija Centralne i Istocne Evrope“ превземено од RTV teorija i praksa br.65.RTB, Beograd, 1991.
13. Ернст Гелнер, „Науките и национализмот“, Култура – Скопје, 2001.
14. Tadic Milan, „Osnovi medjunarodne propagande“, Bina d.o.o., Beograd, 2002.
15. Vasovic Mirjana, „Propagandne (ubedjivacke) tehnike u sluzbi javnim mnenjem“ превземено од „Etika javne reci u medijima i politici“, Centar za liberalno-demokratske studije, Beograd, 2004.
16. Vladimir Vujic, „Politicka tolerancija“, Zagreb, 1995,
17. Марк Мазовер, „Балканот-кратка историја“, ЕвроБалкан прес, Скопје, 2003.

Лариса Чович
Панъевропейский университет - Баня-Лука
Республика Сербская, Босния и Герцеговина

ВЕРБАЛИЗАЦИЈА КОНЦЕПТА СКУКА В РОМАНЕ В СТИХАХ «ЕВГЕНИЈ ОНЕГИН» А.С.ПУШКИНА И В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА СЕРБСКИЈ ЈАЗЫК

Аннотација. В настоящей работе применяется комплексная методика исследования, способствующая изучению языковой репрезентации концепта скука на основе сочетания различных методов и способов анализа. Делается попытка построить концепт скука, с использованием языкового материала романа «Евгений Онегин» и его перевода на сербский язык. Устанавливается связь между лингвистическими средствами, эксплицирующими концепт скука, в системе сюжетных событий романа в стихах и в его перевода на сербский язык. Представлена языковая личность скупающего героя с учетом лингвистических и экстралингвистических параметров, участвующих в создании концепта скука.

Ключевые слова: концептуальные лексемы, ядерные лексемы, периферийные лексемы, ассоциативные смыслы, эквивалент

VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF BOREDOM IN THE NOVEL IN VERSES "EUGENE ONEGIN" BY ALEXANDER PUSHKIN IN ITS TRANSLATION INTO SERBIAN LANGUAGE

Annotation. In this paper, we use an integrated research methodology that facilitates the study of language representation of the concept of boredom based on a combination of various methods and manners of analysis. An attempt is made to build the concept of boredom using the language material of the verse novel "Eugene Onegin" and its translation into Serbian. A connection is established between the linguistic means, which explicate the concept of boredom, in the system of the novel's plot events in verses and in its translation into Serbian. The linguistic personality of the bored hero is presented, taking into account the linguistic and extralinguistic parameters involved in creating the concept of boredom.

Keywords: conceptual lexemes, nuclear lexemes, peripheral lexemes, associative meanings, equivalent

Как известно, в России в девятнадцатом веке скука - это мода, поза, культурный слой образа поведения дворян, философия их жизни, уклад быта, имеющие воплощение в языке и статус культурного концепта.

Вполне естественно, что в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», являющемся, по определению В.Г. Белинского «энциклопедией русской жизни», не могли не найти отражения процессы, происходившие в современном поэту обществе, в частности, навеянные байронизмом, дендизмом и искусственной разочарованностью, молодежные, пессимистические и даже скептические

настроения, проявляющиеся в виде всеобщей модной скуки-хандры. Поэтому место концепта скука в поэтике А.С.Пушкина нельзя обойти вниманием, особенно в романе в стихах «Евгений Онегин», где скука проявляется и в рефлексии автора, и героев как концепт на фоне многообразных происходящих событий.

Цель настоящей работы состоит именно в описании специфики концепта скука, особенностей его отражения в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» [Пушкин, 1986. С.186 – 353] и в его переводе на сербский язык, осуществленный Милорадом Павичем [Пушкин, 2017.С.3-247].

Основными задачами данного исследования можно назвать следующие: структурирование концепта скука, то есть разработка модели, реализующей концепт сук, в оригинале и его переводе на сербский язык; выявление значений, понятий, связанных с концептом скука, нашедших отражение в рефлексии А.С.Пушкина и его героев; выявление лингвистических средств экспликации концепта скука в системе сюжетных событий романа и в его переводе на сербский язык; а также характеристика языковой личности героев произведения, испытывающих скуку, где особое внимание уделяется скучающему главному герою.

Теоретической основой исследования служит теория концепта, разрабатываемая в трудах А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996], Д.С. Лихачева [Лихачев, 1993.- Т. 52, №1. С. 3-9], Е.В. Сергеевой [Сергеева, 2001. С.41 - 46], Ю.С. Степанова [Степанов, 1997], В.А.Масловой [Маслова, 1997] и др.

Материалом исследования послужили текст романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его перевод на сербский язык, осуществленный, как мы уже указали выше, Милорадом Павичем. Объем выборки составил 34 единицы речевой актуализации концепта скука в прямом и косвенном выражении в русском языке и 30 – в сербском.

В данном романе скука включается в эпистему, связную структуру идей, подтверждающую единством и частотой употребления лексемы скука (12) и ее дериватов «скучный» (7), «скучно» (4), «скучать» (3), «скучны» (1), «скучен» (1), «скучая» (1), «наскучить» (1), «докучать» (2), «наскуча» (1).

Предметом анализа избираются концептуальные лексемы (ядерные и периферийные, околоядерные), номинации, входящие в когнитивные структуры, формирующие смысловое пространство, связанное с концептом скука; а также часто встречающиеся авторские комментарии к речи героев о скуке в общем метатексте романа в стихах.

Рассмотрим, какие черты имеет концепт скука в творчестве и рефлексии А.С. Пушкина, а точнее в романе в стихах «Евгений Онегин» и его переводе на сербский язык; как он (концепт) понимается и с какими концептами коррелирует.

В современном русском языке слово скука встречается часто, однако его употребление ограничивается сферой повседневного языка, то есть это понятие обозначает обыденное явление повседневной жизни.

Рассмотрим структуру концепта скука.

Концепт скука актуально существует для всех, пользующихся языком русской культуры как средством общения. В современной русской жизни скука осознается, прежде всего, как 'томление от отсутствия дела или интереса к окружающему' либо как 'отсутствие веселья, занимательности' (разг.). Однако по сравнению с XIX веком частота использования данного концепта меньше, это связано с занятостью современного человека, с большим количеством деловых контактов, не допускающих пустоты и промедления.

Итак, являясь концептом культуры, скука выражается в языке средствами, выбор которых зависит от того смысла, который вкладывается в него носителями языка. Данные эпистемологического контекста позволяют говорить о разнообразных смыслах, вкладываемых носителями языка в содержание концепта скука, поэтому, переходя к исследованию лингвистических средств экспликации данного концепта у Пушкина необходимо определить, какой смысл будет рассматриваться в качестве инвариантного.

Итак, скука - это сложное психическое состояние, базирующееся на совмещении рационального и эмоционального компонентов, которое может влиять и на физическое состояние человека (бледность, истощение и т.д.). Слово скука употребляется для отражения этого психического состояния в языке.

Инвариантное содержание концепта можно представить, рассмотрев словарную дефиницию в толковом словаре, где слово скука определяется через лексемы «чувство», «состояние»:

Так, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [1995. с. 716] лексема скука имеет следующие значения:

1. 'Томление от отсутствия дела или интереса к окружающему'.
2. 'Отсутствие веселья, занимательности' (разг.)

Именно поэтому ядерными лексемами концепта скука являются:

Скука, скучать, скучный (досада, досадни, досађивати – серб.), обозначающие 'состояние человека' (интеллектуальное и эмоциональное, которое может влиять и на физическое состояние человека), то есть обыденное явление повседневной жизни как человека, так и определенного слоя общества: отсутствие дела, интереса к окружающему.

Лингвистические средства экспликации, представляющие концепт скука, используются Пушкиным не только в его собственных комментариях, но и:

- » для представления светского общества, дворянского быта, для создания колорита эпохи;
- » для описания картин природы; а также
- » для характеристики состояния скучающего главного героя Онегина.

Следует заметить, что вербальное выражение ядерной лексемы состояние представлено лексемами: скука, хандра, сплин, томление, (досада, досадни, досађивати – серб.), а также и производными глаголами скучать, наскучить, надоесть, и прилагательным скучный:

1. Так, например, А.С. Пушкин называет скукой праздничные затеи высшего света [Пушкин, 2 с.254], сам высший свет - «однообразной семьей», а его развлечения «сыновьями жадной скуки», что в данном случае представляет окказиональную метафору, показывающую отношение Пушкина к этим развлечениям, не переведённую Милорадом Павичем:

Подсели дамы к камельку;
 Девицы шепчут в уголку;
 Столы зеленые раскрыты:
 Зовут задорных игроков
 Бостон и ломбер стариков,
 И вист, доньше знаменитый,
 Однообразная семья,

Все жадной скуки сыновья.
[Пушкин, 2, с.273]
Девојке нешто шапћу саме,
Уз камин селе њине маме,
И столови су спремни давно.
Играче страсне, старе, нове,
Старачки ламбер, бостон зове,
И вист - још увек име славно,
Све рођаци што исто раде,
Све пород чаме и досаде. [Пушкин, с.128]

Кроме того, представление о скуке светского общества писатель создает посредством синонимического ряда с нарастающей градацией, представляющей намеренное преувеличение, с целью усилить подчеркивание действий, приведших к скуке, определенного душевного состояния, в высшем свете: наскучить, утомить, надоест, разлюбить; и контекстуальных синонимов (дамы: непорочны, величавы, умны и благочестия полны, осмотрительны, точны, неприступны и несущие несносный, невинный вздор), обозначающих неестественную манеру поведения дам высшего света и их разговоры, вызывающие у Онегина «сплин» (хандру):

Оригинал:

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;(…)
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец(..).
И правда то, что в наши лета
Довольно скучен высший тон(…)
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает сплин
[Пушкин, 2, с.200-201].

Перевод:

Не: жар из срца оде рано.
Досадио му светски шум,(…)

Неверства му је било доста,
 А досадно другарство поста,
 Јер није био таквог кова
 Да пије шампањ због другова
 И онда кад му то не прија,
 Нити да буде добре воље
 Када га муче главобоље.
 И најзад (мада кавгаџија)
 Напустио је кавге своје,
 Куршуме, сабљу и двобоје(...)
 И збиља, данас код вас цвета
 Досадан, празан, висок тон;(...)
 Њин разговор је - мада чедна
 Несносна бесмислица једна.
 А уз то су толико нежне,
 Свечане, умне, тачне, вредне,
 Опрезне тако, тако чедне,
 И мушком свету недосежне,
 Да може и сам изглед њин
 У човеку да створи сплин.
 [Пушкин, с.27-28].

В переводе Милорада Павича отсутствует синонимический ряд с нарастающей градацией, обозначающих действия, ставшие скучными, неинтересными, из-за однообразия или постоянного повторения: «Друзья и дружба надоели, Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и страсбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела голова». (Перевод: А досадно другарство поста, Јер није био таквог кова Да пије шампањ због другова И онда кад му то не прија, Нити да буде добре воље Када га муче главобоље). Перевод желает лучшего: пропущен стих, описывающий праздничный стол с модной европейской едой (Beef-steaks и страсбургский пирог), и разливающимся на все стороны шампанским, обливающим еду. Кроме того, перевод стиха «И правда то, что в наши лета Довольно скучен высший тон» не соответствует тексту романа: «И збиља, данас код вас цвета Досадан, празан, висок тон», так как в оригинале речь идет не о музыкальном тоне: (висок тон), а о светских беседах в высшем свете, поэтому должно быть: модни тон или nobles тон. У сербов не было высшего общества в пушкинском понимании, и поэтому и не было высшего тона, поэтому эквивалентом может быть заимствованное из французского языка слово nobles тон.

2. Скучными Пушкину кажутся и весна, и осень, и зима; то есть концепт скука имеет свое лингвистическое пушкинское представление в описаниях картин природы:

Как грустно мне твое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волнение
 В моей душе, в моей крови!
 С каким тяжелым умиленьем
 Я наслаждаюсь дуновеньем

В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И всё ей кажется темно?
[Пушкин,2, с.294]

Болно је твоје долажење,
Љубави доба, премалеће!
Какво се тужно узбудење
Кроз крв и душу моју креће!
Како ме слатко, болно греје
Пролеће што на мене веје
И дахом лице моје дира
С олтара дивљег пољског мира.
Или су мени сласти стране?
Па све што буја, све што живи,
Што се весели, блиста, диви,
Досаду ствара, бол и ране
У мојој души мртвој давно.
И све је за њу пусто, тавно.
[Пушкин, с.160]

В данном отрывке А.С. Пушкин трансформирует фразеологизм наводит скуку, в котором он, не меняя смыслового ядра фразеологизма, расширяет его структуру еще одним компонентом, устаревшей лексемой томленье, усиливающую экспрессию высказываемого: ликующее и блестящее и всё, что «радует, живет», наводит не только скуку, но и причиняет автору страдание, муку, печаль. Милорад Павич передает это с помощью лексического значения данного фразеологизма, в виду его отсутствия в сербском языке.

Кроме того, в переводе Милорада Павича «Приближалась довольно скучная пора; Стоял ноябрь у двора» изменен смысл этого отрывка «Ближило се Време кад чама свет освоји; Већ новембар на прагу стоји» индивидуально-авторской метафорой переводчика «Време кад чама свет освоји»:

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,(...)
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,(...)
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу:приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.
[Пушкин,2, с.255]
Ал' северно је лето само
Карикатура јужне зиме; (...)

Већ је и сунце ређе сјало,
 Небо на јесен одисало (...)
 Караван крештавих гусана
 На југ је хито. Ближило се
 Време кад чама свет освоји;
 Већ новембар на прагу стоји.
 [Пушкин, с.103]

В деревне зимой скучно: «докучает взору» однообразная нагота. Употребленная Пушкиным лексема взор относится к высокому стилю. В современном русском языке взор обычно устремляют. Думается, что синтагма «докучать взору» и в пушкинское время была индивидуально-авторской метафорой:

В глуши что делать в эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучает взору
 Однообразной наготой.
 [Пушкин, 2, с.256]
 Шта бисмо могли у то време?
 У шетњу? Сада пуге паше
 И суморне пољане неме
 Досадном муче очи наше.
 [Пушкин, с.104]

В переводе использованы слова современного сербского языка и поэтому утрачен оттенок архаичности пушкинского текста.

3. Концепт скука представлен в описании душевного состояния героя, его переживаний, и в первую очередь, скуки-хандры главного героя, оказавшейся его вечным спутником:

И снова, преданный безделью,
 Томясь душевной пустотой,
 Уселся он – с похвальной целью
 Себе присвоить ум чужой;
 Отрядом книг уставил полку,
 Читал, читал, а всё без толку:
 Там скука, там обман иль бред;
 В том совести, в том смысла нет;
 [Пушкин, 2, с.202]
 И беспослици опет одан,
 И душевном празнином мучен,
 Циљ изабро је благородан
 Да присвоји ум туђ и учен;
 Гомилу књига, ено, спрема
 И чита, чита - сврхе нема;
 Та досаду, та лажи крије,
 Ту савести, ту смисла није;
 [Пушкин, с.29]

В тексте оригинала лексемы безделье, томиться, душевная пустота, являющиеся сопровождающими, перефирийными концепта скука, ассоциативно связанных с концептом и предвещающие онегинскую хандру, представляющую не только дань моды, но и разочарование, пресыщение главного героя суетой жизни.

В переводе данной онегинской строфы постигнута почти полная эквивалентность не только основных, но и сопровождающих элементов, усиливающих предвещающий недуг, который Пушкин назвал «русской хандрой», которая граничит с недугом, с болезнью, охватившую главного героя, неудовлетворенного действительностью, скучающего, ведущего праздную, пустую жизнь:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину.
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...
Как Child-Harold, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он...
[Пушкин, т.2, с.200]
И болест, чије су порекло
Морали наћи већ лекари,
Сплин, како би се негде рекло,
Наша чамотиња у ствари,
Овладала је њим помало...
Ко Child-Harold је недосежан
Ишо у салон из салона...
[Пушкин, с.27]

В переводе, к сожалению, не сохранилась характеристика Онегина - угрюмый, томный, являющаяся последствием того недуга, который Пушкин назвал русскою хандрой.

Таким образом, языковая личность скучающего главного героя романа имеет вербальное выражение с помощью синонимов: «скука», «хандра», «сплин», «уныние», «недуг», «разочарование», используемых Пушкиным для характеристики состояния Онегина со значением: 'мрачное, тоскливое настроение, передающееся с помощью описания внешнего вида Онегина: «в гостиных появлялся он» «угрюмый», то есть мрачный, неприветливый, безотрадный, и «томный», исполненным истомы.

Онегин едет в деревню. Но и там им овладела скука:

На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,

И бегала за ним она,
 Как тень иль верная жена.
 [Пушкин, 2, с.206]
 Ал' трећег, поље и луг мали
 Нису га више забављали;
 Затим га од њих дремеж свлада
 И он већ јасно виде тада:
 Иако дворци булевара,
 Балови, карте не постоје,
 Да и у селу досадно је;
 Стражари и ту чама стара
 И прогони га сваког трена
 Ко сенка или верна жена
 [Пушкин, с.34]

В романе в стихах происходит дополнение, обогащение выделенного концепта скука расширением национальных, лингвогеографических и пространственно-временных параметров. Скука выступает в рефлексии автора и героев, первую очередь - Онегина, как фигура в многообразных проявлениях событий, происходивших в романе. В переводе ключевой глагол скучать заменен глаголом самовати, что не является эквивалентом, так как значение сербского глагола самовати – 'быть одиноким':

Деревня, где скучал Евгений,
 Была прелестный уголок;
 [Пушкин, 2, с.208]
 Дивно је место било село
 Где Оњегин је самао;
 [Пушкин, с.39]

Таким образом, помимо ядерных лексем сферу концепта скука формируются околядерные лексемы, праздность, безделье, томление, пресыщение, равнодушие, лень, уныние, зевать, сон, равно как и фразеологизм от нечего делать:

Стихи и проза, лед и пламень
 Не столь различны меж собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они друг другу были скучны;
 Потом понравились; потом
 Съезжались каждый день верхом
 И скоро стали неразлучны.
 Так люди [Первый каюсь я)
 От делать нечего друзья.
 [Пушкин, 2, с.213]
 Стихови, проза, лед и пламен
 Нису баш тако много страни;
 Досадни беху први дани
 Јер нису били истих ћуди,

Ал' затим су се снашли боље,
Јахали сваки дан у поље
И постали баш блиски људи.
Тако се (то и мене пече)
Из досаде другарство стече.
[Пушкин, с.45]

Этот отрывок переведен весьма не корректно: во-первых, отсутствует антитеза Стихи и проза, лед и пламень, которая заменена обычным перечислением, не отражающим суть оригинала: «Стихови, проза, лед и пламен», во-вторых, следовало бы добавить слова им в фразу «Досадни беху први дани» - «Досадни им беху први дани», в-третьих, русский разговорный фразеологизм От делать нечего - заменен свободными словосочетаниями, формирующими простое предложение - «Из досаде другарство стече».

Как справедливо отмечает Ю.М. Лотмана, разочарованность героев литературных произведений чаще всего носила разоблачительный пафос и не выходила за рамки «светской причуды». Так задумывался и образ Онегина, но различные исторические события привели к тому, что тема скуки получила иное обоснование. В 1825 году Рылееву Пушкин написал: «Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа» (цит. по: Лотман 1999, с. 408):

– Я тут еще беды не вижу.
«Да скука, вот беда, мой друг».
[Пушкин, 2, с.224]
“Па не видим ја зла у томе.”
“Досада зло за тебе није?”
[Пушкин, 2. с.62]

Следует добавить, что в результате проведенного контекстуального анализа выявлена периферийная окказиональная лексема в концепте скука - это лексема беда, на сербском языке – это невоља (в переводе почему-то лексема зло).

Подводя итоги исследования, следует перечислить также и периферийные, околядерные лексемы, входящие в сферу концепта скука. Это лексемы: праздность, безделье, отвращение, томление, тоскливое настроение, утомить, зевать, пресыщение, равнодушие, лень, уныние, сон, недуг; ФЕ: наводить тоску, от нечего делать - в оригинале и досадни, чама, чамотиња, досада, самовати – в переводе. И окказиональные лексемы, входящие в концепт скука: беда, болезнь.

Как мы уже отметили, выявление лингвистических средств экспликации концепта скука является одной из задач данной работы, которые проявляются не только в системе сюжетных событий романа, но и в комментариях автора, а его постоянном диалоге с героями и читателем. Интересна в тексте романа в стихах идентификация автора (А.С. Пушкина) с героем (Евгением Онегиным). Поэт неоднократно подчеркивает их сходство в испытываемых чувствах, в восприятии действительности. В качестве примера можно привести воспоминания Пушкина о том времени, когда он, как и Онегин, “условий света свергнув бремя”, разочаровался в жизни, когда «в обоих сердцах жар угас», что вполне адекватно переведено Милорадом Павичем:

Я был озлоблен, он угрюм;
 Страстей игру мы знали оба;
 Томила жизнь обоих нас;
 В обоих сердца жар угас;
 Обоих ожидала злоба...

[Пушкин, 2. с.202]

Ја огорчен, он сетом свладан.
 Обојица смо у то доба
 Познали игру страсти јасно;
 У оба срца жар је згасно,
 Обојицу је срела злоба ...

[Пушкин, 2. с.30]

Пушкинская скука - лишь отчасти дань моде, отражение дендизма, отголосок байронического влияния, а в большей степени - отражение особенностей русской действительности того времени, следовательно, и особенностей русской скуки, не только как позы и слепого подражания, но и как принадлежности мыслящего существа. У Пушкина скука связана с душевным состоянием героя, с особым способом мышления, с процессом познания мира. Как верно отметил Лотман, поэтому по-иному осмысливается скука Онегина: образ «светского льва» вырастает в «серьезную фигуру, достойную встать рядом с автором» [Лотман 1999, с.408].

Далее онегинские «сплин», «хандра», «скука» превращаются в «тоску»: Тоска Онегина неоднократно появляется в «Отрывках...». Тоска поселяется в душе героя, когда он находится в поисках чего-то вечного, стремясь испытать чувство внутренней свободы, но так и не находит его в странствиях.

Таким образом, произведение, созданное художником, воплощает объективную универсальную картину мира. Поэтому Пушкин - автор «Евгения Онегина» и творческая личность - предстает перед нами как феномен русского мира с присущими ему национальными и нравственными особенностями и как субъект русского мира, который этот мир осмысливает и формирует. Подводя итоги данному исследованию, следует отметить, что

в тексте анализируемого романа скука коррелирует с такими понятиями, как «разочарование», «меланхолия», «хандра» («сплин»), «мода», «поза» и имеет специфические черты, обусловленные особенностями русского менталитета, а также зависит от авторского замысла. Кроме того концепт скука, помимо собственных смыслов 'чувство, состояние' и 'объект или обстановка', приобретает окказиональные смыслы 'тоска', 'пустота', 'мечтания', 'разочарование'. Скука главных героев романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» - это сложное состояние, представляющее собой объединение таких начал, как философия жизни (у Онегина), состояние (психическое и физическое – Ольга, Ленский, Татьяна), социальная роль (дендизм). Вербализация художественного концепта скука, отражая творческое видение автора, тесно связана со всей его речестилевой системой, с образно-ассоциативным мышлением художника слова-Пушкина.

Следует добавить, что иногда лексические единицы осложнены авторскими коннотациями, так что в пределах контекста общеязыковые значения выявленных лексем и фразеологизмов претерпевают смысловую трансформацию, в результате которой возникают индивидуально-авторские значения, трудно переводимые на сербский язык. Кроме того, при сравнительном анализе

лексико-фразеологической вербализации концептов скука (рус.) и досада (серб.) было констатировано, что имеются значительные расхождения: в русском языке богаче палитра лексико-фразеологических единиц, имеются окказиональные смыслы, которые не были замечены переводчиком. Исследование концепта скука помогает установить связь героев А.С.Пушкина с языковым сознанием людей XIX века, которое находит выражение в используемых ими речевых жанрах: монологах, и личных беседах, а также в авторских комментариях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1996. 416с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Известия АН. Серия литературы и языка / Д.С. Лихачев. 1993.- Т. 52, №1. С. 3-9.
3. Лотман Ю.М. Пушкин./ Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство, 1999.
4. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учеб. Пособие. / В.А Маслова. М.: Наследие, 1997. 208с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. Российская АН; Российский фонд культуры; 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928с.
6. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т./ А.С. Пушкин . М.: Художественная литература, 1986; Т.2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С.186 – 353.
7. Пушкин А.С.Евгеније Онегин. Роман у стиховима. Предео с руског Милорад Павић / А.С. Пушкин. 2.изд., ЛОМ: Београд, ММХVII, 2017. 245с.
8. Рубцов Б.Б. Мировые фондовые рынки : соврем. состояние и закономерности развития / Б.Б. Рубцов. М. : Дело, 2001. 311 с.
9. Сергеева Е.В. Принципы и методы исследования в лингвистике конца XX века: воспоминания о будущем // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». - Вып. 61 Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. - СПб. -Ставрополь, 2001.С.41 - 46.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824с.

Бранимир Чович
Панъевропейский университет - Баня-Лука
Республика Сербская, Босния и Герцеговина

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»: ОТ ВЕРЫ К БЕЗБОЖИЮ И ОТ БЕЗБОЖИЯ К ВЕРЕ

«Люди живы любовью; любовь к себе – начало смерти, любовь к Богу и людям – начало жизни. (Л.Н. Толстой, Круг чтения Толстого. М., 2001, 37)

Аннотация: В данном докладе заново актуализируется один из круциальных вопросов в толковании: как могло случиться, что многие русские и сербские литературоведы и критики в течение 140 лет всесторонне осветили многие аспекты этого типичного романа времени и пространства и предложили более или менее удовлетворительные и убедительные аргументы, а лишь только проблема композиции осталась полностью открытой до наших дней. Данная работа является первой попыткой целостного структурно-семантического сложной многоуровневой романной структуры, а в функции разгадки основной идеи романа в целом.

Ключевые слова: поэтика композиции, от композиции к идее, структурно-семантический подход, close reading

Томас Манн назвал «Анну Каренину» «первым во всей мировой литературе социальным романом», так как в нем ставится целый ряд вопросов, превосходящих личные судьбы главных персонажей, хотя они изложены в их судьбах. По значению эти вопросы равны проблемам, которые составляют основу сюжета. Все это разнообразие вопросов сказалось и на своеобразии композиции этого многомерного «романа пространства и времени», равно как и на наличии двух романов в одном, точнее, двух основных сюжетных линий – Карениной и Левина.

С образом Левина, с его дворянским сословием и кругом его интересов связаны многие проблемы, которые ставятся в романе: вопрос о кризисе дворянства после реформ 1861 года, о наемном труде и о новой планированной экономике, об отношении купечества к дворянству; о земстве, как форме самоуправления, о теории революции без крови, о раскаивающихся дворянах, роли дворянской интеллигенции, и о ряде других, связывающих сюжетную линию Левина с сюжетной линией Каренин – Анна – Вронский. В судьбах этого треугольника скрещиваются многие и самые разнообразные вопросы: о браке и семье, о материнстве и детях, о патриархальной морали и эмансипации женщин; о праве на личное счастье и о роли церкви, об авторской концепции человеческой природы, о любви и ненависти; о грехе и каре, об отождествлении жертвы с виновником несчастья... Немаловажную роль имеют и побочные сюжетные линии: семьи Облонских и Щербацких.

Все поиски Левиным смысла жизни и деятельности не ограничиваются лишь его отдельной личностью, а осмысляются романом в целостности. Хотя и невнимательному читателю сюжетная линия Левина кажется оптимально независимой и со стороны критики охарактеризована как отдельный «роман в романе», сюжетная линия Левина перекликается с другой доминантой

сюжета: Каренин – Анна – Вронский, с Анной, как носителем этой линии. Смысл существования, который Левин нашел и который спас его от бессмыслицы и самоубийства на индивидуален, так что может послужить коллективным образцом. Левин, таким образом, превзошел предыдущую позицию, согласно которой основной двигатель всех человеческих устремлений – личное счастье. Анна, наоборот, не могла превзойти такую же, как у Левина первоначальную позицию и вся отдается осуществлению личного счастья, забывая о судьбе своих самых близких: о сыне, муже, и близких ей друзей. Она себя и Вронского пытается отгородить от окружающей среды. А жить в обществе и быть от него свободным – оказалось невозможным: этим опасно сужается ее основа, и когда она подведет, то остается бессмыслица и смерть. Открытия Левина, что надо «жить по душе, по правде, по-божью» лишний раз освещает вину Анны, ее себялюбие, мизантропию. Этим подтверждается высказывание Толстого о том, что авторской позицией осуществляется единство и целостность романа.¹ Левин всеми своими мучительными, иногда опасными для жизни поисками смысла жизни лишний раз осмысляет авторскую концепцию, что поведение Анны не детерминировано объективными обстоятельствами, а что у нее была возможность выбора между личным счастьем и моральных норм, без которых жить нельзя. Анна выбрала и за этот выбор должна понести кару. Таким образом, опосредствованно сюжетная линия Левина помогает разгадке авторской концепции значения эпитафия «Мне отмщение, и аз воздам».

«Анна Каренина» роман с тезисом², который задан как в эпитафии («Мне отмщение, и аз воздам»), который сразу уточняется в первом абзаце в виде отдельного предложения-сентенции: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая несчастлива по-своему». В XXIII главе VII части романа Толстой выделяет еще один тип семьи, не принадлежащий ни одному ни другому.³ И эпитафия-библейзм, взятый из «Послания Павла Римлянам», и суждение о счастливых и несчастливых семьях, оба являются сентенциями. Эпитафия, разумеется, относится к несчастливым семьям. А оба они являются связующим звеном двух основных сюжетных линий и целого ряда побочных (и это внешняя связь, и немаловажная, о которой сам автор романа не высказался эксплицитно): с самого начала чередуются несчастливая семья Облонских (в прошлом – не безлюбовная семья) и счастливая Щербацких, которая, кстати, для рано осиротевшего Левина является образцовой (а это значит, что в прошлом это был брак по любви). А потом вся фабула в основном основывается на чередовании параллельных историй, с одной стороны, истории распада семьи Карениных и, с другой, истории постепенного сближения после мучительных поисков смысла и счастья обоих будущих супругов Левиных. О судьбах других семейств, несчастливых, (графини Лидии Ивановны, которую муж бросил на второй месяц, и которая «с тех пор не переставала быть влюбленной в кого-

1. Л.Н. Толстой, Литература и искусство. Москва, 1978, с. 170=171

2. Это ни в коем случае не значит, что мы тип художественного мышления Льва Толстого относим к «рационалистическому», в котором превалирует рационально-логический над «конкретно-чувственным», а скорее всего его можно отнести к «художественно-аналитическому». Который отличается единством конкретно-чувственных и аналитических элементов творчества. (Б.С. Мейлах, Три типа художественного мышления. В кн.: Процесс творчества и художественное восприятие. М., Искусство, 1985, с.110)

3. «Для того, чтобы предпринимать что-нибудь в семейной жизни, необходимы или совершенный раздор между супругами или любовное согласие. Когда же отношения супругов неопределенны и нет ни того, ни другого, никакое дело не может быть предпринято. Многие семьи по годам остаются на старых местах, постылых обоим супругам, только потому, что нет и полного раздора, ни согласия». (2,326)

нибудь»; матери и брата Алексея Вронского, князя Чеченского), и о счастливых (семьи Ваньки Параменова, старинных дворянских семьях Левиных и Щербацких, семьи сестры Кити, Натали Щербацкой и дипломата Арсения Львова) говорится попутно, вскользь, либо в эскизной форме (князя Чеченского, графини Вронской) либо несколько подробнее (семьи Лидии Ивановны, старшего брата Алексея Вронского; семья Арсения Львова и Натали Щербацкой и, в особенности, Ваньки Парменова и его невестки).

1) Проблему композиции романа Льва Толстого «Анна Каренина» очевидно нельзя свести лишь только к техническим вопросам: о соразмерности целого и его частей, о логической последовательности отдельных сюжетных линий, и, в особенности, об органической связи эпиграфа, равно и сентенции первого абзаца о счастливых и несчастных семьях, и интегрального текста романа. Она неразрывно связана с целым рядом других вопросов, в первую очередь этических вопросов: о жизни в соответствии с христианской моралью и о грехе, о вере и безбожии, о добре и зле, о любви и ненависти; о человеколюбии и себялюбии, о смысле жизни, о кризисах главных героев, которые сопровождаются постоянным или временным *tedeum vitae*, то есть полным равнодушием к жизни и к окружающим людям, а так же и о навязчивых мыслях о добровольном уходе из нее главных персонажей, Анны и Левина. Не случайно им отведена эта роль: оба они сложные натуры, наделенные высшими человеческими характерными особенностями: они носители высоких этических идеалов, и потому с незаурядно изощренным чувством смерти; образованные, начитанные, мыслящие, деятельные, с полуслова понимающие друг друга. Не случайно их встреча, которой посвящены три главы (IX-XI) VII части романа, исполнена глубины и тонкости. С этого момента усиливается их душевный кризис, с навязчивыми мыслями о самоубийстве и действие романа идет к развязке, трагической и счастливой.

Исходя из всего этого, нужно взять под сомнение достоверность давно превзойденного мнения о «двух романах» в одном романе, без убедительных доводов о якобы шаткой архитектонике романа и по-новому расшифровать загадку, которую оставил автор романа, о внутренней связи, обнаружить ключ к загадке об архитектонике этого романа пространства и времени, которой, кстати сказать, гордился сам автор – ибо «своды сведены так, что нельзя и заметить, где ключ».

2) Многие ученые в течение ста с лишним лет бились над этой трудно уловимой авторской загадкой, и так и не нашли одного, более или менее общепринятого решения. Проблема осложняется еще и тем, что ключ-то, по-видимому, не один, а их больше. Следуя советам Толстого, что связь композиционной постройки двух основных сюжетных линий внутренняя, и что бы ее заметить придется с удвоенным вниманием читать роман – так как, по словам автора, «эта связь там есть». Эта загадка и многие другие вопросы, неразрывно с ней связанные волнуют автора этих строк уже ровно полвека, и его мысли по этим вопросам менялись, развивались, расширялись, дополнялись, и нашли свою окончательную форму в статье, из которой он для вас извлекает в тезисной форме основные положения.

3) Сначала из-за ограниченного времени в беглой, эскизной форме придется изложить все более или менее оригинальные суждения критиков и литературоведов по интересующим нас вопросам, так как без опоры на предыдущую традицию нет и гарантии прогресса в любой, в частности, и в нашей филологической науке.

Итак, переходим к краткому обзору предыдущих попыток в решении названных вопросов.

а) »Анна Каренина« может быть представлена в форме двух разных романов, не связанных в одно целое. Эта точка зрения впервые была высказана в статьях современников романа, и все еще пользуется популярностью, и в тех или иных вариациях повторяется и по сей день. Критик А. Станкевич так и назвал свою статью «Каренина и Левин. Два романа», утверждая, что Толстой «дал не один, а два романа». ⁴ Роман казался ему внутренне неединственным, лишенным архитектуры, композиции. Это же мнение высказал в письме к Толстому и С.А. Рачинский, который коренной недостаток романа видит в его построении, в котором якобы бы «нет архитектуры». Таким образом, в нем параллельно развиваются две темы, ничем не связанные – Анна и Левин. Ему кажется, что в эпизоде знакомства Левина с Карениной «представлялся случай связать все нити рассказа и обеспечить за ним целостный финал», но Толстой, почему-то этого не захотел.

Толстой с этим суждением, разумеется, не мог согласиться. В ответе на это письмо он выражает свое несогласие, и считает такое толкование неверным, подчеркивая, что о композиции романа больше всего старался: «Я горжусь, напротив, архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок»... «Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомство) лиц, а на внутренней связи... Я боюсь, что, пробежав роман, Вы не заметили его внутреннего содержания... Вы ее (связь – Б.Ч.) не там ищете, или мы иначе понимаем связь; но то, что я разумею под связью, - то самое, что для меня делало это дело значительным, - эта связь там есть – посмотрите – вы найдете».

Многое в этом письме Льва Толстого нарочно передается в завуалированной форме, многие из метафор загадочны, многозначны. Но одно лишь несомненно: связь между этими сюжетными линиями не формальная, внешняя, а внутренняя, а «своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок». И без внимательного аналитического чтения нельзя увидеть не только внутренней связи, но и более важного «внутреннего содержания».

Многие из критиков приложили немало сил обнаружить это загадочный замок, при помощи которого две темы связаны неразрывной связью. Владимир Ермилов, автор книги об «Анне Карениной» считает, что «внутреннее содержание означает, во-первых, идею произведения. Понять секрет композиции... можно только при помощи его идеи. Следовательно, «замок свода» означает одновременно и идейный и композиционный центр произведения, единый узел романа». ⁵ Таким образом. В. Ермилов толстовское уравнение с одной неизвестной делает квадратным уравнением с двумя, и даже уравнения с тремя неизвестными: так и не сказав, что подразумевает под идейным, композиционным центром, а что такое единый узел романа, и где они. К тому еще внес дополнительную путаницу в толкование противопоставлениями типа внешнее и внутреннее развитие сюжета и идеи, не объяснив так же их содержания. Так, вместо того, что бы туман разошелся, он еще более сгущался из-за нагромождения ряда неясных терминов, так и не решив ни одну из названных проблем. А на вопрос, где искать невидимый замок, он считает, что его нужно искать во взаимоотношениях между образами главных персонажей – Анны и Левина, оставшись на уровне их внешних отношений, хотя Толстой решительно

4. «Вестник Европы». 1878, № 46, с. 4,5.

5. В. Ермилов, Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Москва: Художественная литература, 1963,57.

опровергает правильность таких попыток найти связь двух сюжетных линий на фабуле и на отношениях главных персонажей.

И после многих ненужных параллелей, не имеющих ничего общего с основной связью между сюжетными линиями, между Анной и Левиным, вдруг приходит к неожиданному и странному выводу:

«И вот Левин с особенной обидой и болью испытывает тоску отчуждения от настоящей жизни. Тоска разъединения, - разъединения в главных сферах человеческой жизни – любви и труда – и слияние этих сфер в идеальном образе народной жизни – таковы «замки свода» в «Анне Карениной». ⁶ Критик забыл что метафора «замки свода» относится к проблеме о внутренней связи, внутреннем содержании двух основных сюжетных линий: Карениной и Левина, а не только Левина.

Хотя цитирует из внутреннего монолога Левина то важное место, где говорится о том, что его привело к мысли о самоубийстве,⁷ В. Ермилов делает вывод о том, что «Левин спасается от самоубийства обращением к богу...Здесь сказались те кричащие противоречия в мировоззрении Толстого, которые раскрыты Ленинским анализом». ⁸ В тексте романа нет нигде обращения Левина к богу, разве только в молитве во время родов Кити, но кризис неверия после этого усиливается. Чем ближе к тексту романа, тем ближе к верности разгадки авторских идей и интенций, и поэтому мы обращаемся к разбору этого критического места,⁹

б) Одно время смысл эпитафии понимали в духе толкования М.С. Громеко, которое одобрил и сам Лев Толстой: «Нельзя разорить семью, а чтобы не принести ей несчастье: на этом несчастье нельзя строить новое счастье...А запоздалое увлечение страстью, в результате старой лжи, когда

разрушится, тем самым не исправит ничего, а только доведет до окончательного краха, потому что «Мне отмщение, и аз воздам».¹⁰

Толкование Громеко полностью выражало его этическую позицию о браке и семье, близкую авторской концепции. Толстой одобрил суждение критика Громеко: «Он объяснил то, что я несознательно внес в произведение...Великолепная вещь. Я в восторге от нее. Наконец объяснили «Анну Каренину».¹¹

в) У Вересаева оригинальный подход в решении функции эпитафии:

«Если бы Анна чисто и честно предалась этой силе, то перед ней могла бы открыться новая, осмысленная жизнь. Но Анна испугалась от людской молвы, от потери веса в обществе. И глубокое светлое чувство замаралось ложью. Анна убежала только в любовь, стала любовницей, как раньше была только матерью. Человек легкомысленно поступил против своей собственной

6. Там же, с. 103)

7. Ср. «Всю эту весну он был не свой человек и пережил ужасные минуты. «Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать этого не могу, следовательно, нельзя жить», - говорил себе Левин...

...И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться». (2, 380-381)

8. Там же, с. 128

9. Переломом в преодолении кризиса Левина были в последней, восьмой части романа, слова мужика Федора о том, что один из мужиков Фоканыч живет для души, по правде, по-божью... (2, 386) «Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных, бессильных отдельных мыслей, никогда не переставших занимать его». (2,386) Этому созвучны и заканчивающие роман строки: «...жизнь моя теперь... не только не бессмысленна, как было прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» (2,410). Выход найден в этическом вопросе – как живут честные мужики, как Платон (Фоканыч): для души, по правде, по-божью, а «не для утробы» и личного счастья.

10. М.С. Громеко, Последние произведения Л. Толстого. (В) Русская мысль, 1883, 2. 4,

11. Лев Толстой в воспоминаниях современников, 1955, с. 295.

личности, - и великий закон, светлый в своей суровости, говорит: «Мне отмщение, и аз воздам»¹².

С таким мнением Л. Толстой не был согласен, по той простой причине, что он выбрал эпиграф, чтобы выразить мысль о том, что наказание за все плохое, что ни сделает человек, приходит от бога, а не от людей.¹³

г) Раздумывая о данной проблеме, Луначарский видит Анну как женщину советской эпохи, насильно извлекая из рамок исторического контекста и конкретной общественной среды, забывая при этом, что драма Анны вне этих координат, скорее всего, не может повториться.¹⁴

д) М. Алданов считает, что «защита художника не оставила камня на камне от обвинения, которое построил Толстой моралист... Но в обвинении героини «Анны Карениной» не хватает элементарных условий правдивости... Там, где наслаждаются Облонские и Тверские, там трагедию Анны трудно принять, как акт высшей правды».¹⁵

е) Заслуживает внимания мнение Б. Эйхенбаума, что эпиграф нельзя толковать и как выражение идеи романа в целом, так как ни одна мысль, отдельно взятая, не может носить весь смысл произведения – сложной совокупности и связи персонажей, ситуаций действия. «Мысль Толстого, выраженная в эпиграфе, состоит именно и только в том, что неизбежное следствие »плохого« - это не человеческое отмщение, собственное страдание,

ж) Бурсов делает оригинальную попытку суть значения и функции эпиграфа из этического и сюжетного планов перевести в сферу эстетическую:

«Мне отмщение, и аз воздам» - эти слова находятся в согласии не только с содержанием, а и со стилем романа. В изображении героини, взгляд на окружающий мир которой сопровождается предчувствием неминуемого несчастья, заметны сгущенные мрачные краски и злосчастная символика».¹⁶

з) Интереснейшим является суждение Е. Купреянова, который считает, что эпиграф нужно освободить от древнего библейского значения и трагедию Анны рассматривать параллельно с поисками Левиным выхода из трагических коллизий. Анна противопоставлена Левину не как преступница праведнику, а как человек трагической судьбы, человеку, нашедшему выхода из трагедии, которая его подстерегала... Не наказание порока, а пагубное влияние его на обманутого человека – эту мысль подчеркивает эпиграф романа «Мне отмщение, и аз воздам». Эпиграф не следует понимать буквально, в библейском значении божьей кары. Нельзя так же думать, что эпиграф, который соответствовал первобытному замыслу романа, не соответствует широте идейной проблематики окончательного текста романа. Эпиграф говорит о том, что никто не имеет права судить и наказывать человека, так как самый суровый суд - в последствиях его личных поступков, за которые он несет ответственность не только перед людьми, но и перед самим собою.¹⁷

и) Югославский русист, Нана Богданович согласна с общепринятым взглядом, что «эпиграф «Мне отмщение, и аз воздам» содержит моральную интенцию Толстого. Однако, несмотря на этический смысл, который Толстой хотел вложить в мотив виновности, ответы скорее всего находились в эмоциональной

12. В. Вересаев, Собрание сочинений. Т.3. Москва, 1961, 408, 423.

13. Лев Толстой в воспоминаниях современников. 1955, 2, 169.

14. А. Луначарский, Русская литература. Москва: ОГИЗ, 1947. 266-267.

15. М. Алданов, Толстой и Роллан, Петербург, 1915, 169.

16. История русской литературы XIX века. Москва – Ленинград, 1956, 7, 2.

17. История русского романа. М. – Л., 1964, 2, 331.

и психологической интерпретациях, и в самом приеме, при помощи которого он свою мысль развивал. Проблема реализована не в рамках вины и наказания, а в личном чувстве трагической человеческой ограниченности в жизни, ограниченности, перерастающей в в чувство вины перед другими... Трагика жизни воплотилась в образе Анны». ¹⁸

4) Беглый обзор толкований функции и смысла эпитафия, хотя и страдает односторонностью из-за своего эскизного характера, все же дает общее представление о широте амплитуды понимания загадки эпитафия, так как в каждом из выбранных суждений критиков в диахронической перспективе о его функции для романа в целом всегда налицо и часть авторской концепции.

К основным недостаткам всех толкований эпитафия М. Бабович, один из ведущих литературоведов и знатоков русской классической литературы, относит отсутствие резонанса библейской мысли в концепции Толстого, потому что эпитафия извлекается и контекста «Послания Римлянам Апостола Павла» и таким образом библейская мысль актуализируется, а тем самым не учитываются факторы времени, среды и авторского сознания.

5) Если отправным пунктом в анализе сложной функции эпитафия послужит текст «Послания», то, по мнению Бабовича, нельзя не задать следующий вопрос: каков смысл эпитафия мог иметь во время написания романа, для среды первых читателей, когда этические нормы, моральные устои имели большее значение в человеческой жизни?

«С этической точки зрения эпитафия в полном согласии с повествованием и с судьбою героев. Счастье нельзя строить на несчастье других. И не только из-за инертности мнения среды, а из-за «второго голоса в себе», который свойствен главным героям романа... Поэтому и Анна страдает, и раскаивается, и наказывает самое себя, как человек чуткого сознания... Можно заметить, что кроману относится не только текст эпитафия, но и «Послания» в целом. Все основные пункты его относятся к Анне, о плоти, о себялюбии, и об отмщении. Не случайно в «Послании» часто повторяется слово прелюбодеяние, как преступление. Анна – римлянка. Она выбрала телесность... А чтобы могла наслаждаться телесным, она должна была стать эгоисткой, она заботится только о себе, чтобы быть привлекательной, прельщать других (Вронского, Вселовского, Левина), нарушает супружескую верность, а за прелюбодеяние, согласно «Посланию» следует наказание – смерть... Если исходить из эстетической позиции автора, согласно которому «единство произведения реализуется единственным отношением к объекту», тогда вторая сюжетная линия романа, в частности Левина, становится аргументом, что выбор Анны между семьей и страстной любовью – была ошибкой... Если Левин нашел выход, это значит, что он прав, а не Анна, выбор которой страстной любви разрушает семью, наносит обиду и приводит к трагической гибели... На мой взгляд, Анна именно чувством вины искупается перед читателем и тем самым заслуживает сочувствие больше, чем своим несчастьем». ¹⁹

б) Левин противоречив и в мыслях и в поступках, и поэтому несчастлив. Основная причина - невозможность найти решений для задуманных реформ, так как не в состоянии превзойти свой индивидуализм. ²⁰

18. Нана Богдановић, Ана Карењина. (У књ.: Књижевне анализе. Нови Сад, 1987, 66.

19. Милосав Бабовић, Руски реалисти XIX века. Београд, 1983, 361-364.

20. « - Я думаю, что двигатель всех наших действий есть все-таки личное счастье». (1,267); « - Я думаю, - сказал Константин, - что никакая деятельность не может быть прочна, - если она не имеет основы в личном интересе. Это общая истина, философская». (1,268)

В диспуте с братом Сергеем Ивановичем по поводу его суждения, что двигатель всех действий человека – личное счастье и личный интерес, Левин был «разбит со всех сторон». ²¹

Кризис во взглядах у Левина все усиливался, особенно, после смерти другого брата Николая, когда у него начались раздумья о смысле жизни. ²²

В это же время его мучает и вопрос о боге. ²³

Все эти мысли о жизни и смерти, о смысле жизни, о боге привели его в тупик, и тогда появились навязчивые раздумья о смерти. ²⁴

Выбор Левина – продолжить жить, было заодно и решение продолжить поиски решений, которые бы уменьшили зло и несправедливость на свете. ²⁵ По авторскому замыслу, выход найден в этической концепции жизни русского крестьянина. В разговоре с Федором, во время молотбы Левин, наконец, находит вывод из жизненного тупика. ²⁶

21. « - Ну, уж о философии ты оставь, сказал он. – Главная задача философии всех веков состоит именно в том, чтобы найти ту необходимую связь, которая существует между личным интересом и общим... я уверен, что это у тебя временное заблуждение, и пройдет». (1,268-269)

22. «С той минуты, как при виде любимого умирающего брата Левин в первый раз взглянул на вопросы жизни и смерти сквозь те новые, как он их называл, убеждения, которые незаметно для него, в период от двадцати до тридцати четырех лет, заменили его детские и юношеские верования, - он ужаснулся не столько смерти, сколько жизни без малейшего знания о том, откуда, для чего, зачем и что она такое». (2,377)

23 «Все хорошие по жизни, близкие ему люди верили...»(2,378); «Кроме того, во время родов жены с ним случилось необыкновенное для него событие. Он, неверующий, стал молиться и в ту минуту, как молился, верил. Но прошла эта минута, и он не мог дать этому тогдашнему настроению никакого места в своей жизни

Он не мог признать, что он тогда знал правду, а теперь ошибается; потому что, как только он начинал думать спокойно об этом, все распадалось вдребезги; не мог признать того, что он тогда ошибался, потому что дорожил тогдашним душевным настроением, а признавая его данью слабости, он бы осквернял те минуты. Он был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него.». (2,378-379);

24 «Мысли эти томили и мучали его то слабее, то сильнее, но никогда не покидали его. Он читал и думал, и чем больше он читал и думал, тем дальше чувствовал себя от преследуемой им цели.

В последнее время в Москве и в деревне, убедившись, что в материалистах он не найдет ответа, перечитал и вновь прочел и Платона. И Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра – тех философов, которые не материалистически объясняли жизнь». (2,379);

«Всю эту весну он был не свой человек и пережил ужасные минуты.

«Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно, нельзя жить» - говорил себе Левин...

Надо было избавиться от этой (злой) силы. И избавление было в руках каждого. Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство – смерть.

И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем. И боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться.

Но Левин не застрелился и не повесился и продолжал жить». (2,380-381)

25. «Так он жил, не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живет на свете, и мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства, и вместе с тем твердо прокладывая свою особенную, определенную дорогу в жизни». (2,383)

26. « - Да, так, значит – люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч (Платон) – правдивый старик, Он для души живет, Бога помнит.

- Как Бога помнит? Как для души живет? – почти вскрикнул Левин.

- Известно как, по правде, по-божью. Ведь люди разные. Вот хоть вас взять, тоже не обидите человека...

...При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-божью, неясные, но значительные мысли толпою как бы вырвались откуда-то иззаперти и, и все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя ее светом». (2,386);

«Левин шел большими шагами по большой дороге, прислушиваясь не только к своим мыслям (он не мог еще разобрать их), сколько к душевному состоянию, прежде никогда им не испытанному.

Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных бессильных отдельных мыслей, никогда не переставших занимать его....

Он чувствовал в своей душе что-то новое. И с наслаждением ощупывал то новое, не зная еще, что это такое. «...Он сказал, что не надо жить для своих нужд, то есть что не надо жить для того, что мы понимаем, к чему нас влечет, чего нам хочется, а надо жить для чего-то непонятного, для бога, которого никто ни понять, ни определить не может...»(2,387);

«Этот диалог имел решительное значение для дальнейшей жизни Левина. Прежде всего он понял, что искал выхода там, где нельзя было его найти – разумом, так как «разум открыл борьбу за существование и закон,

Таким образом, выход найден на этическом плане. Смысл человеческой жизни не в личном интересе, а в вере, правде и в добре, как единственное назначение человека.²⁷

Выход Левина, этический, лишний раз освещает вину себялюбивой Анны. Этим окончательно находит свое подтверждение и высказывание Толстого, что авторской позицией осуществляется единство романа. Левин всей своей жизнью осмысляет концепцию художника, что поведение Анны не было детерминировано объективными обстоятельствами, что у нее была возможность выбрать между личным счастьем и моральными обязанностями, без которых жить нельзя. Анна выбрала личное и поплатилась за это, Таким образом, сюжетная линия Левина помогает дешифровке авторской концепции значения эпиграфа «Мне отмщение, и аз воздам!»

7) Композиция романа с двумя основными сюжетными линиями – Анны и Левина - исчерпаны с математической точностью, но с обратной направленностью: у Анны - от веры к безбожию, у Левина – от безбожия к вере. Линия Анны движется от веры к безбожию, от человеколюбия к себялюбию, с продолжительными и многими фазисами нарастающей мизантропии и равнодушия к жизни, и мыслью о добровольном уходе из нее, с постепенной утратой душевного равновесия, с повторяющимися навязчивыми состояниями «двоения», и кончая полным нервным расстройством – и смертью.²⁸ Хотя и верующая, Анна не

требующий того, чтобы души всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно». (2,389);

27. Он жил (не сознавая этого) теми духовными истинами, которые всосал с молоком, а думал не только не признавая этих истин, но старательно обходя их.

Теперь ему ясно было, что он мог жить только благодаря тем верованиям, в которых он был воспитан. «Что бы я был такое и как бы прожил свою жизнь, если б не имел этих верований, не знал, что надо жить для бога, а не для своих нужд?...»(2,389); «Откуда у меня радостное, общее с мужиком знание, которое одно дает мне спокойствие души? Откуда взял я это?

Я, воспитанный в понятии бога. Христианином, наполнив всю свою жизнь теми духовными благами, которые дало мне христианство, преисполненный весь и живущий этими благами, я, как дети, не понимал их...

Да, то, что я знаю, я знаю не разумом, а это дано мне, открыто мне, и я знаю это сердцем, верую в главное, что исповедует церковь»...

И ему теперь казалось, что не было ни одного из верований церкви, которое бы нарушило главное – веру в бога, в добро как единственное назначение человека».(2,391)

«...Левин перестал уже думать и только как бы прислушиваясь к таинственным голосам, о чем-то радостно и озабоченно переговаривавшимся между собой.

«Неужели это вера? – подумал он. Боясь верить своему счастью. – Боже мой, благодарю тебя!» - проговорил он, проглатывая поднимавшиеся рыдания и вытирая обеими руками слезы, которыми полны были его глаза». (2, 392)

28 Начало любви – начало борьбы души и рассудка, и постепенное равнодушие к самым близким: к мужу, сыну, к Лидии Ивановне...

«Ах, боже мой! Отчего у него стали такие уши?» - подумала она, глядя ...на поразившие ее теперь хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы». (1,114);

«И сын, так же как и муж, произвел в Анне чувство, похожее на разочарование. Она воображала его лучше, чем он был в действительности. Она должна была опуститься до действительности, чтобы наслаждаться им таким, каким он был».(1,118);

«Она любила ее (графиню Лидию Ивановну), но нынче она как будто в первый раз увидела ее со всеми ее недостатками». (1,118).

С Вронским происходит то же самое: Ср. «Он смотрел на людей как на вещи». (1,115);

«Теперь же, по возвращении из Москвы, кружок этот (близкий Анне) ей стал невыносим. Ей показалось, что и он и все они притворяются, и ей стало так скучно и неловко в этом обществе, что она сколько возможно менее ездила к графине Лидии Ивановне». (1,139)

Удвоение личности: Первые признаки, когда в поезде из Петербурга в Москву Вронский явно ухаживает за ней:

а) «Он сказал то самое, чего желала ее душа, но чего она боялась рассудком». (1,113); «Он (муж) пожал ей руку и опять поцеловал ее.

б) «Все-таки он хороший человек, правдивый, добрый и замечательный в своей сфере, - говорила себе Анна, вернувшись к себе, как будто защищала его пред кем-то, кто обвинял его и говорил, что его нельзя любить. –

ищет помощи в религии, так как это значило бы отказаться от запрещенной по христианской морали любви к Вронскому.²⁹ А она этого сделать не могла. В этом ее трагедия. Сюжетная линия Константина Левина направлена зигзагообразной линией от пятнадцатилетнего полного отрицания бога (от двадцатилетнего до тридцатипятилетнего возраста), к страстному желанию поверить, потому что 99 сотых русских верующих, и жена верила, и «все хорошие по жизни, близкие ему люди верили», с мучительными раздумиями о целях жизни, сопровождаемые временными заблуждениями и кризисами, на грани нервного расстройства и мыслях о самоубийстве, хотя он был здоровый человек и хороший семьянин. «Так он жил, не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живет на свете, и мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства, и вместе с тем твердо прокладывая свою особенную, определенную дорогу в жизни».(2,383) Выход найден в этическом плане: смысл жизни не в себялюбии и личном интересе, а в боге, в правде, в добре, и в жизни для души.³⁰

Но что это уши у него так странно выдаются! Или он обстригся?» (1,123)

в. «Она беспрестанно повторяла: «Боже мой! Боже мой!» Но ни «боже», ни «мой» не имели для нее никакого смысла. Мысль искать своему положению помощи в религии были для нее, несмотря на то, что она никогда не сомневалась в религии, так же чужда, как искать помощи у самого Алексея Александровича. Она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни. Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страх перед новым, никогда не испытанным ею душевным состоянием. Она чувствовала, что в душе ее все начинает двоиться, как двоются иногда предметы в усталых глазах. Она не знала чего она боится, чего желает».(1, 314);

г. «Остановившись и взглянув на колебавшиеся от ветра вершины осины и обмытыми, ярко блестящими на холодном солнце листьями, она поняла, что они не простят, что все и все к ней теперь будут безжалостны, как это небо и эта зелень. И опять она почувствовала, что в душе у ней начинало двоиться. «Надо собраться. Куда? Когда? Кого взять с собой? Да. В Москву, на вечернем поезде.» (1,316);

д. – Что я могу решить одна? Что я знаю? Что я хочу? Что я люблю? Опять она почувствовала, что в душе ее начинает двоиться. Она испугалась опять этого чувства и ухватилась за первый представившийся ей предлог деятельности, который мог бы отвлечь ее от мыслей о себе.» (1,319);

е. « - Да, да, да. Вот что я хотела сказать. Не удивляйся на меня. Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая. Я вся. Я теперь умираю... - Она держала одною горячею рукою его руку, другую отталкивала его». (1,446)

2) «В душе ее была какая-то неясная мысль, которая одна интересовала ее, но она не могла ее сознать. Вспомнив еще раз об Алексее Александровиче. Она вспомнила и время своей болезни после родов и то чувство, которое тогда не отвлекало ее. «Зачем я не умерла?» - вспомнились ей тогдашние ее слова и тогдашнее ее чувство. И она вдруг поняла то, что было в ее душе. Да, это была та мысль, которая одна разрешала все. «Да, умереть!...»

«И стыд и позор Алексея Александровича, и Сережи, и мой ужасный стыд – все спасается смертью. Умереть – и он будет раскаиваться, будет жалеть, будет любить, будет страдать за меня». С остановившеюся улыбкой сострадания к себе она сидела на кресле, снимая и надевая кольца с левой руки, живо с разных сторон представляя себе его чувства после ее смерти. (2,332-333)

...И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним. Ясно и живо представилась ей.

Теперь было все равно: ехать или не ехать в Воздвиженское, получить или не получить от мужа развод – все было ненужно. Нужно было одно – наказать его. (2,339-340)

3) «Нет, я пойду к Долли и прямо скажу ей: я несчастна, я стою того, я виновата, но я все-таки несчастна, помоги мне. Эти лошади, эта коляска – все его; но я больше не увижу их». (2,346)

Интересно было бы только видеть Кити и показать ей, как я всех и все презираю. Как мне все равно теперь». (2,347)

29. «Она беспрестанно повторяла: «Боже мой! Боже мой!». Но ни «боже», ни «мой» не имели для нее никакого смысла. Мысль искать своему положению помощи в религии была для нее, несмотря на то, что она никогда не сомневалась в религии, в которой была воспитана, так же чужда, как искать помощи у самого Алексея Александровича. Она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни. Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страх пред новым, никогда не испытанным ее душевным состоянием. Она чувствовала, что в душе ее все начинает двоиться, как двоются иногда предметы в усталых глазах».(1, 313-314)

30. Все фазисы духовное возрождение Левина – любовь к людям:начиная с 7-й главы 8-й части романа:

1) Из внутреннего монолога Кити

«Теперь он стал все веселее и лучше, чем весною.

А то он так был мрачен и так мучался, что мне становилось страшно за него.»

«Она знала, что мучало ее мужа. Это было его неверие...»

«Он сам говорит, что желал бы верить. Так отчего же он не верит? Верно, оттого, что много думает? А много думает от уединения. Все один, один». (2,375-376)

2) «С той минуты, как при виде любимого умирающего брата Левин в первый раз взглянул на вопросы жизни и смерти сквозь те новые, как он их называл, убеждения, которые незаметно для него, в период от двадцати до тридцати четырех лет, заменили его детские и юношеские верования, - он ужаснулся не столько смерти, сколько жизни без малейшего знания о том, откуда, для чего, зачем и что она такое». (2,377)

3) «Все хорошие по жизни, близкие ему люди верили...»(2,378)

4) «Кроме того, во время родов жены с ним случилось необыкновенное для него событие. Он, неверующий, стал молиться и в ту минуту, как молился, верил. Но прошла эта минута, и он не мог дать этому тогдашнему настроению никакого места в своей жизни.

Он не мог признать, что он тогда знал правду, а теперь ошибается; потому что, как только он начинал думать спокойно об этом, все распадалось вдребезги; не мог признать того, что он тогда ошибался, потому что дорожил тогдашним душевным настроением, а признавая его данью слабости, он бы осквернял те минуты. Он был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него.» (2,378-379)

«Мысли эти томили и мучали его то слабее, то сильнее, но никогда не покидали его. Он читал и думал, и чем больше он читал и думал, тем дальше чувствовал себя от преследуемой им цели.

В последнее время в Москве и в деревне, убедившись, что в материалистах он не найдет ответа, перечитал и вновь прочел и Платона. И Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра – тех философов, которые не материалистически объясняли жизнь». (2,379)

«Всю эту весну он был не свой человек и пережил ужасные минуты».

«Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно, нельзя жить» - говорил себе Левин...

Надо было избавиться от этой (злой) силы. И избавление было в руках каждого. Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство – смерть.

И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем. И боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться.

Но Левин не застрелился и не повесился и продолжал жить». (2,380-381)

5) «...Так он жил, не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живет на свете, и мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства, и вместе с тем твердо прокладывая свою особенную, определенную дорогу в жизни». (2,383)

6) В разговоре с Федором Левин находит вывод из жизненного тупика:

« - Да, так, значит – люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч (Платон) – правдивый старик, Он для души живет, Бога помнит.

- Как Бога помнит? Как для души живет? – почти вскрикнул Левин.

- Известно как, по правде, по-божью. Ведь люди разные. Вот хоть вас взять, тоже не обидите человека...

...При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-божью, неясные, но значительные мысли толпою как бы вырвались откуда-то иззаперти и, и все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя ее светом». (2,386)

«Левин шел большими шагами по большой дороге, прислушиваясь не только к своим мыслям (он не мог еще разобрать их), сколько к душевному состоянию, прежде никогда им не испытанному.

Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных бессильных отдельных мыслей, никогда не переставших занимать его....

Он чувствовал в своей душе что-то новое. И с наслаждением ощупывал то новое, не зная еще, что это такое.

«...Он сказал, что не надо жить для своих нужд, то есть что не надо жить для того, что мы понимаем, к чему нас влечет, чего нам хочется, а надо жить для чего-то непонятного, для бога, которого никто ни понять, ни определить не может...»(2,387)

Он жил (не сознавая этого) теми духовными истинами, которые всосал с молоком, а думал не только не признавая этих истин, но старательно обходя их.

Теперь ему ясно было, что он мог жить только благодаря тем верованиям, в которых он был воспитан.

«Что бы я был такое и как бы прожил свою жизнь, если б не имел этих верований, не знал, что надо жить для бога, а не для своих нужд?...»(2,389)

7) «Откуда у меня радостное, общее с мужиком знание, которое одно дает мне спокойствие души? Откуда взял я это?

Я, воспитанный в понятии бога. Христианином, наполнив всю свою жизнь теми духовными благами, которые дало мне христианство, преисполненный весь и живущий этими благами, я, как дети, не понимал их...

Да, то. Что я знаю, я знаю не разумом, а это дано мне, открыто мне, и я знаю это сердцем, верую в главное, что исповедует церковь»...

И ему теперь казалось, что не было ни одного из верований церкви, которое бы нарушило главное – веру в бога, в добро как единственное назначение человека». (2,391)

...Левин перестал уже думать и только как бы прислушиваясь к таинственным голосам, о чем-то радостно и озабоченно переговаривавшимся между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермилов 1963: Ермилов, В.В. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – Москва: Государственное издательство художественной литературы – 132 с. 387.
2. Громеко 1876: Громеко М.С. Последние произведения Л. Толстого. // Русская мысль, № 2.
3. Станкевич 1878: Станкевич А. Каренина и Левин. Два романа. // «Вестник Европы», 1878, № 46, с. 4-5.
4. Толстой 1978: Толстой, Л.Н. Литература и искусство. – Москва – С. 170-171.
5. Эйхенбаум 1974: Эйхенбаум, Б. Лев Толстой. Ленинград, 1974. С. 172-173.
6. Вересаев 1961: Вересаев, В, Собрание сочинений. - Москва, Т. 3, С. 408.
7. Мережковский 1912: Мережковский, Д. Полное собрание сочинений. СПб-Москва, Т. 7, С. 129.
8. Алданов 1915: Алданов, М. Толстой и Ролан. - Пг. С. 168-169.
9. Шкловский 1967: Шкловский, Б. Лев Толстой. Москва, 1967, 365.
10. История русской литературы XIX века. - Москва-Ленинград, 1956, Т. 7, Ч. 2.
11. Богдановић 1964, Богдановић, Ивана. Ана Карењина. - Београд: Просвета, С. 20-21; Богдановић 1987: Богдановић, Ивана. Књижевне анализе. Н. Сад: Књижевна заједница Новог Сада, С. 66.
12. Достоевский 1956: Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. - СПб, Т. 11, С. 248-249.
13. Ермилов 1963: Ермилов, В. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». - Москва: ГИХЛ, 1963, 55-60.
14. Толстой 2001: Толстой, Л.Н. Круг чтения Толстого. - Москва, 2001. С. 37.

«Неужели это вера? – подумал он. Боясь верить своему счастью. – Боже мой, благодарю тебя!» - проговорил он, проглатывая поднимающиеся рыдания и вытирая обеими руками слезы, которыми полны были его глаза». (2, 392)

Инна Викторовна Алленова, доцент
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-РИМСКИХ УЧИТЕЛЕЙ IV ВЕКА Н. Э. ОБ ИДЕАЛЬНОМ МОНАРХЕ.

Аннотация: В статье автор останавливается на традиционной проблеме для античной политической элиты - формирования образа идеального правителя. Особенностью создаваемого образа является то, что интеллектуальная элита, была лишена возможности влиять на власть, так как в это время в восточной Римской империи происходит процесс становления монархической власти.

Ключевые слова: политические теории, образ идеального правителя, Евсевий Кесарийский, Фемистий, Либаний

REPRESENTATIONS OF THE EAST ROMAN THINKERS OF THE IV CENTURY AD. ABOUT THE IDEAL MONARCH

Summary: The author focuses on the traditional problem for the ancient political elite - the formation of the image of an ideal ruler. The peculiarity of the created image is that the intellectual elite was deprived of the opportunity to influence the power, as at this time in the Eastern Roman Empire is the process of becoming a monarchical power.

Keywords: political theories, image of the ideal governor, Evsevy Caesarean, Femyisty, Libany

Византийская империя – одна из самых самобытных цивилизаций. Все исследователи признают оригинальность и своеобразие государственного строя и политической теории Византии. Связанно это было с процессами проходящими в этот период. IV-VI века н.э. для Византии это время складывания монархической формы правления, поэтому политические теории демократического типа, предполагающие республиканские традиции не получили развитие. Вторым фактором, влияющим на политическую идеологию стало формирующееся христианское мировоззрение. Еще одной особенностью формирования политических теорий стало активное участие в этом процессе аристократии, которая формально была лишена возможности влиять на власть.

В Византийской политической идеологии сложилось три направления.

Во первых, проимперское направление. Сторонники этой позиции оправдывали монархическую власть божественностью происхождения.

Второе направление – оппозиционное. Его сторонники выступали против монархической власти и отстаивали право граждан на выборы правителя. «Оппозиционно настроенные авторы выступали против автократии императоров с ее политическим произволом и финансовым гнетом, против навязанной сверху принудительной христианской идеологии. Но их критика данного общественно-политического порядка велась отнюдь не с демократических, а скорее с консервативных позиций»¹.

1. Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и

Сторонници третьего направления пытались соединить монархическую власть с демократическими традициями.

Сложные перипетии идейно-политической борьбы, а главное – представления о монархе, его значимых качествах, – еще слабо изучены в византиковедческой литературе. Таким образом, представления о власти, формирование представлений об идеальном монархе в Византии в переходный период несомненно, остается актуальной темой, которую необходимо разносторонне разрабатывать.

Первые работы по истории культуры и образованию относятся к началу XX века и принадлежат перу Ф.П. Успенского², который написал труды по общественно – политической и религиозно-философской мысли Византии. Он пришел к выводу, что византийская культура и философская мысль в Византии не пребывала в состоянии застоя и вплоть до XII в находилась на недостижимой для Запада высоте. Он связывал религиозную борьбу с развитием общественной мысли, и политическими противоречиями.

На рубеже веков к проблеме развития императорской власти обращался Э.Д. Гримм³, а в 20-х годах XX века политическими идеями занимались Вальденберг В.Е.⁴ В советский период вопрос о политической теории Византии активно стал изучаться лишь в 70-80-е годы прошлого столетия. Яркими работами в этой области стали исследования З.В. Удальцовой «Византийская культура».⁵ и Г.Л. Курбатова «Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция». Эти ключевые работы содержат важный материал о спорах, которые проходили в этот период в Византии. Большое значение для разработки этой темы имеет работа Г.Л. Курбатова «Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли»⁶. В ней автор дает подробный анализ развития политической мысли и ее роли в ранневизантийском обществе и государственном управлении. Так же вопросами политических форм власти занимается А.А. Чекалова.⁷ Ряд ее статей содержат очень подробный материал о социально- политической ситуации в Византии. Это такие работы как «К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя», «К вопросу о теории монархии в IV в.» и «Представления о знатности в Византии IV - первая половина V в». В этих работах представлен сравнительный анализ взглядов византийской элиты на предложенные проблемы.

Несмотря на большое внимание исследователей к этой теме, она изучена в недостаточной мере. Мы остановимся на одном из направлений византийской общественно политической мысли, на наш взгляд очень спорном и интересном, и попытаемся проследить формирование представлений политических мыслителей IV века н. э. об идеальном монархе.

Одним из первых авторов, кто обратился к образу правителя был Евсевий Кесарийский. Будучи христианином он поддерживал Константина, фактически был его историографом. Он стоял на проимперской позиции и первый обратил

аристократическая оппозиция // Культура Византии: IV - первая половина VII в. М., 1984

2. Успенский Ф.П. Церковно-политическая деятельность папы Григория I Двоеслова. Казань, 1901.

3. Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900-1901.

4. Вальденберг В.Е. Политическая философия Диона Хризостома // Известия АН СССР. 1926-1927.

5. Удальцовой З.В. Византийская культура. М., 1988.

6. Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии: IV - первая половина VII в. М., 1984; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли Л., 1991

7. Чекалова А.А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. 1989. Т. 50; К вопросу о теории монархии в IV в // ВВ. 1997 Т. 58; Представления о знатности в Византии IV - первая половина V в. // ВВ, 1998 Т.59.

внимание не только на значимость божественного происхождения власти, но и на важность статуса императора в государстве как гаранта мира и процветания. По словам Евсевия, «в царствование Константина осуществилось то соединение двух принципов — божественности и государственности, которое только одно и может быть основой государственного устройства; ибо только такое государство способно охранять людей от злой силы, беспредельно царившей в мире до прихода Христа, а иногда и теперь пытающейся противодействовать силе добра» (Жизнь Константина, I. 5).

Евсевий сравнивает императора с отцом «заботившемся об общем благе», власть его должна быть легкой и приятной, а подданные наслаждались бы благами гражданственности, проводя жизнь спокойную и безмятежную (Там же, I.9).

Другим автором, поддерживающим императорскую власть, был - Фемистий. Это представитель языческого направления, сделавшего карьеру при Константинопольском дворце. Он рассматривает служение императора с позиции любви к людям (Речи, IX, XV, XVII). В своих политических речах «Констанцию II» (Речь I), «Валентиниану и Валенту» (Речь VI), «Феодосию Великому» (Речь XIX) он подробно останавливается на понятии «Добродетель». Фемистий подчеркивает, что император подражает Богу не саном, а добродетелью (Речь I, 13). В речи «О филантропии, или Констанций» Фемистий останавливается на образе идеального монарха, в частности, он пишет: «Подобно тому как человеку свойственна одна добродетель, собакам — другая, а лошадям — третья, так и царю, я думаю, свойственна своя, особая добродетель. Имя ей филантропия» (Ук. соч., 8-9). Для автора это основная добродетель, ибо «конечно же, боголюбивым царем является филантроп» (Ук.соч., 13). Она вершина, к которой устремляются другие добродетели, среди которых благоразумие и справедливость (Ук.соч., 7-9). Филантропию как высшую добродетель императора Фемистий считает свойством врожденным, поэтому царем, с его точки зрения, надо родиться, сделаться им нельзя (II, 49). Истинным императором является, по его мнению, тот, кто по своей природе предназначен к царствованию (IV, 76-77).

Таким образом, сторонники императорской власти прославляли монархию и считали, как верно подметил Г.Л. Курбатов, что, единолична власть, используемая на благо всех, – благодетельная «демократия»⁸.

Не имея возможности изменить форму правления, интеллектуальная элита пыталась обратить внимание на проблему тирании, которая рассматривается не только с точки зрения ее незаконности как таковой, он и того ущерба, который она наносит благу общества и государства. Проблема тиранических действий монархической власти заняла существенное место в политической теории и воззрениях ранней Византии.

Представление Фемистия об императорской власти как власти в первую очередь гуманной, человеколюбивой заметным образом сказалось на трактовке им дилеммы «царь и закон». Фемистий разделяет разработанную в эпоху эллинизма концепцию царской власти как имеющего божественное происхождение одушевленного закона⁹, однако если в Риме эта концепция трактовалась в первую очередь как не подвластность императора закону, то Фемистий вкладывает в понятие «царь» совершенство и милосердие (XIX 331). Отсюда его вывод: божественное предназначение императора — смягчать

8. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли Л., 1991.

9. Grimm Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб 1900-1901. Т. I С. 447, 448. 450

существующее в государстве законодательство, ибо механическое исполнение законов не отвечает истинной справедливости (I, 20-21). А в речи «О филантропии автократора Феодосия» ритор утверждает: «Бог послал с небес на землю царскую власть, чтобы было у человека прибежище от закона неподвижного к закону одушевленному и живому» (XIX 331).

Царь, считает Фемистий, исправляет несовершенство существующих в государстве законов, добавляя к ним то, чего им недостает, поскольку он сам — Закон и выше законов. «Добавлять» же, по его мнению, — значит лишить законы их строгости: «Подобно тому как хозяин умиряет лаской злобу лающей вне себя собаки, так царь часто смягчает гнев закона. Когда, например, закон предписывает смертную казнь, он заменяет ее ссылкой, когда же закон требует ссылки, он довольствуется конфискацией имущества, ибо в том и состоит суть разработанного права, чтобы, отличать преступление от проступка или неловкости» (I, 20-21).

Позиции Фемистия в этом вопросе не всегда поддерживались современниками, даже если они были единомышленниками в вере. Так, например, Либаний, апологет язычества, в речи, адресованной Констанцию, утверждал, что власть его отличалась «больше законностью, чем обширностью», понимая под законностью именно то, что он получил власть от отца¹⁰.

В дилемме «царь и закон» мнения Фемистия и Либания, выступавшего за строгость законов расходятся. (I, 131—132). Либаний действительно ратовал за исполнение «старых и новых законов», однако тех, целью которых была охрана интересов куриалов. Ярый сторонник аристократического правления он заявлял об ущемлении интересов куриалов, о применении к ним наказаний без соблюдения традиций. С его точки зрения для аристократа достойны более «мягкого» обращения. Например, запрет участвовать в заседаниях курий, словесная угроза. (LIV. 24). Однако нельзя эти точки зрения назвать полярными, ибо Либаний не против гуманности, а против произвола правителей, звание которых «дает вес приговору и оказывается сильнее истины» (LII. 49). Отличие Либания от Фемистия заключается, на наш взгляд, в том, что Либаний не верил в гуманность императорской власти, а потому его притязания не простирались далее того, чтобы она по крайней мере соблюдала законы.

Нельзя не отметить, однако, что концепция Фемистия не отличалась той стройностью и последовательностью. Так, при всем том, что он неоднократно говорит о счастье подданных как о первой заботе государя (II. P. 48-49; IV. P. 113), у него можно встретить суждение, что главная цель правления императора - достижение справедливости (XV, 274). То он с особой силой подчеркивает роль человеколюбия, то отводит главное место знанию (XV, 271). То он говорит, что добродетель — свойство врожденное, то высказывает предположение, что ей можно научиться у истинного философа или прийти к ней через любовь к словесности, ибо «кто любит слово, тот неизбежно полюбит и человека» (II. 39; XI. 219). То он утверждает, что в отличие от профессии капитана корабля, занятие которого — ремесло, управление государством — добродетель, то считает необходимым знать и т. д. (XV. 271—272).

Противоречия эти, на наш взгляд, возникли от того, что Фемистий стремился приспособить античную систему ценностей к нуждам своего времени, в частности к соперничеству с христианством, главную силу которого он, как и другие его

10. Здесь Либаний близок к Евсевию, по мнению которого престолонаследие как нельзя лучше отвечает законам природы.

современники, например, Юлиан Отступник, видел в милосердии. Именно этим объясняется и выдвигание им на первый план темы филантропии, которую он при этом неизменно представляет как традиционную греческую добродетель.

Прославляя византийских императоров IV в. и считая их за их человеколюбие более великим Фемистий стремился показать, что они следовали не христианскому учению, а от того, что придерживались традиционной системы ценностей греческой цивилизации. Христианство, таким образом, будучи вторичным, оказывалось для духовной жизни византийцев делом второстепенным, если не сказать ненужным.

Вместе с тем нельзя исключить и тот факт, что, прославляя императорское человеколюбие, Фемистий имел цель доказать, что императоры обладали тем достоинством, которого, по мнению других его современников, им не хватало. Людей с подобными взглядами было немало, и представляли они собой весьма серьезную силу.

Критическое по отношению к императорской власти направление общественно-политической мысли получило свое развитие в речах Либания, который считал, что истинным филантропом являлся один лишь Юлиан Отступник, пытавшийся возродить значение кури и куриалов¹¹.

Вообще же, отношение Либания к императорам очень осторожное. В одной из ранних речей - первый официальный панегирик Констанцию и Константу (LIX), он признает ряд заслуг императорской власти перед страной.

Вслед за своим современником Аммианом Марцеллином, который является сторонником сильной власти, Либаний тоже хвалил силу и решительность императоров за то, что они сумели вывести империю из кризиса III в., и твердой рукой обеспечили внутреннюю стабильность и мир, а соответственно, и относительное благополучие. Он фактически признает сильную власть режима Домината как необходимого в его время гаранта стабильности и единства империи.

Однако наиболее полные представления об императорской власти мы находим у Либания в характеристике Юлиана «последнего язычника на троне». Антиохийский ритор с восторгом принял «языческую реставрацию» и возлагал большие надежды и на внутреннюю политику императора. Длительное пребывание последнего, в связи с подготовкой персидской похода, в Антиохии (июль 362 — март 363) было важным периодом в жизни ритора. К этому времени относится целая группа его речей, посвященных Юлиану. В них отразились очень непростые отношения между императором и городами (XII—XVIII, X, XXIV). Либаний оказался своего рода ходатаем от Антиохии в конфликтах между городом и императором, попав в очень непростое положение, с одной стороны, «личного друга» Юлиана, с другой — ритора города, представителя его курии, который к тому же (при всей приверженности к общим установкам политики императора) далеко не во всем одобрял его позицию в конфликтах с антиохийцами. Речи Либания этого времени дают представление о его общих взглядах на задачи и политику императорской власти, ее отношениях с городскими общинами, а главное, реакции на эту политику со стороны последних и о его собственном отношении к этим конфликтам.

Таким образом, в IV в. и среди апологетов императорской власти, и среди ее критиков на первый план выдвигается тема государя как гаранта благополучия подданных, причем особенно остро она звучит в сочинениях идеологов родовитой аристократии. При этом нельзя сказать, чтобы представители критического направления отрицали императорскую власть как таковую. Для

11. урбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке) Л., 1962. С. 246

Либания, например, императорская власть предшествующей эпохи — золотая нить, связующая города (XI. 129).

Из совокупности черт, которыми представители критического направления наделяли облик идеального императора, вполне очевидно, что они исходили из необходимости и непреложности императорской власти, но не принимали той формы, которую она получила.

Именно этими обстоятельствами, на наш взгляд, объясняются обиды куриалов на отсутствие со стороны императора заботы о гражданах государства и возведение ими гарантии блага для подданных в главное качество государя. Но и императорская власть попыталась и весьма небезуспешно адаптироваться к новым для нее условиям, объявив себя основой благополучия не только родовитой знати, но населения вообще. В этом заключалась ее сила и сила новой политической теории, в которой и в последующие века существенное место занимала трактовка императорской власти как источника благополучия подданных.

Јана Васильевна Манака, студент
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

«ВДОВА КАПИТАНА» И «ДУША ЖЕНЩИНЫ» Б.А. ЛАЗАРЕВСКОГО: СПОСОБЫ И ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ЭМИГРАНТСКИХ УМОНАСТРОЕНИЙ

Аннотация (100 слов): В работе анализируются особенности мироощущения эмигрантов в малоизвестных произведениях Б.А.Лазаревского «Вдова капитана» и «Душа женщины», написанных в Константинополе и Берлине соответственно. В статье выявляется динамика мироощущений эмигрантов, их взглядов как на события в России, так и на культуру, менталитет чужих стран и народов, отраженные Лазаревским через оригинальную систему средств художественной изобразительности. Обращается внимание на то, что в произведениях нашли отражение мировоззрения писателя, сформированные под влиянием эмиграции. Подробно анализируется символический подтекст двух произведений, особенности его презентации и функционирования.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество Б.А. Лазаревского, «Вдова капитана», «Душа женщины»

«VDOVA KAPITANA» AND «DUSHA ZHESHCHINY» OF B.A.LAZAREVSKY, WAYS AND FORMS OF REFLECTION OF EMIGRANT MENTALITY

Annotation (100 words): In this work, features of emigrant`s mentality in unpopular writings of B.A.Lazarevsky, such as «Vdova kapitana» and «Dusha zhenshchiny», are analyzed. They`re written in Constantinople and Berlin. The article reveals the mental dynamics of emigrants, their perception of the events in Russia and the culture, and mentality of foreign countries and peoples, that are reflected by Lazarevsky through original system of artistic representation. Attention is also payed to the fact, that author`s mentality was formed under the influence of emigration and reflected in his works. Symbolic subtext of two poems, its features of presentation and functioning are analyzed in details.

Key words: literature of the Russian abroad, works by B.A. Lazarevsky, «Vdova kapitana», «Dusha zhenshchiny»

Б.А. Лазаревский (1871–1936) начал свой путь в качестве писателя еще в России и продолжил его впоследствии в эмиграции, где находился с 1920 года. Одним из первых его произведений, написанных за рубежом, стала повесть «Вдова капитана», опубликованная в 1920 году в Константинополе. Годом позднее, когда писатель находился уже в Берлине, был издан рассказ «Душа женщины». Эти произведения являются началом творческого пути Лазаревского за границей. В их подтексте ярко отразились эмигрантские настроения, личный взгляд писателя на события, происходящие в России, влияние на изгнанника времени, проведенного

вне Родины, а также воздействие на него культуры, менталитета стран, в которых он был вынужден оставаться. В этих произведениях отчетливо прослеживается динамика мироощущения эмигранта-писателя, проявляются новые особенности творческой манеры художника. Лазаревский вследствие своей многолетней юридической деятельности был весьма чуток и наблюдателен по отношению к другим людям, прекрасно разбирался в их психологии, поэтому отражение социально-исторических реалий в его творчестве представляет особый интерес.

В повести «Вдова капитана» и рассказе «Душа женщины» Лазаревского затрагивается ряд социально-политических проблем. Например, в «Душе женщины» писатель периодически через речи своих персонажей фиксирует распространенное суждение русских о жизни в России, которое строилось на грезах о том, как было бы в ней хорошо без продажных чиновников, хотя в итоге явно дает понять в своем произведении, что не чиновники являются причиной всех проблем. Во «Вдове капитана» Лазаревский поднимает социально-нравственную проблему, заключающуюся в высоко-духовной миссии офицерства и в ложном, клеветущем несправедливом отношении обывателей к нему. Но общее начало этих произведений заключается в выражении эмигрантских настроений, их влияния на жизнь вне России и творчество писателя. Возможно проследить даже динамику их изменений, сравнив повесть «Вдова капитана» (1920) и рассказ «Душа женщины» (1921).

Фабульное содержание обоих произведений можно представить следующим образом. Повесть «Вдова капитана» представляет собой воспоминания рассказчика – «офицера и человека несомненно любящего Россию» [1, с. 6], который повествует о случае, произошедшем в Первую мировую войну. Благодаря тому, что этот герой прежде славился своими «бычачьими нервами» [1, с. 7], ему отдан приказ оказать максимальное содействие приезжающей вдове убитого недавно капитана. В первой части повести героиня самоотверженно скорбит о своей утрате. Но затем ее образ претерпевает определенные психологические изменения. В финале вдова предпочитает оставить гроб с телом своего русского мужа на попечение рассказчика и предоставить последнему все заботы о доставке гроба с останками в Россию; а сама остается с другим героем, Габиевым, представителем одной из кавказских национальностей.

В берлинском рассказе наблюдается аналогичный прием в развитии сюжета. Главная героиня-рассказчица в условно выделяемой первой части описывает свою жизнь с русским мужем, сыном московского купца. Но во второй части предпочитает остаться с Гасселем, представителем немецкой крови, от которого у нее появляется и дочь. В этих сюжетных развязках прослеживается влияние на Лазаревского местонахождения в других странах в эмигрантский период. Опираясь на эти сюжетные особенности и соотнося их с конкретными биографическими фактами из жизни писателя, можно судить о символическом подтексте этих произведений, его связях с социально-политическими и социально-нравственными вопросами эпохи.

Повесть «Вдова капитана» – это одно из первых произведений, написанных за рубежом, метафоричная форма которого отражала мироощущение эмигрантов из России и их взгляды на происходящие в родной стране события. В символическом подтексте Лазаревский смог передать чувства отчаяния и одиночества людей, вынужденных покинуть свою Родину. Однако он описывает и сохранившиеся в них светлые чувства к русскому офицерству, обвиняемому в то время в бессилии предотвратить национальную катастрофу. Именно поэтому в произведении

особенно ярко подчеркнута национальность обоих героев-офицеров и под сомнением находится офицерский статус Габиева – героя иной национальности. Символическую картину повести можно представить в следующем виде. Герои: Лидия Михайловна, ее денщик, рассказчик – представители покинувших Россию эмигрантов; Габиев – чуждые для русских людей культура и менталитет страны, где они вынуждены были остановиться. Через образы двух офицеров автор также изображает эмигрантов и особенно подчеркивает в этих героях неопределенность эмигрантского положения: персонажи в развитии сюжета неожиданно появляются и также неожиданно исчезают; неизвестно, откуда они и куда держат путь. Смерть самого капитана в символическом подтексте – это духовная смерть России. Даже такая цитата по отношению к покойному, как «было неприятно глядеть в ту сторону, думалось, что и после смерти ему [покойному, а в данном случае России. – Я.М.] не тепло и не покойно» [1, с. 32-33], приобретает новый смысловой оттенок, относящий её к социально-политическим событиям России.

Эмигранты по своему мировоззрению разделились на два типа. К первому относились те, кто принимал повороты судьбы и, несмотря на тоску по Родине, находил в себе надежду на новое счастье. Примером в произведении является сама вдова. Ко второму типу относятся люди, которые не переставали жить одной надеждой на возвращение в Россию. Их олицетворяет Хоменко, который преданно остается у гроба своего капитана.

Рассмотрение повести с точки зрения символического подтекста, выражающего эмигрантские переживания, позволяет сделать интересные наблюдения. В произведении сравниваются жена А.С. Грибоедова и вдова повести. Разгадкой верности Нины покойному супругу главная героиня, пережив смерть своего мужа, называет ощущение постоянного присутствия рядом духа умершего: «И знаете почему, мне кажется, она не вышла замуж, – потому, что и после физической смерти Грибоедова, каждую минуту и каждый час везде и всегда, – чувствовала его присутствие, вот как я» [1, с. 27-28]. Также и эмигранты, покинувшие Россию, всегда чувствовали связь со своей Родиной и тоску по ней, несмотря на все происходящие социально-политические события в стране. И только при наличии этих чувств каждый из них выбирал для себя дальнейший путь: жить надеждой на возвращение или на новое счастье в чужой стране.

В «Душе женщины» эмигрантские настроения выражены уже не столь ярко, эмоционально, хотя, безусловно, присутствуют. За год, прошедший между написанием двух произведений, Лазаревский стал постепенно смиряться со своей судьбой, но мысли о России не исчезли, иначе бы раздумья о судьбе родной страны не отражались бы больше в его творчестве. В этом рассказе писатель сфокусировал внимание не на разделении эмигрантских потоков по дальнейшим взглядам на жизнь их участников, а в общем, на причинах, побуждающих людей покидать Россию. Эмигранты бежали от бед в стране, но спасения, долгожданного счастья и облегчения там не находили. Так погибла Соня. Ей врачи предписали иной климат. Имея возможность либо остаться в России, переменяя климат, либо уехать за границу, она выбирает последнее по большей части потому, что ей было больно находиться рядом с человеком, которого она безответно любила. Однако поиски спасения в иной стране не увенчались успехом. Болезнь героиню всё равно не покинула, и она умерла, как и прогнозировали врачи, но вдали от Родины. Не находили вдали от Родины счастья и эмигранты, которые уезжали, пытаясь найти покой за границей.

Примечательно, что после года, проведенного в эмиграции, Лазаревский по иному характеризует русских и нерусских людей. Если во «Вдове капитана» нерусский человек Габиев был показан грубым и невежественным, а русские офицеры, наоборот, обладали высоконравственными качествами, то в «Душе женщины» автор приводит обратную классификацию. Во-первых, мы наблюдаем явное влияние того, что теперь писатель находился в Берлине. Потому его герой Артур Густавович является немцем по происхождению, а с VII главы читатель и вовсе погружается в атмосферу некоего германского поселения, хотя все события происходят в России. В повести же, написанной в Константинополе, Габиев – человек кавказской национальности. А кавказцы и турки имеют внешнее сходство и в определенной степени схожий колорит. Теперь обратим внимание на поведенческие качества героев. Автор в одной из сцен описывает то, как Габиев громко «храпел и по временам чмокал губами, точно ел что-то вкусное» [1, с. 42], поэтому рассказчик даёт ему характеристику: «красивое животное» [1, с. 42]. Очень похожая сцена имеется и в «Душе капитана»: «Пьяный, удовлетворенный зверь мирно улегся на свою кровать и сейчас же захрапел» [2, глава VI]. Но вся разница в том, что в первой сцене фигурирует человек нерусского происхождения, а во второй – русского. Немец описывается человеком образованным, сдержанным, духовно развитым. В этом, несомненно, сказывается влияние эмиграции на писателя.

В 1920-ом году, когда Лазаревский только покинул Россию, его, как и большинство эмигрантов, терзало отчаяние, и этот крик художника так и ощущается во «Вдове капитана». В первый год эмиграции писатель не мог еще оценить что-либо в чужой стране и культуре, да и турецкий колорит весьма необычен для русского человека, потому и Габиев наделён отрицательными качествами. Спустя год, когда первые эмоции немного остыли, когда писатель перебрался в Берлин, Лазаревский даёт уже иную оценку как иностранцам, так и русским, формирует интересное мнение об обстановке в России. Он оценил немецкую сдержанность и аккуратность, немецкий порядок. Многие немцев считают сухими, «машинами», как замечается в самом рассказе «Душа женщины», но писатель развенчивает этот стереотип через своего героя, наделяя его лучшими качествами: как чиновник он стремился к справедливости, как человек он оказался чувствительным, нежным и страстным: «Гассель весь изменился. Доктринерство и серьезность исчезли. Он часто улыбался» [2, гл. X]. «Спокойные, голубоглазые, деликатные, добрые немцы» [2, глава VIII] – такой характеристикой наделяет автор представителей Германии.

Из реплик о России данного рассказа получается теперь совсем иная картина. Даниил Афанасьевич «больше говорил о том, как бы спасти Россию от нечестных людей и справа, и слева [2, гл I]. Писатель намеренно подчеркивает слово «говорил». Он привлекает внимание читателей к проблеме, основанной на том, что многие эмигранты и вообще русские люди только говорят о спасении России, но сами для нее ничего не делают и только эгоистично ждут от нее благополучия и различных удобств. Примечательно и то, что как только герои рассказа видят, чувствуют, что счастье становится для них по каким-либо причинам невозможным, они тут же стремятся покинуть Россию. Так, Михаил Даниилович просит Александру Николаевну, чтобы она дала ему точный ответ, будет она с ним или нет: « <...> не мучь ты меня: или скажи, что ты согласна быть моей женой, или гони вон... навсегда... Я уеду из России... Потому что здесь я, все равно, найду тебя не только в Москве, но и в твоей деревне, и снова буду и сам терзаться и тебя изведу [2, гл. II].

Подруга рассказчицы по курсам, оказавшись в трудной ситуации, также ищет счастья, но уже не ожидает того, что его может реализовать родная страна, от того вся её надежда ориентирована на получение должности в «немецкой школе»: «Вы, Шура, счастливая, богатая и теперь свободная. Помогите же мне; может быть, ваш пастор может устроить мне урок в какой-нибудь немецкой школе...» [2, гл. IX]. Или Соня, которая с легкостью согласилась бы уехать из России ради карьеры, раз родная страна не могла дать ей желаемого: «Она мечтала со временем получить кафедру по химии, если не в России, так где-нибудь за границей» [2, гл. I]. В итоге Соня покидает Россию, но по предписанию врачей и потому, что так и не добилась взаимных чувств от Артура Густавовича. Причем у девушки был выбор между Ялтой и за границей, но она намеренно выбирает второй вариант и объясняет это следующими причинами: «Но в Крым мне не хочется, — добавила она. — Там та же Россия и живут такие же никому ненужные дилетанты и пьяницы вроде Миши, или чиновники, для которых их карьера интереснее всего на свете...» [2, гл. V]. Так видят Россию сами русские люди, они говорят о её спасении и ничего не делают, они осуждают и пытаются покинуть её пределы. Но покинув, счастья не находят, как не нашла и Соня: «<...> Теперь ухожу с этого света я, среди чужих людей, совсем одинокая. Здесь я только жила надеждой поправиться и приехать в Россию, чтобы увидеть того, кто мне был дорог» [2, гл. XII]. Эта цитата по-прежнему выражает отчаяние эмигрантов и их гаснущую надежду на возвращение в Россию, которые, видимо, будут сопровождать их всю оставшуюся жизнь.

Лазаревский также обращает внимание на распространённое мнение русских, что все проблемы в России из-за чиновников: «...Я даже подумала: вот, если бы все чиновники так рассуждали, хорошо бы тогда в России жилось» [2, гл. III] или «<...>вы — Гассели — удивительные люди, и если бы все чиновники были такими умными и сердечными, то Россия обновилась бы в каких-нибудь десять лет и была бы такою счастливою страной, как... как... я сегодня» [2, гл. XI]. Однако писатель опровергает это словами самого Гасселя: «Я знаю, Михаил меня считает бездушным чиновником, карьеристом только потому, что я хочу честно делать свое дело и служить не за страх, а за совесть. Ну, что же, пусть так, но и у чиновника есть сердце и, когда оно просыпается, то горит еще ярче, потому что не привыкло к такой роскоши, как взаимность...» [2, гл. VI]. Автор явно даёт понять, что далеко не только чиновники являются причиной всех трагичных обстоятельств в России...

Лазаревский был мастером иносказательного слова. Изучая культурно-исторический, биографический контексты его творчества, можно воссоздать реалии, умонастроения, проблемы русской эмиграции, а также изменения во взглядах писателя, которые обусловлены событиями его собственной жизни. В повести «Вдова капитана» и рассказе «Душа женщины» наблюдается очевидное сходство их тематики и проблематики, авторских поисков и поставленных задач, однако очевиден и различный подход к их разрешению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазаревский, Б.А. Вдова капитана. Повесть / Б.А. Лазаревский. – Константинополь: Изд. М.В.Попова, 1920. – 52 с.
2. Лазаревский, Б.А. Душа женщины и другие рассказы / Б.А. Лазаревский. – Берлин, 1921 // URL: <http://lanterne.ru/boris-lazarevskiy-dusha-zhenshhinyi.html>

Мария Даниловна Худайбергенова, студент
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

РОМАНЫ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ» И К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу содержания и способов репрезентации проблемы памяти в романах Т. Толстой «Кысь» и К. Исигуро «Не отпускай меня». Установлена взаимосвязь между памятью как центральной категорией, подвергающейся рефлексии в указанных романах, и мотивами утраты, забвения, поиска, организующими художественное пространство исследуемых произведений. Поставлен вопрос о диалоге культур (русской - британской), в который вступают тексты Толстой и Исигуро, а также о культурном диалоге, реализуемом внутри романов (традиция – современность).

Ключевые слова: Толстая, Исигуро, «Кысь», «Не отпускай меня», современная литература, роман, антиутопия, проблема памяти, диалог культур, компаративистика, мотив воспоминаний, мотив поиска, мотив утраты

THE SLYNX BY TATYANA TOLSTAYA AND NEVER LET ME GO BY KAZUO ISHIGURO: THE PROBLEM OF MEMORY REPRESENTATION AND THE INTERCULTURAL DIALOGUE

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the content and of the ways to represent the memory problem in the novel *The Slynx* by Tatyana Tolstaya and in the novel *Never Let Me Go* by Kazuo Ishiguro. We've established the interdependency between memory as a central category, subjected to reflection in the above-mentioned novels, and the motives of loss, oblivion, searching, that organize the art space of the covered works. The article covers a problem of the intercultural dialogue (Russian and British) between the texts of Tatyana Tolstaya and Kazuo Ishiguro, it also highlights the cultural dialogue in the novels (a tradition - today's world).

Keywords: Tatyana Tolstaya, Kazuo Ishiguro, *The Slynx*, *Never Let Me Go*, modern literature, novel, dystopia, memory problem, intercultural dialogue, comparative studies, motive of remembrance, of searching and of loss

К проблеме памяти человечество обращалось на протяжении всей истории своего существования. Уже наскальная живопись позволяет заключить, что стремление человека запечатлеть себя, свою деятельность, окружающую природу обусловлено

не только возникающей склонностью к рефлексии, но и желанием зафиксировать в памяти реалии повседневности. В данной статье память будет рассматриваться не в узком значении, согласно которому она представляет собой физиологическую способность человека запоминать и хранить определённую информацию, а в более широком: под памятью в нашем случае понимается культурологическая, историческая, социологическая, этнографическая,

философска единица, обладавајќи специфически културни кодови, соопштавајќи човеку можност да идентифицира себе во рамките одредена национална и општествена култура. Памят – это феномен, без которого невозможно существование общества. Культурные и исторические смыслы, обладая цикличностью, позволяют через обращение к прошлому выстраивать настоящее и проецировать будущее. Памят – «создательница прошлого» [8, с. 40.],

и поэтому она обладает «способностью находиться во времени» [Там же].

Т. Толстая (р. 1951) и К. Исигуро (р. 1954) – современные писатели, неоднократно отмечавшие, что проблема памяти находится в центре их творческих интересов. Повествовательная стратегия в романах Толстой «Кысь» (1986-2000) и Исигуро «Не отпускай меня» (2005) ретроспективна (подчеркнем, что почти все произведения британского писателя японского происхождения К. Исигуро обращены в прошлое).

Одним из способов художественной репрезентации памяти в указанных произведениях является включение в их структуру воспоминаний. «История человечества является важнейшей парадигмой, посредством которой герои и строят свою идентичность, поскольку прошлое представляет собой надежный фундамент, оттеняющий нестабильность настоящего, в котором герою невозможно обрести себя» [7]. Герои Толстой и Исигуро остро чувствуют «иллюзорность связи с миром». Они стремятся построить своё настоящее через обращение к прошлому, остающемуся неизменным (ведь прошлое невозможно изменить) и оттого кажущемуся ложно прекрасным, стабильным, надежным.

Е.В. Комовская справедливо отмечает, что «герой Т. Толстой – это обычный созерцатель, живущий идеалами прошлого» [6]. Мотив воспоминания о прежней жизни в антиутопии «Кысь» сопряжен с образом главного героя – «созерцателя» Бенедикта, не способного полностью идентифицировать себя с обществом, в котором существует. Бенедикт находится в постоянном поиске себя, своего места и предназначения, поэтому обращается к своим и к чужим воспоминаниям. Прием воспоминаний о воспоминаниях реализуется во время размышлений героя о своей матери и прежних порядках: «... до Взрыва всё иначе было. Придёшь, говорит, в МОГОЗИН – берёшь что хочешь, а не понравится, – и нос воротишь, не то что нынче. МОГОЗИН этот у них был вроде Склада, только там добра больше было, и выдавали добро не в Складские дни, а целый день двери растворены стояли» [9, с. 14].

Другой герой романа «Кысь», Никита Иванович, устанавливает в городке Фёдор-Кузьмичске столбы для того, чтобы сохранить исчезающую память о прошлом города: «Дак этот Никита Иваныч начал по всему городку столбы ставить <...> вырезал: «Никитские ворота» <...> «Балчуг» . Или: «Полянка». «Страстной бульвар». «Кузнецкий мост». «Волхонка». Спросишь: Никита Иваныч, вы чего? А он: чтоб память была. Пока, говорит, я жив, <...> желаю внести свой посильный вклад в восстановление культуры» [9, с. 28]).

В романе-антиутопии К. Исигуро «Не отпускай меня» представлены воспоминания бывшей воспитанницы интерната для клонов-доноров. Отсутствие связи с внешним миром, призрачность настоящего и невозможность будущего заставляют Кэти обращаться к своим воспоминаниям о годах, проведённых в интернате Хейлшем: «У меня в памяти жизнь в Хейлшеме четко разделяется надвое: это последняя часть и все, что было до неё. Ранние годы <...> норовят слиться

в какое-то одно золотое время, и когда я что-нибудь тогдашнее вспоминаю – не важно даже что, хоть бы и мелочь, – во мне невольно будто загорается свет. Но в последний период было иначе» [4, с. 105].

Героиня не имеет представления о том, что такое настоящая семья, поэтому, принимая за истинную модель семьи взаимоотношения между опекунами

в интернате и клонами, она оживляет в воспоминаниях и своих воспитателей: «Мы все здорово ее боялись и относились к ней иначе, чем к другим опекунам. При этом считали мисс Эмили справедливой и уважали ее решения; даже в младших классах мы, кажется, чувствовали, что именно ее присутствие <...> даёт нам в Хейлшеме ощущение общей безопасности» [4, с. 57].

Репрезентация памяти в романах осуществляется и посредством мотива поиска и утраты. В антиутопии «Кысь» в качестве предмета поиска главного героя выступает книга. Думается, что этот символ определяет непрерывную связь прошлого

с настоящим и будущим, и поэтому Бенедикт верит в легенду о старопечатных книгах: «... в лесу есть полянка, а на полянке – горяч белый камень, а под камнем тем клад зарыт <...> И там те книги схоронены, и светятся они как полный месяц <...>

И будто у людей эти книги видели» [9, с. 38-39]. Поиск заветной книги приводит героя

к осознанию того, что мир устроен разумнее, чем он предполагал, и не может быть предано забвению по-настоящему важное:

« – Да, Никита Иваныч! – вскинулся Бенедикт. – Забыл совсем! <...> Книгу-то эту где искать?

– Какую книгу?

– <...> Книгу-то эту, что вы говорили! Где спрятана? Чего уж теперь, признавайтесь! Где сказано, как жить! <...>

– Азбуку учи! Азбуку!» [9, с. 314].

Исигуро включает в сюжет своего романа поиск музыкальной кассеты. Однако, если книга – это символ вечности, то кассета – своеобразный символ цикличности движения и невозможности повернуть это движение вспять. Кассета для Кэти – грустное напоминание о прошлом: «... если я достаю кассету и смотрю на нее, она ровно настолько же пробуждает воспоминания о том дне в Норфолке, насколько о старых хейлшемских годах» [4, с. 233], а сам Норфолк для главной героини, как и ее опекунов и друзей, – «потерянный край» [4, с. 91], где «оказывается потерянное имущество со всей страны» [Там же].

Французский философ и психолог Анри Бергсон (1859-1941) полагал, что человек обладает двумя типами памяти: произвольной, именуемой рассудочной, и интуитивной, иначе – нерассудочной. При этом философ подчеркивал, что для человека в большей степени важна память интуитивная, способная зафиксировать в сознании ароматы, цвета, визуальные ассоциации, эмоции. «Память укрепляет и обогащает восприятие, которое,

в свою очередь, развиваясь все более и более, притягивает к себе все большее число дополнительных воспоминаний» [1, с.222], – утверждал А. Бергсон. В рассматриваемых романах репрезентация памяти осуществляется через ассоциации и визуализацию, поскольку «образы памяти составляют основной материал мышления» [2, с.62].

Пейзажи, изображаемые писателями, импрессионистичны. Например, Бенедикт так воспринимает ночное небо и созвездия: «А над головой – небо, тоже чернее черного, а по небу, узором, голубоватые пятнышки звезд, то гуще, то слабее, словно бы дышат, пошевеливаются, словно бы тоже задыхаются, ежятся, хотят оторваться, а не могут, намертво приколочены к черной небесной крышке, накрепко прибиты, не сдвинутся. <...> все тут, всегда, сколько себя помнишь. Родись, умри, встань, ляг, пляши на соседской свадьбе, или поутру, на малиновом суровом восходе проснись как от удара палкой, испуганный, как если бы ты один остался живой на свете, – они все тут, всегда тут, бледно мигающие, подслеповатые, вечные, молчаливые» [9, с. 71]. Кэти в бессмысленном стремлении удержать прошлое подсознательно ищет привилегированный интернат в каждом туманном поле: «То, что я встречаю на пути в своих разъездах, и теперь иногда напоминает мне Хейлшем. Скажем, поле, над которым стоит туман. Или, съезжая с холма, вижу вдалеке угол большого здания. Или даже просто взгляд падает на тополиную рощицу на взгорье – и думаю: «Неужели здесь? Нашла! Ведь правда же – Хейлшем!» Потом соображаю – нет, ошибка, невозможно – и еду дальше, мысли переходят на другое» [4, с. 13]. Импрессионистичность авторского стиля создает условия для того, чтобы и герой, и читатель в своем сознании запечатлели изображенное мгновение, прочувствовали его во всей полноте.

Именно чувственные переживания заставляют героев обратиться к прошлому. Осязательное восприятие, зафиксированное в интуитивной памяти Бенедикта, позволяет ему вспомнить своё детство: «Вот если погода летняя, сидит матушка, причитает, а Бенедикт в грязи играет, куличики из глины лепит, а то нарвет желтунчиков и в землю втыкает, будто тын городит. А вокруг раздолье: холмы да ручьи, да ветерок теплый, ходит – траву колышет, а по небу солнышко коlobком катится, над полями,

над лесами, к Голубым горам» [9, с. 17-18]. Те же тактильные впечатления зафиксированы

Кэти: «Помню, мне было всего пять или шесть и я сидела за низким столиком рядом

с Амандой С. Руки у нас были липкие от пластилина. Не могу сейчас сказать, были ли

в комнате другие дети и кто из опекунов вел занятие. Точно знаю одно: Аманда С, которая была на год старше, посмотрела на то, что я леплю, и воскликнула: «Ой, Кэти, какая красота! Вот здорово! Точно тебе говорю – это возьмут в Галерею!»» [4, с. 46].

Романы писателей, воплощающие проблему памяти, вступают на уровне осмысления этой проблемы в культурный диалог и, более того, диалог культур осуществляется в каждом из них.

По мнению В.А. Доманского, под диалогом культур стоит понимать «всеобщий способ освоения духовно-ценностных основ жизни, форму поиска самого себя в мире общечеловеческих ценностей» [3, с. 106], а человек будучи субъектом познания «должен научиться жить в условиях множества культур, типов сознаний, логик, точек зрения» [Там же]. Авторы романов выстраивают диалог культур с помощью введения

в повествование мотивов, образов, аллюзий, реминисценций, сюжетов, мифологем, присущих разным культурно-историческим, философско-этическим, религиозным, политическим, социологическим текстам (что,

разумеется, обусловлено и постмодернистской природой рассматриваемых произведений).

Отсылки в романе Т. Толстой многочисленны. Бенедикт работает переписчиком книг, автором которых будто бы является правитель Фёдор-Кузьмичска – Набольший Мурза. В роман включаются фрагменты хорошо известного образованному читателю произведений Лермонтова, Мандельштама, Блока, Цветаевой. Библиотека Бенедикта состоит из текстов Софокла, Петрарки, Гоголя, Бальзака, Чехова, Кафки, Сартра, Горького, Набокова, Пастернака, Фолкнера, Лимонова и др. Но осознает ли Бенедикт художественную и, шире, культурную ценность этих книг? Думает ли о том, каким сокровищем обладает? Едва ли.

В отличие от Бенедикта, Кэти много размышляет о писателях, художниках, музыкантах и литературных героях, среди которых Томас Гарди, Франц Кафка, Маргарет Дрэбл, Эдна О'Брайен, Пабло Пикассо, Шерлок Холмс, Джуди Бриджуотер. Но, как правило, ее размышления детерминированы детским или подростковым восприятием

и отражают лишь воспоминание о каком-либо событии, не связанном с именем человека искусства.

Диалог культур эксплицирован и при помощи национальной картины мира, которая «отображает исторический опыт отдельно взятого народа, реализующийся в самобытности и национально-культурном своеобразии мироощущения народа»

[5, с. 70]. В романе Т. Толстой легко угадываются Москва и черты русского мира (в некоторой степени эти черты стереотипны): «На семи холмах раскинулся городок Федор-Кузьмичск, родная сторонка, и шел Бенедикт, поскрипывая свежим снежком, радуясь февральскому солнышку, любясь знакомыми улочками. Там и сям – черные избы вереницами, – за высокими тынами, за тесовыми воротами; на кольях каменные горшки сохнут, или жбаны деревянные; у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол напаялит, в глаза тычет: богато живу, голубчики! Такой <...> норовит в санях проехаться, кнутом помахивает; а в сани перерожденец запряжен, бежит, валенками топчет...» [9, с. 6] (курсив автора – М.Х.). Автор иронически подчёркивает характерные приметы СССР: «Билеты партийный, комсомольский, профсоюзный?.. Билеты государственной лотереи?.. Облигации внутреннего займа?.. Трудовая книжка?.. Удостоверения членов творческих союзов?.. Нет?.. Документы

на правождения транспорта?.. Грузового?.. Легкового?.. Трактора с прицепом?.. Нет?.. Жилищно-эксплуатационные документы?.. Абонентские книжечки?.. Газ?.. Телефон?.. Коллективная антенна?.. Квитанции на перерасчет?» [9, с. 128-129].

К. Исигуро, будучи писателем, сочетающим интерес к восточному и западному типам культуры, воссоздаёт в романе англо-японскую картину мира. Автор называет английские топонимы Норфолк и Дувр, британскую игру в мяч – раундерз, напоминающую бейсбол и лапту, рисует интерьеры и экстерьеры, характерные для англичан. Японское мироощущение передается через размышления об иллюзорности и зыбкости бытия: «...Хейлшем считали путеводным маяком, примером того, как можно двигаться к чему-то лучшему, к большему гуманизму, – даже в то время ничего подобного не было. Здесь должна быть полная ясность. Этот слух – сладкая иллюзия, ничего больше» [4, с. 343].

Размышляя о проблеме репрезентации памяти и диалоге культур, невозможно рассматривать одно явление без установления связи с другим.

Память – феноменальная духовная скрепа, без которой человечество не сможет существовать, поэтому «прошлое есть интегральная часть космоса, исследовать его – значит открыть то, что скрыто в глубинах бытия» [8, с. 40].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999.
2. Бородина Н.А. Синтаксический способ репрезентации концепта «память» // Вестник Вятского государственного университета. 2009. Т.3. №2.
3. Доманский В.А. Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы // Вестник Томского государственного университета. 1999.
4. Исигуро К. Не отпускай меня. М., 2009.
5. Каналаш О.П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования // *Lingua mobilis*. 2012. №6.
6. Комовская Е.В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т.Толстой «Кысь») // Концепт. 2014. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-utopii-k-antiutopii-i-postantiutopii-zhanrovaya-spetsifika-romana-t-tolstoy-kys> (дата обращения: 26.03.2019).
7. Павлова О.А. Концепция героя как носителя универсальной памяти человечества в романах Дж. Кутзее и К. Исигуро // Вестник Московского государственного университета печати. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-geroya-kak-nositelya-universalnoy-pamyati-chelovechestva-v-romanah-dzh-m-kutzee-i-k-isiguro> (дата обращения: 26.03.2019).
8. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т.10. № 3. Сер. Философия. Психология. Педагогика.
9. Толстая Т. Н. Кысь. М., 2001.

Наталья Лапаева Ристеска
Филологически факултет "Б. Конески"
Република Северна Македонија

«БАЛКАНСКАЈ» СТРАНИЦА В СУДЬБЕ И ПОЭЗИИ НИКОЛАЈ ТУРОВЕРОВА

Резюме (Резиме): Статија посветена истражувању «балканског» периода личной и творческой биографии русского поэта-эмигранта Николая Туроверова (18 [30] марта 1899, Российская империя – 23 сентября 1972, Франция). Пребывание Николая Туроверова как участника Белого движения в переселенческом лагере для военных на острове Лемнос (1920-1921), а впоследствии в Королевстве СХС (1921-1925) нашли отражение в его поэтических текстах «Лемнос», «Из цикла "Стихи о Сербии"», «Албанские стихи». В статье представлены результаты анализа мотивно-тематического комплекса данных произведений. Доказывается, что, изображая природу, менталитет народов Балкан, Николай Туроверов создал художественно убедительный образ этого региона.

Ключевые слова (Клучни зборови): русские поэты первой волны эмиграции, Балканы в судьбе Николая Туроверова, «балканские» стихи Туроверова, художественный образ Балкан

«BALKAN» PAGE IN THE FATE AND POETRY OF NIKOLAY TUROVEROV

Abstract: The article is devoted to the «Balkan» period of the personal and creative biography of the Russian emigre poet Nikolay Turoverov (1899, Russian Empire - 1972, France). Turoverov's stay in a military camp on the island of Lemnos (1920–1921) and later in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (1921–1927) were reflected in his texts «Lemnos», «From the cycle "Poems about Serbia"», «Albanian poems». The article presents the results of the analysis of the motive-thematic complex of these works. Turoverov depicted nature, mentality of the peoples of the Balkans and created bright image of this region.

Keywords: Russian poets of the first wave of emigration, the Balkans in the fate of Nikolay Turoverov, «Balkan» poems of Turoverov, the artistic image of the Balkans

Информативные, но весьма сухие электронные строчки Википедии сообщают, что «Николай Николаевич Туроверов (18 [30] марта 1899, Старочеркасская, Российская империя – 23 сентября 1972, Париж, Франция) – русский поэт. Донской казак, офицер русской и белой армий, участник Первой мировой, Гражданской, Второй мировой войн <...> Сражался с большевиками вплоть до эвакуации Русской армии Врангеля в Крым <...> После лагеря на острове Лемнос работал лесорубом в Сербии, грузчиком во Франции. После служил в банке в Париже Первая книга стихов "Путь" выходит в 1928 году. Сборники "Стихи" – в 1937, 1939, 1942, 1965 годах». Если развернуть эти короткие строки в более подробный и обстоятельный рассказ о человеческой и творческой судьбе Николая Туроверова, то получится достойная внимания страница из истории русской литературы первой волны эмиграции.

Восстановим вслед за туровероведами главные события биографии поэта, выстраивающиеся в его «линию жизни». Николай Туроверов – потомок старой казацкой семьи: он родился в семье потомственных казаков в станице Старочеркасская. Эта станица, имеющая славную историю (отсюда родом Степан Разин, Данила Ефремов) и по сей день сохраняет не театральный, а истинный вольный дух донского казачества. Как пишет Наталья Пичурина, «согласно вековой традиции, маленький Коля в три года прошел казачью инициацию – был посажен на коня, а в пять лет свободно скакал верхом» (Пичурина, Н.). Будучи юношей, Николай Туроверов «метался» между физико-математическим и медицинским факультетами. Однако получить «мирную» профессию не удалось: началась Первая мировая война, и Николай Туроверов вступает в Лейб-гвардии Атаманский полк. Впоследствии во время Гражданской войны Николай Туроверов, сделав выбор в сторону Белого движения, примкнул к атаману Алексею Каледину. Позже был трагический Степной поход в феврале-марте 1918, битва на Сиваше, разгром Белой армии в Крыму, врангелевская эвакуация (в середине ноября 1920 около 140 тысяч русских военных, в том числе 50 тысяч казаков, покидали Россию навсегда).

В поэзии Николая Туверова «факторафия» Гражданской войны превращается в пронзительную лирическую хронику, запечатлевшую и «географию» трагической эпопеи отступления белых («В железном грохоте разрывов / Вскипали воды Сиваша...», Спеши, мой конь, долиной Качи, / Свершай последний переход...»), и драматичнейшую ситуацию прощания с родиной («И в этот день в Чуфут-кале, сорвав бесшметрики сухие, / Я выцарапал на скале: / Двадцатый год – прощай, Россия!») (Туроверов, Н.Н.) [Далее в тексте статьи стихи Николая Туверова цитируются по этому сборнику. – Н. Л.-Р.].

«Эмигрантский» период в судьбе Николая Туверова делится на две части: некоторое время он находится на Балканах, в середине 1920-х годов уезжает во Францию, где и живет до конца своих дней. Решимся утверждать: в полной драматических событий судьбе Николая Туверова Балканы занимают более чем важное место. В этот – «балканский» – период состоялось рождение в нем поэта.

Первым пунктом вынужденной «балканской одиссеи» Николая Туверова был греческий остро Лемнос. В 1920-1921 гг. на Лемносе для военнослужащих армии генерала Врангеля союзниками-французами был разбит переселенческий лагерь. Казалось бы, Антанта должна была помогать эвакуированным остаткам врангелевской Русской армии, однако на деле Лемнос представлял из себя большую, окруженную водой тюрьму. «Союзники» установили для русских строгий режим интернирования и обеспечили скудное снабжение. На Лемносе оказались части Кубанского казачьего и Донского казачьего корпусов.

Остров встретил русских неласково. Они увидели его пустынным, продуваемым ветрами [«Вид острова был унылый. Невысокие горы, почти лишенные растительности, неопределенного, серовато-желтого оттенка, окаймляли громадную бухту» (Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 годах, стр. 320)]. Русские военные, в том числе и казаки, к которым относился Николай Туверов, должны были селиться в палаточных лагерях, которые сами же разбивали под натиском ветра. На Лемносе русские испытывали страшный голод. Он был мучителен на фоне неустроенного быта и тяжелого климата. Одним из испытаний на Лемносе стали болезни. «Русских врачей всего трое. Медикаментов и перевязочных средств нет. <...> Заболеваемость и смертность огромна. За три недели уже 50 могил» (Решетников, Л. П, стр. 14). И все-таки несмотря

на невероятные трудности, с которыми столкнулись русские на Лемносе, они оказывали сопротивление обстоятельствам. «Лемносское сидение», которое лучше назвать «Лемносским стоянием», – это пример силы духа, мужества, воли. И ещё – попытка сохранить свою идентичность, свое достоинство.

Все это в полной мере относилось и к Николаю Туроверову. Испытывая, как и все, ужасные трудности, Николай Туроверов пытался не сломиться. Дух оказавшегося в «лемносском» изгнании поэта поддерживала его тяга писать стихи. Она вызревало именно в этих, «страдательных» и казалось бы, не располагающих к творчеству, обстоятельствах.

Чуткая душа «казацкого» поэта Николая Туроверова не могла не уловить суровой красоты Лемноса. Именно под впечатлением природы Лемноса рождается его прекрасный лирический опус «Архипелаг» (1921). Лемнос Николая Туроверова «одет» в спокойную красоту южной зимы, он «февральский», холодноватый. Поэт словно открывает для себя душу Лемноса – «потаенную», «внутреннюю», «глубинную».

Трехчастная композиция «Архипелага» отражает движение поэтической мысли: в первой части поэт говорит о «затихании» дня, которое он наблюдает, идя по кромке моря к своему лагерю; во второй – изображается тяжелый трудовой день и воспоминания лирического героя о некоем сне, в котором он когда-то как будто уже видел этот остров; наконец, третья часть запечатлевает красоту красок острова, «проснувшихся» под блеснувшим солнечным лучом.

«Лемносский» пейзаж создается единством таких поэтических элементов, как «живопись», графика, звукопись, одоризм. Поэт видит остров в пастельных, «сглаженных» красках греческой зимы – «Февральский день, и тихий, и жемчужный, / Белесо отразился в зеркале воды». Воздух Лемноса поэт воспринимает «молочной мглой». Однако в последней части природа пробуждается. Это случается потому, что «прорезал облако уже последний луч». И вот изумленный меняющейся на глазах природой поэт видит, как «склоны смугло-желтоватых круч» чудесным образом преобразуются, как на них «краски расцвели внезапно и богато». Ландшафт острова не прорисовывается детально, это скорее – набросок, в котором, преобладает «контурность»: поэт видит только «ажурный контур гор». Звуки острова, запечатленные поэтом, также лишены «сочности». Он слышит лишь, как «... Шум лагеря ненужный / Лениво затихал». «Лемносский» пейзаж в стихотворении Николая Туроверова дополняют одористические образы, эксплицитно представленные в строчке «Дохнуло море солью сыровато», имплицитно – в строчке «Знаком залив. Знакома эта влага». Поэт создает удивительный экспрессивный эффект: читатель «достоверно» ощущает налитый соленой влагой воздух острова, отчетливо чувствует запах волн, тяжело набегающих на берег.

Николай Туроверов пробыл на Лемносе шесть месяцев. На 4 июня 1921 года была намечена передислокация 250 человек Гвардейского дивизиона, к которому относился и он, в Королевство сербов, хорватов и словенцев – сначала на территорию Сербии, а затем в Македонию. В Королевство СХС вместе с однополчанами и женой Юлией Николай Туроверов прибыл через Салоники и Гевгелию. После Лемноса безжалостная судьба кидала Николая Туроверова по разным местам Королевства СХС: он был зачислен в сербскую пограничную стражу, в составе служил на венгерской границе, потом была изнурительная работа лесорубом на заготовках леса в районе города Пожаревац. Как утверждает К. Н.

Хохульников, «труд нелёгкий и опасный, но оплачиваемый. Незатейливый паек от военного министерства, разоренного войной Королевства, давал возможность выжить и кормить семью» (Хохульников, К.Н.). 15 июня 1921 года в Македони, в городке Велесе, у Туроверовых родилась дочь Наталья. К. Н. Хохульников приводит строчки письма Николая Туроверова, запечатлевшие это событие: «Позже, уже живя в Париже, Николай Николаевич напишет восемнадцатилетней Наташе: “Родилась ты в доме Американского красного креста, куда приютили твою мать <...> Родилась в 12 часов ночи. Я в это время спал в грязной гостинице “Балкан” и ничего не знал”» (Хохульников, К. Н.).

Это были очень тяжелые годы физических и духовных испытаний. Однако именно в эти годы развился и окреп поэтический дар Николая Туроверова. Характерно и то, что на Балканах впервые начали публиковаться его стихи: в течение 1922-1924 г.они появлялись в газете и журнале «Казачьи Думы», выходивших в Софии, и в газете «Первопоходник», издававшейся в Белграде.

Пребывание Николая Туроверова в Королевстве СХС отразилось в двух его поэтических текстах – «Из цикла “Стихи о Сербии”» (1924) и «Албанские стихи» (1923, 1930). Эти произведения обладают общими для всего творчества Николая Туроверова чертами, которыми, по определению А. М. Ранчина, являются «кажущаяся простота, предметность, эмоциональная сдержанность» (Ранчин, А. М.).

Поэтический опус Николай Туроверова «Из цикла “Стихи о Сербии”» включает в себя три стихотворения, в которых автор передает свое восприятие образа жизни и национального характера сербов. В первом стихотворении поэт размышляет о драматической истории Сербии: он вспоминает, что когда-то «победно османы / Нахлынули, ширя набег», и серб встретил захватчиков-поработителей с «ножом полустертым». Однако характерно то, что внимание поэта сосредоточено в большей степени не на истории сербского народа – гораздо больше поэта впечатляет глубоко им почувствованная близость сербов и русских. Поэтому смысловой доминантой стихотворения являются строчки, в которых утверждается, что «русскому сердцу дороже / В пастушьем напеве свирель», и подмечается, что «у женщины, с нашею схожей, / В руке вековая кудель... » И этот «бурый от загара» серб, «закутанный в «овчинные шкуры», знающий, что такое «потом пропитанный труд», воспринимается поэтом-казакком как брат, как абсолютно «свой», «такой же».

Вторая часть «Из цикла “Стихи о Сербии”» продолжает именно эту тему – тему похожести национального менталитета сербов и русских, а также тему их человеческой солидарности. Поэт строит стихотворение на сопоставлении недавних трагических событий истории (Первая мировая война) и только что наступившего мира. Кажется, что все страшное – за плечами («О, мирный труд! Шагает конь. / Чигирь скрипит. Вода струится. / Нет, дни пожаров и погонь / Теперь сплошная небылица...»). Но, конечно же, воспоминания о войне живы, и об этом свидетельствует риторический вопрос автора «И в этот час, средь синих верб, / Когда двурогий месяц встанет, / Как может верить страый серб, / Словам о буре и о бране». Тем не менее поэт и старый серб, с которым он общается, рады минутам тишины и покоя. Каждый размышляет о своей судьбе («Мне – ратной совести укор, / Ему – его земля и травы... »); одновременно между ними существует незримая связь, замешанная на ощущении человеческого родства, на доброте. Высоко звучит финальная строчка стихотворения «И даст он молча помидор / Рукой мне грязной и шершавой».

Третья часть посвящена размышлениям поэта о своей горестной судьбе эмигранта – «Опять сентябрь в чужой стране...», «Приюта нет...». Однако боль утихает, когда глаза натываются на родственный русскому сердцу сербский пейзаж – поэт идет «по розовой стерне / Тропой уклонной косогора». Он видит сербское село, так напоминающее русское: в нем «лиловый дым / Восходит ввысь, лениво тая». Русские и сербские крестьяне ничем не отличаются друг от друга в своем восприятии времени: и те, и другие «числят время ростом злаков». Поэт приходит к выводу о том, что, если у человека есть чувство родства с тем народом, на земле которого он находится, то «тому сентябрь везде счастлив / И благосклонно одинаков». Он признается, что испытывает особенно духовное состояние – «И с сердцем легким и простым, / Гляжу, весь мир благословля...»

«Албанские стихи» в жанровом отношении также тяготеют к циклу. Они пронизаны «генеральной» поэтической мыслью автора о близости людей, о сопричастности одного человека к жизни другого. Первая часть цикла рассказывает о том, как поэт совершает трудный горный переход вместе с неизвестным попутчиком-мусульманином. Поэт запечатлевает «экстремальный» характер ситуации: суровые горы зимой, сумрак ночи, в который тревожно от лунного света («Глубокий снег лежал в горах. / Был лунный свет мутнее дыма»), ледяной холод (поэт признается, что «дрожит от стужи»). Незнакомый путник («Кто он, откуда?»), с которым они остаются вдвоем на ночлег на горном перевале, совершает простые, но «жизнеспасающие» действия: он поит обеих коней «На горном склоне / Он своего поил коня, / И вместе пили наши кони»), расчищает от снега место для ночлега, зажигает огонь («Он для меня расчистит снег, / <...> / И, вынув свой кремен и трут, / Зажжет подобранные сучья»), поддерживает дух («Попутчик мой сказал: Аллах / Хранит в дороге пилигрима...»). Символическим в стихотворении становится образ «рваного плаща верблюжьего». Его неизвестный путник расстилает на земле для обоих «пилигримов». Через этот простой, но глубокий и емкий образ автор передает особый тип человеческих отношений – отношений, в которых нет места эгоизму.

Во втором стихотворении цикла поэт воспроизводит похожую ситуацию: во время непогоды в горах ночью он получает кров у незнакомого пастуха – «Я скрылся от дождя, от ночи и от бури / В пастушьем шалаше». Автор подчеркивает, что внешнее общение двух случайно «пересекшихся» людей было суровым: сама встреча определяется как «безмолвная» («В горах случайны и безмолвны встречи»); хозяин шалаша называется «нелюдимым». Но существенным оказываются то, что албанец поделился с путником единственным, что у него есть (он предлагает поэту «место у очага на шкуре», «тепло дымящего огня»), более того – последним (он отдает ему «круглый хлеб, надъеденный самим»). И вновь образом, с одной стороны, ощутимо «вещественным», с другой, – несущим идею близости людей, является «шкура», «мех овечий». Поэт констатирует, что «нас крепче слов сблизает мех овечий / И скудное тепло дымящего огня».

Третью часть цикла Николай Туроверов выстраивает на оппозиции «история» / «вечное». В первых строчках стихотворения автор признается в своем равнодушии к богатой событиями истории Балкан: «Что мне столетия глухие, / Сюда пришедшему на час?» Он честно сообщает, что его не занимает «о баснословной Византии / Руин лирический рассказ», не интересуют «смена эпох». Более того, в его восприятии, все минувшие «эпохи» оставляют после себя только «руины», «прах» и «запах тлена в полуразрушенных церквях». Этой «мертвенной» истории автор противопоставляет

наблюдаемое им «живое» настоящее, обладающее тем не менее «библейским», а значит – вечным значением. Автор признается, что из всего разнообразия бытия многовековой балканской истории он запомнит только «скрип уключин, / Баркас с библейскою корчмой, / Да гор шафрановые кручи / Над синей охридской водой». Здесь акценты сделаны на «человеческом» и «природном». Баркас, издающий скрип, а значит управляемый человеком, и особенная красота природы Западных Балкан, представленная образами «шафрановых» гор и Охридского озера, древнего и прекрасного, с его «вечной» «синей водой» – это то, что сохранит память поэта, волею судеб оказавшегося в этом «уголке» Южной Европы.

Итак, Николай Туроверов в стихах трех своих небольших циклов – «Архипелаг», «Из цикла “Стихи о Сербии”», «Албанские стихи» – создал яркий «метагеографический» образ Балкан. Символическими коррелятами Балкан в этих текстах становятся вода (море, Охридское озеро), горы, патриархальное село. Смыслообразующим мотивом в «балканских» стихах Николая Туроверова является мотив встречи с «простым» человеком (сербом, албанцем), поделившимся с ним тем последним, что у него есть («помидор», «круглый хлеб», «рванный плащ верблюжий»). «Балканские» стихи Николая Туроверова – это особый фрагмент его картины мира, которую можно назвать антропоцентричной, так как главными ценностями для поэта являются братство, близость душ людей, даже если они принадлежат разным национальным культурам

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 годах. (2003), Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея, Москва: ЗАО Центполиграф
2. Пичурина, Н. (интернет-ресурс), Год Золотого казачьего пера в Серебряной Сербии, <https://facebookreporter.org/2014/04/01/год-золотого-казачьего-пера-в-серебря/>
3. Ранчин, А. М. (интернет-ресурс), Поэзия Николая Туроверова, <https://www.portal-slovo.ru/philology/42234.php>
4. Решетников, Л. П. (2009), Русский Лемнос: исторический очерк, Москва: Новоспасский монастырь
5. Туроверов Н. Н. (2006), (интернет-ресурс), Горечь задонской полыни... Поэзия, проза и публицистика, Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», <http://e-merkulov.ru/coss/turover1.pdf>
6. Хохульников, К. Н. (интернет-ресурс), Все отдал жизни, только лиру свою до гроба сохранил, <http://e-merkulov.ru/coss/turover1.pdf>

Артём Костерев, студент
ФГБОУ ВО ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Российская Федерация

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ: ПРОФАШИСТСКИЕ МОТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению идеологии фашизма с точки зрения исторической, политической и философской наук. Анализируются различные подходы к определению фашизма как понятия, истоков возникновения данного общественно-политического явления, его особенностей и роли во всемирном историческом процессе. Автор прослеживает становление фашизма на примере истории Италии, анализируя историко-политические предпосылки его возникновения. Ключевое внимание уделяется философским концепциям, послужившим основой для формирования этой ультраправой идеологии. ().

Ключевые слова: фашизм, национал-социализм, философия, политология, политическая философия, история, нация, государство, ультраправая партия, идеология, концепция, Муссолини, Гитлер

THE TOPIC OF THE ARTICLE: PRO-FASCIST MOTIVES IN POLITICAL PHILOSOPHY

Annotation: The article is about fascism ideology researching on a basis of history, political science and philosophy. There is an analyze of different aspects and points of view connecting with the determination genesis of fascism in this article; also there is an information about its sources, characteristics and role in the world historical process. The author pays attention to becoming of fascism basing on example of Italian history and analyzing of historical and political conditions of its genesis. The main part of the article is about philosophical conceptions that have become the basis for the formation of this ultra-right ideology

Keywords: fascism, philosophy, political science, political philosophy, history, nation, state, ultra-right party, ideology, conception, Mussolini, Hitler

В истории, политологии и политической философии проблема фашизма, его истоков, характерных черт и последствий для отдельных наций, государств и мира в целом — одна из самых дискуссионных и противоречивых. Казалось бы, все точки над «і» были расставлены в ходе Международного Нюрнбергского трибунала, где фашистско-нацистские преступления были обнародованы всему миру, измученному Второй мировой войной, верившему, что судьба этой идеологии — погибнуть вместе с ее главными теоретиками. Однако фашизм не канул в лету, а, напротив, медленно «набирает обороты», осуществляя попытки снова встать в единый ряд с существующими на данный момент политическими режимами.

Актуальность изучения фашизма в контексте политической философии и политологии обусловлена необходимостью научного обоснования становления в мировоззрении конкретных лиц, в частности, лидеров фашистских и авторитарных государств и политических партий ультраправого толка, идей,

которые поменяли вспять ход мирового исторического процесса XX века, а также подкрепления тезиса об исключительной опасности крайних форм фашизма в случае их реализации на государственном уровне, что можно наблюдать на примере современной политико-социальной обстановки на Украине. Тенденции к популяризации фашистских воззрений, к их «перерождению» в форме неофашизма и неонацизма имеют место быть в наши дни даже вопреки запретам деятельности ультраправых союзов и объединений на законодательном уровне. Примером служат десятки праворадикальных национал-социалистических организаций в ряде государств современной Европы: в России (РОНС, НСО, Северное братство), на Украине (Правый сектор, КУН, Национальный корпус), в Италии (Фашизм и свобода, Новая сила), в Германии (АдГ, НДПГ), в Великобритании (БНП, Combat 18 и Blood & Honour), в Греции (Золотая заря) и т.д.

Касательно вопроса полного, конечного определения термина «фашизм» активные споры и дискуссии продолжаются и сегодня. Рассмотрим некоторые из них.

Версия «Новейшего философского словаря» гласит, что фашизм, приравненный к национал-социализму, есть «тип общественного и государственного устройства, противоположный конституционно-плюралистической демократии. В Европе XX в. — это Португалия при режиме Салазара, Испания — при Франко, Италия — при Муссолини, Германия — при Гитлере. В рамках Ф. как особого социально-политического режима принцип многопартийности отрицается в интересах антидемократически и антилиберально ориентированной правящей партии или группы, т.е. меньшинства, насильственно захватившего власть и отождествляющего себя с государством.¹...»

Версия из книги «Политология. Словарь» звучит следующим образом: «Фашизм — крайне правая националистическая идеология и движение с тоталитарной и иерархической структурой, диаметрально противоположная демократии и либерализму. Термин берет свое начало в Древнем Риме, в котором власть государства символизировалась фасциями – связанных вместе пучками прутьев, (что означало единение народа) с выступающим из связки топориком (означавшим руководство). Этот символ послужил Муссолини эмблемой для движения, которое он привел к власти в Италии в 1922 г.² ...»

Мнение большинства советских и российских ученых и исследователей о трактовке термина отражено на страницах Большой Советской энциклопедии (БСЭ): «Фашизм — политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии. Ф. у власти – террористическая диктатура самых реакционных сил монополистического капитала, осуществляемая с целью сохранения капиталистического строя... В борьбе за создание массовой социальной базы Ф. выдвинул систему взглядов (т. н. фашистская идеология), использовавшую в значительной мере реакционные учения и теории, сложившиеся до его появления (расистские идеи Ж. А. де Гобино, Ж. В. де Лапужа, Х. Чемберлена и др.; антидемократические концепции Ф. Ницше и О. Шпенглера, антисемитизм, геополитика, пангерманизм и т. д.). В центре фашистской идеологии – идеи военной экспансии, расового неравенства, «классовой гармонии» (теория «народного сообщества» и «корпоративности»),

1. Грицанов А.А. Новейший философский словарь, Минск, 1999.

2. Политика. Толковый словарь. — М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир». Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М. 2001.

вождизма («принцип фюрерства»), всевластия государственной машины (теория «тотального государства»)³ ...»

Российская академия наук (РАН) дала следующее определение: «Фашизм — это идеология и практика, утверждающая превосходство и исключительность определённой нации или расы и направленная на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем»⁴.

Современная политическая наука рассматривает фашизм с двух ракурсов. Одни ученые (И.Н. Барыгин, Л.С. Белоусов, А.А. Галкин и др.) понимают под ним конкретные разновидности политических идеологий, сформировавшихся в Италии, Германии, Испании и т.д. в 20—30-х гг. XX столетия, выступивших в качестве популистского средства выхода этих стран из послевоенного кризиса. Другая точка зрения (А. Умланд, В. Випперман) интерпретирует фашизм как идеологию, не имеющую определенного идейного содержания и формирующуюся там и тогда, где и когда на первый план в идейных и практических устремлениях политических сил выступают цели подавления демократии, а жажда насилия и террора заслоняют задачи захвата и использования власти. Исходя из этого, многочисленные доктрины, содержащие признание превосходства расовых, этнических, классовых и иных групп общества, становятся идейной основой фашизма и, следовательно, ставят его в оппозицию буржуазии и демократии⁵. С точки зрения философии фашизм, фундаментом которого выступило богатое наследие немецких, французских и итальянских мыслителей разных эпох, концептуально противопоставлен материализму, рационализму, позитивизму.

Политическая философия обосновывает существование в политологии двух общепринятых блоков политических режимов: демократического и антидемократического, подразделяющегося на авторитаризм и тоталитаризм. Тоталитарные политические системы имеют особенности, логически обосновывающие их деление на три «ветви»: коммунизм, фашизм и национал-социализм. При этом фашизм занимает промежуточное положение между двумя другими: утвердившись на политической арене позже коммунизма (Советская Россия при В.И. Ленине 1918—1922 гг., позднее — СССР), он выступил в роли идеологической базы, «шаблона» для национал-социализма (Нацистская Германия при А. Гитлере (Шикльгрубере) 1933—1945 гг.).

Проникновение фашизма в политику связано с деятельностью Национальной фашистской партии под руководством Бенито Амилькаре Андреа Муссолини (1883—1945) и известным походом чернорубашечников на Рим в Италии в 1922 г. Итальянский фашизм, воплощающий синтез национализма, вождизма и синдикализма, принято ассоциировать с политико-философскими воззрениями деятелей Национальной фашистской партии Италии Б. Муссолини, Дж. Джентиле. Оба политика приняли участие в создании «Доктрины фашизма» (издана в 1932 г.), разделенной на две главы: «Основные идеи» и «Политическая и социальная доктрина». Роль государства в жизни общества, его взаимосвязь с нацией здесь излагается следующим образом: «Не нация создает государство,

3. Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия 1969—1978.

4. «Московские новости», 1995, № 39.

5. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов высш. учеб. заведений. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 447 с.

как это провозглашает старое натуралистическое понимание, легшее в основу национальных государств XIX века. Наоборот, государство создает нацию, давая волю, а, следовательно, эффективное существование народу, сознающему собственное моральное единство»⁶. По мнению итальянских политиков, фашизм «отрицает возможность материалистического понимания «счастья» ..., то есть он отрицает равенство...», а также «понимает жизнь, как борьбу, помня, что человеку следует завоевать себе достойную жизнь, создавая прежде всего из себя самого орудие (физическое, моральное, интеллектуальное) для ее устройства».⁷

Фашизм в Италии 20-х гг. XX века — последовательное явление, обусловленное исторически непрерывной цепочкой событий и обстоятельств: национально-освободительное движение Рисорджименто (1815 — 1861), империалистические наклонности внешней политики объединенного Итальянского королевства по отношению к ряду территорий Европы и Африки, объясняемые преемственностью с историей Римской империи, а также чувство «ущемлённости» и вытекающие из него реваншистские настроения правительствующих кругов Итальянского королевства, солдат-ветеранов, интеллигенции и молодежи, имевшие место быть после окончания Первой мировой войны, спровоцировали трансформацию мировоззрения большей части итальянского народа, включая будущих идеологов и обоснователей фашизма. При этом не стоит списывать со счетов личностно-психологические факторы, присущие лидерам фашизма, к примеру, эмоциональность и харизматичность Б. Муссолини, его умение «завести» толпу и др.

Политико-философская структура фашизма представляет собой достаточно полный список категорий и положений; некоторыми из них можно назвать: проявление национализма, милитаризации как основы политического и экономического развития общества; тотальный контроль всех сфер жизни общества и СМИ; шовинизм и антисемитизм; антидемократизм, антикоммунизм; расизм и идеи расового превосходства; склонность к тотальному подавлению оппозиционных сил, угрожающих целостности существующей власти и т.д.

Любая политическая концепция строится на конкретной философии. Фашизм и вытекающий из него национал-социализм в качестве фундамента избрал идеи ряда известных философов: Платона, Аристотеля, Ж.А. де Гобино, И.Г. Фихте, Г. Гегеля, Ф. Ницше, Х.С. Чемберлена и др. Однако ошибочно считать «идеологами прафашизма» Платона или Аристотеля, выступавших с резкой критикой описываемой ими тирании, или Ницше с его концепцией «сверхчеловека», изложенной в философском романе «Так говорил Заратустра», ставшем «Библией» нацизма. Что же конкретно заинтересовало, скажем, Гитлера или Муссолини в их трудах?

«Государство» древнегреческого философа Платона противопоставляет демократии деспотию, а демократу — образ тирана: «Первой его [тирана] задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе. А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю». В «Законах» лучшим политическим режимом для становления идеального государства, считает Платон, является исключительно

6. Муссолини Б, Джентиле Дж. Доктрина фашизма: «Основные идеи», раздел 10: «Понятие государства» (в пер. В. Новикова), 1938

7. Муссолини Б. Джентиле Дж. Доктрина фашизма: «Политические и социальные идеи». Раздел 5: «Против исторического материализма и классового борьбы» (в пер. В. Новикова), 1938.

тирания, «опирающаяся на философов и советников».⁸ Недалеко от платоновских воззрений располагается Аристотель, доносящий мысль о том, что тиран «склонен также вести войны, чтобы подданные не имели свободного времени и постоянно нуждались в предводителе», что «не сочувствовать ничему возвышенному, ничему свободному — свойство тирании; на эти качества притязает только сам тиран, а если находится человек, обладающий высокими чувствами, преклоняющийся перед свободой, то тем самым он лишает тиранию того, что придает ей превосходство и господство».⁹

Идеи французского писателя и дипломата Ж.А. де Гобино, автора арийской расовой теории и концепции «угасания» французской аристократии, отражены в сочинении «Опыт о неравенстве человеческих рас» (опубликовано в 1853—1855 гг.): четкое деление населения Земли на три нестабильные, способные к смешению расы: черную, желтую и белую (по степени от «низшей» стадии к «высшей»), кровь белой расы «всегда должна преобладать в любой цивилизации», что подчеркивает ее исключительность. Важный термин в философии де Гобино — вырождение, значащее, по его мнению, неконтролируемый процесс утраты людьми духовных ценностей из-за кровосмешения.¹⁰ Теория французского философа продолжена и дополнена его английским последователем Х.С. Чемберленом в книге «Основы двенадцатого века» (1899—1914 г. изд.): «Ничто не является более убедительным, чем самосознание нации. Человек, принадлежащий определенной чистой расе, никогда не потеряет этого чувства. Ангел-хранитель его происхождения всего рядом с ним... Раса поднимает человека над собой, наделяет его необычайной, почти сверхъестественной энергией, выделяет его как индивидуума из хаотического смешения народов, собранных со всех концов света. И если этот человек чистого происхождения более одарен, чем те, кто его окружает, то укрепляет и возвышает его во всех отношениях сам факт принадлежности к расе, и он становится гением, высящимся над остальным человечеством, не потому что он был брошен на землю силой природы, как пылающий метеор, но потому что он устремлен к небесам, как сильное и величественное дерево, питаемое тысячами и тысячами корней, — не один индивидуум, но живая сумма неисчислимых душ, стремящихся к одной цели»¹¹.

Немецкий классический философ И.Г. Фихте в «наукоучении» привлекает теоретиков фашизма и национал-социализма идеей интервенционизма (всестороннего вмешательства публичной власти в лице правительства, партий и организаций во все сферы человеческой жизни, изначально ставившее цель избавить граждан от экономического и социального неравенства) и концепцией «нового воспитания», «образующей немцев к новой общности». Критикуя немецкий народ, попавший в зависимость от завоевателей, за утрату самости, Фихте предлагает ему «средство спасения», заключающееся в «образовании совершенно новой самости, существовавшей прежде... как исключение у отдельных лиц, но никогда как всеобщая и национальная самость...» Среди всех европейских народов ученый выделяет именно этнических немцев как единственный способный к восприятию подлинного образования, видит в нем опору на прогресс общества в будущем; от развития Германия, по его мнению,

8. Платон. Государство. Собрание сочинений в 4 томах. Тт. 3, 4 («Законы», «Государство», «Политика»). М.: Мысль, 1994.

9. Аристотель. Политика. Собрание сочинений в 4 томах. Том 4. 1984 год

10. Гофман А. Б. Элитизм и расизм (критика философско-исторических воззрений А. де Гобино) // Расы и народы. — 1977.

11. Chamberlain H. The Foundations of the 19th Century, 2nd ed., published by John Lane, The Bodley Head, 1912.

зависит судьба Европы и, без преувеличения, всего человечества.¹² Другой представитель классической немецкой философии, современник Фихте, Г. Гегель дополнил идею национального духа, ставшую «находкой» для ультраправых националистических идеологий. По Гегелю, делению земного шара на части света соответствует деление населения Земли на расы, каждая из которых обладает собственным «психическим характером». При этом предпочтение в перспективах продуктивного исторического развития философ отдает европейской расе и немецкой нации, называя ее «историческим народом, высшей нацией». Национальный дух немцев Гегель определяет следующим образом: «... лучше разрешить взять у себя силой десять миллионов, лучше разрешить плевать себе в лицо и топтать себя ногами, лучше разрешить себя высечь, чем добровольно отдать один миллион и сознательно взять на себя рану, когда это неизбежно: в этом дух немецкой нации».¹³ Содержанием всемирной истории философ называет группу явлений: борьбу, победу, падение народов; исторический прогресс на каждой его ступени осуществляется «господствующим народом», истинным носителем целей всемирного духа, перед которым другие народы предстают бессильными в силу невозможности выполнения своей исторической миссии.

В силу сложившихся на стыке XIX—XX вв. исторических и политических предпосылок европейский фашизм был закономерен. Действительно, мобилизация ресурсов, их ориентация на внутреннее социально-экономическое развитие, а также консолидация народных масс и рост национального самосознания в странах, возглавляемых фашистскими лидерами, имела бы определенный успех на конкретном временном промежутке и, к слову, имела (в Португалии при А. Салазаре и Испании при Ф. Франко). Однако история знает иные, крайне негативные примеры проявления фашизма. Самый известный его идеолог — Б. Муссолини, — наравне с национал-социалистом А. Гитлером и милитаристским правительством императора Хирохитовиновны в инициировании Второй мировой войны, самого масштабного военного конфликта в истории, губительные последствия которого известны всему миру. Неофашизм, наряду с неонацизмом — прямые «наследники» режимов А. Гитлера и Б. Муссолини. При неправильном осознании их разрушительной силы, пренебрежительном отношении современных политиков существует вероятность в будущем столкнуться с реальной угрозой для политической целостности ряда государств, так или иначе ставших плацдармом для возрождения идеологии, которую Б. Муссолини предпочитал называть «религией».

12. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. [пер. с немецкого А.А. Иваненко]. СПб: Наука, 2009. — 349 с.

13. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. Т. VIII. М.: Госполитиздат, 1956 г. С. 331.

Доц. д-р Катерина Видова
 Меѓународен Славјански Универзитет „Г. Р. Державин“ Свети Николе-Битола
 Република Северна Македонија

ЛИНГВИСТИЧКИ МАРКЕРИ ЗА ОЗНАЧУВАЊЕ НА КАТЕГОРИЈАТА ОПРЕДЕЛЕНОСТ ВО МАКЕДОНСКИТЕ НАСЛОВИ И НИВНИТЕ АНГЛИСКИ ПРЕВОДНИ ЕКВИВАЛЕНТИ

Апстракт: Целта на овој труд е да даде преглед на лингвистичките маркери за искажување на категоријата определност во насловите во македонскиот јазик и нивните англиски преводни еквиваленти. Истражувањето е фокусирано на именската група (ИГ) во македонски наслови и нивните англиски еквиваленти и на начинот на искажување на определноста во овие ИГ. Истражувањето е спроведено на корпус од наслови ексцерпирани од македонски литературни и научни дела, каталози за театарска и филмска уметност преведени на англиски јазик. Сличностите и разликите во однос на лингвистичките маркери на категоријата определност помеѓу анализираните ИГ се претставени во двата јазика.

Клучни зборови: именска група (ИГ), наслов, определен член, присвоен модификатор, превод

LINGUISTIC MARKERS FOR EXPRESSING THE CATEGORY DEFINITENESS IN MACEDONIAN TITLES AND THEIR ENGLISH TRANSLATION EQUIVALENTS

Abstract: The aim of this paper is to present an overview of the linguistic markers for expressing the category definiteness in Macedonian titles and their English translation equivalents. The research is focused on NPs within Macedonian titles and their English equivalents and the concept of definiteness expressed within the respective NPs. The research is conducted on a corpus of titles from Macedonian written works of art, scientific texts, catalogues of theatre and film art translated into English. Furthermore, similarities and differences regarding the linguistic markers of the category definiteness between the examined NPs in the two languages have been highlighted.

Keywords: nominal phrase (NP), title, definite article, possessive modifier, translation

1. ВОВЕД

Предмет на овој труд е разгледување на сличностите и разликите во употребата на јазичните маркери за означување на категоријата определност во насловите во македонскиот и во англискиот јазик. Сличностите се јавуваат при употребата на членот во двата јазика, особено со употребата на определениот член со кој се изразува нешто споменато, одредено и познато на учесниците во комуникацијата.

Насловите претставуваат посебен вид на јазични фрази, т.е. кондензација на еден подолг текст што следува под насловот со неговите клучни зборови. Употребата на членот и на другите лингвистички маркери за означување на

категоријата определеност, освен што имаат граматичка функција во согласност со правилата на граматиката на еден јазик, имаат и стилска функција. Насловите често пати отстапуваат од јазичната норма: се изостава членот, се употребуваат куси зборовни форми што заштедуваат простор, со цел насловите да бидат концизни и конкретни и да звучат привлечно за публиката.

Истражувањето е спроведено врз ексцерпиран материјал од различни видови текст: уметничка и стручна литература, новинарски текстови, каталози од театарска и филмска уметност. Истражувањето има за цел да се потврдат следните претпоставки:

1. Македонските наслови што содржат членувани ИГ можат да имаат англиски преводни еквиваленти со членувани ИГ.
2. Македонските наслови што содржат членувани ИГ можат да имаат англиски преводни еквиваленти со ИГ од именка и падежна наставка за искажување присвојност, наречена саксонски генитив.
3. Македонските наслови што содржат членувани ИГ можат да имаат англиски преводни еквиваленти со ИГ од присвојна придавка и именка.
4. Македонските наслови што содржат членувани ИГ можат да имаат англиски преводни еквиваленти нечленувани ИГ.

2. ОПШТИ СОГЛЕДУВАЊА ЗА КАТЕГОРИЈАТА ОПРЕДЕЛЕНОСТ И НАСЛОВИТЕ

Во лингвистиката постојат повеќе согледувања за категоријата определеност. Според Хурфорд и Хизли (Hurford and Heasley, 2007:72) определеноста е својство на именската фраза одбрано од страна на слушателот да ја пренесе својата претпоставка. Слушателот ќе може да го идентификува референтот на именската фраза, во контекст од исказот или единствено во универзумот на дискурсот. Лајонс (Lyons, 1999:274) дава предлог да се направи дистинкција помеѓу граматичката и семантичката / прагматичката определеност и концептот на граматикализацијата. Според него, определеноста *stricto sensu* не е семантички или прагматички поим, како што тврдат повеќе автори, туку е граматичка категорија еднаква со времето, начинот, бројот, родот итн. Ставот на Минова-Ѓуркова (2000:37) е дека категоријата определеност се темели на способноста на јазикот, преку одделни свои средства, да даде информација за тоа дали земаме предвид (во случаите кога употребуваме именки) цело едно именувано множество, или пак одделни негови елементи и дали ги идентификуваме или не. Терминот детерминатор го користат лингвистите за означување на група зборови во која се вклучени определениот и неопределениот член, показните заменки и многу други зборови кои имаат исто значење и употреба како определениот член во англискиот јазик. Според Лајонс (Lyons, 1986: 452) детерминаторите, вклучувајќи го и определениот член, имаат примарна семантичка функција да ја определуваат (односно ограничуваат или прецизираат) именска фраза во која се појавуваат. Ставот на Кристал (Kristal, 1998:62) е дека терминот детерминатор (*determinative, det, DET, D*) се употребува во некои модели на граматичка дескрипција, а се однесува на класа на особености чија главна улога е да се согласуваат со именките за да изразат широк дијапазон на семантички контрасти, како што се квантитетот и бројот.

Насловите претставуваат коментари што ги даваме за текстот што следува. Заради нивната специјална функција во дискурсот, насловите се смета дека се метатекст во однос на обичниот текст. Ставот на Минова-Ѓуркова (1983:13) е дека

при составувањето на еден добар наслов треба да се почитуваат следните пет правила: важност, актуелност, концизност, конкретност и привлечност. Насловот, илустрацијата и името на авторот се трите нешта што го привлекуваат вниманието на читателот. Според Гросвенор Блејор (Grosvenor Bleyer, 2005:170) одлики на добар наслов се: привлечност, прецизност, концизност и конкретност.

3. АНАЛИЗА НА ЕКСЦЕРПИРАНИТЕ НАСЛОВИ

Во првата група се разгледуваат македонски наслови што содржат членувани ИГ кои имаат англиски преводни еквиваленти со членувани ИГ. Оваа група е најбројна и таа се состои од македонски наслови во чиј состав има членувани ИГ, составени од именка или повеќе именки; ИГ од придавка и именка; ИГ од именки и предлошки фрази. Англиските преводни еквиваленти на сите овие ИГ се ИГ што содржат член. Според структурата ИГ како составен дел на насловите се делат во четири подгрупи:

1. ИГ составена од една или од повеќе именки:

- (1) Градината / The Garden
- (2) Слогот / The Syllable
- (3) Дува и болвата / Duva and the Flea
- (4) Учебникарите Шапкарев и Пулевски / The textbook authors Sapkarev and Pulevski

2. ИГ составена од придавка и именка:

- (5) Вокалниот систем / The Vocalic System
- (6) Консонантскиот систем / The Consonantal System
- (7) Најдолгата тишина / The Longest Silence
- (8) Стариот период / The Old Period

3. ИГ составени од именка, предлогот на и ИГ:

- (9) Сторијата на Тасим / The Story of Tasim
- (10) Словата на Григор Прличев / The Speeches of Grigor Prlicev
- (11) Духот на слободата / The Spirit of Freedom

4. ИГ составени од именки и предлошки фрази или ИГ од придавки и именки и предлошки фрази:

- (11) Погром меѓу македонските Евреи / The Pogrom of Macedonian Jews
- (12) Човекот со златна рака / The Man with Golden Hand
- (13) Кула за битието / The Tour of Being
- (14) За јазикот на македонската уметничка литература / On the Language of Macedonian Literature

Во анализираните примери од првата група се потврдува основната структурна разлика помеѓу македонскиот и англискиот јазик. Определениот член во македонскиот јазик е постпозитивен и е составен дел од зборот, т.е. се појавува како афикс на центарот на ИГ. Во англискиот јазик определениот член е препозитивен, односно претставува слободна морфема, посебен збор што е во позиција пред зборот што е центар на ИГ. Забележуваме дека во македонските наслови во кои фигурира на-конструкцијата, во преводните еквиваленти се употребува постмодифицирачката of-фраза која ја наметнува употребата на членот во ИГ. Можеме да забележиме дека за наслови се земаат чисто генерични фрази како називи на определени множества, особено во стручната литература. Голем е

бројот на насловите со членувани ИГ што и припаѓаат на овој вид на литература. Членуваните ИГ се маркирани по посоченост односно множеството именувано во една генерички употребена фраза говорителот може да го протолкува и да го воведи како определено. Таквите фрази најчесто ги среќаваме во научните и стручните текстови каде што општите термини еднаш дефинирани се сметаат како познати; тука се работи за метајазична определност (Тополињска, 1974:81).

Во втората група се разгледуваат македонски наслови во чиј состав има членувани ИГ со англиски преводни еквиваленти на ИГ кои содржат генитивна падежна наставка, традиционално нарекувана 'саксонски генитив'. Во составот на македонските наслови има членувани ИГ кои содржат општи именки, предлогот на и сопствени именки; ИГ составена од општа именка, предлогот на и членувана ИГ која содржи две придавки и именка од кои првата е носител на членот. Според структурата насловите се поделени во две подгрупи:

1. Наслови составени од ИГ во чиј состав има општа именка, предлогот на и сопствена именка:

- (15) Сторијата на Ангелина / Angelina's story
- (16) Огледот на Константин Петковиќ / Constantin Petkovic's Essay
- (17) Епохата на Мисирков / Misirkov's Epoch
- (18) Записите на Кочо Рацин / Kocho Racin's notes

2. Наслов составен од општа именка, предлогот на и членувана ИГ која содржи две придавки и именка:

- (19) Дијалектика на женската ликовна уметност / Dialectic of Woman's Artistic Expression

Англиските преводни еквиваленти содржат именка и генитивна наставка 's која ја блокира употребата на определниот член the во англискиот јазик. Оваа генитивна наставка ја извршува функцијата на присвојност и истовремено ги определува ИГ во преводните еквиваленти. Во македонските наслови определноста во насловот е искажана со членувана именка, предлогот на и сопствена именка. Разликата помеѓу двата јазика е во тоа што во македонскиот јазик определноста е искажана со употреба на членот и на предлогот на со кој исто така се искажува присвојност. Во англискиот јазик определноста е искажана со употреба на сопствена или општа именка и со генитивната наставка 's, со која се искажува релација на присвојност која истовремено го определува насловот и ја блокира употребата на членот the. Кога посесорот (поседувачот) е специфициран, тогаш тој има референцијална идентификувачка функција во однос на посесумот (поседуваната именка). Оттука произлегува дека во прототипната посесивна релација е еднозначно идентификуван посесорот преку кој автоматски е определена и поседуваната именка (Митковска, 2005:61). Пр: Сторијата на Ангелина; Епохата на Мисирков.

Во третата група се разгледуваат македонски наслови со членувани ИГ кои на англиски се преведуваат со ИГ со присвојна придавка и именка. Според структурата на насловите, групата е поделена во четири подгрупи:

1. Наслов составен од ИГ кој содржи супстантивизирана придавка чиј преводен еквивалент е ИГ составена од присвојна придавка и именка:

- (20) Патување со љубената / Journey with my beloved, каде што македонскиот наслов се состои од глаголска именка, предлог и супстантивизирана придавка. Преводниот еквивалент го сочинува ИГ составена од именка, предлог и ИГ од

присвојна придавка и именка. Структурната разлика помеѓу оригиналниот наслов и преведениот е тоа што супстантивизираната придавка љубената е преведена со присвојна придавка *my* и именката *beloved*.

2. ИГ која содржи членувана предлошка фраза составена од предлог и членувана ИГ чиј преводен еквивалент е ИГ од присвојна придавка и именка:

(21) Нешто малку за полувековното другарување со Греам и Пеги / *Some Words About My Half-Century's Friendship with Graham and Peggy*

(22) За учителите / *About My Teachers*

4. ИГ составена од присвојна заменска придавка, именка и сопствена именка:

(23) Нашиот современик Вапцаров / *Our contemporary Vapcarov*

(24) Мојата колиба- 'среќен простор' / *My cottage – 'happy space'*

5. ИГ составена од сопствена именка, предлог и именка:

(25) Рацин и следбениците / *Racin and his followers* каде што преводниот еквивалент се состои од сопствена именка, сврзник, присвојна придавка и именка. Разликата помеѓу македонскиот наслов и преводот се состои во тоа што преводниот еквивалент на ИГ следбениците претставува ИГ составена од присвојната придавка *his* и именката *followers*.

6. Наслов составен од исказна реченица:

(26) Господ постои, името и е Петрунија / *God exists, her name is Petruniya* каде што македонскиот наслов е исказна реченица во која објектот е дел-реченица која содржи членувана именка името и кратка заменска форма за индиректен предмет која во преводниот еквивалент е ИГ со присвојната придавка *her* и именката *name*.

Функцијата на определување во македонскиот јазик ја врши членот (оттука насловите содржат определени ИГ) додека во англискиот јазик употребата на присвојните придавки во преводните еквиваленти ги определува насловите и ја блокира употребата на членот *the*. Присвојните придавки се носители на категоријата определеност во англиските преводни еквиваленти. Разликата помеѓу македонскиот и англискиот јазик е тоа што присвојните придавки во македонскиот јазик можат да се членуваат, а во англискиот тие ја исклучуваат употребата на членот и самите имаат определувачка функција. Во англискиот јазик присвојната придавка го означува посесорот (поседувачот) кој служи за упатување на референтот на конститутивниот член; определениот член е редувант и е блокиран, па самата присвојна придавка ја прави ИГ определена. Во македонскиот јазик определениот член се појавува паралелно со присвојната заменска придавка секогаш кога е потребно. Поради тоа англиската присвојна придавка функционира како детерминатор, а македонската како модификатор (Митковска, 2005:208)

Во четвртата група се наведуваат македонски наслови со членувани ИГ со англиски преводни еквиваленти нечленувани ИГ. Според структурата насловите можеме да ги поделиме во четири подгрупи:

1. Наслови што се состојат само од една именка која е носител на членот, додека пак преводните еквиваленти се состојат од именка без член:

(27) Квантитетот / *Quantity*

(28) Акцентот / *Accent*

2. Насловите што претставуваат членувани ИГ со предлошки фрази кои на англиски се преведуваат со нечленувани ИГ.

- (29) За јазикот / On Language
- (30) За македонските работи – „Вардар“ / On Macedonian Matters
- (31) Настанување на малцинствата / Emergence of minorities
- (32) Дефинирање на малцинствата / Defining minorities

3. Наслови што претставуваат реченични искази, членувани генерички фрази, а преводните еквиваленти се нечленувани генерички фрази:

- (33) Парите се отепувачка / Money kills you
- (34) Денот да е радосен / A Day to be happy
- (35) Барајќи си ја среќата / Pursuit of Luck

Именката парите во (33) претставува независна именска фраза и го определува исказот. Таа се зема како нешто веќе идентификувано за говорителот и затоа се јавува со член. Преводниот еквивалент не е членуван затоа што во англискиот јазик именки во множина и небројливи, именки како што е во случајот именката money, употребени генерички, не се членуваат. Насловот Денот да е радосен претставува генеричка фраза во која именката денот е членувана. Преводниот еквивалент е наслов со нечленувана ИГ. Преводниот еквивалент на насловот Барајќи си ја среќата е нечленувана ИГ која е се состои од две именки и предлог.

Во оваа група македонските наслови се составени од членувани ИГ составени од именки, ИГ од именки и предлошки фрази и ИГ во состав на генерички фрази. Англиските преводни еквиваленти претставуваат наслови во чиј состав фигурираат нечленувани ИГ. Во англискиот јазик, кога станува збор за наслови, можни се отстапувања од јазичната норма, односно членот честопати може да се изостави со цел насловот да биде пократок, поконцизен, повпечатлив. Ова посебно граматичко правило се применува за да се заштеди простор и време и затоа насловите на поглавја, особено во стручна и научна литература, обично не содржат цели реченици и членовите се испуштаат (Swan, 2005).

4. ЗАКЛУЧОК

Со анализата на корпусот на примери македонски наслови и нивните англиски преводни еквиваленти се потврдува структурната разлика помеѓу двата јазика. Членот како еден од лингвистичките маркери на категоријата определеност во македонскиот јазик е постпозитивен и претставува афикс на центарот на ИГ. Македонските наслови што содржат членувани ИГ, покрај тоа што се преведени на англиски јазик со членувани ИГ, исто така се преведуваат со ИГ со генитивна падежна наставка 's, со ИГ со присвојна придавка и именка и со нечленувани ИГ. Генитивната падежна наставка 's и присвојните придавки во англискиот јазик ја имаат улогата на определувач и ја блокираат употребата на определениот член. Во македонскиот јазик генеричка ИГ во поширока фраза е маркирана со определниот член, додека во англискиот јазик, кога станува збор за генеричка употреба на ИГ во поширока фраза, таа не е маркирана со член.

ЛИТЕРАТУРА**Кирилица**

1. Минова-Ѓуркова, Л (1982). „Насловите во весникот „Комунист“, Литературен збор, год. XXIX, кн.2, Скопје, 1982/83
2. Минова-Ѓуркова, Л. (2000). Синтакса на македонскиот стандарден јазик, Скопје: Магор
3. Митковска, Л. (2005). Изразување на посесивност на ниво на именската синтагма во македонскиот и англискиот јазик (докторска дисертација), Филолошки факултет „Блаже Конески“ - Скопје
4. Тополињска, З. (1974). Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик (род, број, посоченост), Скопје: МАНУ

Латиница

5. Grosvenor, Bleyer, W. (2005). How To Write Special Feature Articles, A Handbook for Reporters, Correspondents and Free-Lance Writers Who Desire to Contribute to Popular Magazines and Sections of Newspapers <http://www.sakoman.net/pg/html/15718.htm>. [2006, October 7]
6. Hurford, J.R., Healsey, B, Smith, M.B. (2007). Semantics: A coursebook, (Second edition). Cambridge: Cambridge University Press
7. Kristal, D. (1998). Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike. Beograd: Nolit
8. Lyons, C. (1999). Definiteness, Cambridge: Cambridge University Press
9. Lyons, J. (1986). Semantics, Vol.II. Cambridge: Cambridge University Press
10. Swan, M. (2005). Practical English Grammar, Oxford: Oxford University Press

проф. д-р Радомир Виденовиќ
 Универзитет у Нишу, Филозофски факултет Ниш
 Република Србија

ПЛУРАЛИТЕТ НА СВЕТОВИТЕ

Модалниот реализам (Дејвид К. Луис, За множеството светови, 1986) ја застапува тезата дека постои множество светови, а дека нашиот свет е еден од многуте.

Идејата, од крајот на 20-от век, се разбира, не е ниту нова, ниту ретка.

Затоа ќе настојуваме, одејќи по „трикратната патека“, да покажеме уште две варијации на темата на плуралитетот на световите: едната е од првата половина на 20-от век (Павао Вук – Павловиќ, Философије и свјетови, 1962) а другата, древна, уште од старата ера, а жива – Џаинизмот.

Луис вели дека треба да се верува во плуралитетот на световите затоа што таа хипотеза е корисна, а тоа е причина да ја сметаме за вистинита.

Според Вук–Павловиќ, стварноста се пројавува во мнозинство светови, а „светот е она што се живее, доживува; тој е многукратност, индивидуализираност, конкретизираност на постоењето“.

Џаинизмот е атеистичка, биоцентричка, религиско–философска традиција на Индија. На некој начин, џаинизмот е обединител на многу светови: живото и неживото, укажувајќи на нивната меѓузависност, своевиден моноплурализам.

Клучни зборови: плурализам на световите, Луис, Вук–Павловиќ, Џаинизам

THE PLURALITY OF WORLDS

Modal Realism (David K. Lewis, On the Plurality of Worlds, 1986) proposes the thesis that there is a multitude of worlds and that our world is just one of many.

This idea, dating from the end of the 20th century, is of course neither new nor rare.

We shall therefore walk a “triple path” in order to suggest that there are two more variations on the theme of the plurality of worlds: one from the first half of the 20th century (Pavao Vuk – Pavlović, Philosophies and Worlds, Skopje, 1962) and the other, ancient, still alive in spite of dating from antiquity, Jainism.

Lewis says that one should believe in the plurality of world because that hypothesis is useful, which is a reason to consider it true.

According to Vuk – Pavlović, reality is manifested in the multitude of worlds, and the world is that which is lived, or experienced; the world is the multitude, individualization, and concreteness of being.

Jainism is an atheist, biocentric religious and philosophical tradition of India. In a way, Jainism unifies a number of worlds: that of the living and of the non-living, suggesting their interrelatedness, in a specific kind of monopluralism.

Key words, the plurality of worlds, Lewis, Vuk – Pavlović, Jainism

Дејвид Луис¹ на следниов начин ја објаснува тезата за множество светови:

„Светот во кој живееме е мошне опфатна работа. Секој стап и секој камен... се

1. Луис, Дејвид, О мноштву свјетова, КруЗак, Загреб, 2001, превод и воведна студија Филип Гргиќ

негов дел. Истото важи и за вас и за мене... Нема ништо што е толку далеку од нас а да не е дел од нашиот свет. Во него треба да се вклучи и сето она што се наоѓа на која и да е далечина. Исто така, светот е опфатен и во времето. ...Можеби, како што јас мислам, светот е еден голем физички предмет; или можеби некои од неговите делови се ентелехии, сеништа, аури, божества или други нешта непознати на физиката.“ (стр. 5)

Луис натаму напомува дека начинот на кој нештата се, е и начин на кој целиот свет е.

Но, нештата би можеле да бидат и инакви: има многу начини на кои светот би можел да биде; еден од нив е и начинот на кој овој свет е. (стр. 6)

Проблемот на постоењето на множество различни светови во една единствена постојност Павао Вук – Павловиќ² започна да го испитува во делото „Познанието и теоријата на познанието“³, а особено го разработува во „Философиите и световите“⁴, во Скопје. Во него, Вук – Павловиќ зазема „толерантен став каков што во философијата ретко може да се сретне, а уште поретко да се оправда врз основа на темелните претпоставки на философскиот систем.“⁵ Така, философските системи се оправдуваат не само по вертикала (Хегел), туку и по хоризонтала, истакнува Јонче Јосифовски.

Плурализмот на световите е во дијалектички сооднос со единствената постојност, стварност. Постојноста е толку сеопфатна и неисцрпна што не може да се осознае со којгоде еден и единствен познавателен акт и систем, смета Вук – Павловиќ. Постојноста се манифестира во множеството светови.

Светот е она што се живее, доживува; тој е многукратност, индивидуализираност, конкретизираност на постоењето: „(Светот) е конкретна стварност, која се ... живее и иживува и доживува и преживува“ и секој човек, вели Вук – Павловиќ, „има и живее соодветен свој, а не некој друг, туѓ свет.“⁶

Тоа важи и за единката и за заедницата: „Ниедно живо поколение не го остварува својот опстанок со светот на минатото. Секое од нив живее одново, живее навистина според истото постоење, но иживува и проживува други и поинакви светови, кои низ постоењето се градат и разградуваат, се раѓаат и се поништуваат.“⁷

Бидејќи е врзан за доживувањето, светот е проткаен со душевност и ги опфаќа сите временски аспекти – минатото, сегашноста и (визијата на) иднината. Веќе и само поради различното минато, световите не се еднакви и стремат кон различни иднини. Човекот се пројавува само во еден од можните светови, сиот е врзан за него, па и „човечкото познание е врзано за определен свет и оградено од него“, напомува Вук – Павловиќ и, токму поради таквата омеѓеност на знаењето, „на философското настојување како такво не можат однапред да му се определат некои конечни граници“.

2. Павао Вук – Павловиќ (Копривница 1894 – Загреб 1976). Во Скопје делуваше од 1958 до 1971 година. Како што самиот велеше, во Македонија ја најде својата втора татковина. Пред тоа, студираше во Лајпциг, Загреб и Берлин, на Загребското свеучилиште предаваше од 1929 до 1948 година – со петгодишен прекин од 1940 до 1945 година, кога беше тргнат од наставата, првиот пат од расни, а вториот пат од идеолошки причини.

3. Спознаја и спознајна теорија, Загреб, 1926

4. Годишен зборник на Филозофскиот факултет, книга 14, Скопје, 1962

5. Јосифовски, Јонче. Теоријата на познанието и формалната логика кај Хрватите од XIX век до II Светска војна, II дел, Год збор. На Ф.ф., книга 22, Скопје 1970 стр. 26

6. Вук – Павловиќ, Философије и свјетови, Загреб, 1969, стр. 15

7. Исто, стр. 14

Иако ограденоста на световите не е апсолутна, таа сепак условува дисконтинуитет на премините од еден свет во друг. И текот на умувањето во рамките на философското теориско настојување е дисконтинуиран. Имено, за разлика од посебните науки, философијата, како што укажува философот, секогаш „поаѓа донекаде од почеток ... почнува одново.“⁸

Често некритички се претпоставува дека од сите философски поставки се огледа иста стварност и се решаваат, ако можеби и различни, сепак меѓусебно еднозначно поврзани светови. Меѓутоа, новите философии не градат врз сосема исто искуство, ниту се продолжување на претходните согледби. Разликите меѓу философските концепции, впрочем произлегуваат од разликите во живеаната и доживеаната стварност што е единствена философска концепција на Вук – Павловиќ.

Световите не се подеднакво актуални и живи – тие настануваат, живеат и се менуваат, а тоа важи и за нивните философии. Никаков философ не може сам да им припаѓа на сите светови, вели Вук – Павловиќ. Ако некоја философија му е сообразена на некој свет, а, со тоа, и актуална – таа ја дели општата судбина на тој свет.

Ниту се менува се, ниту се останува исто!

Затоа и покрај меѓусебните разлики, световите принципиелно не мора да се во судир или да се исклучуваат ве секој правец и секоја насока. Тие се совпаѓаат и се вкрстуваат, формирајќи еден поширок, сразмерно единствен свет на културата.

Сепак, туѓите светови не можат сосема да се сфатат и сосема да се осветли нивната смисла, па може да изгледа дека многу нешта од некогашните или другите светови се безвредни.

Колку и да тешко да се проникне во суштината на човекот од туѓиот свет, сепак, токму философијата може да поучи на толеранција – како туѓите светови можат да се почитуваат.

Комуникацијата меѓу луѓето и меѓу световите е можна со трансендирање на ограденоста световите, со трансендирање кое води кон познание на апсолутот.

Световите не се готови величини, па така ни познанието не е конечно, а проблематиката и на светот и на постоењето никогаш не се исцрпува.⁹

Философиите се дијалектички можности, дури и кога се најуверливи веројатности; никогаш догми, секогаш отворени за дијалог. Во философскиот познавателен став се преплетуваат и вкрстуваат ноетската и естетската пројва.. Имено, како наука, философијата дава статичка слика на светот. Но, за да ги зафати и динамичките фактори на светот – доживувачки, во нивната непосредна изворност – философијата се служи со говорот на уметноста: уметноста може ирационалната содржина на светот да ја крене до непосредно свесно доживување.

Односот на ноетската и естетската сфера не е секогаш еднаков – напротив, променливоста на односите се одразува и во културата.

За Вук – Павловиќ културата е „систем со смисла и вредности, врзан за живата душевност на човекот, систем кој, натрупан во духовните објективитети, односно добра, се одржува трајно, но и кој никогаш не може да се смета како конечно завршен.“¹⁰

Културата е динамична појава која се развива според суштествените внатрешни напнатости кои произлегуваат од различните, особено од спротивните

8. Исто, стр. 14

9. При последните прашања, смета Вук – Павловиќ, познанието мора да се задоволи со насетување; Види: Философије и свјетови, стр. 35

10. Вук – Павловиќ, Павао, За културноисториските тенденции. Во: Творештвото и музејската естетика, Скопје, 1993, стр 47

вредносни ориентации. Затоа, Вук – Павловиќ вели: „Култур-ниот процес нужно се пројавува во една лабилност, тој постојано се колеба меѓу спротивни, но сепак најтесно поврзани, едни кон други упатени животни сили и моќи. Тој процес е во постојано нишање од едната кон другата тенденција...“¹¹

Така доаѓаме до особено значајната поставка на Вук – Павловиќ: за да ги објасни културноисториските збиднувања тој ја користи сликата на двојното нишало на збиднувањето: „Културноисторискиот процес личи на движење на двојно нишало или на две поврзани нишала...“

Џаинизмот е плуралистички поглед на светот.

Според ѓаинизмот, од наше, човечко, становиште, вистината е релативна. „Општиот карактер на реалноста е содржан во различните делумни видови.“¹²

Џедомил Вељачиќ укажува дека ѓаинизмот се обидува да го спаси минимумот на релативизираното битие и во таа смисла е карактеристична приказната за неколкуте слепи луѓе кои го идентифицираат слонот (пред нив, што го допираат) со оној негов дел што го допрале и го дофатиле.¹³

Според ѓаините знаењето има два вида: нјаја или познание според седумте видови расудување и прамана или познание на нештата по себе, која им е достапна само на прочистените духови. Затоа, напомнува Вељачиќ, интелектуалното познание останува нејасно и не ги разбиструва нештата, туку само ги расплетува становиштата.

„Со својата логика на релативното разбистрување, ѓаинизмот е упатен на плуралистичкиот поглед на светот. При тоа причините со кои паралела би можела да се бара во Лајбницовата монадологија, наведуваат „потесната смисла на зборот монас ... да се ограничи само на онаа едноставност, која е дадена непосредно како едноставна супстанција (на пр. во сопствената свест), а не како елемент на склопот кој би се нарекол атом“.¹⁴ Џаинскиот поим на материјалниот атом е во слична смисла функционален и неопределен по квантитет и квалитет, вели Вељачиќ.¹⁵

Значи, во теоријата на познанието, ѓаинистите ја застапуваат теоријата сиадвада – (би) може (ло) да биде. Сите судови што ги искажуваме се само веројатни:

- » можеби е
- » можеби не
- » можеби и е и не е
- » можеби е неискажливо
- » можеби е, но е неискажливо
- » можеби не е и е неискажливо
- » можеби е и не е и не може да се искаже

Светот/световите со своите богатства и разновидности ги дозволува овие тврдења. Секое тврдење е само условно, односно точно во извесна смисла и определени граници, но не сосема, со што претпазливо се одбегнува секоја догма.

Свами Вивекананда тврди дека вистината е само една, иако е многукратна, така што од разни гледишта можеме да видиме разни аспекти на вистината.

11. Исто, стр. 50

12. Veljačić, Čedomil, *Filozofija istočnih naroda*, I dio, Matica Hrvatska, Zagreb, 1958, str.118

13. Isto

14. Isto, str. 120

15. Isto

Џаинизмот теориски го образложува овој став. Имено, ѓаинистичката логика е индетерминистичка, а вистината поли-валентна. Тоа се гледа од анализата на ѓаинистичкото учење за релативноста – сиадвада, односно саптабханги (седумкратна формула) и анеканта-вадах („не само едно значење“), односно доктрината на многукратните аспекти.¹⁶

Овие ставови, несомнено, водат кон теориско образложување на толеранцијата, исто како и кај Вук – Павловиќ.

Исто така, веројатно сте чуле, и повеќе пати – „Ненасилството е врвен закон!“ Или: „Ненасилството е ѓаинистички пат“. Тоа е ахимса – ненасилство во мислите, во зборовите и во делата“. Тао е патот на Махатма Ганди, а подоцна и на Мартин Лутер Кинг.¹⁷

Можеме, уште, да сметаме дека изворите на еколошката етика и конечно на биоетиката, теориски, се наоѓаат токму во ѓаинизмот.¹⁸

16. Види: Виденовиќ, Радомир, Уметност на етиката, Зограф, Ниш, 2006 год. стр. 14-15

17. Исто, стр. 33 - 38

18. Исто, стр. 27 – 32 и стр. 119 - 127

м-р Душица Ѓокиќ
Филозофско друштво на Македонија
Република Северна Македонија

ИГРАТА – ВОЗВИШЕНА ДИМЕНЗИЈА НА ТВОРЕЧКИОТ РАЗВОЈ НА КУЛТУРНИТЕ ИДЕНТИТЕТИ

Резиме: Целта и смислата на трудот е да ја постави Играта во општествениот фокус. Играта е возвишена димензија на творечкиот развој на културните идентитети во создавањето на сложениот идентитет во Иднината како духовен мозаик на разновидните култури преку синергијата помеѓу философијата и уметноста надвор од границите на несовршените општествено-политички системи. Играта како перманентна револуција на свеста е најголемата грозотија за општествените институции (Fink 1984: 20). Но, иако имагинарниот свет на Играта е некорисен во „очите“ на здравиот разум, сепак Играта е спасот за духовната егзистенција на човекот.

Клучни зборови: Игра, творечки развој на културните идентитети, сложен идентитет

THE PLAY – SUBLIME DIMENSION OF CREATIVE DEVELOPMENT OF CULTURAL IDENTITIES

Abstract: The purpose and sense of paper is to set the Play in social focus. Play is sublime dimension of creative development of cultural identities in creation of complex identity in Future as spiritual mosaic of diverse cultures through the synergy between philosophy and art outside the boundaries of imperfect social-political systems. Play as permanent revolution of consciousness is the biggest monstrousness for social institutions (Fink 1984: 20). But, although imaginary world of Play is unhelpful in “eyes” of common sense, however, Play is salvation for spiritual existence of man.

Key words: Play, creative development of cultural identities, complex identity

ВОВЕД

Да се постави Играта во општествениот фокус значи да се возобноват разурнатите мостови на (р)еволуцијата на свеста – на духовната (р)еволуција кон брегот на човековата егзистенција. Тоа единствено значи да се потврдува како трансисториска свест – сознанието дека никогаш не ја прифаќаме, ниту пак некогаш ќе ја прифатиме корозијата и хипокризијата на времето во егзистенцијалната драма управувана од „светската игра“ (Ѓокиќ 2015: 197). Homo ludens – от успева да се пробие низ темниот тунел на времето и продирајќи до длабочините на Духот, таму да ја пронајде Играта како просветлување на судбинската врска меѓу љубовта и човековата егзистенција. Играта е пат кон Слободата и зрак во Иднината. Таа е хумана философија на егзистенцијата која фрла Светлина над темните и злокобни сили!

Авторот на оваа статија ја застапува тезата дека Играта не е само универзален уметнички односно естетички принцип: таа е синергија помеѓу философската и уметничката вистина – (р)еволуција на Свеста. Играта е копање тунел низ темнината на несовршените општествено-политички системи во

менаџеријата на цивилизацијата. Таа е продор сè до длабочините на Духот, во кои се раѓа космополитската философија и визија на Слободата за создавањето на духовната заедница во Иднината. Играта во статијата е согледана од визурата на философската илуминација како борба за демитологизацијата на општествената реалност во Откровението на Стварноста како кристализација на Свеста од визионерските рефлекси на пароксизмите на духот-играчка.

ФИЛОСОФСКОТО ИСТРАЖУВАЊЕ – НАСТАН НАДВОР ОД ГРАНИЦИТЕ НА НОРМАТИВНАТА СТРУКТУРА НА УМОТ

Духовната Свест означува напукнување на општествената кора на свеста и кршење – пробив надвор од границите на општествената реалност. Да се достигне нивото на духовната Свест значи да се отвори прозорецот на духот кон перспективите на Иднината во кои се случува трансмутацијата на свеста од општествена конструкција – играчка на „светската игра“ (Ѓокиќ 2015: 197) во трансисториска и аисториска свест како морална димензија на Духот. Трансмутацијата на свеста во творечката димензија на духовната Свест е иницирана од философското истражување – од Настанот што се случува надвор од границите на нормативната структура на умот. Философијата е врвна транспонација или претворање на животните факти во философско-уметничката визија за Стварноста со која постојано се разоткрива тајната на Битието. Философското истражување е Настан што се случува „надвор од кутијата“ и кој подлежи и на сопствени автономни закономерности неважечки за другите два регистри – науката и уметноста.

Философијата е „настан среде хаосот“ (Мухиќ 1996: 261) – најголемиот настан во историјата на човековата мисла, во кој парадигматичноста на баналното се преобразува низ медиумот на самосвесниот дух во философска игра – игра на философеме. Преку мистериозниот опит на играта на философемите, философските дострели продираат од онаа страна на тривијалната егзистенција и го ослободуваат мислењето од стегите на парадигматичната мисла – од затвореноста во границите на веќе создадените концепти, кои го прават „мрзеливо“ и „сонливо“. Философијата е ослободување или одвикнување од сите создадени концептуални навикки, кои имаат корозивно влијание на творечките потенцијали на духот и кои го затвораат умот во нормативните граници на свеста-играчка. Во таа смисла философијата не е само проста умешност на образување, изумување или создавање поими – ниту пак, само „дисциплина која се состои во создавање поими“ (Делез и Гуатари 1996: 9), туку – таа е уметност на ослободувањето на трансцендентната смисла на Мислата! Во неа свеста на преминот од конечното – во бесконечното, престанува да биде „суштество на бекството“ на планот на егзистенцијата и се претвора во Свест – порта кон духовната егзистенција на човекот. Ослободувањето на трансцендентната смисла на Мислата во философијата во никој случај не значи задоволување на желбата за спорење:

„Филозофот има малку желба да спори [...] Најмалку што би можело да се каже за споровите, е дека тие не придонесуваат за унапредување на работата, зашто соговорниците никогаш не говорат за истото нешто [...] Никогаш не сме на истиот план [...] Философијата се згрозува од расправи [...] Дебатата и е неподнослива, не затоа што е премногу сигурна во себе: напротив, токму нејзините недоумици ја одвлекуваат на други, поосамени патишта“ (Делез и Гуатари 1996: 35-36).

„Настанот на филозофијата среде безмерниот Хаос“ (Мухиќ 1996: 272), значи освојување на безмерните простори на внатрешните светови преку дофаќање на трансцендентната смисла на Мислата, завиткана во превезот на темнината и

мистериозноста на осамените патишта на духот во остварувањето на човековиот стремеж кон Смыслата. Философијата е духовно патување од периферијата кон центарот и од центарот кон периферијата на својата духовна суштина, талкање по бесконечните предели на внатрешните светови и процес на сублимација или рафинирање на искуството низ филтерот на духот. Философот е духовен патник. Тој е осаменик на своето духовно патување, кој прави пробив до неоткриените предели на егзистенцијата и ја открива Стварноста согледана од поинаква перспектива, која не и се прикажува на свеста-играчка во театарот на општеството.

„Денешницата и припаѓа на толпата: уште кој знае овде што е мало, а што е големо! Кој може тука среќно да ја бара величината! Само глупакот: среќата им се насмевнува на глупците“ (Ниче 1978: 266). Фридрих Ниче вели дека во театарот на општеството во кое владее царството на толпата не може да се види велик човек бидејќи за она што е големо и окото на најпрефинетиот човек е грубо (Ниче 1978: 266). Затоа според Фридрих Ниче Иднината му припаѓа само на Философот, кој ја создава философијата во медиумот на тишината на срцето, заштитена и скриена од заканувачките и опасни погледи на толпата. Философијата е одење по чудни патишта и посветеност на негацијата на постоечкиот свет, кој е туѓ и далечен за височините на душата. Философијата и помага на човековата свест да се соочи храбро и смело со ирационалните сили на современиот свет, во цивилизацијата која ја следат знаци на физичка, душевна и духовна дегенерација.

Во современата репресивна цивилизација, човекот станува сè повеќе заробен во општествените структури – кои ги ограничуваат неговите творечки моќи и способности. Создадената визија за смртта на уметноста во современата цивилизација претставува закана за уништување – и на последниот никулец на човековиот живот! Никулецот на надежта за духовната преобразба на светот и животот создаден во философското творештво – е единствениот спас за уметноста, која само во синергија со философијата може да ја анихилира на успешен начин клучната негативна тенденција на општеството во униформирањето на животот. Преобразбата на ладниот – „објективен“ свет на реалноста – во свет на Играта како највисока синтеза на духовните модуси на Постоењето, се случува низ оптичката леќа на уметноста како моќна синергија на слободната егзистенција на уметничката визија со Светлината на философските идеи – носител на духовната енергија на Свеста.

Духовната (р)еволуција или (р)еволуцијата на Свеста може да се оствари само преку синергијата на естетичката визија на уметноста со профетската визија на философијата, кои имаат клучно – егзистенцијално значење за опстанокот во Иднината. Како духовна порта кон храмот на Играта – Философијата го расчистува патот кон создавањето на сложениот идентитет – од сметот на идеологиите, кои никнуваат како плевел на почвата на општествената реалност. Философското истражување се бори против искривената и лажна свест на идеологиите, кои создаваат илузорна слика за Стварноста, прилагодена на туѓите вредности и интереси – маски зад кои се скрива светското зло. Како духовно јадро на Играта, Философијата ги содржи во себеси никулците за духовниот опстанок на човештвото. Уметноста го означува Пробивот на Светлината на философските идеи низ кората на општествената свест и разобличувањето на искривената слика за Стварноста во свеста-играчка низ медиумот на нејзината естетичка визија. Уметноста со нејзината визија го најавува почетокот на создавањето на духовното јадро за Опстанокот во Иднината – Настанот на Философијата: таа е катализаторот на сите промени надвор од нормативната структура на умот.

УМЕТНОСТА – БОРБА ПРОТИВ НАСИЛИЕТО НА СВЕТСКАТА ИГРА ВО „ЗАНДАНАТА“ НА ТРИВИЈАЛНАТА ЕГЗИСТЕНЦИЈА

Фридрих Ниче со својата Визија ги воспоставил мостовите кон Иднината. Ниче е философ-борец, кој согледал дека синергијата помеѓу естетичката визија на уметноста и философската Вистина претставува создавање на темелите на Животот во Иднината. Тој знаел дека само моќната синергија помеѓу уметничката и философската Вистина би можела да извојува победа над „духот на тежината“ (Ниче 1978: 199) односно над перфидното насилie на „светската игра“ во „занданата“ на тривијалната егзистенција. Затоа уметноста како перманентна борба против насилie на „светската игра“ во менаџеријата на цивилизацијата, може да му помогне на човекот да го воспостави „мостот кон највисоката Надеж“ – да ја постави играта во општествениот фокус. Играта е Визија на Иднината во револуционерниот потфат – внатрешниот подвиг на Свеста во насочувањето на креативната експанзија кон одржувањето на целесообразноста на внатрешниот духовен поредок во создавањето на здравите темели на Животот – како „кладенец на радоста“ (Ниче 1978: 214).

Играта на уметноста ја дава нејзината смисла и го исполнува постоењето со радост! Токму во играта на уметноста се огледа аксиологијата на творештвото односно на творечката моќ на уметноста. Без духовното јадро на уметноста – без играта на уметноста: „сè е рамнодушно на светов, сè е исто. Раѓањето на ѕвезда, нејзината смрт, планета што исчезнува, сонце што се гаси... Ова не менува апсолутно ништо, и стварното останува стварно: рамнодушно кон сè, односно кон себеси. Но, разликата е во нас [...] Доброто е ништо, и лошото: но тука е желбата“ (Конт-Спонвил 1996: 42). Духовното јадро на уметноста – играта на уметноста прави разлика. Таа е аксиолошкиот супстрат на Постоењето – носител на вредностите. Играта на уметноста е стожерот – моралната димензија на уметничките феномени, кој ја разобличува најголемата илузија на уметноста дека „убавото и доброто се рожби на желбата (Конт-Спонвил 1996: 47) и дека „желбата е точно таа што (за нас) ја создава разликата“ (Конт-Спонвил 1996: 42). Уметничката игра покажува дека играта односно радоста од играта, која ја предизвикуваат уметничките феномени, е – далеку од „растечкото движење на желбата“ како дијалектика на „безнадежноста и извишувањето“ (Конт-Спонвил 1996: 41). Желбата по својата суштина е маска зад која се скрива светското зло и владее со веќе создадената парадигматична мрачна визија за „животот како страдање“ во променливиот свет на тривијалната егзистенција. Таа не може да биде темел на уметничките феномени: „секоја желба раѓа страдање“ (Буда) – а уметноста е создавање на визија за Животот како „кладенец на радоста“ (Ниче). Желбата е најмоќното оружје – најголемата илузија преку која „светската игра“ управува во позадина со механизмите на репресивната цивилизација. Радоста која ја создава играта на уметноста значи возвишување на душата над променливиот свет на тривијалната егзистенција и преминување преку границите на илузијата – создадени во царството на желбата. Ваквото својство на играта на уметноста ја отвора перспективата кон Играта како возвишена димензија на Постоењето.

ИГРАТА – МОСТ КОН ВИЗИОНЕРСКИТЕ ПРОЕКЦИИ НА ИДНИНАТА: ВОЗВИШЕНА ДИМЕНЗИЈА НА ПОСТОЕЊЕТО

Играта како „квинтесенција на духовното“ (Ѓокиќ 2018: 350) му помага на човекот во остварувањето на неговите стремежи да стане визионер – homo ludens во создавањето на смислата на Животот. Играта како „еден од основните феномени на човековото постоење“ (Fink 1984: 348) не го манифестира своето фундаментално – егзистенцијално значење во тоа што таа е „човековиот корен на уметноста и религијата“ (Fink 1984: 347), туку во нејзината неизмерно значајна аксиолошка функција во мудрата употреба на човековите моќи и смислата на нивниот развиток. Играта го поттикнува развојот односно еволуцијата на моралната свест – Свеста како кормило кое го насочува бродот на животот во вистинскиот правец и насока. Играта ги отвора сите перспективи на (р)еволуцијата на Свеста или духовната (р)еволуција како мост кон остварувањето на визионерските проекции на Иднината. Во таа смисла како генератор на творечкиот развој на духот кон повисоките димензии на Постојењето во создавањето на сложениот идентитет, Играта претставува сама по себе возвишена димензија на Постојењето. Играта е возвишена димензија на творечкиот развој на културните идентитети во Иднината – во создавањето на сложениот идентитет како духовен мозаик на разновидните култури преку синергијата помеѓу философијата и уметноста надвор од границите на несовршените општествено-политички системи. Играта како перманентна револуција на свеста е најголемата грозотија за општествените институции (Fink 1984: 20).

„Процесот на духовната (р)еволуција е тежок процес на будење, созревање и духовно спознание, во кој Личноста успева да се ослободи од илузијата дека е затворена во строгите детерминантни на душевната и на физичката форма, прикриени со општествената наметка на свеста. На овој пат, се оставаат зад себе сенките на минатото – се напушта патот на автоматизацијата, со кој свеста, под влијание на општеството, и наметнува инертност и одвоеност на индивидуата, од околниот свет, затворајќи ја во тврдата черупка на егото, која станува сè подебела, под влијание на суетата на духот. Ваквата лажна идентификација на егото, под влијание на духот-играчка, го вплеткува поединецот во луцидната и манипулаторска игра на религиозните, културните, цивилизациските и другите општествени вредности, кои се наследуваат од традицијата и му создаваат во свеста илузија дека неговата духовна суштина има корени во утврдените општествени врски“ (Ѓокиќ 2018: 351).

Во таа смисла Фридрих Ниче преку зборовите на Заратустра испраќа апел до човештвото: „Време е човекот да си одреди цел. Време е човекот да го посади зародишот на својата највисока надеж [...] човекот мора во себе да носи хаос за да може да роди ѕвезда што игра“ (Ниче 1978: 16-17). Како мост кон повисокиот облик на културата, Играта е трансисториски и аисториски начин на истражување на духовната суштина – надвор од маѓепсаниот круг на чувството на вина и манипулација на свеста-играчка, во ослободеноста од моќното влијание на суптилните општествени механизми. Како „пат кон универзалната суштина“ (Ѓокиќ 2018: 351) односно кон – Универзалната Свест, Играта е спасот за духовната егзистенција на човекот.

ЗАКЛУЧОК

Играта како возвишена димензија на творечкиот развој на културните идентитети во создавањето на сложениот идентитет во Иднината, претставува мост кон Универзалната Свест, односно возвишена димензија на Постоенето. Играта, во која во синергија се соединуваат философската и уметничката вистина, значи создавање на философска ориентација во светот како Откровение на Вистината – со која започнува патот кон расветлувањето и возвишувањето на егзистенцијата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез, Ж., Гуатари, Ф. (1996), *Што е филозофија*, Скопје: Култура
2. Ѓокиќ, Д. (2015), „Играта на Ничевиот гениј на срцето – homo ludens-от во создавањето на визијата за духовната преобразба на светот во современото општество“ во: *Филозофска Трибина (официјално гласило на Филозофското Друштво на Македонија)*. Година 38. Број 18. Есен 2015. Уред. Љупчо Митковски. Скопје: Филозофско друштво на Македонија, 195-212
3. Ѓокиќ, Д. (2018), „Ничевата концепција за свеста: свеста обична играчка во Телото наспроти Личноста“ во: *За душата (Зборник на текстови од Меѓународната научна конференција одржана на 1-3 јуни 2016 година во организација на Здружението за компаративна книжевност на Македонија ЗККМ Скопје, Здружението на класични филолози „Антика“ и Филозофското друштво на Македонија)*, Скопје: ЗККМ, „Антика“, ФДМ, 341-353
4. Fink, E. (1984), *Osnovni fenomeni ljudskog postojanja*, Beograd: Nolit
5. Конт-Спонвил, А. (1996), *Митот за Икар (расправа за безнадежноста и за блаженството)*, Скопје: ЗУМПРЕС
6. Мухиќ, Ф. (1996), „Филозофија: настан среде хаосот“ (Поговор) во: *Што е филозофија*, Скопје: Култура, 261-273
7. Ниче, Ф. (1978), *Така зборуваше Заратустра (книга за сите и за никого)*, Скопје: Македонска книга, Култура, Наша книга, Комунист, Мисла

821.161.1-1.09

Наталија Юрьевна Желтова, профессор
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

ПОЭТИЧЕСКИЕ ИМЕНА РУССКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ: ОЛЬГА ЯРОСЛАВНА И ГРИГОРИЙ ФИНН

В статье приводится анализ малоизвестных поэтических книг, вышедших в Константинополе в начале 1920-х годов. Особое внимание обращается на яркое творчество Ольги Ярославны и Григория Финна. Их книги «Стихи» (1921) и «Пасмурные птицы» (1921) стали одними из первых авторских литературных сборников, изданных русскими писателями в Константинополе. В работе высказывается предположение, что Ольга Ярославна – это творческий псевдоним, под которым скрывается одна из крупных русских поэтесс, эмигрировавших через Константинополь. Приводятся аргументы в пользу того, что автором сборника могла быть Е.Ю. Кузьмина-Караваева. Приводится также версия, что Г.Финн принадлежал к белому воинству, которое участвовало в сражениях на юге России с 1918 по 1920 год.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, лирика Русского Константинополя, стихи Ольги Ярославны, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), стихи Григория Финна

THE POETIC NAMES OF RUSSIAN CONSTANTINOPLE: OLGA YAROSLAVNA AND GRIGORY FINN

The article presents the analysis of the little-known poetic books published in Constantinople in the early 1920s. Special attention is paid to the bright works of Olga-Yaroslavna and Grigory Finn. Their books "Poems" (1921) and "Pasmurny'e Pticy" ("Dull Birds") (1921) were among the first authorial literary collections issued by Russian writers in Constantinople. A suggestion is made that Olga Yaroslavna is a pen name hiding one of the significant Russian poetesses who emigrated via Constantinople. Arguments are presented that E. Kuzmina-Karavayeva could be the author of the collection. A hypothesis is also given that G. Finn could belong to the White Guard fighting in the South of Russia from 1918 till 1920.

Key words: literature of Russian Abroad, poetry of Russian Constantinople, Olga Yaroslavna's poems, E.Yu. Kuzmina-Karavayeva (Mother Maria), Gregory Finn's poems

Литературный феномен Русского Константинополя сегодня остается малоизвестной и малоизученной страницей литературы русского зарубежья. До сих пор распространено мнение, что в силу краткости массового пребывания русских в этом городе, этот южный оазис русского зарубежья не сумел стать одной из его значимых литературных столиц. В то же время в настоящее время постоянно возрастает интерес как отечественных, так и зарубежных ученых к Русскому Константинополю как к значимому социокультурному явлению, оказавшему серьезное влияние и на судьбы русской интеллигенции, оказавшейся там сразу после эмиграции, и на развитие культурной жизни Турции, ее науки, образования, СМИ и т.д. [см. об этом: Олджай 2016: 93-97].

Вопреки уже сложившемуся стереотипу о том, что Константинополь был для многих русских лишь пунктом временного пребывания на пути в Европу, можно утверждать, что уже в начале 1920-х годов здесь была сформирована особая творческая среда, в том числе литературная, причастность к которой оставила заметный след как в творчестве уже известных писателей (А.Н. Толстого, А.Т. Аверченко, И.А. Бунина и др.), так и в поэзии и прозе молодых авторов. Имена последних по сей день остаются незаслуженно забытыми или полузабытыми. К ним, безусловно, следует отнести яркое творчество Ольги Ярославны и Григория Финна. Их поэтические книги «Стихи» и «Пасмурные птицы», вышедшие в 1921 году, стали одними из первых авторских литературных сборников, изданных русскими писателями в Константинополе. На сегодняшний день они являются библиографической редкостью и полностью в России еще не издавались. Отдельные стихотворения были напечатаны в журнале «Филологическая регионалистика» (2017-2018) [См.: Ольга Ярославна 2017: 38-45; Григорий Финн 2018: 54-60], который ставит перед собой задачу отчасти восполнить существующий пробел серией публикаций о литературе Русского Константинополя.

Небольшой сборник 1921 года является единственной из известных на сегодняшний день книг Ольги Ярославны. В нее включены 32 стихотворения, написанные с 1917 по 1921 годы и поделенные на три неравномерных по объему раздела: «Родное», «Ветер с моря», «Хрустальная нить». Эти разделы становятся своеобразными лейтмотивами поэтического мира Ольги Ярославны. Стихотворения, подписанные этим именем, далее не встречаются в эмигрантской периодике. Скорее всего, Ольга Ярославна – это творческий псевдоним, под которым скрывается одна из крупных русских поэтесс, прибывших в Стамбул в 1920 году. Об этом свидетельствует творческая зрелость автора сборника, ярчайшая сила художественной изобразительности, глубина постижения как судеб родины, так и философских вопросов бытия.

Осмелимся высказать предположение, что автором сборника могла быть Е.Ю. Кузьмина-Караваева (1891-1945), также известная как мать Мария (Скобцова). На момент эмиграции она была уже автором двух поэтических сборников «Скифские черепки» (1912), «Руфь» (1916), философской повести «Юрали» (1915). Но в историю русской литературы мать Мария сначала вошла как юная муза А.А. Блока – Лиза Пиленко, которой поэт посвятил знаменитое стихотворение «Она пришла с мороза...» и которую связывали долгие личные отношения с поэтом.

На протяжении всей жизни мать Мария пользовалась разными творческими псевдонимами, среди которых Юрий Данилов (имя и отчество сына поэтессы), Ю.Д. и Д. Юрьев, ММ., не считая имен, которые отражали ее социальный статус в разные моменты жизни Лиза Пиленко (девичья фамилия), Е.Ю. Кузьмина-Караваева (фамилия по первому мужу), Е. Скобцова (фамилия по второму мужу), мать Мария (после принятия пострига).

Имя «Ольга» было значимым для матери Марии. Его носила тетка, старшая сестра ее отца Юрия Дмитриевича – Ольга Дмитриевна Пиленко. Это же имя носила и двоюродная сестра поэтессы. Заметим, что мать Ярославны звали Ольга Юрьевна Долгорукая. А мать Е.Д. Кузьминой-Караваевой – Софья Борисовна – по материнской линии была из рода Рюриковичей (о которых упоминается во вступительном стихотворении к сборнику).

Ольга Ярославна – это своеобразная демонстрация творческой и идеологической позиции автора сборника, который не имеет оригинального названия. Стихи представляют собой плач любящей женщины по России, родному, утраченному навсегда. Об этом свидетельствует стихотворение «Посвящение», написание которого отличается от других произведений сборника и выделено курсивом:

*Тебе закоптелая, тебе черноземная,
Омытая потом слезами и кровью
С твоими дорогами и псами бездомными –
Тебе мое творчество и жизнь, и любовь*
[Ольга Ярославна 1921: 4]

В этом смысле лирическая героиня чрезвычайно близка образу Ярославны из «Слова о полку Игоревне». Но все же более всего автор книги, несомненно, соотносит свою судьбу со вдовьим уделом одинокой княгини Ольги, отличавшейся в то же время необыкновенной мудростью, смелостью и гордостью (стихотворения «Одиночество», «Быть одна»). Это обстоятельство позволяет говорить об автобиографическом характере сборника:

*Завтра день даст мне бодрость бывалую,
Воля к жизни, борьба впереди,
Но так клонится сердце усталое
Отдохнуть на широкой груди.*
[Ольга Ярославна 1921]

Или

*Ни любви, ни людей, ни цепей не хочу –
Я хочу быть одна
По морям, по морям, по морям полечу
Без границ и без дна*
[Ольга Ярославна 1921: 18]

Главная героиня именно в Боге ищет опору своим земным жертвам и страданиям, просит его о терпении и смирении. Покидая Россию, поэтесса-вдова не знала, какая судьба ждет ее впереди, на фронтах Первой мировой войны погиб отец ее дочери Гаяны, с которым она пыталась забыть А.А. Блока. В 1918 году, будучи городской головой Анапы, она познакомилась с председателем военно-окружного суда Д.Е. Скобцовым, который буквально спас ее от расстрела белогвардейцами, убедил эмигрировать и уже в самом конце 1920 года в Константинополе стал ее мужем. Сюда он добрался в составе комиссии по охране казачьих знамен и реликвий. В январе 1921 года в Константинополе был организован Объединенный совет казаков Дона, Кубани и Терека, в который вошел и Д.Е. Скобцов как представитель кубанского казачества. Остановка в Константинополе была кратковременной, потом были остров Лемнос, Сербия, и, наконец, Франция.

Интересно, что позднее псевдоним «Ольга Ярославна» получил второе творческое рождение. Под этим именем в русскую эмигрантскую поэзию вошла Ольга Ярославна (Тельтофт). Ее настоящие имя и отчество полностью совпадают с ее творческим именем. Но она не могла быть автором константинопольского сборника, поскольку родилась только в 1915 году.

В книге отчетливо прослеживается поэтика моря, которое с детства хорошо знала и любила Е.Ю. Кузьмина-Караваева. Она выросла на юге, в Анапе в живописном имении своего отца – Ю.Д. Пиленко. В первом же стихотворении сборника поэтесса упоминает о черноземах: она была всегда близка к земле, работала на виноградниках, свою первую дочь позднее назвала «Гаяна» («земля» - в переводе с греческого). В 1905 году семья переехала в Ялту, где Ю.Д. Пиленко возглавил Никитский ботанический сад. Эти биографические факты чрезвычайно созвучны образу лирической героини Ольги Ярославны, живущей «красиво, сильно, дерзновенно» и являющейся дочерью «стихий свободных – Солнца, Ветра, Моря» [Ольга Ярославна 1921: 49].

В одном из стихотворений лирическая героиня испытывает тревогу по поводу того, как встретит ее Север. Возможно, это настроение является отголоском того факта, что после внезапной смерти отца в 1906 году, мать поэтессы – Софья Борисовна приняла решение выехать из Анапы в Петербург.

Некоторые стихотворения сборника датированы 1917 годом, в это время поэтесса навсегда покинула Петербург и вернулась на родину, в Анапу. 4 мая 1917 года Елизавета Юрьевна сделала последнюю попытку восстановить отношения с Блоком. Она обратилась к нему с письмом: «Я знаю, что Вам скверно сейчас, но если бы Вам даже казалось, что это гибель, а передо мной был бы открыт любой другой самый широкий путь <...>, я бы все же с радостью свернула с него, если бы Вы этого захотели» [Кривошеина 2015: 224]. Поэт оставил это письмо без ответа. Это, видимо, наложило определенный отпечаток на душевное состояние Елизаветы Кузьминой-Караваевой.

В сборнике нет ни одного посвящения Блоку, зато есть стихотворение «Русалка» с подзаголовком «Из Бальмонта». И это представляется не случайным. Со стихами поэта маленькая Лиза Пиленко познакомилась еще в Анапе, и они, по собственному признанию «пронзили ее воображение». Позднее Ю.Терапиано вспоминал: «Во время оккупации он [Бальмонт. – Н.Ж.] поселился в Нуази-ле-Гран, в русском общежитии, устроенном матерью Марией» [Терпиано 1953: 21]. Мать Мария испытала заметное влияние поэзии старшего символиста на свое творчество, особенно в плане интереса к скифско-славянской теме, и до последнего заботилась о своем наставнике и старшем друге.

В сборнике много «осенних этюдов»: сама поэтесса признавалась в письмах к брату в октябре 1916 года, что наступает «моя любимая осенняя тишь» [Кривошеина 2015: 224].

Если принять во внимание версию, что Е.Д. Кузьмина-Караваева – это Ольга Ярославна, то окажется, что она разрушает многолетние представления о том, что «период с 1917 по 1923 г. был для Кузьминой-Караваевой (с 1919 г. Скобцовой) в творческом отношении наименее плодотворным» [Беневиц URL], что «несколько лет странствий между Константинополем и Белградом остаются для исследователей жизни Е. Ю. лакуной. Можно допустить, что трое детей, бабушка Софья Борисовна, муж и полная нищета – никак не способствовали творческому состоянию Елизаветы Юрьевны» [Кривошеина 2015: 132].

В этом случае затерявшийся в эмигрантских бедствиях и странствиях сборник стихотворений Ольги Ярославна восполняет имеющиеся лакуны и отражает характер творческих и духовных поисков Е.Ю. Кузьминой-Караваевой в трагический период национальной истории. В 2004 году Святейший Синод Вселенского Константинопольского Патриарха причислил мать Марию, ее сына Юрия Скобцова к лику святых.

Представляется, что достойны самого пристального внимания и забытые по сей день стихотворения Григория Финна, чья творческая судьба оказалась связанной с Русской Турцией. В 1921 году в Константинополе он выпустил сборник «Пасмурные птицы». В небольшую книгу включено 21 стихотворение, написанное поэтом с апреля 1918 по декабрь 1920 года.

В настоящее время детали биографии поэта прояснить не удалось. Известно только, что он выпустил еще одну книгу стихов с типичным эмигрантским названием «На перепутье» (Берлин, 1922). Однако с опорой на географию (Новочеркасск, хутора Басков, Манойлин, Графский, станицы Цимлянская, Елизаветинская, Ростов, Азов) и датировку, помещенных в сборник стихотворений, можно высказать предположение, что Г.Финн принадлежал к белому воинству, которое участвовало в сражениях с осени 1918 года по январь 1920 года на юге России. Также по косвенным деталям сборника можно заключить, что в марте 1920 года поэт через Эгейское море эмигрировал, возможно, на Балканы, а оттуда перебрался в Константинополь. Представляется также, что имя Григория Финна, как в случае с Ольгой Ярославной может быть творческим псевдонимом одного из казачьих поэтов-воинов, возможно, галлиполийцев, которые эмигрировали через Константинополь.

На книгу Г.Финна в год ее выхода откликнулся авторитетный критик русского зарубежья К. Мочульский, который отметил одаренность молодого поэта «художественным вкусом и чувством формы» [Мочульский 1921: 324]. Эта рецензия является единственно известной на сегодняшний день.

Сборник «Пасмурные птицы» пронизан пророчески-мистическими настроениями, неизбежности национальной катастрофы, которая ощущается уже в стихотворениях 1918 года, относящимся к доэмигрантским:

*Как много крови, сколько плах
Влачат клубящиеся дали!
И жнет Пречистая в слезах
Неутомимые печали.
[Финн 1921: 5]*

Молитвенно-песенный строй лирики Г.Финна иногда перебивается строгими сонетами, а поэтика степи с ее разнотравьем, местными словечками (чабр, толока, зазыва, рундучок), стремлением обрести волю и свой путь-дорогу соседствует с персонажами комедии дель арте (Пьеро, Коломбиной, Арлекином), образом скитальца Мельмота из одноименного романа Ч.Р. Метьюрина или греческой богиней справедливости Астреей:

*Разметали угрюмый намет
И улеглись суховеи.
Упоенно в высях Дева поет
О золотых временах Астреи...
[Финн 1921: 19]*

Важно отметить, что стихотворения Финна органичным образом вписываются в национальный литературный контекст 1917-1920-х годов. Для этого времени чрезвычайно характерно было обращение русских писателей к образу Богородицы, которая, как известно, является небесной покровительницей России. В творчестве А.А. Блока, А.А. Ахматовой, Е.И. Замятина, И.С. Шмелева, И.А. Бунина, М.М. Пришвина и других поэтика иконописи часто являлась основой художественной структуры произведений. Русская литература того времени искала незыблемые духовные константы, которые стремилась противопоставить апокалипсическому настоящему. И творчество Финна не стало здесь исключением. В его поэзии образ Девы Марии представлен через народные наименования ее икон и молитвенные обращения «Пречистая», «Одна Живая среди стольких мертвых». В декабре 1919 года на хуторе Графском лирический герой задает Богородице характерный вопрос, которым задавались многие писатели того времени:

*Доколе, темные, мы будем сирыми,
Кровавого заоя не оплавав?
Пожнем ли сноп любви и мира мы,
О Божья Мать – сопорительница злаков.*
[Финн 1921: 19]

Следующее стихотворение, написанное уже в декабре 1919 года в авторском жанре «песни-птицы» с отчетливыми фольклорными корнями, представляет собой символическое прощание с Россией, отражает неизбежность грядущего одиночества и смерти, потерю всякой надежды. Образ Богородицы сменяет образ Костлявой, которая скачет по следам лирического героя и забирает, прежде всего, себе его душу. Потеря России сравнивается с духовной смертью. В Эгейском море, видимо, на пути в Константинополь в марте 1920 года Финн описывает крайнее отчаяние, выраженное в равнодушной отрешенности от мира:

*Грозятся стены голые –
Тебе надежды нет.
И руки точно полые,
А точно мне пять лет.*
*Но сны мои, но сны мои –
Последний день земли!
И все мои любимые
Как будто умерли...*
[Финн 1921: 19]

Как отмечал К. Мочульский, очевидно, что Финн наследует в своем творчестве традиции А.А. Блока и А.А. Ахматовой, обращаясь к образам Руси – «угрюмой орлицы» и горькой чаши бытия, уроненной на «границы ступеней». Но представляется необходимым расширить поэтические традиции, на которые опирается Финн. К ним, безусловно, следует отнести все наследие литературы серебряного века с его элитарностью, экспериментаторством, художественным синтезом, а также русский фольклор, в котором заключены принципы национального миропонимания, живое слово, духовно-нравственные ориентиры.

Таким образом, творчество Ольги Ярославны и Григория Финна представляет собой интересное и самобытное явление на литературной карте Русского Константинополя, на которой до сих пор имеется много лакун. В этой связи

дальнейшее изучение этого феномена позволит восстановить его неизвестные страницы и подтвердить или опровергнуть приведенные гипотезы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беневич Г. И. Мать Мария (1891-1945) // URL: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=809>.
2. Григорий Финн. Пасмурные птицы. Стихи 1918-1920 годов / публикация и комментарий Н.Ю. Желтовой // Филологическая регионалистика. Тамбов, 2018. Т. 10. № 1-2 (25-26). С. 54-60.
3. Олджай Т. Литературная деятельность белоэмигрантов в Стамбуле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9-1.
4. Ольга Ярославна. Избранные стихи / публикация и комментарий Н.Ю. Желтовой // Филологическая регионалистика. Тамбов, 2017. Тамбов, 2017. Т. 9. № 2 (22). С. 38-45.
5. Ольга Ярославна. Стихи. Константинополь: Типография Л.Бабок и сыновья, 1921.
6. Кривошеина К.И. Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней. М.: Эксмо, 2015.
7. Мочульский К.Г. Финн. Пасмурные птицы. Константинополь, 1921 // Русская мысль. 1921. Кн. 8-9. С. 324.
8. Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк: Изд. им. А.П. Чехова, 1953. С. 17-21.
9. Финн Г. Пасмурные птицы: Стихи 1918-1920. Константинополь: За рубежом, 1921.
10. Финн Г. На перепутье. Берлин: Маска, 1922.

Галина Борисовна Буянова, доцент
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина
Российская Федерация

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ О МИХАИЛЕ ЛЕРМОНТОВЕ В ПОВЕСТИ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО “РАЗЛИВЫ РЕК”.

Аннотация: Статья посвящена повести известного русского писателя К.Г. Паустовского “Разливы рек”, главным персонажем которой выступает поэт М.Ю. Лермонтов. Внимание автора сосредоточено на версии о случайной встрече Лермонтова с княгиней Марией Щербатовой, являющейся стержнем сюжетного действия повести. Основываясь на художественном вымысле, предположениях, Паустовский создает романтическую историю, представляющую собой один из многочисленных биографических мифов, связанных с именем поэта. Финал повести затрагивает еще один биографический вопрос, связанный с большим количеством версий, - дуэлью и гибелью Лермонтова.

Ключевые слова: лермонтовская тема, биографический миф, реминисценции и аллюзии в повествовании, поэт как литературный персонаж, лиризм как свойство художественного текста.

THE IMAGE OF M.LERMONTOV IN THE “THE RIVER FLOODS” BY K.PAYSTOVSKY: MYTH AND REALITY

The article focuses on the novella “The River Floods” by a famous Russian writer K.Paustovsky. The main character of it is M.Y.Lermontov. The key point of the narration is the occasional meeting of the poet and princess Maria Sherbatova. That is what makes the action develop and what the writer focuses on. Paustovsky tells us a romantic story which can be characterized as one of the biographical myths about Lermontov. Also the writer touches upon the problem that is connected with Lermontov’s duel and death. The question of how it all has happened is still being widely discussed, there exist a lot of versions explaining this fact. Paustovsky develops one of them

Key words: the theme of Lermontov, biographical myth, reminiscences and allusions in the narration, the poet as the literary image, lyricism as a characteristic feature of the text

Осенью 1839 года редактор-издатель журнала «Отечественные записки» А.А. Краевский обсуждал с литературным критиком И.И. Панаевым возможность публикации поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» и сожалел о том, что у автора не осталось чернового варианта полного текста поэмы — отдал читать знакомым барышням: «Таков мальчик уродился!». Фразу А.А. Краевского К.Г. Паустовский использовал в тексте повести «Разливы рек» по-своему: «Не такой уж мальчик уродился, чтобы чего-нибудь не выкинуть...» [9,170]. Особенный, ни на кого непохожий, страстный, мужественный и ранимый, глубоко и тонко чувствующий.

Для того, чтоб родился этот мальчик, — великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов - судьбе было угодно соединить Юрия Петровича Лермонтова, чьи

предки были выходцами из Шотландии и служили русскому царю и России с 1633 года, и Марию Михайловну Арсеньеву, наследницу по матери, урожденной Елизавете Алексеевне Столыпиной, - богатого и влиятельного русского рода Столыпиных. Все чаще ученым, обращающимся к изучению творчества Лермонтова, русский поэт видится «преемником талантов своего мифологического шотландского предка Томаса Рифмача» [4,885], и поэтические легенды, связанные с Томасом Рифмачом, окрашивают особым светом поэтический дар Лермонтова.

В 2019 году исполняется 205 лет со дня рождения поэта, а лермонтовская тема продолжает притягивать к себе исследователей: биографов, литературоведов, текстологов, историографов, культурологов — и кажется, что у лермонтовского источника нет дна. С 1840 года в отечественной литературе Лермонтов живет и как литературный персонаж. Владимир Александрович Соллогуб в 1839 году написал повесть «Большой свет», в которой под фамилией Леонин был изображен офицер, напоминающий Лермонтова — и характером (по мнению современников), и узнаваемыми фактами биографии (сиротство, заботливая бабушка, военная служба, светские успехи, дуэльные истории). В 1887 году появилась повесть Павла Петровича Вяземского «Письма и записки Омер де Гелль», в которой Лермонтов изображался как загадочный, насмешливо глядящий на светскую толпу, одинокий и гордый романтический герой. Эти произведения стали продолжением мифов о поэте, созданных представителями русской религиозно-философской мысли, - С.Н. Дурылина, В.В. Розанова, И.М. Андреева.

В 20-30-е годы XX века Сергей Николаевич Сергеев-Ценский создает пьесу «Поэт и чернь» (1927), одноименную повесть, затем повесть «Поэт и поэтесса» (1930) и повесть «Поэт и поэт» (1931), а затем объединяет написанное в роман «Мишель Лермонтов» (1933).

В 1928 году появляется повесть Бориса Андреевича Пильняка «Штосс в жизни», а в 1929 году — повесть Константина Аристарховича Большакова «Бегство пленных, или история страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова». В 1932-м году Петр Андреевич Павленко создает «13-ю повесть о Лермонтове».

В 30-е годы над романом «Пшеница и плевелы» работает Борис Александрович Садовский, в начале 40-х над драмой «Поручик Лермонтов» и сценарием для художественного фильма работает Константин Георгиевич Паустовский. В 1953 году появится его повесть «Разливы рек» и повесть Юрия Павловича Казакова «Звон брегета» (1958).

В 1970-1975 гг. Георгий Дмитриевич Гулиа пишет роман «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» и в то же время (1973) опубликована повесть Александра Александровича Титова «Лето на водах». Можно и дальше продолжать этот обзор и назвать имена Беллы Ахмадулиной («Лермонтов. Рукопись из архива семейства Р»), Булата Окуджавы («Путешествие дилетантов») и целый ряд произведений других современных авторов. Каждый из авторов на основе документов, фактов, легенд создает собственное повествование о Лермонтове, в котором соединяется реальное и мифологическое, интерпретирует, домысливает лермонтовские сюжеты и события его биографии, размышляет о его героях, чаще — пишет о его судьбе, судьбе офицера и поэта. И оттого, насколько глубоко автор понимает, чувствует, знает Лермонтова, и зависит право этих легенд и мифов на существование.

Почему Паустовский обращается к лермонтовской теме? Прежде всего потому, что у писателей много общего, если говорить о складе личности и

увлечениях. В ноябре 1837 года Лермонтов написал Святославу Раевскому: «С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до тех пор в непрерывном странствовании то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шемахе и Кахетии; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов... я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому образу жизни...» [7, 236]. В жизни Паустовского были Москва и Киев, Сухуми и Батуми, Тбилиси и Ереван, Баку, северная Персия, Старая Русса, Петрозаводск, Псков, Белоруссия... Может быть, поэтому он так хорошо чувствовал душу поэта Лермонтова.

Помимо путешествий и дорог, богатых впечатлениями, знакомствами с новыми людьми, наблюдениями, открытиями, Лермонтова и Паустовского объединяет важнейшая особенность творчества, своеобразный стержень его - лиризм.

Любопытно, что этот термин появился в теоретических и критических работах отечественных исследователей еще в 20-30-е годы XIX столетия, что объясняется преобладающим влиянием романтического направления в русской литературе того периода. Лиризм — понятие весьма близкое, родственное таким, как лирика, лирический герой, лирическая стихия. Все они предполагают изображение духовного мира человека, интерес к тайнам души человеческой, погружение в глубины человеческого духа.

Н.А. Полевой понимал под лиризмом непосредственную форму выражения духовных устремлений автора [10]. В.Г.Белинский, осмысливая понятия «лирика» и «лиризм», подчеркивал их разность [1]. Лирика — понятие родовое, лиризм — эстетическая категория, эстетическое явление в художественном творчестве. В этом смысле лиризм, считал критик, присущ не только жанрам лирики, но и рассказу, повести, роману. Лиризм — универсальная черта литературы, определяющаяся свойством автора проводить, пропускать через свою душу явления внешнего мира, откликаться на них. И Лермонтов, и Паустовский обладали этой способностью в высшей степени. Лиризм в отношении наших авторов — важнейшая черта человеческого характера, неотъемлемое свойство личности, определившее содержание и характер их творчества.

Лиризм, если давать определение этому понятию, - особое свойство в авторском выражении чувств, в известном смысле - игра воображения автора, неповторимое движение, комбинация его мыслей, интересов, душевных порывов. Лиризм — одно из средств выражения индивидуального авторского отношения к миру, показатель психологического состояния художника и одновременно результат восприятия им окружающей действительности.

Можно с уверенностью говорить о том, что лиризм отражается во всех художественных составляющих произведений писателя: в системе образов и художественных тропах, в авторской символике, яркой афористичности, ритме повествования, музыкальности языка.

Рассказывая о событиях 1840-41 годов в жизни Лермонтова (повесть «Разливы рек»), К.Г.Паустовский вводит в повествование и общеизвестные факты, и вымышленные события, стремится изобразить «истину страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах». К общеизвестным фактам, безусловно, относится знакомство М.Ю. Лермонтова с Н.В.Гоголем. Исследователи предполагают, что писатели познакомились в 1839 году, но достоверно известно, что их встреча состоялась 9 мая 1840 года на именинном обеде в честь Гоголя, который устроил М.М. Погодин.

С.Т. Аксаков вспоминал: «На этом обеде, кроме круга близких друзей и знакомых, были Александр Тургенев, князь Вяземский, Лермонтов, Дмитриев, Загоскин, многие другие. Обед был веселый и шумный, но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелись по саду, маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно...» [5,317].

Паустовский выстраивает диалог Лермонтова и Гоголя, вероятнее всего, основываясь на собственных предположениях и, может быть, дневниковых записях современников — например, Александра Тургенева. Известно, что они втроем проговорили до двух часов ночи, но подробности этой беседы неизвестны. В «Разливах рек» Гоголь дидактичен, поучителен: «Гоголь, прищурив глаза, долго смотрел на Лермонтова — чуть сутуловатого офицера — и лениво говорил, что Лермонтов, очевидно, не знает русского народа, так как привык вращаться в свете. «Попейте кваску с мужиками, поспите в курной избе рядом с телятами, поломайте поясицу на косьбе — тогда, пожалуй, вы сможете — и то в малой мере — судить о доле народа» [9,162].

Главное место в «Разливах рек» занимает случайная встреча Михаила Лермонтова и княгини Марии Щербатовой, произошедшая в пути, в неизвестном маленьком городке. Известно, что Мария Алексеевна, дочь украинского помещика Алексея Петровича Штерича, в 1837 году вышла замуж за князя Александра Михайловича Щербатова (1810-1838), штаб-ротмистра лейб-гвардии гусарского полка. В марте 1838 года он внезапно умер, а незадолго до этого, в феврале, в семье родился сын, которого назвали Михаилом. Огромное состояние Щербатова должно было перейти к мальчику. Мария Алексеевна жила в Петербурге с бабушкой и сыном, поддерживая отношения с определенным кругом знакомых, среди которых — семья Карамзиных. Реальная встреча Лермонтова и молодой красавицы княгини состоялась осенью 1839 г. у Карамзиных - известно, что у Карамзиных он читал «Демона».

По-видимому, Лермонтов был серьезно увлечен княгиней. С ней связана знаменитая лермонтовская «Молитва» («В минуту жизни трудную»).

Мария Алексеевна спросила у Лермонтова, молится ли он когда-нибудь (разговор происходил в присутствии фрейлины императорского двора Александры Осиповны Смирновой-Россет), и поэт ответил, что забыл все молитвы, жаловался на грусть. Александра Осиповна советовала ему читать «Богородицу», попросила Щербатову напомнить Лермонтову эту молитву. Возможно, Мария Алексеевна напомнила Лермонтову богородичную молитву, возникшую в первые века христианства: «Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою! Благословенна Ты в Женах, и благословен Плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших». К концу вечера Лермонтов написал свою «Молитву» («В минуту жизни трудную») и показал Александре Осиповне, которая сказала, что «стихи чудно хороши», их следует переписать и поднести в подарок княгине Марии Алексеевне.

Марии Алексеевне Щербатовой посвящено одно из самых светлых стихотворений Лермонтова, которое цитируется в «Разливах рек»:

Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных...

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром...[6,186-187]

С Марией Алексеевной Щербатовой связывали в свете и причину дуэли Лермонтова с сыном французского посла Баранта. В феврале 1840 года, через несколько дней после дуэли, княгиня уехала в Москву, а в марте 1840 г. скончался ее сын. В мае 1840 года Лермонтов был в Москве: 3 мая состоялся прощальный вечер у Карамзиных, связанный с отъездом Лермонтова из Петербурга, 6 мая поэт прибыл в Москву, 9 и 10 – го мая Лермонтов встречался с Гоголем. Время с 10 по 19 мая Лермонтов провел в Москве. Он бывал у Мартыновых, Павловых, Свербеевых, однако неизвестно – видел ли он Щербатову? Александр Иванович Тургенев в своем дневнике писал, что бывал у Щербатовой - она «сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова» [7, 332].

19 мая Лермонтов уехал на Кавказ. Он останавливался в Новочеркасске и Ставрополе, других городах, но документальных свидетельств о встрече Лермонтова и Щербатовой в дороге не найдено. Паустовский воссоздает в «Разливах рек» лирический миф - вымышленную историю случайной встречи Лермонтова и Щербатовой в маленьком городке, где они, пишет Паустовский, «крадут у дурацкого света один-единственный день их счастья»[9,165], но Лермонтов, не знавший, как сложится дальше его жизнь, не решается на объяснение: «Что делать, он не знал. Жизнь взяла его в такую ловушку, что он не в силах был вырваться...»[9, 165].

Глубоким лиризмом проникнуты в рассказе и сцены встречи, и сцены прощания. Паустовский, знавший и любивший лирику Лермонтова, искусно вводит ее в повествование, и даже при отсутствии прямых цитат лермонтовские реминисценции ясны в тексте повести: «Щербатова смотрела на трепещущий от ветра жалкий лист и боялась, что его оторвет и унесет в поле. Но он не улетал. Лист оторвался и улетел только на третий день к вечеру, когда из-за днепровских круч ударил в лицо грозовой ветер и молнии, обгоняя друг друга, начали бить в почерневшую воду. Гроза волокла над землей грохочущий дым и ликовала...» [9, 175]:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Чёрного моря...[6, 221]

«Мне грустно оттого, что я вас люблю, и знаю, что за этот легкий день вам придется дорого рассчитаться»[9, 173], - этой фразой Паустовский напомнит лермонтовское «Мне грустно оттого, что я тебя люблю...». Историю создания этого стихотворения писатель связывает с именем княгини Марии Щербатовой, повторяя мысль, высказанную Б. Эйхенбаумом (ученый сравнил образы «беспощадного света» и «цветущей молодости» в стихотворениях «Отчего» и «М.А. Щербатовой» и сделал вывод о том, что адресатом этих произведений была княгиня Щербатова) [8,360].

В «Разливах рек» есть страницы, посвященные теме, волновавшей Лермонтова всегда, - теме Отечественной войны 1812 года. Теплота патриотизма, глубокое лирическое нравственное чувство — основа лермонтовского «самостоянья». Паустовский параллельно рассказывает две истории - историю любви и прощания Лермонтова и Щербатовой и историю жизни и смерти кутузовского кавалера Трифона Калугина.

«Утром Лермонтову встретился на улице слепой солдат. Он просил милостыню. Солдата вела за руку девочка лет четырнадцати, вся в лохмотьях. Сквозь грязную рвань просвечивало ее детское нежное тело.

- » Кем он тебе приходится, этот солдат? - спросил Лермонтов девочку.
- » Да никем. Я сирота. А ему пушечным огнем глаза выжгло.
- » В бою под Тарутином! - хрипло прокричал солдат» [9, 166-167].

Повествование выстроено таким образом, что позволяет понять отчаяние и боль просящего милостыню слепого солдата, и девочку-сироту, которая ему помогает, и душу офицера, которому приходится хоронить тарутинского ветерана. И у этих печальных сцен тоже мощный лирический ассоциативный фон, вызывающий в памяти «Бородино», «Валерик», «Завещание», собственно лермонтовскую родословную — братьев бабушки, Дмитрия Алексеевича и Афанасия Алексеевича, офицеров-артиллеристов, унтер-офицера Андреева, многочисленных тарханских крестьян — участников войны 1812 года, например, Дмитрия Шубенина.

Заключительные страницы повести связаны с версией о гибели Лермонтова не от пули Н.С. Мартынова, а неизвестного убийцы. «Короткий покой, широкие замыслы и стихи, легкие и взлетающие к небу, как облака над вершинами гор. И дуэль. И последнее, что он заметил на земле, - одновременно с выстрелом Мартынова ему почудился второй выстрел, из кустов под обрывом, над которым он стоял»[9, 178-179], - пишет Паустовский. Сохранились записанные современниками со слов Паустовского рассказы о преданиях семьи Мартынова – в последние часы своей жизни, исповедуясь священнику, Мартынов будто бы отказался признаться батюшке в убийстве Лермонтова [11]. Существует миф о том, что в гибели Лермонтова виновен безвестный солдат, которого обманули, выдав Лермонтова за государственного преступника, который непременно должен погибнуть. Неграмотный стрелок, ничего не знавший о славе русской поэзии, только в старости узнал от своей внучки историю гибели Лермонтова и, по размышлению, понял, что виновником этой трагедии был он... Эту историю Паустовский слышал от потомков солдата и верил в то, что Мартынов не убивал Лермонтова. Смерть Поэта – на совести другого человека, который направил солдатское ружье в грудь Лермонтова.

Паустовский понимал, что без документальных подтверждений не имеет смысла вступать в спор с учеными, поддерживающими официальную версию гибели Лермонтова во время дуэли с Мартыновым. Каждый читатель на основе

документов, которые многократно изложены в исследовательской литературе, сделает собственный вывод о причинах и виновнике гибели поэта и создаст свой собственный миф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В.Г. Собр. соч. в 9-ти т. Т.3. - М.: Худ.лит., 1978. С.294-352.
2. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.: «Русская панорама», 2003.
3. Дуэль Лермонтова и Мартынова: подлинные материалы уголовного дела. М.:Белый город, 2012.
4. М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М.: «Индрик», 2014.
5. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1989.
6. Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т.1. М.: Изд-во «Правда»,1988.
7. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 4. Проза, Письма. М.: Худ. лит., 1976.
8. Лермонтовская энциклопедия /Гл. редактор В.А. Мануйлов. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1999.
9. Паустовский К.Г. Разливы рек // Паустовский К.Г. Северная повесть. Алма-Ата, 1986.
10. Полевой Н.А. Стихотворения А.Пушкина //Московский телеграф. 1832; - № 4. - С.566-573; <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ZcaJ1VDJyOc%3D&tabid=10396>; дата обращения – 3 апреля 2019 г.
11. <https://specotvet.misterurister.info/mir-vokrug/kto-ubil-lermontova/>; дата обращения – 12 мая 2017 г.

Бабий Мария Игоревна, студент
 ФГБОУ ВО ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
 Российская Федерация

ОБРАЗ ТЕАТРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: в статье описывается эволюция образа театра на материале романов англоязычных авторов. Акцентируя внимание на произведениях рубежа 20-21 веков, автор статьи показывает, как этот вечный образ прошел путь от «театра» до «метатеатра», трансформируясь согласно духу времени и приобретая новые интенции и импликации.

Ключевые слова: англоязычная литература, вечные образы, театр, метатеатр

THE IMAGE OF THEATRE IN ENGLISH AND AMERICAN LITERATURE

Abstract: The article delves into the evolution of the theatrical image in the novels of English and American authors. Prioritizing the works of the turn of the current century, the author strives to show the thorny way which the image of the theatre made on the literary stage, starting with the “theatre-image” and late giving place to the “metatheatre-image”. On its transformative way this eternal image has never been static. It manifested itself in different shapes and sizes pursuing new intentions and trumpeting new messages.

Keywords: English literature, American literature, eternal images, theatre, meta-theatre

Как известно, культура – это совокупность концептов и отношений между ними. Российский академик Ю.С. Степанов считает, что «константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [6]. В свою очередь, под концептом он подразумевает «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», а также «сгусток культуры в сознании человека» [6]. Таким образом, человек получает представление о культуре именно посредством концептов, постепенно становясь ее частью, а потому может периодически оказывать на нее воздействия разного рода, привнося в нее те или иные изменения. Вне всякого сомнения, большая часть культурных констант отражена в искусстве. Одно из первостепенных значений в нем играет литература.

В мировой литературе константами-инвариантами являются вечные образы. «Вечные образы – художественные образы произведений мировой литературы, в которых писатель на основе жизненного материала своего времени сумел создать долговечное обобщение, применимое в жизни последующих поколений» [5].

Вечный образ обладает уникальной емкостью и практически неисчерпаемым запасом смыслов, а его высокая степень поливалентности, предоставляющая автору произведения уникальную возможность с легкостью включать его в любую систему образов и сюжетных линий, делает вечный образ гибким и многослойным.

Не будет преувеличением сказать, что в англоязычной прозе образ театра является вечным и занимает особое место. Доподлинно известно, что истоки театрального искусства Англии восходят к древним обрядовым играм, а Америки – к театрализованным представлениям индейских племен XV века. Театр в художественных произведениях англоязычных авторов репрезентируется в двух ипостасях: с одной стороны, это – собственно театр, драма как произведение для театра, спектакль, игра актеров на сцене, зрительный зал; с другой стороны, театр – художественный образ, сюжетобразующая метафора, раскрывающая символику произведения и неестественное поведение его героев.

Образ театра в англоязычной литературе был всегда востребован и актуален. Наиболее весомыми работами, в которых нашла отражение театральная жизнь, являются произведения Ф. Бэкона «Новый Органон», или «Истинные указания для истолкования природы» (1620), У. Шекспира «Как вам это понравится» (1623), Г. Филдинга «История Тома Джонсона, найденыша» (1749), Дж. Босуэлла «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791), Э. По «Маска Красной смерти» (1842), Т. Драйзера «Сестра Керри» (1900). Образ театра в произведениях этих авторов был представлен по-разному и служил разным целям.

Необходимо отметить, что во многих произведениях англоязычных писателей изображение театра выходит на первый план. Ярким примером служит роман С. Моэма «Театр» (1937), который сразу заявляет о себе своим эксплицитным заголовком. Цель Моэма – изобразить пороки английского общества посредством образа театра. Автор рассказывает историю жизни знаменитой английской актрисы Джулии Лэмберт, которая, будучи замужней женщиной средних лет, находится в любовной связи с молодым мужчиной. Театр в произведении Моэма является не столько местом действия, сколько атрибутом жизни героев «Театра». Представления и роли, актеры, рассуждения об актерском мастерстве, сценических провалах и удачах происходят на фоне формирования метафоры «мир – театр».

В романе отчетливо фигурируют два мира: мир театра (актеров) и мир зрителей (тех, кто не имеет отношения к актерской профессии). Для первых театр – это реальная жизнь, а все, что вне театра – игра; для вторых – наоборот. Постепенно границы между миром театральным и миром реальным размываются, и уже сложно сказать, кто находится в данный момент в маске – актер, исполняющий роль, или человек, живущий в реальном мире. Эти два контрастирующих мира, противостоящие друг другу в духовном и материальном смыслах, представляют универсальную картину бытия. Противопоставление, основанное на разнице в мировосприятии, проходит через все произведение.

С. Моэм в мельчайших деталях изобразил жизнь актеров, раскрыв множество атрибутов актерской жизни, таких как богатство, слава, акцент на внешней привлекательности, чрезмерное внимание поклонников, слухи и сплетни, показав, чем на самом деле является для них театр. Писатель убедил читателя, что театр – это реальная жизнь для таких людей, как Джулия. Только там они чувствуют себя сильными и счастливыми: «Даже просто находиться в театре служило ей успокоением. Глядя на репетиции, она отдыхала и к вечернему спектаклю, когда ей надо было выступить самой, была вполне свежа» [4], только там они реализуются как личности и находят гармонию: «На выход, пожалуйста... Эти слова... Они подбадривали ее, как тонизирующий напиток. Жизнь получала смысл» [4]. Только театр помогает выжить тем актерам, которые сталкиваются с разочарованием в жизни, и тогда театр становится их убежищем:

«Джулия была рада, что приближается время идти в театр, – скорее пройдет этот злосчастный день» [4].

Британская писательница В. Вулф в своей последней работе «Между актами» (1941) сосредотачивается на теме трансформации жизни через искусство, быстротечности времени и жизни. В романе описывается один летний день 1939 года английской жизни. Семья Оливеров организывает на территории своего поместья любительскую постановку, под руководством местной писательницы мисс Ла Труб. Каждый из членов семьи носит «маску» в реальной жизни. Так, Миссис Джайлз Оливер вынуждена прятать неподобающую своему положению любовь к поэзии от всех, даже от собственного мужа. Миссис Суизини ведет себя на людях ветрено и легкомысленно, производит впечатление неусидчивой особы. Только когда она остается в кругу самых близких людей, перед читателем предстают ее пылкий ум и любознательность. И вот на импровизированной сцене – поляне, оживают традиционные для культуры «старой доброй Англии» сюжеты и образы. В первой сцене появляется маленькая, вся в розовом, Филлис Джонс, напоминающая бутончики символизирующая Англию. Далее изображается Англия времен Чосера, затем – королевы Елизаветы и Шекспира, далее театрализуется эпоха современности, что можно рассматривать как реконструкцию социальной и литературной истории Англии, отражающей моду и стиль различных периодов ее истории. Место для постановки спектакля подсказала сама природа: «Газон был плоским, как пол в театре. Терраса, возвышаясь, напоминала настоящую сцену. Деревья обрамляли сцену как колонны» [1].

В произведении «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда (1890) идея театральности обнаруживается, в первую очередь, в концептуальном послы романа и опирается на понятия о жизни, как особенном действе, которое организовано по законам социального, психологического или эстетического представления. «Театральность» связана в основном с идеей «жизнестроительства», т.е. реорганизацией жизни по законам красоты. Показательной является влюбленность Дориана Грея в создаваемые Сибиллой Вэйн театральные образы, которые герой наделяет высшей художественной правдой и неповторимостью. Влюбляясь в ту или иную роль Сибиллы, протагонист проникается чувствами то к Имоджене, то к Джульетте, но не замечает за этими ролями саму девушку Сибилу. Неслучайно лорд Генри говорит Дориану: «... в Сибиле Вэйн вы видите всех романтических героинь. Один вечер она – Дездемона, другой – Офелия, и, умирая Джульеттой, воскресает в образе Имоджены» [7]. Действительно, Дориан испытывает высокое чувство к искусству, которое воплощено в Сибиле. Даже когда девушка умирает, Дориан переживает не утрату близкого человека, а оплакивает часть искусства, умершего вместе с героиней. По Уайльду, образ реального человека – ничто по сравнению с искусством, поскольку человек скучен и безлик, а потому не заслуживает особого внимания.

Примечательно, что англоязычные авторы постмодернизма отходят от традиционного образа «театра». На смену «театру» приходит «метатеатр».

Термин «метатеатр» был предложен в 1963 году американским литературным критиком Л. Абелем для обозначения аспектов спектакля, которые привлекают внимание к его театральным свойствам, или сценической обстановки [8]. Таким образом, театр выходит за общепринятые рамки, и происходит разрушение «четвертой стены», невидимой границы, отделяющей выдуманный мир от реального, то есть актеров от зрителей. Свою лепту в этот процесс внесли такие мэтры режиссуры, как Р. Шехнер, Е. Гротовски, В.с. Мейерхольд, Э. Пискатор, П. Брук.

Рассмотрим, как функционирует концепт «театр» в произведении Д. Фаулза «Волхв» (1965). В этом романе наблюдается усложнение и трансформация образа театра и образа режиссера, что знаменует собой появление театра жизни, в котором режиссер и избранные им актеры осуществляют постановку жизни одного героя. Театр в произведении Фаулза – жизнь главного персонажа Николаса Эрфе на греческом острове Фракос. Режиссером жизни Николаса в романе выступает местный житель Кончис, на вилле которого часто гостит Николас. Таким образом, метатеатр превращается в антитеатр, в котором стирается грань между произведением и жизнью. Избавление от иллюзий, отказ Николаса Эрфе от ложных представлений о самом себе – это также часть раскрытия Николаса. Главная задача Кончиса, режиссирующего жизнь Николаса, – дать герою понять то, кем он является. Жизнь Николаса выстраивается по законам театрального представления. Она может считаться «вымышленной», так как не имеет выхода к «реальности самой по себе», а Николас формирует свою собственную реальность – «возможный мир». В итоге, Николас приходит к выводу, что если любое реальное поведение и реальность вымышлены, тогда верно и обратное: вымышленное поведение является единственно возможным реальным поведением. Примечательно, что до конца книги читатель участвует в построении модели «Мир – театр, театр – мир».

В книге американского романиста Д. Лихэйна «Остров-проклятых» (2003) также обнаруживаются присутствие «метатеатра». Судебный пристав Тедди Дэниелс и его напарник Чак Оул отправляются в психиатрическую лечебницу «Эшклиф» для расследования побега пациентки Рэйчел Соландо, убившей некоторое время назад своих детей. Вскоре выясняется, что пристав Тедди на самом деле является Эндрю Леддисом, пациентом той же лечебницы, находящийся в клинике уже 2 года после убийства собственной жены. Становится очевидным, что все происходящие на острове события были намеренной инсценировкой, призванной вырвать Эндрю из его выдуманного мира и вернуть его в мир настоящий, а также заставить героя вспомнить забытую трагедию – смерть жены и троих детей.

Примечательно, что метатеатр признает существование аудитории, читателя, может включать в себя прямое обращение к аудитории, особенно в монологах, ремарках, прологах, эпилогах. Так, в прологе романа доктор Лестер Шин весьма эмоционально обращается к читателю, делясь с ним своими наблюдениями: «Скажу вам больше» [3].

А. Эберсоул утверждает, что разыгрывание ролей происходит из-за характера, не принимающего его социальную роль, а потому создающего его собственную с целью изменения предначертанной судьбы. Например, Эндрю Леддис больше не хочет жить в реальности, предпочитая спастись от бед, которые выпали на его долю, в мире приятных фантазий: «Я обнимал ее. Вот то, чего этот мир мне дать не в состоянии. Этот мир может мне только напомнить о том, чего у меня нет, и никогда не будет и что у меня было так недолго» [3].

Участник метатеатра дает понять, что он осознает, что он в кино, спектакле. Так, Эндрю посещает мысль о том, что все происходящее – инсценировка: «У Тедди возникло сюрреалистическое чувство, будто они стали персонажами какого-то старого фильма с Джеймсом Кэгни, в котором заключенные планируют побег» [3].

В романе представлено большое количество театральных терминов: «игра в войну», «разыгранная пьеса», «Гран-Гиньоль», «водевиль», «ролевая игра», «театрализованное представление». Использование этих понятий служит

одной цели – помочь протагонисту понять, что все происходящее – театр, игра, направленная на пробуждение воспоминаний о прошлом путем создания определенной надлежущей атмосферы, вовлечение главного героя в новые и уже знакомые, но забытые, обстоятельства.

Анализ романа позволяет установить, что метатеатр погружает Эндрю в соответствующую атмосферу несколькими театрално-психологическими средствами. Так, вода используется как «спусковой механизм» для воспоминаний, главным образом потому, что жена Эндрю утопила их детей, тем самым нанеся герою глубокую душевную травму. Неслучайно один из пациентов лечебницы говорит о влиянии луны на мозг, который, как известно, на 70-80 процентов состоит из воды, а болезнь Эндрю была напрямую связана с головным мозгом. Лечебные действия происходят во время урагана с дождем, которого врачи специально дожидаются для разыгрывания должного представления. В репликах врачей присутствуют отсылки к мокрой от воды Долорес, приходящей к главному герою во снах. Неслучайно доктор Коули произносит фразу: «Малыш, ты почему весь мокрый?» [3]. В рамках произведения разворачивается метафора «плохой моряк – плохой отец»: «Вы «плохой моряк», Эндрю... Это значит, что вы плохой отец. Вы не вели их правильным курсом. Вы их не спасли» [3]. Анаграммы «Edward Daniels = Andrew Laeddis и Rachel Solando = Dolores Chanal» также нацелены на возвращение воспоминаний.

В процессе разыгрывания сцен метатеатра герои размышляют над риторическим вопросом: Должны ли мы отбросить свое прошлое, чтобы обеспечить себе будущее?

С течением времени концепт «метатеатр» в англоязычной литературе претерпевает кардинальные изменения, связанные с усилением постмодернистских тенденций, а также свободолюбивых настроений, превалирующих в обществе. Не секрет, что в XXI веке одно из любимых занятий как простых людей, так и звезд шоу-бизнеса, – участие в многочисленных реалити-шоу, особенно популярных среди американцев.

Репрезентативным в данном отношении является роман американской писательницы С. Коллинз «Голодные игры» (2008). Капитолий, столица государства Панем, наказывает свои дистрикты за бунт, который те устроили много лет назад, введя «Голодные игры», соревнование между дистриктами за первенство на арене. Впоследствии «Голодные игры» превращаются в развлекательное шоу для потехи элиты общества, транслируемое на всю страну. Шекспировская фраза «Вся наша жизнь – игра, а люди в ней – актеры» становится особенно актуальной в данной связи и приобретает новое прочтение. Жители дистриктов вынуждены принимать диктуемые правила, ощущая себя пешками в этой игре и жизни в целом. Им приходится играть на публику, завоевывая любовь зрителей и спонсоров. Участница от Дистрикта-12 Китнисс Эвердин вынуждена притворяться, что она влюблена в другого участника, Пита, чтобы создать красивую историю для зрителя. Капитолий возомнил себя господином мира и наслаждается своей ролью, держа в страхе все население и создавая, благодаря «Голодным играм», иллюзию надежды, в которой так нуждается население. В процессе развертывания игры происходит столкновение таких понятий, как «государственный контроль» и «свобода интересов личности». Например, когда Китнисс и Пит оказываются единственными оставшимися в живых на арене, Капитолий меняет правила, сообщая о том, что только один из них может одержать победу в игре, тем самым

накаля обстановку и превращая близких людей во врагов: «Распорядители продумали все заранее, они используют нас, чтобы устроить самый драматичный поединок за всю историю Игр» [2]. Однако план Капитолия терпит крах. Несмотря на ярое желание Китнисс победить и вернуться домой к семье, девушка не может принять жертву Пита, который добровольно соглашается на поражение. Китнисс отдает себе отчет в том, что ей проще будет умереть самой, чем жить с нечистой совестью, «кровью на руках»: «Всю оставшуюся жизнь я проведу здесь, на арене, снова и снова мысленно прокручивая эти минуты и думая, как его можно было спасти» [2]. Героиня решает идти против системы, против правил, устраивает провокацию, предлагая Питу съесть ядовитые ягоды и умереть вместе. Попав в ситуацию метатеатра, Китнисс руководствуется следующими рассуждениями: «Да, им нужен победитель. Без победителя все их хитроумные планы и все Игры теряют смысл. Капитолий останется в дураках...» [2]. Риск Китнисс оправдывает себя, и обоих героев делают победителями Игр. Так, автор показывает, как государственная диктатура не смогла убить человеческое начало в человеке.

Как видим, являясь вечным и многогранным образом, образ театра репрезентирует различные значения в произведениях англоязычных авторов XIX-XXI веков. Пройдя путь от театра до метатеатра, этот вечный образ трансформируется согласно духу времени, приобретая новые интенции и импликации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вулф, В. Между актов / пер. с англ. Е.А. Суриц. – СПб: Азбука, 2010. – 224с.
2. Коллинз, С. Голодные игры / пер. с англ. А. Шапулина. – Москва: АСТ, 2012. – 384 с.
3. Лихэйн, Д. Остров проклятых / пер. с англ. А.С. Кислаковой. – Москва: Иностранка, 2011. – 384 с.
4. Моэм, С. Театр / пер. с англ. Г.А. Островской. – Москва: АСТ, 2018. – 320 с.
5. Справочник литературных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lit100.ru/> (дата обращения 03. 03. 2019).
6. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический Проект, 2004. – 17 с.
7. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея: / пер. с англ. М.Е. Абкина. – Москва: Эксмо, 2017. – 352 с.
8. Wikipedia, the free encyclopedia. Metatheatre. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Metatheatre> (accessed 2 April 2019).

Кирил Трајчев
 Универзитет „Гоце Делчев“ Штип
 Република Северна Македонија

ФЕНОМЕНОТ НА БОЖЈАТА СВЕТИНА ВО ФИЛОСОФИЈАТА НА СВЕТИ ГРИГОРИЈ ПАЛАМА

Апстракт: Свети Григориј Палама е еден од врните мислителите и созерцатели во византиската философија. Тој направил аргументација и синтеза на многу значајни позиции и гледишта од византиската мисла. Во најважните резултати постигнати во неговата философија се вбројува и учењето за божјата светлина. Во суштина аргументацијата поврзана со ова учење е во директна врска со неговите основни гносеолошки постулати. Бог не може да се познае со разум, но тој не може и да остане целосно непознат на нашето искуство. Божјата светлина е всушност и начинот на кој можеме да допреме до Бога. Самата божја светлина како вид божја енергија по својата природа е несоздадена. Остварувањето на вистински автентичен контакт со божјата светлина е можен преку практикување на постојана аскеза.

Клучни зборови: божествени енергии, божја светлина, Свети Григориј Палама

THE PHENOMENON OF GOD'S LIGHT IN THE PHILOSOPHY OF SAINT GREGORY PALAMAS

Abstract: Saint Gregory Palamas is one of the best thinkers and contemplators in Byzantine philosophy. He made some argumentation and synthesis of many important positions and views of Byzantine thought. In the most important results achieved in his philosophy, the doctrine of Divine's light is included. Essentially the argumentation related to this teaching is in a direct relation with its basic gnoseological postulates. God can not be known rationally, but he can not also remain completely unfamiliar with our experience. God's light is actually the way in which we can reach God. God's own light as the kind of God's energy according to its nature is uncreated. The realization of true authentic contact with God's light is possible only through the practice of constant asceticism.

Keywords: God's energies, God's light, Gregory Palamas

Постојат многу различни божествени енергии. Една од тие е и Таворската светлина. Таворска светлина всушност е синтагма која се однесува на преобразувањето Христово на Таворската Гора, кога целиот облеан во светлина, Христос им се покажал на тројцата апостоли Петар, Јаков и Јован, при што се слушнал глас од еден облак: „Овој е Мојот возљубен Син, во Кого е Мојата волја, Него послушајте го“ (Мат. 17, 5), а претходно се јавиле Мојсеј и Илија и разговарале со Христа.¹ Друг познат пример на теофанија е Мојсеевото боговидение на Синај за време на кое Мојсеј се појавува во божјата светлина на воплоеното Слово. Постојат повеќе вакви и други слични примери во историјата на христијанството, кои особено можат да се сретнат во хагиографската литература.

Таков е случајот и со учењето на свети Григориј Палама и исихастичкиот монашки мистицизам, за созерцанието на божјата светлина. Кога Бог го нарекуваме

1. Свето Писмо, Библиско друштво, САС на МПЦ, Лондон; Скопје, 1990, стр. 24. Од Новиот Завет.

светлина, тоа значи дека тој не може да остане целосно непознат на нашето искуство. Според зборовите на В. Лоски „Бог е светлина и оние што ги удостојува да го видат, го гледаат како светлина.“² Тие што го примаат, го примаат како светлина. Тие што не ја виделе светлината, не го виделе Бога, бидејќи светлината на божјата слава претходи на неговиот лик и невозможно е тој да се јави на поинаков начин, освен преку светлина. Околу природата на самата светлина што при мистична екстаза ја гледаат исихастите, се водела жешка расправа. Одговорот на Палама и исихастите на ова прашање е дека природата на несоздадената божја светлина е невештествена (нетлена). Таа несоздадена светлина и покрај својата натсетилност и несоздаденост не е секогаш исклучиво само внатрешно созерцание, кое се појавува таинствено и неискажливо. Понекогаш таа светлина неменувајќи се во сопствената природа, како да се открива однадвор. Од внатрешен настан се преобразува во објективен феномен и добива својства на видлива светлина. Според зборовите на Палама „таа светлина не е божја суштина, зашто суштината е недостапна и неискажлива; таа не е ангел, зашто носи обележја на Учителот. Понекогаш таа го одделува човекот од телото или, пак, без да го оддели од телото, го издига до неискажлива височина. Во друга прилика, таа го преобразува телото и му ја пренесува својата сопствена велелепност, кога на чудесен начин светлината што го обоготворува телото станува видлива за телесните очи.“³ Свети Василиј Велики за самата божја светлина вели дека „таа самата е Бог се додека тој е познатлив, но Бог останува трансцендентен дури и во Неговите манифестации, предизвикувајќи само – трансцендентност, во оној во кој тој се јавува.“⁴

Божјата светлина според учењето на свети Григориј Палама не се појавува како нешто субјективно, што настанува во нашата свест, како имагинација или претстава воопшто или пак како нешто што се појавува во одреден временски интервал и набргу потоа исчезнува. Таа светлина од дамнина му е својствена на Бога, па на Таворската Гора само дошло до нејзино делумно пројавување пред апостолите, од што се заклучува дека таа постои како објективна стварност, независно од нашата свест. Палама вели „божјата светлина и секоја божја сила и енергија е несоздадена, бидејќи ништо што му е на Бога по природа не настанало подоцна.“⁵ Таа е сама по себе непроменлива и вечна, со тоа што бидејќи ги има карактеристиките како и самиот Бог, од моментот на воплотувањето се вселува во телото Христово, во кое е содржана целата божја полнота. Поради тоа и „најсовершеното видување на Бога е светлина.“⁶ Меѓутоа важно е да се спомене дека светлината и припаѓа само на едната Христова природа т.е. на божјата. Според Палама „ако таа светлина, која што сјаела од Спасителот на Гората, е природен симбол, таа не е тоа во однос на двете негови природи. Таа светлина не може да и припаѓа на неговата човечка природа, зашто нашата природа не е светлина, а уште помалку светлина каква што е таа.“⁷ Светлината единствено може да биде природен симбол на божјата природа на Христа. И самиот Христос на Тавор им се покажал на своите ученици за да потврди дека „тој е навистина светлината на Отецот.“⁸

2. Владимир Лоски, Мистична теологија на црквата од Исток, Табернакул, Скопје, 1991, стр.248-249

3. Св. Григориј Палама, Тријадите во одбрана на светите исихасти, Табернакул, Скопје, 2001, стр. 81-82

4. Цитирано според Св. Григориј Палама, Тријадите во одбрана на светите исихасти, Табернакул, Скопје, 2001, стр. 179.

5. Св. Григориј Палама „Исповедање православне вере“, Теолошки погледи бр. 4, Београд, 1978, стр. 157.

6. Св. Григориј Палама, „Слово за одбрана на оние кои свето безмолствуваат“, Домострој бр. 13-14, Скопје, 1995, стр.201.

7. Св. Григориј Палама, Тријадите во одбрана на светите исихасти, Табернакул, Скопје, 2001, стр.109.

8. Цитат од кондакот на Преображение во книгата Бог е жив, МПЦ, Преспанско-Битола епархија, Битола, 1983, стр.94.

Светлината божја не е ниту од разумски, ниту од сетилен карактер, а сепак ги исполнува и разумот и сетилата и му се открива на човекот во неговата целосност. Таа е нематеријална по својата природа. Според еден апологетски текст на Светогорските монаси се разликуваат три вида светлина: видлива, интелектуална и несоздадена која ги надминува првите две.⁹ Сетилната светлина ни ги открива предметите што им се својствени на нашите сетила. Интелектуалната светлина служи да ја манифестира вистината што е во мислите. Оние што ја гледаат несоздадената светлина со своите сетила, го забележуваат и доловуваат и Созерцанието на божјата светлина кое им се случило на апостолите на Таворската Гора и кое им се случувало или им се случува на големите христијански аскети, е достапно уште овде на Земјата за луѓето со чисто срце и чист ум, иако целосното откровение на светлината ќе биде дадено во „идните векови“ при средбата со Бога лице в лице. Затоа понекогаш нестворената светлина се нарекува и Царство Божјо. И самиот Палама појавата на светлината на преображението т.е. неискажливата божја светлина ја нарекува таинство на осмиот ден.

На соборот во 1352 година во заклучоците се истакнува дека Таворската светлина не е надсуштествена суштина божја, бидејќи таа останува совршено невидлива, оти Бога никој никогаш не го видел и не може да го види каков е по суштина, туку може да го види преку светлината како енергија, поради божјото човекољубие. Тој им се јавува на чистите и продуховени луѓе. Меѓутоа, недостапноста на божјата суштина не значи дека во „идните векови“ не ќе можеме да го созерцуваме Бога лице в лице. Според В. Татакис, во моментот на преображението „Бог ја оставил подотворена вратата на божеството за оние што тој ги дарил и им го покажал на посветените Бога, кој тука живее.“¹⁰ За човек да ја види божјата светлина со очи, како што апостолите ја виделе на Тавор, треба да земе учество во таа светлина, да биде преобразен од неа. Мистичното искуство претставува и промена на нашата природа, што значи дека секој што учествува во божјата светлина на некој начин и самиот станува светлина. При созерцанието, според забелешката на Вера Георгиева „Бог се доживува како се во се, бидејќи светлината е објект на гледање, но истовремено и она со што исихастот гледа.“¹¹

Самата светлина божја, како и останатите божји енергии, го обоготворуваат човекот. Обоготворувањето всушност свети Григориј Палама го разбира како благодат пренесена од Светиот Дух. Тој за неа учи како за несоздадена и бескрајна божја енергија, која го надминува и разумот и сетилата и се што е стварно соединувајќи ги со Бога оние кои ја имаат во себе и обожувајќи ги, при што тие не го губат вистинскиот карактер на својата природа. Според Палама принципот на обоготворувањето е „трансцендентен во однос на сите неште, недостижен за сетилни перцепции и за секој ум, за секое бестелесно и телесно суштество.“¹² Самото обоготворување Палама не го сфаќа како процес на подражавање на Бога и соединување со Него по пат на пројава на некои доблести, туку како неискажлив дар, како плод на божјата благодат (секако стекната и преку човечки доблести). „Наградата за добродетел е да се стане Бог, да се биде просветлен од најчистата од светлините“, ¹³ се зборови кои Палама му ги припишува на свети Василиј, со значење дека целта на еден христијански добродетелен живот е

9. Наведени според Владимир Лоски, Мистична теологија на црквата од Исток, Табернакул, Скопје, 1991, стр.252-253

10. Василиј Татакис, Историја на византиската филозофија, Култура, Скопје, 1998, стр. 340.

11. Вера Георгиева, Филозофија на исихазмот, Табернакул, Скопје, 1993, стр.140.

12. Св. Григориј Палама, Тријадите во одбрана на светите исихасти, Табернакул, Скопје, 2001, стр.123.

13. Исто, стр.125-126.

спасението, согледано преку учеството во Бога. Сите што станале причесници на божјата благодат, стануваат по самата благодат беспочетни и бескрајни. Од ова се согледува дека учеството во Бога значи спасение на човекот како комплетна личност во самата вечност. Несоздадената светлина и можноста за гледање на истата не се појавува толку како последица на дејствувањето на божјата благодат врз човекот, туку повеќе се јавува како манифестација на самата таа благодат. Остварувањето на вистински автентичен контакт со божјата светлина единствено е можно преку целосно посветување на сопствениот живот на Бога, со откажување од светот и световното, очистување од страстите и гревовите и практикување на строго воздржание или т.н. аскеза. Според зборовите на Палама „човек ја препознава оваа светлина кога душата престанува да им попушта на задоволствата и страстите, кога таа стекнува внатрешен мир и запирање на мислите, духовна смиреност и радост, презир на човечка слава, љубов спрема небесните нешта, или љубов спрема единствениот Бог на небесата.“¹⁴

БИБЛИОГРАФИЈА

1. Davy, Mary – Maedeleine, Enciklopedija mistika, T. 1, Naprijed, Zagreb, 1990.
2. Enciklopedija živih religija, Nolit, Beograd, 1992.
3. Nikolau, T. „Temeljne misli o vizantijskoj filozofiji“, Gledišta br. 1- 6, Beograd, 1995.
4. Георгиева – Петковска, Вера , Византиска филозофија, Табернакул, Скопје, 2001.
5. Георгиева, Вера , Филозофија на исихазмот, Табернакул, Скопје, 1993.
6. Јевтић, Атанасије, Филозофија и теологија, , Братство Св. Симеона Мироточивог, Врњци, 2004.
7. Јевтић, Атанасије , „Онај који јесте – живи и истинити Бог Светог Григорија Паламе“, Теолошки погледи бр. 1-3, Београд, 1985.
8. Керн, Кипријан, Антропологија Светог Григорија Паламе, Епархијски управни одбор Епархије жичке, Краљево, 2012.
9. Лоски, Владимир , Догматика, Гаконија, Скопје, 1998.
10. Лоски, Владимир , Мистичната теологија на црквата од Исток, Табернакул, Скопје, 1991.
11. Лоски, Владимир , „Теологијата на светлината во мислата на Свети Григориј Палама“, Домострој бр. 3-4, Скопје, 1993.
12. Лурје, В. М. , Историја византијске философије, Издавачка књижарница Зорана Стојановића, Сремски Карловци – Нови Сад, 2010.
13. Маендорф, Јован , Свети Григориј Палама и православната мистика, Библиотека Воведение, Велјуса, 2001.
14. Мајендорф, Јован, Увод у светоотачко богословје, Пролог, Врњачка бања, 2008.
15. Мајендорф, Јован, Свети Григорије Палама и исихастичка духовност, Задужбина Светог манастира Хиландара, Београд, 2012.
16. Мајендорф, Јован , Византијско богословје, Каленић, Крагујевац, 1985.
17. Палама, Григориј , „Слово за оние коишто свето безмолствуваат“, Домострој бр. 3-4, 5, 6-7, 8, 9-10, 11-12, 13-14, 15, Скопје, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997.
18. Палама, Григориј, „Исповедање православне вере“, Теолошки погледи бр. 4, Београд, 1978.
19. Палама, Григориј, Тријадите во одбрана на светите исихасти, Табернакул,

14. Исто, стр.127.

- Скопје, 2001.
20. Палама, Свети Григорије, Господе, просвети таму моју, Православна мисионарска школа при храму Св. Александра Невског, Београд, 2005.
 21. Палама, Свети Григорије, О исхођењу Светог Духа; Противнатписи; Посланице, Беседа, Нови Сад, 2012.
 22. Палама, Свети Григорије, Слова у одбрану светих исихаста, Беседа, Нови Сад, 2012.
 23. Палама, Свети Григорије, Догматске и вероисповедне расправе, Беседа, Нови Сад, 2012.
 24. Палама, Свети Григорије, Посланице, Беседа, Нови Сад, 2014.
 25. Палама, Свети Григорије, Полемичка слова (1-3), Беседа, Нови Сад, 2014.
 26. Папаниколау, Аристотел, „Божанске Енергије или Божанска Личност: Владимир Лоски и Јован Зизиулас о схватању трансцендентног и иманентног Бога“, Богословље год. LXVII бр. 1, Београд, 2008.
 27. Православље и мистика светлости (зборник о Св. Григорију Палами), Православна мисионарска школа при храму Св. Александра Невског, Београд, 2003.
 28. Радовић, Амфилохије, Богословска слова, Светигора, Цетиње, 2012.
 29. Радовић, Амфилохије, Тајна Свете тројице по Светом Григорију Палами, Светигора, Цетиње, 2012.
 30. Свети Григорије Палама у историји и садашњости, Духовна академија светог Василија Острошког у Србињу, Србиње – Острог – Требиње, 2001.
 31. Свето Писмо, Библиско друштво, САС на МПЦ, Лондон; Скопје, 1990.
 32. Татакис, Василиј, Историја на византиската филозофија, Култура, Скопје, 1998.
 33. Христу, Панајотис , Тајна Бога;Тајна човека, Хиландарски фонд Богословског факултета СПЦ, Београд, 1999.

Анита Ангелевска
Општина Битола
Република Северна Македонија

ЗА АВТОРСТВОТО РЕДАКЦИИТЕ И СРЕДНОВЕКОВНАТА СИМБОЛИКА НА СВЕТИКЛИМЕНТОВИТЕ СЛОВА

(Похвално слово за четиридневниот Лазар, Похвално слово за пророк Илија)

Анализата на Похвалното слово за четиридневниот Лазар и Похвалното слово за пророк Илија, потврдуваат неколку аспекти на Светиклиментовото влијание врз создавањето на словенската, а со тоа на македонската книжевност, потврдувајќи дека таа на почетокот се раѓа од чисто практични и реални потреби во процесот на продолжување на мисијата на св. Кирил и Методиј, најголемите учители на словенскиот род.

Духовното разбудување преку вкупниот ангажман на св. Климент Охридски, а започнато од неговите учители, значи и зацврстување на верата во Христа, но и директно учество во создавањето на нова (трета) словенска (светска) цивилизација, со сите сакрални, но и профани елементи. Од друга страна, овие похвали со строга дидактичка намена избобилуваат со највисоките книжевни достоинства и директно се втемелувачи на средновековната книжевна поетика. Овие две слова на св. Климент уште се и најрепрезентативен примерок на неговите квалификативи како книжевник, но и показ за цел еден процес, кој што имал неколкувековно и силно влијание врз раѓањето, опстојувањето и развојот на општословенското книжевно создавање, а со тоа и на македонскиот книжевен корпус.

Клучни зборови: Светиклиментова книжевна традиција, атрибуција, вторичност на верзијата, авторска редакција, средновековни симболи

1. ПОХВАЛНО СЛОВО ЗА ЧЕТИРИДНЕВНИОТ ЛАЗАР

1.1 атрибуција и вторичност на верзијата - авторска редакција

Покрај познатата Похвала за четиридневниот Лазар едно од најпопуларните и слово со највисоки уметнички вредности, што го вбројува во редот на најубавите примери на средновековна ораторска проза, Климентина Иванова ја открива и втората верзија на Пофалното слово за Лазар (во Михановичевиот хомилијар), за која што до сега нема откриен оригинал (првообраз) во византиската проповедничка литература. Второто пофално слово за Лазар е реторична похвала со обемен егзегетичен дел и манифестира голема стилска блискост со другите Светиклиментови пофални слова. Оттаму втората Похвала за Лазар најверојатно е самостојна верзија, раширена варијанта.¹ Првата верзија ја одразува првата авторска редакција, а втората верзија втората авторска редакција. Во однос на второто слово за Лазар, станува збор за првата авторска редакција, бидејќи е Светиклиментово, што упатува на фактот, дека св.Климент неколкукратно се навраќа на темата за воскресението на Лазар и ја разработува во неколку редакции². В. Иванова го дели мислењето на Климентина Иванова, но врз основа на издржана композициско - стилска анализа смета, дека станува збор за

1. Исто, стр. 819.

2. Иванова, Кл. Няколко наблюдения върху книжовното наследство на Климент Охридски. - Старобългарска литература, 3, 1978, стр. 101.

поучително слово. „Последователно, врз основа на првата творба, веројатно е создадено Похвално слово за Лазар, и тоа според првата верзија ... Што се однесува до втората верзија на Пофалното слово за Лазар, тоа е во тесна зависност од првата, но по секоја веројатност не е дело на св. Климент, туку на подоцнежната ракописна традиција.“³

1.2 сижето

Св. Климент во словото го користи евангелскиот расказ (Јован.11) за воскресението на Христовиот пријател Лазар, каде што смртта е вечна тема на човечката размисла. Евангелските делови се дадени како додаток, а се однесуваат на одлуката на првосвештениците и фарисеите да го убијат Исус поради Лазаровото воскресение (Јован. 11:46 - 54), а потоа следува обраќањето кон евреите, каде што влијанието на Јован Златоуст е видливо. На крајот на похвалата кулминира Светиклиментовото мајсторство во величењето на светецот. „Анафоричното „Лазар“ во тирадата од елиптични синтактично - паралелни конструкции делува многу силно врз поетската форма и метафоричното повикување.“⁴ Во овој дел, се потврдува „до каква прецизност на фразата и чистината на ритамот може да достигне Климентовото говорништво“⁵.

„Лазар беше дом на пресветиот дух.

Лазар, чудесна билка од божјата градина.

Лазар, медоносна капка од божјата премудрост.

Лазар, источник на духовна благодат.

Лазар, неувенлив цвет од рајската градина.

Лазар, орел што го пара вишното небо на премудроста.

Лазар, сокровиште на божјото добро, од сиромасите возљубено.

Лазар, втор преттеча на тие што седат в темнина и во сенката на смртта.

Лазар, што горко ја посрамил адската сила.

Лазар, од Христа слатко возљубен.

Лазар, прв претскажувач на Христовото тридневно воскресение.

Лазар, светол придружник на ангелите.

Лазар, на ангелите горчливиот изобличител.“⁶

1.3 семантиката на средновековните симболи

Симболиката на цветот во средновековната литертаура попрецизно се однесува на надежта за воскресение, вечна пролет, рајска радост, што всушност го претставува и наративот на приказната за Лазар, за неговото воскресение и суштината на библиската порака: „Лазар, неувенлив цвет од рајската градина.“⁷ Св. Климент во ова слово го користи и орелот како симбол, споредувајќи го Лазар со орел што го пара вишното небо на премудроста. Според востановената симболика во средновековната литература, во која што е вклопена и древната традиција, орелот функционира „покрај како симбол на Христос, уште и како симбол на крштевањето, понекогаш на воскресението, на светлината, на возвишеното, на духовното начело, на небесното, на вечниот живот ... Во духот

3. Велинова, В.Композиционно - стилистични принципи в похвалните слова на Климент Охридски. Кандидатска дисертација, машинопис. Софија, 1987, стр. 289

4. Исто.

5. Велинова.В. Климент Охридски - учител и творецът. Софи , 1995, стр.79.

6. Климент Охридски -похвали и поуки, приредила Радмила Угринова - Скаловска, Скопје, 1996. стр.107-108.

7. Климент Охридски -похвали и поуки, приредила Радмила Угринова - Скаловска, Скопје, 1996. стр.107-108.

на средновековната симболика ... светците многу често се наречени орли или се споредуваат со орлите, како што се споредуваат со сонцето, со лилјаните и со другите слики - симболи, врзани со божественото.⁸ Овде потсетуваме и на симболиката на изворот која упатува на божество и има животодајна, лековита сила. Оттаму и на светците во средновековната литература се гледа како „извор на духовно исцелување и на слатки слова, кои водат кон духовна благодет“⁹, доаѓа директната споредба на Лазар со извор на духовна благодет. Похвалата за Лазар е многу популарна во словенската православна книжевност и има централно место во циклусот предвелигденски панегирични творби.

2. СЛОВО НА СВЕТИ ЈОВАН ЗЛАТОУСТ ПОХВАЛА НА ЧУДЕСНОТО ЖИТИЕ НА ПРОРОКОТ ИЛИЈА

2.1 за авторските редакции, за текстолошките проучувања

Во средновековната словенска литература напишани се две оригинални слова за св. Илија - едно од св. Климент Охридски и едно од Григориј Цамблук. Според Светлина Николова најархаичен и најблизок до Климентовиот оригинал е Охридскиот препис, пронајден во „македонски“¹⁰ ракопис од XIV век на поп Теодор (№ 3 во збирката на црквата „Св. Климент“ во Охрид). Текстот е публикуван од Лавров¹¹. Според тој текст е публикувано изданието со нормализиран правопис на Похвално слово за пророк Илија во најновото бугарско издание Климент Охридски: Слова и служби.¹² Од овие анализи се потврдува дека најблизок со Охридскиот ракопис е Германовиот зборник, по него доаѓа Клушкиот препис, а последен е Јагичевиот Златоуст. Според разликите, сепак, овие ракописи не се тесно врзани меѓусебе, ниту упатуваат непосредно на Охридскиот препис, а се создадени низ многу интензивен развој на текстот.¹³ Значи, не само што не постои ниту еден авторски текст на словото, туку не постои и ниту еден препис кој што содржи хомогена авторска редакција. Претпоставениот текст (непознат) (од крајот на XIII или почетокот на XIV век) е резултат на механичко вклопување на две други редакции, од поп Теодор. Охридскиот препис ги содржи изворните карактеристики на Светиклиментовиот оригинал, тоа се однесува на поголемиот дел од текстот, кој што е препишан од протографот и кој што, како што покажа и Лавров, се карактеризира со поголема блискост до оригиналниот Светиклиментов текст и со архаичен јазик.¹⁴ Вториот значаен аспект отворен во оваа анализа се однесува на прашањето за редакциите на Светиклиментовите пофални слова и личното учество на св. Климент во создавањето на различни редакции на текстовите. Сметаме дека изразениот сомнеж на Николова е на полно оправдан, во однос тврдењето на Лавров дека св. Климент сам ги преработувал неговите слова, во постоењето втора Светиклиментова редакција на Словото за пророк Илија, заради непостоењето доволни разлики ниту во квантитативна, ниту во квалитативна смисла. Многу значајно е и сознанието за значењето на хронологијата на одделните преписи при утврдувањето на нивниот однос со авторскиот - оригиналниот текст. Рековме дека, најблизок до Светиклиментовиот

8. Петканова, Д. Средновековна литературна символика. Софи . 2000, стр.95

9. Исто, стр.131

10. „српски“ најоправдано треба да биде заменет со „македонски“ (моја забелешка).

11. Лавров, П.А. Похвала Иље пророку. Новое слово Климента Словенского. - ОРЯС, 6, 1901, кн. 3, стр.237-280.

12. Климент Охридски: Слова и служби. Съст. П. Петков, И. Христова-Шомова, А.-М. Тотоманова. Софија, 2008.

13. Николова, Светлина. Някои текстологически проблеми...стр.70.

14. Исто, стр.99.

оригинал е објавениот уште во 1901 година, препис на поп Теодор, од крајот на XII или почетокот на XIV век. Со ваквата анализа се потврдува и аспектот дека огромно значење за зачувувањето на текстот има и индивидуалниот однос на преписувачите (книжевниците) кон целиот процес на преписувањето, стремежот кон точно пренесување на протографот,¹⁵ како и влијанието на туѓите јазични средини врз целиот тој процес.

2.2 семантиката на средновековните симболи

И во структурата на ова слово на св. Климент Охридски, кое што влегува во редот на најубавите, мајсторски вткаени се многу средновековни симболи, кои со својата семантика, го заокружуваат значењето и финалната порака на словото. „Илија е светлозрачно сонце“, кое што пак во средновековната литературна симболика има повеќекратно значење. Сонцето е најсилен израз на светлината, го симболизира Христос, „како симбол на божествената убавина, сонцето се пренесува и на Марија, како мајка Божја, на црквата како слугинка Божја - често симболизирана како „невеста“ Божја, на светците како угодници Божји просветени од божествена светлина и создавачи на чудеса¹⁶. Споредбите на светците со сонцето ја апострофираат нивната врска со Бога. Илија е споредуван и со „светлозрачна ѕвезда Деница“, чија семантика повторно ја потврдува релацијата ѕвезди = светци. Во средновековната литературна симболика маслиновото дрво означува „праведник - светец, кој што изобилува со добродетели“¹⁷: „Тој навистина беше маслина доброплодна од која се точи духовна сладост¹⁸ ...“ Каменот во средновековната литература функционира како симбол „на Бога...“, на верниците како живи градителски камења, на тврдоста на верата.¹⁹ Затоа, св.Климент го споредува Илија со „цврст камен на верата!“. Свети Климент ја користи и симболиката на облакот: „Илија, дождоносен облак“, кој што се појавува во средновековната литература ги претставува светците, „метафора изградена првенствено заради благословот (благодетта), која што облакот ја носи на земјата, но тука разбрана во духовна преносна смисла. Дождот, кој што го носи облакот во случајот, е учењето на светците, кое што е спасение“.²⁰ Овој средновековен литературен симбол го среќаваме во засведочени и анонимни (претпоставени) Светиклиментови слова, на пример во Похвалата за Успение Богородично, Слово за Рождество Христово. За симболиката на лозата зборувавме, разгледувајќи го словото за св. Климент Римски, св. Климент ја употребува и во метафорите за св. Илија, квалификувајќи го како „богонасадена лоза“.

3. ЗАКЛУЧОК

3.1 продолжувач на св. Кирило - Методиевата мисија

Мисијата на св. Климент во Македонија, била напoлно идентична со мисијата на св.Кирил и Методиј во Моравија, во која учествувал и тој како нивни ученик, тоа точно го согледува и именува Туницки. Преводната и оригиналната творечка дејност на св. Климент Охридски доаѓа како замена на светикирило - методиевата литургиска практика од мисионерски тип, со непосредно организирање на

15. Исто,стр.105

16. Петканова. Д. Средновековна литературна символика. Софи . 2000, стр.29.

17. Исто, стр.115

18. Климент Охридски -похвали и поуки ... стр.119

19. Петканова. Д. Средновековна литературна символика. Софи . 2000, стр.147.

20. Исто, стр.153.

парохиско богослужење на словенски јазик. Така, всушност и започнува првата словенска литургиска реформа, прецизно заклучува Темчин.

3.2 потврда за жива книжевна традиција

Двете Светиклиментови слова, за воскреснатиот Лазар и светиот пророк Илија, беспоговорно ја потврдуваат словенската архаичност на нивниот првообраз - оригинал, иако преписите од овие слова се подоцнежнo датирани или дури и не постојат. Ова го потврдува фактот, дека на овие македонски простори најдолго живеела Светиклиментовата книжевна традиција. Словото за Лазар и пророкот Илија се дефинитивно најпопуларните слова на св.Климент, тоа е засведочено со бројот на преписите кои досега се откриени и се текстови кои ги одликуват највисоки уметничко естетски достоинства, одраз на највисокото Светиклиментово ораторско мајсторство.

75.052.3:792.05

Проф. д-р Христо Петрески
Институт за наука, алтернатива, култура и уметност – Скопје
Република Северна Македонија

Ана Петреска
Република Северна Македонија

УЛИЧНА УМЕТНОСТ И УЛИЧЕН ТЕАТАР

Апстракт: Темите со кои се занимаваат уличните уметници се најразлични: од политички и социјални, до љубовни и романтични, но и спортски и општокултурни. Понекогаш се изразува личниот став, се критикува, но често се истакнува и сопствената дарба и уметничкиот критериум и вкус.

На оние кои сериозно се занимаваат со уличната уметност, првенствената цел им е да им го привлечат вниманието на минувачите, но и да ги натераат да застанат, да размислат и да го дадат своето мислење. Значи, уличната уметност и официјално е прифатена како уметничка содржина и форма. Таа претставува посебен облик на естетика.

Освојувањето на театарскиот простор преку и со помош на физичкиот простор, тоа е само еден дел и елемент од мисијата на уличниот театар, во кој партиципираат уметници, организатори и други професионални или аматерски театарски работници, но без учеството и интеракцијата со публиката, се чини, тој не би постоел и би била доведена во прашање неговата моментална и идна егзистенција.

Клучни зборови: графити, мурали, стрит арт, театар, карневали, публика

STREET ART AND STREET THEATER

Abstract: The themes the street artists are dealing with are various: from political and social, to love and romantic, but also sports and ones from general culture. Sometimes the personal attitude is expressed, criticized, but often its own gift and artistic criterion and taste are emphasized.

For those who seriously create street art, the primary goal is to attract the attention of passers-by, but also to make them stop, think and give their opinion. So, the street art is officially accepted as artistic content and form. It represents a special form of aesthetics.

The conquest of the theater space through and with the help of the physical space, it is only one part and element of the mission of the street theater, in which artists, organizers and other professional or amateur theater workers participate, but without participation and interaction with the audience, it seems, it would not have existed and his current and future existence would be questioned.

Keywords: graffiti, murals, street art, theater, carnival, audience

1

Уличната уметност или стрит артот, иако се појавува релативно доцна кај нас, набрзо станува мејнстрим, односно широко е прифатена меѓу љубителите на оваа уметничка форма.

Во градовите, но и во другите поголеми населени места, се појавуваат графити или мурали, а во поново време сè е поприсутна и стенсил техниката, односно техниката

на сликање со (картонски) шаблони, но се појавуваат и стикери и минијатурни скулптури кои уметниците ги оставаат во најразличните делови од градот, а она што е најбитно - уметниците кои што ја практикуваат уличната уметност веќе добиваат сè поголем јавен публицитет, па нивните уметнички дела се претставуваат и на изложби (домашни, па и меѓународни), се одржуваат работилници на оваа тема и посебно за нив, промоции на книги кои се занимаваат со уличната уметност и слично.

Но, за жал, почетоците на овие (да ги наречеме условно) улични уметници - воопшто не беа така едноставни и лесни, напротив, зашто сите тие наидуваа на недоверба, недоразбирања и отпор кај околината и градските власти. Едноставно, се сметаше дека тие го нагрдуваат градот, дека сликаат грди, па дури и невкусни и забранети нешта, и тоа на недозволените јавни места.

Затоа, многу од тие нивни улични дела или беа веднаш пребоени од службите на власта, или пак прецртани со нови цртежи, графити, слики и слично - од нивните колеги кои немаат почит за нивните претходници.

Површините на кои се создава уличната уметност, главно се стари и руинирани згради, напуштени и запуштени влезови, улични столбови, сидови, па дури и на асфалтот, иако понекогаш страда и по некоја нова и свежо обоена зграда, па и државна институција, но тоа не се вистински улични уметници, туку бескрупулозни вандали.

Темите со кои се занимаваат уличните уметници се најразлични: од политички и социјални, до љубовни и романтични, но и спортски и општокултурни. Понекогаш се изразува личниот став, се критикува, но често се истакнува и сопствената дарба и уметничкиот критериум и вкус.

На оние кои сериозно се занимаваат со уличната уметност, првенствената цел им е да им го привлечат вниманието на минувачите, но и да ги натераат да застанат, да размислат и да го дадат своето мислење.

Уличната ликовна уметност најчесто беше и сè уште е илегална, т.е. се создава и слика ноќе, додека пак оние уметници кои сликаат јавно и транспарентно дење - минувачите ги поздравуваат, ги пофалуваат, па им даваат и сугестии. Значи, полека но сигурно уличната уметност од илегална преминува во јавна, што значи дека е прифатена и има право на свое постоење и живот, па почнува да добива не само јавна декларативна, туку и финансиска институционална поддршка.

Значи, уличната уметност и официјално е прифатена како уметничка содржина и форма. Таа претставува посебен облик на естетика. Таа веќе не е вандализам од "клинците" од населбата, зашто пораките се силни и осмислени. Овој вид на уметност во светот се појавува во втората половина на дваесеттиот век, а кај нас е присутен и се развива подоцна, односно дури во последните години од минатиот век и на почетокот од вториот милениум.

Стрит артот го создаваат главно млади луѓе кои имаат што да кажат, а тоа го прават на организиран, суптилен и пријатен за очите начин. Авторите на овие и вакви уметнички дела не го прават тоа поради институционални признанија, туку поради лична возбуда, сопствено задоволство и сатисфакција поради појавувањето и масовната посетеност на своето ликовно дело. Нивната уметност не може да се вброи и систематизира речиси ни во еден правец од уметноста, но голема и несекојдневна е радоста кога нивните дела ќе ја преживеат ноќта и утредента ќе привлечат внимание, ќе наидат на одобрување и симпатии, а можеби и ќе продолжат да постојат и егзистираат и со години на некое од ударните, централни и фреквентни места во градот...

Делодграфитите не се улична уметност, зашто се само испишување на слогани и имиња. Стрит артот не може целосно да се контролира и никогаш да се укине. Тоа е уметност без граници, уметност на побуната и бунтот, на незадоволството од востановениот поредок и систем, од вредносните критериуми и општествената хиерархија, но и огледало, прикажување, покажување и докажување, односно и афирмација на творците кои неправедно се запоставени и анонимни, па не им преостанува речиси ништо друго, освен неуморно, трајно, незабележано, ненаметливо и вредно да создаваат и самите јавно и со сопствени средства да се презентираат, т.е. да освојуваат јавен простор за индивидуална и(ли) групна (колективна) афирмација...

Уметничките творби на уличните уметници се како самиздат печатените изданија на книжевните творци. Но, и бројни други категории на автори и дела се создаваат и афирмираат на истиот самостоен, дискретен и непожелен (од страна на власта и повиканите институции) начин.

Додека постои незадоволство, отпор и противотпор, но и пркос, талент и бунт, се чини, за среќа на авторите, но и консументите, ќе постои и овој вид на значајна, единствена и ретка уметност!

2

Улични свирачи, подвижно шоу, фестивалска поворка, концерти и перформанси, музичари, жонглери, магионичари... Уличното свирење и настапи на плоштадите и по улиците - тоа е животен стил, но и признаена и прифатена (улична) уметност ширум светот.

Најчесто, програмите се бесплатни, масовно се посетени, манифестациите и изведувачките програми и точки се динамични и раздвижени, па дури и весели и разиграни. Уличниот театар, кој се нарекувал и е познат како Commedia Dell Arte, како иновација и експеримент, креација и конкретен резултат - налик на патувачкиот театар, со раскошни костими и најразлични реквизити, маски, (не) препознатливи и (не)обични ситуации, на уличниот урбан простор како сцена.

При уличните приредби и манифестации најчесто има спонтанитет и максимум импровизации. Актерите флертуваат со публиката - постојано и угодуваат и се додворуваат, при што огромна енергија насочена кон публиката се емитува од нив...

Ако публиката не доаѓа во тетарската зграда - тогаш актерите одат кај гледачите, излегуваат пред нив - за да ги разонодуваат, забавуваат и развеселуваат, но и другаруваат и подучуваат...

Уличниот театар има корени во Франција, но и во Италија. Најпрвин, тоа е популарната граѓанска драма, мелодрамата, едноставните драматуршки заплети и наглите и брзи расплети, кои понекогаш се насочени и ја третираат (презентираат, толкуваат, па и исмеваат) општествената стварност. Уличниот театар сам по себе е спектакл и се одликува со спонтаност, масовност и спектакуларност.

За сериозните нешта мора да се зборува со хумор. Исто како што не сакам луѓе без хумор, така не сакам ни сериозни работи без хумор. Гледате, се радувате, се тече, формирана е и уиграна трупа која ангажира уметници од разновидни уметнички профили...

Шаренило од прекрасни костими, фантастични креации што ги импресионираат посетителите на уличниот театар од сите возрасти. Со акробатски, па дури и гимнастички игри, вежби, вештини и егзибиции...

Смеата и радоста се составен дел од животот, и од секогаш биле средство

за (по)добра комуникација меѓу луѓето. Уметноста на улицата, театарското и(ли) уметничкото вежбање во урбаните простори, освојува сè повеќе градови за време на фестивалите, прославите, но и во секојдневниот живот. За миг како да не одвраќа од обврските, погледите, мислите...

Уличниот театар има длабока и нерееаскинлива врска со архитектурата. Уметноста на улицата е одминлива и спонтанa уметност. Урбаниот простор е материјален, фискиран и траен, а театарскиот настан е по малку недопирлив, најчесто краткотраен и максимално интензивен. Сред и пред урбаната сценографија, огномет од бои и звуци, најчесто е тоа вонинституционален театар со протагонисти кои се во улога на забавувачи, постојано во движење (еден вид патувачки театар), обиколувајќи ги плоштадите и улиците во градовите, но и во селските населби - како начин да се добие слава, но и елементарна егзистенција.

Уличниот театар не е привилегиран, напротив, тој е номадски и повремени, односно непостојан, зависи од временските прилики, но и од волјата и желбата на случајните минувачи. Експлозијата на уличниот театар се случила во мајскиот студентски вриеж во 1968 година, а подоцна доживува вистинска експанзија, како "субверзивен театар" кој е наследник на традиционалните вредности (на славењето, карневалите и слично), но и кој воспоставува многу подиректна комуникација со гледачите на отворениот простор претворен во ад хок, повремено или постојано јавно гледалиште.

Освојувањето на театарскиот простор преку и со помош на физичкиот простор, тоа е само еден дел и елемент од мисијата на уличниот театар, во кој партиципираат уметници, организатори и други професионални или аматерски театарски работници, но без учеството и интеракцијата со публиката, се чини, тој не би постоел и би била доведена во прашање неговата моментална и идна егзистенција.

Сатисфакцијата е во аплаузот и собраните средства, кои се пропорционални со масовноста и бројноста на присутните љубители на театарската уметност.

Примери за театар под ведро небо имаме и кај нас, пред сè, со излегувањето на улица на Театарската трупа "Зелената гуска", која постоеше и активно делуваше во рамките на Естетичката лабораторија при Филозофскиот факултет во Скопје.

Со отфрлање и ослободување од класичната театарска сцена, салата, декорот, техниката и фиксните реквизити, но и кадрите кои ја опслужуваат, сега и овде акцентот се става врз кохезијата актер-гледач, односно забавувачи - публика.

Забавувачката мисија и функција е доминантна, но не и исклучива и единствена. Притоа, доаѓа до мултимедијално проткајување и преплетување, мешање и надополнување на повеќе уметнички облици: кореографија и хепенинг, перформанси и циркус, па се добива впечаток дека најчесто станува збор за "панаѓурски театар"...

КОНСУЛТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

1. Петреска, А. (2018). „Чекор по чекор до правилен говор“. „Феникс“, Скопје
2. Петреска, А., Петрески, Х. (2018). „Како до правилно, брзо и лесно учење низ игра“. „Феникс“, Скопје
3. Петрески, Х. (1986). „Споени садови“. „Наша книга“, Скопје
4. Петрески, Х. (1989). „Собеседници“. „Наша книга“, Скопје
5. Петрески, Х. (2010). „Виртуелно огледало“. „Феникс“, Скопје

СПЕЦИЈАЛЕН ДЕЛ

**НАУЧНИ ТРУДОВИ ОД ЧЕТВРТИОТ
МЕЃУНАРОДЕН ФИЛОСОФСКИ ДИЈАЛОГ
„ИСТОК-ЗАПАД“**

**СИМПОЗИУМ:
„БИОЕТИКАТА НА КРСТОПАТ“**

**СКОПЈЕ – БИТОЛА – ОХРИД
3-5 ОКТОМВРИ 2018**

**ВО ОРГАНИЗАЦИЈА НА:
АКАДЕМИЈА НА НАУКИТЕ И УМЕТНОСТИТЕ
НА РЕПУБЛИКА СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА
МЕЃУНАРОДЕН СЛАВЈАНСКИ УНИВЕРЗИТЕТ
„Г. Р. ДЕРЖАВИН“ СВЕТИ НИКОЛЕ – БИТОЛА
ФИЛОЗОФСКО ДРУШТВО НА МАКЕДОНИЈА**

Željko KaluđerovićProfessor, PhD, Department of Philosophy,
Faculty of Philosophy, University of Novi Sad

BIOETHICAL CONSIDERATION OF THE STATUS OF NON-HUMAN LIVING BEINGS

ABSTRACT: In this paper, the author explores the reception of the non-human living beings in modern practical and philosophical approaches. The analysis is aimed at examining both the views of the representatives of classical anthropocentrism, as well as the theses of the representatives of various non-anthropocentric teachings. Anthropocentrism is, in short, a worldview that is based on Aristotle's vision of man as a special being among other natural beings. Advocates of the questioning of the dominant anthropocentric perspective of the cosmos, on the other hand, are trying to establish the new relation by relativizing of the difference between humans and non-human living beings, by attributing specifically human qualities and categories, such as dignity, moral status and rights, as well as feelings, memories, communication, consciousness and thinking to non-human living beings. Non-anthropocentrists, consequently, believe that it is necessary to relax the usual strict hierarchy among beings in nature, that is, the discrediting of animals in relation to man, and that within the applied ethics, alias bioethics, it is possible, even necessary, to establish the «animal ethics».

KEY WORDS: bioethics, status, non-human living beings, moral approach, respect, proper treatment

The dignity¹ of an individual is usually viewed from the perspective of the reasonableness of one's nature, and such nature is attributed primarily to man. Only he is considered to be liberated from the empire of goals, while the so-called non-human living beings associated to relations and relationships that exist in nature. Only men are aware of themselves and able to distance themselves from themselves in favour of higher goals, to relativize their own interests, up to self-surrender (see: Derrida, 369-418). This gives him, as a moral being, an absolute status that justifies his characteristic dignity, which entitles him not to be «enslaved» by anyone and that as a moral person he is not deprived of his own goals.

His unique dignity also generates his unique rights. In that sense, Article 1 of the «Universal Declaration of Human Rights» states: «All human beings are born free and equal in dignity and rights»². And in Article 23 of the «Constitution of the Republic of Serbia» the constitution-maker states: «Human dignity is inviolable and everyone is obliged to respect and protect it»³. This is not only an ontological statement, but at the same time a source of the law and therefore Article 3 of the Constitution stipulates:

¹ Human dignity has often been linked to I. Kant's second formulation of the categorical imperative (Trans. Allen W. Wood): "Act so that you use humanity, as much in your own person as in the person of every other, always at the same time as end and never merely as means" (Kant, 46-47).

² "The Universal Declaration of Human Rights". Internet address: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>. Web. 2. Sep. 2018.

³ "Constitution of the Republic of Serbia" 9.

«Rule of law is a fundamental prerequisite for the Constitution which is based on inalienable human rights»⁴.

The highest ranking legal act of Serbia seems to be written on the postulates of Kant's ethics, which strived to reach the highest ethics, while it developed the dignity of living beings and the rights stemming from it only for people, and thus indirectly contributed to the fact that until recently the «dignity» of animals (consult: <http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/123.htm>. Web. 3 Sep. 2018.) and «rights» (see: Post 183-215) of animals were never mentioned. The anthropocentricity of this worldview was an important reason why our prevalently technical civilization did not develop in harmony with nature, but much more often in contradiction with it. No human act in the past could essentially influence the spontaneity of the existence of our planet, since the changes in the natural environment that it initiated did not leave a greater trace on Earth itself. The rapid development of technique and technology in this century, as well as in the previous one, has put man in a completely new moral situation. The new situation is reflected in the fact that modern man must assume responsibility for the effects that are not the result of the action of any individual, but a collective act, in E. Husserl's words, an «anonymous subject». The effects of modern technique and technology thus hint at a completely new situation for traditional ethics, because to some extent the postulate of the anthropocentric image of the world that the people as a species are unquestionable in their existence on Earth is derogated. Ensuring the survival of mankind in the foreseeable future is a task to whose realization new knowledge in ethics, or bioethics⁵ should contribute. In order to confirm this fact, bioethics should reconsider the power of technique and technology, whose acts thus acquire a philosophical connotation, given the importance they have in the lives of the human species.

The dominant anthropocentric image of the world⁶, and the ensuing consequentialist relation of man to nature and animals, has been questioned over the last decades by non-anthropocentric expansion of ethics, and by ever louder posing of (bio)ethical demands for a fundamental and new settlement of relations between humans and animals. If one attempts to summarize the basic views of the leading authors P. Singer (*Practical Ethics; Writings on an Ethical Life*), T. Regan (*The Case for Animal Rights; All That Dwell Therein*) and K. M. Meyer-Abich (*Praktische Naturphilosophie; Wege zum Frieden mit der Natur*), which are representative of present discussions of the new regulation of human-animal relationships, then the main views are as follows:

- 1) Animals are beings that are capable of suffering⁷, with their own interests and needs that are similar to the basic needs of people.
- 2) If there is such similarity, the principle of equality requires that the interests of animals are respected as well as the similar interests of humans.
- 3) Animals have their own value, which for some (Singer and Regan) stems from their consciousness, while others (Meyer-Abich) attribute additional importance to the affinity of animals and humans.

⁴ «Constitution of the Republic of Serbia», 4.

⁵ F. Jahr coined the original term Bioethics and formulated a Bioethics Imperative: 'Respect every living being on principle as an end in itself and treat it, if possible, as such!'. (Jahr, "Reviewing the ethical relations of humans towards animals and plants" 4). Consult: Zagorac 155-167.

⁶ Aristotle's paragraph from the *Politics* (1256b15-22) is emphasized as a paradigm of the leading western tradition and its unquestionable anthropocentrism. See, for example, Singer, *Oslobođenje životinja* 158; Consult: Kaluđerović, „Aristotelovo razmatranje logosa, „volje“ i odgovornosti kod životinja" 311-321.

⁷ At the end of the well-known passage about the non-human part of animal creatures, which, as is often stated, is a departure from the mainstream of Western philosophy, J. Bentham says: "The question is not Can they reason?", or Can they talk?" but Can they suffer?" (Bentham 144). Internet address: <http://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/bentham1780.pdf>. Web. 4 Sep. 2018.

Singer talks about animals - «personalities», and Regan about «subjects of life». Both of them derive from that the «rights» of animals on the basis of their type of treatment and protection of their lives, which is why it is forbidden to kill them for the purpose of eating⁸. Meyer-Abich speaks of the «dignity» of animals, and from that derives the «rights» of animals, which prohibit the keeping of animals in massive farming, but not the killing of animals after a life that was suitable for an animal, for the purpose of feeding people. It is noted that these basic thoughts are partially overlapping, but also that the results diverge at the central point of killing of animals.

Is it enough if Meyer-Abich, in order to explain his opinion, indicates that the condition of our existence to live from the rest of our lives, and that, in the end, vegetarians also eat life by eating plant foods? (Meyer-Abich, *Praktische Naturphilosophie*, 426). Is it advisable when Regan, in order to explain his contrary opinion, indicates that all mammals have an «inherent value» (Regan, *The Case for Animal Rights*, 243) that makes them «subjects of life» because of their consciousness, thereby providing them with «rights» in which man should not interfere, with the exception of severe cases of conflict like the necessary defence?

In order to ensure that the demands for higher or lower own «rights» of animals, would not remain only calls without any prospect of success, it should be clarified to what extent they are compatible with the usual thinking about (bio)ethics, and to what extent they can be realized in practical and political frameworks. In other words, what is lost and whether anything is lost, if the «dignity» of animals and the corresponding animal «rights» are also recognized in addition to human dignity and human rights (see: Jurić, 107-120).

From the philosophical aspect, at the first glance understandably tense situation greatly diminishes, since most western philosophers have believed and/or believes that, as already mentioned, only human beings have moral dignity, given that the required legal equality of men and animals does not mean that life is equal to life in any case. Regan explains this with his famous example of a packed lifeboat in which there are several people and one big dog (Regan, «The Dog in the Lifeboat: An Exchange». Consult: <http://www.nybooks.com/articles/1985/04/25/the-dog-in-the-lifeboat-an-exchange/>. Web. 5 Sep. 2018.). It is assumed that the boat could be kept afloat only if one of the passengers would be thrown from the deck into the river or the sea. To the regret of all animal lovers and to the joy of all anthropocentrists, Regan «throws» the dog from the deck - surely with a heavy heart, but with the justification that the damage that death brings with it for one individual consists in the loss of its opportunities for life, and that these are greater for a man than for a dog. If a collision occurs, the value of the lives of different individuals must be measured, and individuals with more modest possibilities of experience should be sacrificed to the individuals with a wider life horizon and a higher value of life that goes with it. A common hierarchy of values that stems from the primacy of man remains unchanged if a disputable case arises⁹.

Neither the circumstance that animals cannot take responsibility and cannot make autonomous decisions, from the point of view of non-anthropocentrists, does not have to be an obstacle to the approval of the appropriate «rights» to them. However,

⁸J. R. des Jardin states critical views on Singer's and Regan's views (Žarden 193-200). See: McMahan 194-203.

⁹This does not mean that the notion of conflict can easily stretch to cases where a person wants to kill an animal to eat it, although he could be fed in another way. In other words, according to this interpretation, the basic right of the animal to life should have priority over the mere interest of man to eat with the greatest possible pleasure. A similar assessment can also be found in Singer, who condemns the killing of animals for the purpose of eating, unless it is necessary for the survival of man.

according to the anthropocentric concept of rights, a legal subject may only be a being that at the same time may be the subject of duty, which can therefore be conscious of its duties and which can fulfil them. The German philosopher L. Nelson in regards to the symmetry of the law and duty that reflects upon Kant, already at the beginning of the last century warned that for a certain legal subject is less constitutional to have the interests that could be injured than for some subject of duty. Following this, Nelson develops a maxim that speaks of Kant's categorical imperative, in the sense that one never acts so that he cannot approve of his method of action, and even if the interests affected by his actions are his own (Nelson, *Kritik der praktischen Vernunft*, 133). This philosopher, by broadening Kant's concept of law, does not proceed towards the mind-governed person as the sole proprietor of rights, but introduces also all individuals that are governed solely by interests. All holders of interest are, according to Nelson, at the same time personalities. Then, he states that each person, as such, has dignity that is equal to the dignity of any other person. From this, the person's subjective right is exercised to respect its interests. According to this fundamental approach to personal dignity, any being who has interests, that is, every person, has the right to respect their interests. This right is the right of personality. Every person is a subject of law, because it is by its notion one subject of interest, it could be said on Nelson's trail¹⁰.

Such clauses of the opening of an order on the equal treatment of human and animal interests make it acceptable and possible to recognize the «dignity» of animals and to install the «rights» of animals, without violating human dignity and human rights. Nevertheless, the acceptance of animals into the circle of right-holders leads to possible restrictions on the freedom of man, by a certain legal subject who, within the philosophical hierarchy of values, is placed below men. For this reason, certain experts in legal science (J. Caspar) discuss the issue of moral acceptability of animal «rights» in a culture that so far has not considered animals as «moral subjects of comparison» (Caspar, 154). In other words, it should be seen on the basis of which legal - (bio)ethical reasons, a man allows to himself to be bound to the living beings that he has left behind in the history of the development of life.

In this context, Caspar speaks of the modern concept of human dignity, which includes responsibility and empathy for creatures. A man who is capable of acting has brought animals into dependence to himself, and is therefore obliged to take care of their interests and the rights that arise from them. Man's autonomy has a mutual relationship with responsibility for his conduct. Without this responsibility there is no human dignity either. The greater the dependence of animals from the powerful-acting capable for self-determination man, the more actual becomes his responsibility.

Another element of human dignity, which, according to Caspar, recommends the denial of freedom in favour of the animal «rights», exists in the quantum of compassion towards the weak, without pursuing own motives. They establish the conditions and contents of personal responsibility and lead the inner motive to overcome the egoism of individual needs and instincts, through the limitations of belonging to the group and beyond the boundaries of one's own species. Thus, they are the driving power of a type of ethics of solidarity, love for the neighbour, mercy, and that form of humanity that does not ask much for the price, but works.

¹⁰ Nelson explicitly states that there is no general, philosophically grounded order that, because of the interests of animals, one should ignore one's own interests. Thus, it may very well be permissible to hurt the interests of an animal if it would be harmed by some prevailing interest of people. This, consequently, also applies in the case when it is not possible otherwise to preserve an interest in one's own life, or to maintain one's own spiritual and physical strength, but by destroying the life of an animal (Nelson, *System der philosophischen Ethik und Pädagogik*, 174).

As an intermediary result of the digression on the consent of the new «animal ethics» (see: Callicott and Frodeman, 42-53. Consult also: Jamieson, 112-120) with the usual anthropocentrism, it is possible to postulate this:

- a) Animal «rights» at the expense of humans do not represent any contradiction to the symmetry of rights and duties in the usual (bio)ethics. Nelson's concept that any personal holder of interest can be a right holder whose interests should be treated the same as own interests, is a single systematic bridge between Singer's and Regan's views.
- b) There are (bio)ethical reasons to give animals the «right» to a treatment that is appropriate to them, some would add to this the basic «right» to life, whereas in disputable cases man's right to survive is more valuable.
- c) Restrictions on the action of man for the benefit of animals can rather be (bio)ethically justified as a fulfilment of responsibility and compassion for the weak¹¹.

The question may be raised as to how this, by non-anthropocentrists increasingly (bio)ethically required «dignity» of animals, and the resulting animal «rights» are regulated, and whether they are aligned with the consideration of the «moral status» of animals. According to the «Law on Animal Welfare of the Republic of Serbia» (http://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_dobrobiti_zivotinja.html. Web. 7 Sep. 2018.), Article 4, the basic principles of the protection of animal welfare¹² are based on the mentioned pathocentric concept, since it focuses on the «universality of pain», and Article 2 states that the welfare of animals, that is regulated by this law, refers to the «animals that can sense pain, suffering, fear and stress»¹³. When the second point of Article 4 of the Law stipulates that the principle of caring for animals «implies a moral obligation and the duty of man to respect the animals and take care of the life and welfare of animals»¹⁴, it only shows that it is the obligation of man to protect animals, and it does not entitle the animals the «right» to that protection. This, therefore, refers to the moral duty of man, and not to the «right» of the animals. The rights holder can only be a man, because he alone has the dignity of personality, which is an attitude that is in accordance with the usual anthropocentric theses, and it does not differ much from the majority of similar norms in other European countries.

Article 7, paragraph 1, of the «Law on Animal Welfare» states that it is forbidden «to abuse animals», while in paragraph 3 of the same Article it is prohibited to «deprive an animal of life, except in cases and in the manner prescribed by this Law»¹⁵. Such argumentation is substantially getting closer to the recognition of the «dignity» of animals. Of course, the trouble with such regulations is an animal is not a legal subject pursuant to the laws of the state, and therefore it cannot even sue anyone, despite the law on their welfare being adopted in the Serbian Parliament. Lawsuits cannot be filed on behalf of injured parties that are pigs or hens, since they are animals, and animals cannot participate in any court proceedings.

Article 6, paragraph 1 of the Law states that the owner or holder of the animal is obliged to treat the animal with the care of a prudent owner and to provide conditions for keeping and care of animals that correspond to the species, breed, sex, age, as well

¹¹ These examples and parts of comments have been taken and paraphrased from: Zajler 8-15.

¹² Animal welfare is usually, however estimated based on internationally accepted concept of the so-called «Five Freedoms». Consult Internet address: http://www.aspcapro.org/sites/pro/files/aspcasv_five_freedoms_final_0_0.pdf. Web. 7 Sep. 2018.

¹³ «Law on Animal Welfare of the Republic of Serbia». Internet address: http://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_dobrobiti_zivotinja.html. Web. 7 Sep. 2018.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

as physical, biological and production specifics and characteristics of the behaviour and health of the animal. «The owner or keeper of the animal is responsible for the life, health and welfare of the animal and must take all necessary measures to ensure that no unnecessary pain, suffering, fear and stress or injury is inflicted on the animals»¹⁶. Despite this very well-conceived and harmonized with the highest European standards text, the life of animals in the stables or their position during transport is still quite poor. The answer to why this is so partly lies in the fact that there is no concretization of general legal norms of such laws in the legislation, and partly because the adopted regulations limit the minimum standards that are not consistent with the high goals that are postulated by such laws. Regardless of the fact that the Law is «a matter of general interest», because the need for it is imposed by the process of integration of the Republic of Serbia into the European Union and harmonization of the regulations with the EU directives, in itself it does not prohibit any injury or damage to animal health, but only prohibits «stunning, or depriving the animal of life contrary to the provisions of this Law»¹⁷. After all, Article 15 of the Law sets out the nine bases on which an animal may be deprived of life «in a human manner». These include points 3 and 4, according to which an animal can be slaughtered if it is to be used for food, and if it is used for scientific and biomedical purposes. In the collision of rights, traders of cattle and scientific institutions are favoured, since they can rely on their basic rights to freely exercise their own profession, as well as to the freedom of scientific research, namely to the rights guaranteed to them by the highest legal act of the state, the Constitution, while the «Law on Animal Welfare» is an act of a lower ontological rank, that is, a derived act.

If a (bio)ethical right should be legally perceived as well, it must be possible for it to be sought by court, i.e. the owner of the right must either personally, or if he cannot do so, through a guardian or other legal representative, file a lawsuit before the court for violation of his rights, and possibly procure an exemption. For animals, this is not currently foreseen (see: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1988/08/07/european-seal-herd-perishing/232cffdb-9d38-4fee-b710-bf371965ad06/?noredirect=on&utm_term=.9408f6d6c3f6. Web. 8 Sep. 2018.; <https://www.cbsnews.com/news/chronology-of-mad-cow-crisis/>. Web. 8 Sep. 2018.), although, for example, Article 1 of the «Law on Animal Welfare of the Republic of Serbia» states: «This law regulates the welfare of animals, rights, obligations and responsibilities of legal and physical persons, i.e. entrepreneurs, for the welfare of animals, treatment of animals and protection of animals against abuse ...»¹⁸.

If there is an intention to really take care of the protection of animals, it is certainly not enough to devote to them one state goal that protects them only indirectly; instead, according to non-anthropocentrists, they should be given the «rights» that are similar to basic rights, to which a lawyer could refer to on their behalf when filing a lawsuit, and which can directly compete with the basic rights of scientists, meat producers and those who carry out the transport of animals. How could these basic «rights» of animals look like?

Firstly, they should be granted the «right» of respect for their animal «dignity»¹⁹, «the right» that will protect them from abuse in experiments. The conflict between

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Justified care of the protection of non-human living beings does not mean that the author of this paper considers that some kind of «moral status» should be recognized for animals, that would be in conformity to the human moral phenomena. Taking care of all current and future «rights» of animals, in the end, is essentially a human task. See: Protopapadakis, 279-291; Carruthers, 101-106.

monkeys, dogs and cats harassed in experimental laboratories²⁰, on the one hand, and the interests of medicine, pharmaceutical industry, and researchers on the other hand, could induce people to finally seriously assess whether animal suffering is in a proper relationship to the benefit for man that comes out of it. In this assessment, it will be also significant whether the dignity of man justifies to deprive other living beings of their «dignity» in order to carry out suspicious experiments on them, whose results can often not even be applied to man.

Animals should, furthermore, be guaranteed the basic «right» to life appropriate to their species, the view that is based on the parts of the fourth and fifth articles of the «Universal Declaration of Animal Rights»: «Wild animals have the right to live and reproduce in freedom their own natural environment ... Any animal which is dependent on man has the right to proper sustenance and care»²¹.

This also applies to the fundamental «right» of animals to life. As long as modern societies are meat-eating societies, it will be possible only to gradually implement this basic «right» of animals and therefore anchor it only in the vicinity of closer legal regulations. This basic «right» would primarily prohibit the excessive production of animals for slaughter, which then also leads to their destruction. Then, in order to gradually achieve the protection of life for the benefit of animals, a different programming of eating habits of new generations of people would have to occur²².

In guaranteeing the basic «rights» to animals, which, in addition to determining the state's goal, should also enter into the Constitution, all of this could be taken into consideration together with the statement that any vertebrate has the right to have its dignity respected, and to a life that is suitable to its species. According to this interpretation, man would be permitted to intervene only for reasons of public interest, certainly within the framework of the law²³. The first of these two sentences, in which in the form of a basic «right» animals are granted the «right» to «dignity» and life appropriate to the species, would probably mean that the keeping of animals in massive farming, which is being practiced today, due to the Constitution would have to, at some point be abolished and replaced by keeping animals in the manner appropriate to their species. The second sentence, according to which man is permitted to interfere in the life of animals for reasons of public interest, would be a regulation between the absolute protection of the life of animals and the relative readiness of a society which to some degree tortures animals, to take care of this protection of life. Movement of the society in that direction should represent an intention of the state which is to protect the animals, which is connected with the continuous flow of smaller

²⁰ Clement of Alexandria, Maimonides, Tomas Aquinas, Kant and some contemporary authors as an argument why animals should not be experimented with, stated the subsequent potential dehumanization of man himself. Similarly writes already mentioned "father" of European bioethics F. Jahr: "... Senseless cruelty towards animals is an indication of an unrefined character becoming dangerous towards the human environment as well". F. Jahr, "Animal Protection and Ethics" 10.

²¹ "Universal Declaration of Animal Rights". Internet address: <http://www.esdaw.eu/unesco.html>. Web. 8 Sep. 2018.

²² The facts that vegetarianism and veganism are not types of diet that have appeared in modern times, but that they have roots in ancient Greece are well illustrated by examples from the Presocratic era. Empedocles' and Pythagoras' followers, for example, repeat that men are kin not only to each other or with the gods, but with living beings which do not have the gift of speech. Something common that connects them all is a breath (*πνεῦμα*), as a kind of soul (*ψυχή*), which extends throughout the entire cosmos and unites men with all of them. Therefore, if man would be killing or eating their flesh, they would commit injustice and sin towards deities (*ἀσεβήσομεν*) to the same extent as if they destroyed their relatives (*συγγενεῖς*). For that reason the Italian philosophers advised man to abstain from ensouled (living) beings (*ἐμψύχων*) arguing that it is a sacrilege (*ἀσεβεῖν*) committed by "those who drench altars with warm blood of the blessed" (DK31 B136). Consult: Kaluđerović, „Presokratske anticipacije neantropocentrizma“, 151-170.

²³ In order to make this proposal be legally and dogmatically viable and practical for implementation, it would be necessary to implement a specific and serious research.

and larger steps of the legislator, who will take care of that state's goal by promoting the appropriate way of life.

All this can seem pretty utopian, but time will show if people are mature for such a step in evolution. The present ecological, and not only ecological, crisis urges mankind to, among other things, determine in a new way its attitude towards animals. Homo sapiens is the first species that has ever been able to freely decide whether they will give up eating other living beings. The first step has been made - people have ceased to eat each other for a long time, and cannibalism is barely present in the so-called «primitive» nations. Whether man will soon make a second step by stopping to eat animals, to respect the fundamental «right» animal to life?²⁴ It is unlikely that this will happen in the foreseeable future, but this does not mean that we should not continue to work on strengthening the protection and welfare of non-human living beings.

BIBLIOGRAPHY

1. Aramini, Michele. *Uvod u bioetiku*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost, 2009. Print
2. Aristotel. *Politika*. Zagreb: Liber, 1988. Print
3. Bentham, Jeremy. *An Introduction to the The Principles of Morals and Legislation*. Internet address: <http://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/bentham1780.pdf>. Web. 4 Sep. 2018
4. Callicott, J. Baird, and Robert Frodeman (Eds.). *Encyclopedia of Environmental Ethics and Philosophy*. Farmington Hills, MI: Macmillan Reference USA, 2009. Print
5. Carruthers, Peter. from *The Animals Issue. Today's Moral Issues*. Eds. Daniel Bonevac. Boston: McGraw Hill, 2002. 101-106. Print
6. Caspar, Johannes. *Tierschutz im Recht der modernen Industriegesellschaft*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1999. Print
7. «Constitution of the Republic of Serbia». Beograd: Kanc. za sarad. s med. Vlade Republike Srbije, 2006. Print
8. Derrida, Jacques. «The Animal That Therefore I Am (More to Follow)». *Critical Inquiry*. Vol. 28. No. 2 (Winter, 2002): 369-418. Print
9. Dunayer, Joan. *Specizam*. Zagreb . Čakovec: D. D. Čakovec, Inst. za etn i folk. Zagreb, 2009. Print
10. «European Convention for the Protection of Vertebrate Animals used for Experimental and Other Scientific Purposes». Internet address: <http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/123.htm>. Web. 3 Sep. 2018
11. Frey, Raymond G., «Animals and Their Medical Use». *Contemporary Debates in Applied Ethics*. Eds. Andrew I. Cohen, Christopher Heath Wellman. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 91-103. Print
12. Internet addresses: http://www.aspcapro.org/sites/pro/files/aspc_a_s_v_five_freedom_s_final_0_0.pdf; https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1988/08/07/european-seal-herd-perishing/232cfffdb-9d38-4fee-b710-bf371965ad06/?noredirect=on&utm_term=.9408f6d6c3f6; <https://www.cbsnews.com/news/chronology-of-mad-cow-crisis/>. Web. 7 Sep. 2018; Web. 8 Sep. 2018
13. Jahr, Fritz. «Animal Protection and Ethics». *Fritz Jahr and the Foundations of Global Bioethics. The Future of Integrative Bioethics*. Eds. Amir Muzur, Hans-

²⁴ J. Dunayer claims that people deny the right to life, liberty, and other fundamental rights to non-human living beings for only one reason which is speciesism (Dunayer, 202).

- Martin Sass. Berlin – Münster – Wien – Zürich – London: Lit Verlag, 2012. 9-12. Print
14. Jahr, Fritz. «Reviewing the ethical relations of humans towards animals and plants». *Fritz Jahr and the Foundations of Global Bioethics. The Future of Integrative Bioethics*. Eds. Amir Muzur, Hans-Martin Sass. Berlin – Münster – Wien – Zürich – London: Lit Verlag, 2012. 1-4. Print
 15. Jamieson, Dale. *Ethics and Environment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Print
 16. Jurić, Hrvoje. „Životinjska duša i životinjska prava”. *ARHE*. god. VI. br. 12. (2009): 107-120. Print
 17. Kaluđerović, Željko. „Aristotelovo razmatranje logosa, „volje” i odgovornosti kod životinja”. *Filozofska istraživanja*. 122. god. 31. sv. 2. (2011): 311-321. Print
 18. Kaluđerović, Željko. „Presokratske anticipacije ne-antropocentrizma”. *ARHE*. god. XIII. br. 25. (2016): 151-170. Print
 19. Kant, Immanuel. *Groundwork for the Metaphysics of Morals*. New Haven and London: Yale University Press, 2002. Print
 20. «Law on Animal Welfare of the Republic of Serbia». Internet address: http://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_dobrobiti_zivotinja.html. Web. 7 Sep. 2018
 21. McMahan, Jeff. *The Ethics of Killing*. Oxford: Oxford University Press, 2002. Print
 22. Meyer-Abich, Klaus Michael. *Praktische Naturphilosophie*. München: C. H. Beck, 1997. Print
 23. Meyer-Abich, Klaus Michael. *Wege zum Frieden mit der Natur*. München und Wien: Hanser, 1984. Print
 24. Nelson, Leonard. *Kritik der praktischen Vernunft*. 2. Aufl. *Gesammelte Schriften in neun Bänden*. Leonard Nelson. hrsg. von Paul Bernays «et al.» Band 4. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1972. Print
 25. Nelson, Leonard. *System der philosophischen Ethik und Pädagogik*. 3. Aufl. *Gesammelte Schriften in neun Bänden*. Leonard Nelson. hrsg. von Paul Bernays «et al.» Band 5. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1970. Print
 26. Post, Stephen. G. (ed.). *Encyclopedia of Bioethics I*. New York: Macmillan Reference USA, 2004. Print
 27. Protopapadakis, Evangelos. D. «Animal Rights, or Just Human Wrongs?». *Animal Ethics*. Ed. Evangelos. D. Protopapadakis. Berlin: logos, 2012, 279-291. Print
 28. Regan, Tom. *All That Dwell Therein*. Berkeley: University of California Press, 1982. Print
 29. Regan, Tom. *The Case for Animal Rights*. Berkeley: University of California Press, 2004. Print
 30. Regan, Tom. «The Dog in the Lifeboat: An Exchange». Internet address: <http://www.nybooks.com/articles/1985/04/25/the-dog-in-the-lifeboat-an-exchange/>. Web. 5 Sep. 2018
 31. Singer, Peter. *Oslobođenje životinja*. Zagreb: Ibis grafika, 1998. Print
 32. Singer, Peter. *Practical Ethics*. New York: Cambridge University Press, 2011. Print
 33. Singer, Peter. *Writings on an Ethical Life*. New York: Harper Collins Publishers Inc., 2001. Print
 34. «Universal Declaration of Animal Rights». Internet address: <http://www.esdaw.eu/unesco.html>. Web. 8. Sep. 2018

35. «The Universal Declaration of Human Rights». Internet address: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>. Web. 2 Sep. 2018
36. Zagorac, Ivana. *Bioetički senzibilitet*. Zagreb: PERGAMENA, Znan. cent. izvr. za int. bioetiku, 2018. Print
37. Zajler, Kristijan. „Dostojanstvo životinja i zakoni ljudi“. *Sloboda za životinje*. br. 1. (2006): 8-15. Print
38. Žarden, Džozef. R. de. *Ekološka etika*. Beograd: Službeni glasnik, 2006. Print

Kostas Theologou

Assistant Professor, PhD, Department of Humanities, Social Sciences & Law,
National Technical University of Athens

THE ONTOLOGY OF HUMAN PERSON AS AN ENCOUNTER OF PHILOSOPHY WITH RELIGION AND AS A RESPONSE TO CONTEMPORARY ANTHROPOLOGICAL ISSUES

ABSTRACT: In my paper titled “The ontology of the human person as an encounter of Philosophy with Religion and as a response to modern anthropological issues” I focus on the ontology of the human person (*prosopon*) as a relational substance. I begin with the encounter of the ancient Greek thought with the Patristic contemplation about the person and I proceed with a comprehensive discussion on the concepts of person and modernity. Then, I draw first conclusions about the person combined with research questions and topics appealing on contemporary anthropological issues, such as in Bioethics, Assisted Reproductive Technology (ART), Networking Technology etc. These conclusions are kept as the premises of the following argumentation concerning the relationship between Bioethics and ethical issues raised in the field of (ART) and Bionics. The next issue focused on the networking technology refers to the social networking (the Social Media Networks) that consist of effective identity formations mechanisms. The new identities question the relational substance of the human person, challenging, thus, to deconstruct societies with existing communal ties. While concluding my paper I also suggest possible research ramifications on the issues mentioned.

KEY WORDS: *prosopon*, ontology, relational substance, Bioethics, Technology, novel identity

INTRODUCTION

I claim that an accomplished investigation of the ontology of the human person enhances the hermeneutical clarity of the modern-Greek culture and the reflective enrichment of the discussion concerning two issues of social anthropology and bioethics. The *relational substance* of the human person may reveal the particularities and partially the idiosyncrasy of the modern-Greek sociological or societal formation. I also claim that it connects two philosophical traditions, i.e. the ancient Greek thought and the patristic or ecclesiastic theology. In the meantime, I admit beforehand, and on a realist basis, the dominance of technology in human civilization and that the acknowledgment of the relational substance of the human person recommends a crucial criterion in the discussion about the human relation and communication as such. This reflection may inseminate two areas: a) in Bioethics, and I refer to the relation between Technology with Medicine, the assisted reproductive technology (ART) and in other parameters that could establish novel definitions about the human being, the bionic man or trans-human and the Bio-tech identity; b) the communication networks and/or the social media networks (SMN) that certainly alienate the dynamics of a live interpersonal relation in flesh.

1. THE ONTOLOGY OF THE HUMAN PERSON AS A RELATIONAL SUBSTANCE

The meaning of the person has been investigated and systematically studied by the fathers and thinkers of the Orthodox patristic thought, like Basil Gontikakis, Basil Thermos, Kallistos Ware, Christos Yiannaras, Yeorgios Siskos, Yeorgios Floroffsky, Ioannis Zezioulas, but also its critics like Stelios Ramfos, and Bishop Ierotheos, and others (see references below). I think that this systematic study and debate has contributed to a more exhaustive and fully featured perception about the notion of the human person and suggests a personal way of being compared to the individualistic way of being as dictated by the western Enlightenment value code. The perception of human as a *person* has as a requirement the fact of humans *being related* between them; thus, the *person* constitutes the unique and only existing possibility of *relation* (Yianaras, 21-22).

I hence think that the focal issue of my approach – the human person – if denuded from its tense theological characteristics and if embedded in the framework of its *relational substance* it can serve as a widely accepted start for a fruitful encounter of Philosophy with Theology. However, the theological characteristics consist of the starting point of this encounter with Philosophy and I may seem heretic to contemporary theologians.

«Prosopon» is a complex word derived from Ancient Greek: preposition *προς* (= towards) and verb *ορώ* (= I see) designating the man looking towards the look of another man, *προς όψιν στραμμένο* (Dimitrakos, 1066). English speaking people often think (mistakenly though) that the word *πρόσωπο* derived from the word *προσωπείο* (lat. *persona*) meaning the *hypocrit's* (actor's) mask, since same actors used to perform multiple roles and women parts as well. Latin word *persona* was incorporated in the English language and thus *personality* and *person* were produced. *Person* requires two necessary features in order to be taken as accomplished: a) it is a living being, a living entity and b) it cannot exist as a mere individual, as a human in its solitude. In brief, human needs to be found within a society of humans and in conditions of communicating with other people. The human being also needs to have emotions shared with other people.

Before modernity, through the patristic reflection from Maximus the Confessor (c. 580-662) and Thomas D'Aquin (1224-1274), there was a significant encounter of the Ancient Greek thought (e.g. Aristotle) with the patristic reflection on human person. Since an analytical account on this *encounter* might raise theological issues; I think it is appropriate to take a brief look on *personality* and *individuality* in modern times.

2. PERSONHOOD AND MODERNITY

Respect of a human's personality is a significant ideal of modernity. The attempt of modernity – or the modern era's humanism – to substitute Christendom in reference to human dignity seems it divided the concept of person from Theology and connected it to the idea of an autonomous moral philosophy or of a humanistic existential philosophy. In this case, *self-knowledge* as a targeted goal is not found among the various rational political proposals by the Enlightenment's philosophes, while privacy and individuality are dominant among them. The criticism addressed to Christendom, theology and religion by modernity's anticlerical views is of course philosophically founded. Our own contribution to this debate about the ontology of human person preserves a rather historical character and less a theological foundation; This historical assessment, for the time being, doesn't take into account the contribution of the ancient Greek re-

flection about the person, but mainly focuses on the thinking of patristic literature and the ecclesiology of the person, in order to better comprehend its relational substance.

Despite the fact we use the words “person” and “individual” in almost all languages without any conceptual distinction, still there is as significant difference in their meaning. Often humans refer to some person as an individual and to an individual as a person. The mainstream trend is to perceive these terms as synonymous. A person has the qualities of thinking and walking human being; an individual is a person found in the crowd acquiring unique individual characteristics, e.g. fingerprints and dental records. Let’s assume that the *individual* has a *technical meaning* and points to “individualism” and to quantitative characteristics unique for every person. In a society of persons there are individuals with various and different features. A crowd or a large group is consisted of individuals but each and every individual is also a person; the word individual is used in a sense that attributes unique quantitative (measurable) features to a person. In this respect a person is not merely a physical bodily size; it also has specific *moral rights*, given the fact that that the meaning of “person” by itself an *ethical category*; consequently, the issue whether an *embryo* is a person or not, although is only partially a *fact*, it also *διαθέτει* has a non-insignificant moral aspect.

The existentialists claimed that existence comes before essence meaning that, in antithesis to most previous philosophers, there is no human nature or *intrinsic* value. To begin with, people simply exist; they find themselves merely abandoned, thrown in a universe without meaning and eventually too crowded; then, people create themselves, their values and meanings in this world through their own free choices and creative action. According to Jean-Paul Sartre these beings *per se* form a synthesis of themselves with their self (Sartre, 33). In Sartre’s account the distinction starts from two types of being: the being *for itself* (*pour-soi*, consciousness, *cogito*) and the being *in itself* (*en-soi*). The second one, crudely identified with the world of things is characterized by an absence of relation to itself. The being *per se*, identified to human, constitutes the free agent that constantly “creates” its existence. Sartre’s analysis is found on the rapport between these types of being. According to Martin Heidegger, subjectivity and objectivity are to be comprehended not as two distinct entities that have to be bridged by an established relation, but as a substantial “togetherness” and this togetherness has to be accomplished as a permanent tie (Wheeler n.p.). Edmund Husserl in the same line of thought maintains that consciousness is always a consciousness of *some-thing*, meaning that the emergence of consciousness is certainly *referential*, recommending the existence of a relationship. Since there is no consciousness without a reference to some content identifying its significance to an *a priori* relationship with the objects, we may say that the consciousness is a *personal* quality (Husserl, 173-174).

3. CONCLUSIONS ABOUT THE PERSON AND RESEARCH QUESTIONS IN BIOETHICS AND IN NETWORK TECHNOLOGIES

Bishop of Diokleia theologian and philosopher Kallistos Ware (1934-) has attempted to elucidate the mystery of human person in a way of transcript and interpretation of the biblical and patristic theology in terms understood by modern man, the man as formed by modernity and the Enlightenment’s values about privacy, individual cultivation, individualism and personality (Ware, 25-). Kallistos launches his task by analyzing person in four levels of exceptional significance: competence for *freedom*, *eucharistia* or thanksgiving, *society* and communion and *development* (Ware, 51-66). His argument requires as a premise the perception of human life as a constant

journey, as a voyage that renders human in himself to a *homo viator*, a traveling man. Of-course according to Ware the entire ecclesiastic life is nothing but a *traveling continuum*, starting from birth, acquires its spiritual substance with the *christening* and the *chrism*, comes through certain milestones and end up with death, a new starting point of a course towards the unknown sphere of the spirits. The entire course of human development on Earth consists of a progressive motion ahead; the entire history of technological culture and civilization, institutions, and of spiritual life consist of a progress and a procession ahead.

Correspondingly, Kallistos Ware starting from the human substance, focuses on its intrinsic feature, the targeted pursuit of this constant movement ahead, the *progress* and *evolution*, since man is not *static* or self-sufficient (Ware, 62), but neither a being that might be confined in a course of a closed trajectory, reinstatement in its initial position and then recycling, as father Florofsky maintains that Ancient Greeks used to perceive man and history (Florofsky, 281).

Man *incarnates*, though his own life journey requiring a starting-point dynamics, the possibility for accomplishing himself in a forward motion, as a *small patrolling God in flesh* (Clement of Alexandria, n.p); he thus pursuits his likeness not merely as an image of his God, but as a *relation* in society, in *communion*. He potentially achieves this as a *homo viator*, as a lifelong traveling man from the image to *likeness*. Taking these into account and as premises to a next argument it is inevitable but to reflect on two areas of contemporary life: *Bioethics* and *networking technologies* in social media.

4. THE HUMAN PERSON ISSUE IN BIOETHICS IS RELATED TO ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

The debate about the human person inevitably leads to ART, a major issue of modern bioethics. *Our argument in this context goes as following:*

P1	<i>Man exists as a person, turned towards the other</i>
P2	<i>The loving encounter of two persons gives birth to a new man</i>
C	<i>Technology tampers the concept of person as a man turned towards the other</i>

In brief technology even in ART cancels the requirement of the loving encounter of two persons on order to give birth to a new man. A visual and dramatized depiction of this concept is presented in the documentary by Ariane Poulantzas "Handmade children" (*Des enfants faits main*, 2011), where one can see couples not being able to have children to resort to various stages with ART before they become parents. In one of these stages they arrive to CECOS (Centres d'étude et de conservation des œufs et du sperme humains, center of studying and preserving human eggs and sperm, where they manage the donations of *gametes* -the ovum eggs and the spermatozoids. In any case, technology fosters the formation of digital forms of communication, encountering and networking, enhances the culture of *depersonalization* of the humans and our individualism by dislodging the social relations as a multi-level potential *personal* encounter of us humans.

The power of human person is both-ways *penetrating* in the formation of a relation and transcends the Western metaphysics, based on Aristotle in order to interpret in terms of value the difference of the ontological version of Being from the secular

reality of beings. Everything, any being, is presents itself only in reference to a person, it emerges only within the limits of a relation that reveals and documents the *difference* and not the *identity* of a person (Yiannaras, 25). Under this specific perspective of man as a person we think that ART imposes a novel significance or a distinct perception of human not as a human person, advancing his existence and self-knowledge through his encounters with another human being.

The mediation of ART in making children enhances the transitional procedures towards a society and a human civilization being both built in favor of an even more intense individualism, abolishing human relations and formatting the innovative social networks. This abolishment of the interpersonal relation leads to new societal patterns that cannot be safely examined since they are still in a process of dynamic formation.

5. THE NETWORKING TECHNOLOGIES PHENOMENON: SOCIAL MEDIA NETWORKS, IDENTITY FORMATION AND RELATIONAL SUBSTANCE OF THE HUMAN PERSON

Homo viator's course is an everlasting process of relations, recommending an interpersonal mode of existence within the framework of a society of persons and not a society of individuals, individualized entities or agents. By understanding the human person as such, as a lifelong course with inseminating materials broadening the self-knowledge, we then realize its profound difference than *static individuality*. One cannot define beings in themselves identified to themselves without being in referential relation with whom defines them. Beings exist only as *objects*, (be lying in front of our eyes) and they show what they are (their substance) only in some reference to a person. This reference, according to Christos Yiannaras (b. 1935), defines the existential character of beings as *phenomena*, as beings *revealed*, appeared as what they are (Yiannaras, 22). Such an account of human person probably constitutes the essential function of humans as *civil society*; their social consciousness is enhanced in terms of social co-existence, and societal relations and institutions are rendered in networks. Modern man thus, has to be seen under this perspective and be understood always as a person being socially networked.

Homo viator, the traveler man, the human person in the age of technology and the w. w. web is the receiver of any influence by any user. This influence is given, but will never get close to the *communicative potentials* of real life. The *interpersonal relations* constituting the human capital with its *interconnections*, the knowledge transfer and ideas, the attitudes and skills, as a whole contribute -like the fertile materials brought in the course of a lifetime- to a collective value in everybody's life. In order to establish my argument I will resort to an example of modern social reality, the technology of social networks.

Social networks created by the human need for communication in space, and due to the diffusion of technology leave no margin for to escape since all of us make part of a social totality. Being part of a larger social entity, our ideas, emotions, actions, attitudes and choices are inevitably *related*; they are under the interactive influence of ideas, actions, attitudes and choices of other even larger groups and communities of people.

In brief, our ideas, emotions, action and choices acquire a collective character and shape their particular features according the social network we belong and function. Even feelings like happiness and misfortune are contagious like a virus. In this era of informatics each one belongs to a network society, interconnected in a quasi-spider web as social networks and social media may be perceived; these networks foster and

shape terms and conditions of a global world, but globalization is another complicated matter. Social networks offer several positive elements, more than the negative ones, but they cannot substitute the communicative fertility of *live interpersonal relations*. Social networks in real life are different from the ones meteorically formed and spread in the virtually globalized cosmos of the Internet. The idea developed by Christakis and Fowler in their book (*Connected, The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives*. 2010) is not innovative; Aristotle had already claimed that nature unites and matches those who look alike, the thief to a thief, the wolf to a wolf, etc. *Ὅμοιος ομοίω αεί πελάζει*, *birds of a feather flock together* (Plato, 195b), and this ancient concept still stands in our modern world. Maybe this is a key element of our social evolution and depicts our possibility to ameliorate our society, since relations affecting us are those that have a *personal character* and refer to people with whom we meet in person, and we maintain a *live relation*, outside the digital reality of the Internet. We are affected by people we develop a personal relation.

We should not fear the dominance of technology in communication and human relations. We claim that by acknowledging the relational substance of the human person we could crucially revolutionize our reflection in the fields of human relations and human communication.

6. CONCLUSIONS

It would be useful to bridge theoretically the ancient Greek thought about *personhood* individuality with the relevant patristic theological accounts of *person*. This discussion enhances the necessary conceptual tools of ontology and metaphysic, so that we comprehend the relational substance of the human person and human being itself, according to our approach.

The discussion on human person interrelate two major philosophical traditions, the ancient Greek thought and patristic theology; this specific reflection may inseminate two research fields:

- a) Bioethics, i.e. the relation between Technology with ART (Assisted Reproductive Technologies) and other parameters that could establish novel definitions about humans, the bionic human being, trans-human being, a novel Bio-Identity etc., and
- b) Mass communication networks and social media which alter the dynamic essence of a live interpersonal relation.

We do not fear Technology and its dominance in communication and in human relations; we merely claim that acknowledging and admitting the *relational substance of the human face* could only enhance the crucial ontological criterion in human relations and in human communication.

REFERENCES

1. Clement of Alexandria, *The Stromata*, trans. W. Wilson, From: Al. Roberts, J. Donaldson, and A. Cleveland Coxe (eds.) *Ante-Nicene Fathers*, Vol. 2, Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., Rev. and ed. for New Advent by K. Knight (2009). Available at: <http://www.newadvent.org/fathers/0210.htm> (accessed on 30.1.2017)
2. Dimitrakos D., *New Dictation- Hermeneutic Dictionary of Modern Greek*, «prosopon», Pergaminai, Athens, 1964. Print
3. Florofsky, Y., *Issues of Orthodox Theology* (in Greek), transl.A. Koumantos et al., Artos Zois, Athens, ³1999. Print

4. Gontikakis B., *Eros and person*, (in Greek) speech to University students, available at: <http://alopsis.gr/έρως-και-πρόσωπο-αρχ-βασιλειος-γοντικ/> (accessed on 3.1.2016)
5. Husserl, Ed., *Logische Untersuchungen*, Halle a.d. S., M. Niemeyer, 1913-1922, b. 1, ⁴1928
6. Ierotheos, Metropolit of Nafpaktos, 2016, *The ontology of person: the systematic misinterpretation of Saint Athanasios, Cappadocians, and Maximus by Metropolit of Pergamus J. Zezioulas*. Nafpaktos, 2017. Print
7. Plato, *Symposium*, available at <http://classics.mit.edu/Plato/symposium.html> (accessed on 30.1.2017)
8. Ramfos, St., *Yearning of one* (in Greek), Armos, Athens. 2000, available at: <http://antifono.gr/portal.html> (accessed on 30.1.2017)
9. Sartre, J-P., *L'être et le néant, essai d'ontologie phénoménologique*, Paris : Gallimard, 1943
10. Siskos, Y., *The hermeneutical framework of Saint Maximus the Confessor christology*, (in Greek) Phd thesis, 2013, available at, ebrary. <http://www.didaktorika.gr/eadd/handle/10442/28975> (accessed on 30.1.2017),
11. Thermos V., *In quest of the person. True and False self, according to Donald Winnicott and to Saint Gregory Palamas* (in Greek), Armos, Athens, 1997. Print
12. Ware, C., *Man and Society. Essays about man's place in modern world*, transl. N. Christodoulou, Monastery of St. Neophytos, Pafos, 1991. Print
13. Wheeler, M., "Martin Heidegger", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Ed. N. Zalta (ed.), at: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/heidegger/>, (Fall 2015), (accessed on 30.1.2017)
14. Yiannaras, Ch., *Person and Eros*, (in Greek), Domos, Athens. 41987. Print
15. Zezioulas J. D. «From Persona to Person. Patristic theology contribution to the concept of person» (in Greek), *Patriarchate Foundation for Patristic Studies*, Thessaloniki, 1977, pp. 286-323. Print

Iana Chernova

Assistant Professor, PhD, Department in Philosophy, Faculty of Humanities and Sociocultural Education, Tambov State University "G.R. Derzhavin"

THE HERMENEUTIC ETHICS OF PAUL RICOEUR

ABSTRACT: The research is devoted to the hermeneutic ethic of Ricoeur, who touched upon the central problem of the modern theory of morality - the problem of the meaning and the reliability of moral norms and values. The philosopher believed in the possibility of achieving a critical, genuinely constructive mutual dialogue of various communities and traditions.

KEY WORDS: Ricoeur, hermeneutics, ethics, narrative identity, oneself

The French thinker Paul Ricoeur (1913-2005) in his hermeneutic philosophy touched upon the central problem of the modern theory of morality - the problem of the meaning and the reliability of moral norms and values. This problem is extremely important and relevant in today's pluralistic world. The hermeneutical turn in Ricoeur's work was manifested in the use of the ideas of a narrative, a symbol in solving the problem of the subject's identity and issues of moral life. His theory of interpretation was not so much addressed to the problems of "intentionality of pure consciousness" (Husserl), "being-to-death" (Heidegger), "tradition" or "understanding events" (Gadamer), but to the problem of human abilities. The thought of human abilities is very important for Ricoeur.

Despite the obvious significance of Ricoeur's achievements in philosophy, his work on ethics has not yet received wide recognition and appreciation in the philosophical community. At the same time, Ricoeur proposed and justified a unique approach to the sphere of moral consciousness.

In the work of Ricoeur, two main lines of modern philosophy have been integrated into the original synthesis: the philosophy of action and the philosophy of language. In the late period of his philosophical activity, he continued to develop hermeneutics of the text in the direction of hermeneutics of action. In his "Time and Narrative" (1983-1985), Ricoeur compiled sketches, which served as a basis for substantiating the idea of hermeneutic ethics. It is a question of the concept of narrative identity, which he introduces in the third volume of the above-mentioned work. This concept occupies a central place in the philosophical hermeneutics and anthropology of Ricoeur. It acts as the dominant in his subsequent work "Oneself as Another" (1990). It is impossible to understand Ricoeur's ethic without first resorting to the concept of narrative identity that he introduced into circulation.

It should be said that the idea of hermeneutic ethics appears in Ricoeur's works as a metaphor: it is about human actions, including ethical actions, considered as texts requiring interpretation procedures [9,10].

Ricoeur's philosophy helps us understand the meaning of narrative in human life in three fundamental ways: (1) as the basis of temporal identity, especially related to the individual's life history, through which the latter is perceived as an agent and personality; (2) as the basis of the ethical identity of the personality by proposing nar-

rative life models that express the intentions of a good life, awaken the ideas of the need to overcome evil and the pursuit of happiness; (3) as the basis for the identity of society through the supply of ideologies that are in constant tension with the utopian principle of joint social life and the current civil legislation.

Ricoeur admits that the perspective through which ethics is developed in the form of a notion of a good life should be expressed in a narrative. He believes that the universal validity of duty or moral law, in the Kantian sense of the meaning of this word, is not narrative insofar as a certain narrative (story) is an object of testing the universal validity of the categorical imperative: “act only according to such a maxim, guided by which you at the same time, you can wish that it became a universal law” [2, 143].

We find this universal commitment in the form of a “golden rule” of ethics. According to Ricoeur, the notion of narrative identity is not the most fundamental ethical concept. With the focus of researchers on achieving universal credibility of ethics, more than just a story is required.

The question that Ricoeur inevitably brings in the work “Time and Narrative” to the notion of narrative identity is: how does the personality connect the subject’s view of subjective time with the observed and controlled dating of the stream of everyday events? Ricoeur’s answer is that our individual life and the social world in which we live are interconnected by historical time. This “third time” is always, or to a certain extent, narrative time. There is no history without a minimum of narration, which tells us who did it, who was the agent or the author, who should tell about his or her life story. The identity of the historical agent can only be understood through the narrated story.

According to Ricoeur, there are two levels of stories about temporal identity that interact and complement each other. On the one hand, one can single out the level of my personal life history, including the specific history of my community. The descriptions presented can be very narrow, selfish, which are some of the autobiographies and historiographies. Therefore, on the other hand, untrue stories need to be cleansed by stories of a different level, namely stories - whether historical, fictional, - creating a model of a good life. Thus, they can serve as a material for self-knowledge through criticism of stories that we report about ourselves, as well as through perceptions of life, about good and justice.

In analyzing these two contradictory levels of stories, it is found that when criticizing the limitations of personal or collective selfishness, we find ourselves in a situation of ethical choice. This fact Ricoeur clearly explicates in the paragraph about the narrative identity of the third volume of “Time and Narrative” [11]. He emphasizes that narrative identity is equivalent to true self-consistency, the choice of identity implies “ethical responsibility” as the highest factor of “self-consistency”.

On the other hand, narrativity is never devoid of a normative, evaluative or prescriptive dimension. And the vision of the world, proposed by the author to the reader, “is never ethically neutral” [11]. The reader, as the initiator of the action, must choose ethically a fair judgment in the process of his reading among the set of sentences. Ricoeur comes to the conclusion that “the concept of narrative identity encounters its own boundaries and must unite with non-narrative components in the formation of the subject of action” [7, 180].

Here it is appropriate to ask the question: is Ricoeur’s statement about the presence in the ethics of non-narrative components by a priori judgment of this non-narrative insight capable of defining all our narrative ethical perspectives, or is it only a

statement about the fact that an appeal to history cannot be deduced because of non-the reader's responsibility for the critical assimilation of the content of the narrative? Before answering the question, it is necessary to consider how Ricoeur clarifies his assertion in the work "Oneself as Another."

The discrepancy between the identity-*idem* and the self-*ipse* is decisive for the whole structure of the human "I". But it is not applied simply to state the difference between the life of a person and physical things. The goal is to analyze the meaning of the self, which cannot be reduced to a substance or thing, although it always remains a thing at the same time. The concept of narrative identity helps to build bridges between the semantic and pragmatic descriptions of action and self, understood as an agent, on the one hand, and ethical and moral prescriptions of a possible good and possible right actions, on the other hand; that is, between the comprehension of the ego as an identity and I as an entity. The triad describe, tell, prescribe is superimposed on analysis, therefore it is indispensable for understanding the integrity and connectedness of life and can be satisfied only by the outline of the stories themselves.

If we accept the assumption, as Ricoeur does, that ethics implies perspective and norm, in other words, if we follow Aristotle as a perspective on the remarkable way of life among friends and in the community, then the social imagination to which ideology and utopia belong must be an essential component of the ethical view. It reveals a prosperous life of society, including its morality and law. Since Ricoeur is convinced that ideology can provide a society with a narrative identity, "narrativity" appears as the cornerstone of ethics. From here one can draw a conclusion about the existence of narrative (or hermeneutic) ethics, which presupposes sensible forms of behavior and communication and expresses the practical truth about human life. But does debt (or norm), in its most universal formulation, bring a non-narrative dimension to ethics? This issue should be discussed further.

The American researcher P. Kemp stated in his article "Ethics and Narrativity" [7] that "ethics is not equivalent to moral rules and norms", that it constitutes their basis or, more precisely, provides the basis for their immutability and transformation. He is convinced that if ethics is a prospect, not a rule, then it consists of intuitive models of behavior, rather than of purely abstract principles [7, 388]. Can we agree with Kemp's assertion that intuitive models can only be narrative, and ethics itself is necessarily a narrative configuration of a good life? To answer this question, one should analyze Kemp's view of Ricoeur's theoretical position.

If we support Kemp's view that ethics is primarily a prospect, and only the second is the norm, then it seems that his argument leads to a vicious cycle. Since ethics is a narrative configuration of a good life, how can we judge the authenticity of the narrated story among the myriad of stories in the world without recourse to one particular story as a measure of the narrative imagination's evaluation? Does not the ethical evaluation of the story of other stories based on the evaluation prove in this case? We think not.

The fact is that Kemp himself proves that there are different levels of narrativity in the world. This means that the narrative configuration of ethics, which we address in order to justify the choice or evaluation of stories, should be found at a different level than these stories themselves. At the highest level of the hierarchy of the assessment of stories are stories, the directing and inspiring force of which persists throughout history; they demonstrate their ability to provide moral support to people in crisis moments of life, encourage them to refuse to think in terms of stamps and standard ideas.

As a result, according to Kemp's conviction, ethics must be entirely narrative. But if so, why does Ricoeur still shy away from this belief, believing that there are non-narrative components in the foundation of ethics?

We believe the whole point is that Ricoeur affirms the existence of a deontological dimension of ethical intent that cannot be reduced to his teleological dimension; in other words, the goal cannot be reduced to the norm, and Kant, therefore, cannot be reduced to Aristotle (or one of his followers). This is impossible not because of the fundamental contradiction between desire and duty, but because of coercion, which obliges us to demand good and forbid evil: "... morality creates the opportunity only for a limited - though legitimate and even mandatory - ethical purpose, and therefore ethics includes morality itself" [7, 206]. Ricoeur formulates three theses regarding ethics and morality: 1) the superiority of ethics over morality; 2) the need for an ethical purpose to be mediated by a moral norm; 3) the refuge of morality must be sought in ethics in order to resolve conflicts and aporias. The ethics is surrounded by morality, while morality is a necessary deontic moment of actualization of ethics. The reason why ethics needs morality is that ethical life preserves, protects the autonomy and dignity of each individual. The reason why morality needs ethics is dual. First, without ethics, morality would be empty; ethics is based and assumes our desire to live in harmony with others. Secondly, when deontic norms produce opposing obligations, we must refer to the ethical purpose of a specific virtuous life in order to understand what we need to do.

Ricoeur believes that we need the rigor of moral norms in order to decide the order of the order of history in the narrative hierarchy. The choice of weighty stories in ethics and the whole hierarchy of ethical stories should be supported by a non-narrative idea of universal authenticity of commitment or moral law. He adds that the "golden rule" as a universally recognized moral norm is an "imperative" directly directed against violence and recognition of the rights of another person through a requirement for everyone: "Do your best to treat humanity and your face and face as well as to the goal, and would never treat it only as a means" [2, 90]. Thus, according to Ricoeur, "the moral strength of some stories must correspond to their proximity to the Golden Rule" [12, 658].

In addition, Ricoeur agrees that narrative (story) has the power of schematization with respect to moral norms. This schematization is embodied in the perspective by means of which "the imperative transforms into a perspective spoken of a good life" and, in general, it is necessary in order to change the goal of a good life, ethical intention in a guiding perspective.

This does not mean, Ricoeur says, that "model narratives can in themselves serve as the basis of ethics. It is impossible to satisfy an argument that is wholly utilitarian, or if someone prefers a consequentialist argument in order to evaluate a hierarchy that ensures the exemplary character of certain stories" [12, 397].

In the book "Oneself as Another" Ricoeur distinguishes between Aristotelian teleological ethics and Kant's deontological morality. He recognizes the narrative schematization of Aristotelian ethics, which is possible because "the narrated story unfolds in the imaginary space of mental experiments, in which moral judgment operates in a hypothetical manner" [7, 170]. Despite the fact that the ethical goal, according to Ricoeur, apparently includes the norm in his work "Oneself as Another", the true superiority of ethics over morality is proclaimed. The moral norm hence serves as a sieve through which the ethical goal must be missed in order to be tested for universal va-

lidity. However, the norm is not the final word. Ricoeur believes that “the ethical goal must be tested by the norm” [7, 242].

Therefore, he presents his ethics in three parts, affecting accordingly: (1) the ethical intention “to strive for a good life with others and for others in fair institutions” [7, 216]; (2) the moral norms through which the maxims of behavior, according to Kant, are subject to the rule of universalization; (3) practical wisdom, phronesis, through which we can prescribe the right action in conflict situations, and for them there are no universally valid solutions [7, 315-316]. The practical wisdom is based on the belief in the significance of a genuine ethical goal.

Ricoeur’s proposed triad - purpose, norm, wisdom - is extremely successful and effective for the development of ethics in its most important aspects these days. However, if the goal precedes the norm, if the goal not only can, but must be schematized in narratives, then the narrative must precede the norm, even if the moral norm verifies the true narrative ethic for its universal validity. Add to this the fact that if practical wisdom is finally seen as a kind of return to ethics in order to highlight a good life in situations in which the law of universal morality can not be applied, then it seems that it is necessary to confirm the narrative basis of the whole ethical enterprise.

It can be argued that the hermeneutic ethic of Ricoeur demonstrates such an outlook on the sphere of moral life, which is entirely oriented toward practical activity, formed by tradition and a certain community of people. The latter are responsible for pluralism and otherness of ethical views, form the core of the person’s interpretative abilities, including achieving moral mediation. Ricoeur in his work touched on the central problem of the modern theory of morality - the problem of the meaning and reliability of moral norms and values, as they are found in the current pluralistic world. Features of hermeneutic ethics Ricoeur are due to the characteristics of the narrative and its inseparable connection with ethics. The foundation of ethics with necessity is narrative. The narration is the only way to manifest a good life. This means that narrative is a necessary condition for the existence of ethics. Ricoeur’s definition of ethics as “the pursuit of a perfect life” is not entirely correct, since it is impossible to imagine such a life without discussion, or rather without our statements about it. Actually, the correction of the ethical imagination, which requires universal authenticity of narrative views about a good life, concludes a narrative basis. Ricoeur’s project to create hermeneutic ethics strengthens our faith in the possibility of achieving a critical, genuinely constructive mutual dialogue between different communities and traditions.

REFERENCES

1. Кант, И. *Критика практического разума* / И. Кант. - СПб.: Наука, 1995
2. Рикер, П. “Время и рассказ”. Том 1. *Интрига и исторический рассказ* / П. Рикер. – М.-СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
3. Рикер, П. “Время и рассказ”. Том 2. *Конфигурации в вымышленном рассказе* / П. Рикер. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000. – 224 с.
4. Рикер, П. *Герменевтика. Этика. Политика* / П. Рикер. – М.: Издательский центр «Academia», 1995. – 160 с.
5. Рикер, П. “Экономическое предвидение и этический выбор” // Международный философский конгресс. Вена / П. Рикер // *Философский персонализм о социальной структуре современных обществ и положении человека*. – М., 1968.

6. Рикер, П. *Я-сам как другой* / П. Рикер. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
7. Kemp, P. "Ethics and Narrativity" / P. Kemp // *The Philosophy of Paul Ricoeur*. - Ed. by L.E. Harn. - Chicago, 1995.
8. Ricoeur P. "Explanation and Understanding: Some Remarkable Connections Among the Theory of the Text, Theory of Action, and Theory of History" // C. E. Reagan and David Stewart. *The Philosophy of Paul Ricoeur: An Anthology of His Work*. Boston, 1978.
9. Ricoeur P. "The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text" // Paul Ricoeur. *Hermeneutics and the Human Sciences*. Ed. and trans. J. B. Thompson. Cambridge, 1981.
10. Ricoeur, P. *Time and Narrative*, 3 vols. Trans. by Kathleen McLaughlin and David Pellauer / P. Ricoeur. - Chicago, 1984, 1985, 1988.
11. Ricoeur, P. "Une reponse de P. Ricoeur a P.Kemp" / P. Ricoeur // *Paul Ricoeur, une poetique de la morale*. Ed. Alain Thomasset. - Leuven University Press, 1996.

364.694-056.26:316.653

Marija TodorovskaAssistant Professor, PhD, Institute for Philosophy, Faculty of Philosophy,
University "Ss. Cyril and Methodius", Skopje**A BRIEF OVERVIEW OF THE PERCEPTION OF DISABILITY**

ABSTRACT: The paper briefly deals with the basic definitions of impairment and disability, expanding on the status of the disabled person, and on the perception of disability by able-bodied people, which stems from the lack of understanding of the life experiences of disabled persons in their world. The social and medical models of disability are briefly mentioned, as well as the course bioethics is (or should be) taking toward a stronger consciousness about disability. The status of the impaired body/mind and of the disabled person in general is shown through examples applied to the concept of *homo sacer* (forced institutionalization, prenatal diagnostics, and both spatial and psychic states of exemption). At the end of the paper, a brief overview of the treatment of disabled or afflicted people in different epochs is offered.

KEY WORDS: disability, impairment, homo sacer, understanding

INTRODUCTION

We need a safe, familiar world where we function, prosper, and thrive, we try to keep troubles, sickness, abnormality, and calamity away. We need the longing for perfection, be it a nostalgic reactualisation of some golden precious time of a glorious beginning, or an expected peak of desired values, or eternal bliss in a heavenly kingdom, or projection of a glorious utopian dream of scientific ideals. We like perfection, for things to be neat, understandable, traceable; tasks feasible; abilities intact and improved; goals reached; progress made. And yet, one in five people has a disability/chronic illness of some type, shape, or form.

Disability is an umbrella term, covering impairments, activity limitations, and participation restrictions, which is why placing it in historical context proves to be challenging – the range of different disabilities is so vast, that historico-societal approaches to impairments are not only different because of their circumstances, but also because of the variety of the types of disabilities in question.

DEFINING AND PERCEIVING DISABILITY

Impairment is a problem in body function or structure; an activity limitation is a difficulty encountered by an individual in executing a task or an action; while a participation restriction is a problem experienced by an individual during the involvement in life situations¹. Disability is a contested concept, with different meanings in different communities. Being widely versatile and multifaceted, the concept of disability may be used to refer to physical or mental attributes that some institutions, particularly medicine, view as needing to be fixed (as the basis and general framework for the medical model of disability). It may refer to limitations imposed on people by the expectations and constraints of an ableist society (and this constitutes the gist

¹ Disability is, therefore, not just a health problem, but a complex phenomenon, reflecting the interaction between features of a person's body and features of the society in which that person lives – this is the basic understanding as defined by the World Health Organisation (see more on <https://www.who.int/topics/disabilities/en/>).

of the approach to disability by the social model)². The International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF), is WHO's framework for measuring health and disability at both individual and population levels, developed through a collaborative international approach towards a single generic instrument for assessing health status and disability across different cultures and settings. The ICF is structured around the following broad components: a disability is defined as a condition or function judged to be significantly impaired, relative to the usual standard of an individual or group. The term may refer to individual functioning, including physical, sensory, cognitive or intellectual impairment, mental illness, and various types of chronic disease. Disability is conceptualized as being a multidimensional experience for the person involved. This does justice to the experience of living with disability, which affects multiple aspects of the person's (quality of) life. Three dimensions of disability are recognized in the ICF: body structure and function (and impairment thereof), activity (and activity restrictions), and participation (and participation restrictions). The classification also recognizes the role of physical and social environmental factors in affecting disability outcomes. Functioning and disability are viewed as a complex interaction between the health condition of the individual and the contextual factors of the environment. The constellation produced by this combination of factors and dimensions is of "the person in the world", which is why it is of importance that these dimensions be treated as interactive and dynamic, rather than linear and static. Within some disability studies, disability can be viewed as a form of social oppression experienced by people with impairments. The "restrictions of activity" refer to the structural dimensions of disability which are barriers affecting what people can do (for example, environmental restrictions which prevent people with impairments from physically accessing spaces, or logistical circumstances which prevent them from voicing their opinions or having access to those of others). The psycho-emotional dimensions of disability are barriers that undermine people's psycho-emotional well-being, affecting not what they can do, but who they can be.

When Stephen Hawking died, some aspects of the perception of illness and disability were revealed, simply by the interpretation of the homages offered – various stages of him being "freed" by his wheelchair, finally well. He was not imprisoned by the wheelchair, many from the disabled communities explained, he needed it to move, and be somewhat independent (which is why "being bound by" or "confined to" or any other formulation depicting restraint by the wheelchair is not suitable, as they are used to help move and gain independence), and it is ableist ignorance to think he needed to be "freed". Hawking did all he did not despite the wheelchair, but thanks to it. The wish was kind, still, the able-bodied mourners wished not for him to

² The idea that individuals with physical, sensory or cognitive impairments all together form a subcategory of "the disabled" appeared in the twentieth century, replacing the previous classification in terms of physical, sensory or cognitive conditions. Silvers considers the medical model of disability to be the social model's foil, and on some accounts its antithesis (Silvers, 19). The medical model takes disability to be a problem which requires medical intervention, being the prerogative and the responsibility of medical professionals, while the social model understands disability as a political problem, calling for corrective action by citizen activists to transform the attitudes of people and reform the practices of society.

Scully underlines, however, that the strong social model is just not that interested in the subjective experience of the impaired person, or its psycho-emotional aspects, or the processes through which disability is constructed by cultural representations (Scully, 27). Scully (28-29) and Crow (210) see the social model as too amenable to the traditional Cartesian mind-body dichotomy, and think that it artificially splits the personal and the political apart, and fails to acknowledge that embodied perception disassociates the experiences of disabled people from those of the able-bodied. Silvers claims that this line of criticism does not discount the social dimension of disability, and, despite returning focus to some of the matters that, for the medical model are the essence of disability, should still not adopt the values that drive the medical model (Silvers, 20).

be freed from the wheelchair per se, but his illness/disability. And he was freed from it, in death. When people with disabilities are used for inspiration (Paralympics athletes, successful scientists, scholars, journalists, many kinds of professionals who are known and praised, but also random strangers who are seen by people who have absolutely no knowledge about them, other than the perceivable condition, as “fighters” or “heroes”), it is often the “overcoming of the situation” that is the point of marvel and congratulations³. But Hawking, and all these other people, have not overcome their illness/disability, nor should they; they live with it, and well. Disability is not a pesky task or an awkward situation that would have been overcome with alacrity, had that been at all possible, but a complex set of factors, characteristics and relations that do not go away, and largely comprise of *who* the person with the disability *is*. The perspective of the disabled “suffering” and “challenged” individual is not something an able-bodied/healthy person can have. An integrative approach should be able to shed light to different perspectives, to gather insights from them, and offer understanding and inclusion of the disabled, as well as ways to reach some level of *Einfühlung* for the able-bodied⁴.

THE STATUS OF THE DISABLED PERSON

Bioethics still seems to have a way to improve on these matters, also because disability has not been in the limelight of bioethics for a long time⁵. Disability has always been an excellent candidate for bioethical analysis, though, because of its versatile nature, different experiences, its pluri-perspectivity and the multidisciplinary approaches it combines.

However, while we wait for, and work on, bioethics to shine a light and help improve the perception and treatment of disability, another theory may apply to the disabled, due to the specific status of the impaired body and mind, and the

³ “There are people who think he’s a hero because he lived with this degenerative motor neuron disability. Well, no. The alternative to that was dying”, as put by C. K. Starkloff, co-founder of the Starkloff Disability Institute (Destagir). Need not look further than the headlines announcing his death, or the way articles and obituaries recapitulated his life - his accomplishments were extraordinary for anyone (able-bodied or disabled), yet *Buzzfeed News* went with “Stephen Hawking, Astrophysicist With A Paralyzing Disease, Dies At 76” (Vergano); the first sentence in the obituary by *The Washington Post* was “Stephen W. Hawking, the British theoretical physicist who overcame a devastating neurological disease to probe the greatest mysteries of the cosmos and become a globally celebrated symbol of the power of the human mind, died March 14 at his home in Cambridge, England” (Achenbach and Rensberger), and the first sentence by the *CNN* obituary was “Stephen Hawking, the brilliant British theoretical physicist who overcame a debilitating disease to publish wildly popular books probing the mysteries of the universe, has died” (CNN Staff). See Destagir’s piece for examples of anger by the members of the disabled community; see Palmer; Powell; Ejiolorun on reactions from the disabled community about the reactions by the able-bodied community.

⁴ Comments like “you are disabled, but at least you do not have [insert a life-threatening disease]” are not empathetic (especially because it is not an exclusive disjunction, and only adds a sense of foreboding), nor are comments like “you are in a wheelchair/use crutches/use other aids for locomotion, but at least you have a [insert said aid]” (the fact that so many disabled people lack basic aids and facilities is not going to make the disabled person to whom this is addressed any happier); nor are the many variations of “but you look so good/are too young/beautiful/talented/decent/hard-working etc.” when enraged by the injustice of someone with these favorable attributes being, alas, also disabled.

⁵ Oullette uses “a shadow issue” to describe what disability has been for bioethics, but is, she remarks, no more. In the *Preface* of the collaborative effort aimed at the building of a bioethics fully aware of the essence and nuances of disability, she remarks that she used to rarely hear the phrase “disability perspective” in discussions of bioethics, but that now, disability is a part of the conversation: articles on disability from bioethicists appear, and conferences on disability in bioethics are being held. These transformations are only a basis for what she is hoping for, she writes, “... the movement toward a bioethics that incorporates disability as a central issue and engages disability experts in the enterprise”, which takes more than just articles and conferences, but real work on the ground floor, in medical education, in the fields of law and in government, or anywhere that bioethics does its work (Oullette xiii). While Oullette insists throughout the book that bioethicists have a good reason to work with members of the disability community to resolve ongoing conflicts, she additionally systematically lists ways to achieve as much disability-consciousness among bioethicists as possible, in Oullette, 315-365.

status of the disabled person in a community largely comprising of able-bodied individuals. The problems of disability, namely, can be analyzed through the concept of a disabled person as a form of *homo sacer*, but also as a (profane, or non-ritual) form of a scapegoat.

A *homo sacer* is an obscure figure in ancient Roman law, it is a person outside the law, someone who can be killed without repercussion, but not be sacrificed in religious ritual. According to Agamben, it is someone whose entire existence is reduced to bare life stripped of every right. The one who has been banned from society is not simply set outside the law and made indifferent to it, but rather abandoned by it. The one who has been banned is left "... exposed and threatened on the threshold in which life and law, outside and inside, become indistinguishable" (Agamben, 28). This zone of indistinction represents a state of exception in which *homo sacer* is bare life, *zoē*, stripped of political rights and located outside the *polis*. According to Agamben, it is the act of abandonment which separates out those that are considered to be political beings (citizens, *bios*) from bare life (biological bodies, *zoē*). *Homo sacer* has biological life without political significance⁶.

If one considers the manner in which disabled people can end up being labelled as freaks or invalid by others, then it could be suggested that disabled people are placed in a psychic, not spatial, state of exception (Reeve, 211). In this article, Reeve lists examples situations where the disabled person seems to be treated as a *homo sacred* - the forced hospitalisation of people with mental/cognitive issues, the prenatal diagnostics leading to life/death decisions and the way strangers react to and interact with disabled people are good examples of the state of exception: forced hospitalisation when compared to interment camps, prenatal diagnostics

⁶ The act of abandonment splits the biological (*zoē*) and the social/political (*bios*) and provides the route by which biological life is included within the realm of power (Diken and Laustsen, 20). This leaves *homo sacer* as bare life, outside the *polis*, and like Girard's scapegoat "not protected by norms and rules, which apply to others, and being considered of no worth" (Diken and Laustsen, 21). While Diken and Laustsen are right about the scapegoat being unprotected by norms and rules, it differs from the *homo sacer* in the significance it garners through its expiatory function. The scapegoat serves to purify the community from the built-up evil, violence and guilt, thereby attaining a status of a saviour, albeit it sometimes having no value at the beginning of the ritual scapegoating (on the scapegoat mechanisms and the mimetic theory of violence through scapegoating see Girard, *Violence et le sacré*; Girard, *Des choses cachées depuis la fondation du monde*; Girard, *Le bouc émissaire*; see Frazer for a list of examples, also Burkert for the theory of *homo necans*).

People with disabilities suffer tremendous violence, but without the "greater good" aspect of the ritual expiation through scapegoats. According to two systematic reviews published in *The Lancet*, carried out by Liverpool John Moores University's Centre for Public Health, a WHO Collaborating Centre for Violence Prevention, and WHO's Department of Violence and Injury Prevention and Disability, both children and adults with disabilities are at much higher risk of violence than their non-disabled peers. These massive comparative studies show the scale of the problem, by providing evidence on violence against children and adults with disabilities, and by highlighting the lack of data on the topic from low-income and middle-income countries.

The review on the prevalence and risk of violence against children with disabilities, published in 2012, found that overall children with disabilities are almost four times more likely to experience violence than non-disabled children (Hughes et al). The systematic review on violence against adults with disabilities, also published in 2012, found that overall they are 1.5 times more likely to be victims of violence than those without a disability, while those with mental health conditions are at nearly four times the risk of experiencing violence (Jones et al).

The risk of violence toward people with disabilities is also connected to the lack of social support for their caregivers. This cannot be mitigated by simple placement of people with disabilities in institutions, because that increases their vulnerability to violence, especially because the ability to disclose abusive experiences by institutionalised people with communication impairments is hindered ("The Unacknowledged Crisis of Violence against Disabled People"). Research has suggested that an overwhelming 82% of violence against developmentally disabled adults is carried out in institutions, largely because institutions inherently promote the abuse and dehumanization of disabled people (Thornberry, C. and K. Olson). Sexual assault is one severe example, seven times more likely to happen to intellectually disabled people, and twelve times more likely to affect intellectually disabled women than non-disabled people (Shapiro). Most pervasively, disabled people are vulnerable to the people close to them. In contrast to non-disabled people, disabled people face a significantly higher percentage of violence from family members and well-known acquaintances ("Abuse of women with disabilities").

deciding on life/supposed quality of life of a disabled/sick foetus, the interaction including stares, uncomfortable awkwardness, even a well-mannered “are you better yet?”⁷. For example, it can be argued that the disabled foetus is in a state of exception - it could be considered to be *homo sacer*, both inside and outside the law. The non-disabled foetus has an expectation of a ‘political life’ whereas this is far less certain for the disabled foetus, who, by being labelled as disabled, becomes objectified (Overboe 226). Prenatal diagnosis and the forced treatment of people with severe mental distress represent examples of the first part of the symmetrical relationship between the sovereign and *homo sacer*: “... the sovereign is the one with respect to whom all men are potentially *homines sacri*” (Agamben, 84). These are examples of structural disability where decisions made by professionals or politicians (sovereign) result in the exclusion of people with impairments from mainstream life either through incarceration or *simply* by not brought into the world.

What is a disabled person – a useless reject, unable to contribute to society; a parasite, marring the picture of focused productivity; a liability, a burden, a monster? Or is he or she a person who is differently-abled, who offers a fresh perspective to problem solving, navigating situations, comprehending life? Is the disabled person punished by the gods, or redeemed through divine mission? Is it a reminder of everything everyone wishes away, or an inspiration, a vision of strength, endurance, perseverance and courage?

There is a long-lasting line of divine punishment, in the ancient world foretold by prophecies, set up by meddling deities, executed in a didactic-friendly fashion. As the concept of a divine plan migrates from a personal agenda (however fickle or random), to an incomprehensible, ineffable divinity, the cause of the punishment gets obscured. The middle ages abound with stories of demonic intervention, satanic interference, retributive justice due to consorting with such influences. Sometimes disability within religious belief is considered a form of temptation. Sometimes, there is no known reason for the affliction/disability.

A classic example of the first mentioned sub-archetype of disability is Philoctetes, the eponymous character from Sophocles’ play. And while the play, the interplay of the characters and the perception of chronic pain and related handicap is still rather important today, to the extent that the *Theatre of War Project*, a theatre company performing for returned veterans started out as a series of public readings and discussions of the text of *Philoctetes* and spiked such interest, that panels, discussions and training sessions with caregivers, medical professionals, and disabled persons turned into actual training for medical students at medical faculties⁸, the initial and final situation of Philoctetes, in the context of causation, points us in another direction. Philoctetes was guilty of a transgression, having sinned precisely where he was told not to. His punishment is not the physical ailment, that is just the epiphenomenon, but rather the fact that he missed the opportunity to become a hero. Being unable to participate in battle renders a warrior completely useless, for he no longer contributes to the *polis*. The fact that he is in pain is secondary to the fact that he does not contribute. An example of someone who needs not contribute is also quite

⁷ Reeve notes that while there are examples of Foucauldian approaches to disability theory and practice, there is a scarcity of examples where the work of Agamben has been applied to disability studies (Reeve 206). Overboe focuses on the “expressions of life” of disabled people as both marginalized and nullified through geneticism, and Sirnes compares Foucault’s perspective on biopolitics with Agamben’s, showing that the normality/deviance dichotomy is central to Foucault, while the sovereign/homo sacer dichotomy has a similar position in Agamben.

⁸ See <https://theaterofwar.com/about> and Marino for more information on the project.

famous. He is a god, though, Hephaestus, and the rules are different for gods. And yet, he is continually mocked by his pantheon, and is the only god who works. He has a workplace accommodating his handicap, so he can work his magic and produce. Hephaestus is a powerful magician with access to occult power precisely because of his deformity⁹.

But the point of integrating disability is to stop weighing its strains on society or debating the measure of a disabled man. In the classical period, in the Middle Ages, demonic abominations, monsters and freaks were not useful. Changelings, the malformed, *terata* were a burden to be discarded, a waste to be thrown away¹⁰. The Bible, the Midrash and the Talmudic writings share a lot on disability. A large number of disabilities, both physical and mental, are mentioned in the Bible, making part of both profane reality, and of the sacred one, from aspects of which they were excluded, for being unholy, unclean – a form of cultic impurity. The breakdown and the path to inclusion was Jesus' insistence on fellowship, and the theological implications for innocent and meek suffering¹¹. In the ancient period there is a division between the so called deformed, the *terata*, who were to be exposed, and the weak, who were to be taken care of (of course, this is a simplified one-phrase summary – but – the blind, deaf or feeble-minded were not considered deformed). In Egypt there was no discussion of sin and payment, but of being subject to magical, metaphysical drama of higher forces. From Zoticos to saint Francis, a strong inclination toward charitable work among ugly laws and demons-induced panic persisted. There were houses of God that truly housed all kinds of people (except the dying and the contagious, which was a matter of rudimentary public health)¹². The talk of monsters and the abstract world of monstrosity sort of continued in the classical period. The enlightenment offered both charity and internment. Due to the enormous numbers of disabled First World War soldiers, rehabilitation emerged, followed by a better understanding of chronic illnesses.

CONCLUSION

While persons with disability make up a large portion of the world population, discussions on disability, and especially, a better understanding of the life experiences of persons with disability are needed, in order to overcome stigma and awkwardness, and build a disability-conscious world, where ableism does not put disabled people in positions of exception, but rather where it is clearly understood that being disabled means much more than being “challenged” or “different”, and that the often recited inspirational formulations of “overcoming disability” should really be transformed into “overcoming the misunderstandings about disability”.

⁹ A variety of theories have been proposed to account for the god's lameness. One is that it is a consequence of his status as a “magician” in accordance with the principle whereby a special defect is redeemed or compensated for by a special gift or talent (Garland, 61). In his underground volcanic workshop whether on Lemnos, or later on Mt. Etna, Hephaestus is often surrounded by an assembly of disabled figures. The archetypal workplace is imagined as accommodating his crew of oddly-shaped assistants. He is aided in his work by a race of mythical smiths who are set apart by some physical defect, he is included, constantly challenged, adapted, useful (see Ebenstein).

¹⁰ For the Greek practice of exposure, see the discussion in Rose, 29-49, driven through the motifs from story of Oedipus.

¹¹ An extensive research in Stiker for the treatment of disability in the (world of the) Bible, see 23-38; the concepts in Western antiquity, see 39-64; the systems of charity in place, see 65-90; the development, or rather, decline of understanding and treatment of disability during the classical centuries, see 91-120; and for the emergence of rehabilitation post-World War I, see 121-190.

¹² On medieval concepts of the impaired body see Metzler 38-64.

WORKS CITED

1. "Abuse of women with disabilities", *American Psychological Association*. <<http://www.apa.org/topics/violence/women-disabilities.pdf>>. Web. 01 Nov 2018
2. "The Unacknowledged Crisis of Violence against Disabled People." *Center for Disability Rights*. <<http://cdrnys.org/blog/advocacy/the-unacknowledged-crisis-of-violence-against-disabled-people/>>. Web. 15 Jan 2019
3. Achenbach, Joel, and Boyce Rensberger. "Stephen Hawking, physicist who came to symbolize the power of the human mind, dies at 76." *The Washington Post*. 14 March 2018. <https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/stephen-hawking-physicist-who-came-to-symbolize-the-power-of-the-human-mind-dies-at-76/2018/03/14/d4298e14-273a-11e8-874bd517e912f125_story.html?noredirect=on&utm_term=.ffbe3b927d28>. Web. 15 Jan 2019
4. Agamben, G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. trans. D. Heller-Roazen. Stanford: Stanford University Press, 1998. Print
5. Burkert, W. *Homo Necans – The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth*. Los Angeles-London: University of California Press, 1983. Print
6. CNN Staff. "Stephen Hawking, renowned scientist, dies at 76." *CNN*. 14 March 2018. <<https://edition.cnn.com/2018/03/14/health/stephen-hawking-dead/index.html>>. Web. 15 Jan 2019
7. Crow, L. "Including all of our lives: Renewing the social model of disability." Ed. J. Morris. *Encounters with strangers: Feminism and disability*. London: Women's Press, 1996. 206–222. Print
8. Dastagir, Alia E. "Some people are angry about how the media is covering Stephen Hawking." *USA Today*. 14 March 2018. <<https://www.usatoday.com/story/news/2018/03/14/some-people-angry-how-media-covering-stephen-hawking/423996002/>>. Web. 15 Jan 2019
9. Diken, B. and C. B. Laustsen. *The Culture of Exception: Sociology Facing the Camp*. London and New York: Routledge, 2005. Print
10. Ebenstein, W., "Toward an Archetypal Psychology of Disability Based on the Hephaestus Myth." *Disability Studies Quarterly*. Vol. 26. 4 (2006) n.pag. <<http://dsq-sds.org/article/view/805>>. Web. 15 Jan 2019
11. Ejiófor, Annette. "Stephen Hawking's Death Sparks Conversation On Disability And Ableism." *The Huffington Post*. 15 March 2018 <https://www.huffingtonpost.ca/2018/03/15/stephen-hawking-death_a_23386628/03/15/2018>. Web. 15 Jan 2019.
12. Garland, R. *The Eye of the beholder: Deformity and disability in the Graeco-Roman world*. Ithaca: Cornell University Press, 1995. Print
13. Girard, R. *Des choses cachées depuis la fondation du monde*. Paris: Grasset, 1978. Print
14. Girard, R. *Le bouc émissaire*. Paris: Grasset, 1982. Print
15. Girard, R. *Violence et le sacré*. Paris: Grasset, 1972. Print
16. Health Topics – Disabilities. World Health Organization. <<https://www.who.int/topics/disabilities/en/>>. Web. 15 December 2018
17. Hughes, K. at al. "Prevalence and risk of violence against adults with disabilities: a systematic review and meta-analysis of observational studies." *The Lancet*. Vol. 379. Iss. 9826. (April 2012): 1621-1629
18. Jones, L., at al. "Prevalence and risk of violence against children with disabilities: a systematic review and meta-analysis of observational studies." *The Lancet*. Vol. 380. Iss. 9845. (September 2012): 899-907

19. Marino, V. "Philoctetes, The Theater of War and Their Implications On Mental Health", *Vandi Performs*. University of Vanderbilt. 5th October 2015. <<https://my.vanderbilt.edu/vandyperforms/2015/10/philoctetes-the-theater-of-war-and-their-implications-on-mental-health-by-vanessa-marino/>>. Web. 15 Jan 2019
20. Metzler, I. *Disability in Medieval Europe - Thinking about physical impairment during the high Middle Ages, c. 1100–1400*. London-New York: Routledge, 2006. Print
21. Ouellette, Alicia. *Bioethics and Disability - Toward a Disability-conscious Bioethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Print
22. Overboe, J. "Disability and Genetics: Affirming the Bare Life (the State of Exception)." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 44. (2007): 219–35
23. Palmer, Ellis. "How I saw Stephen Hawking's death as a disabled person." *BBC News*. 16 March 2018. <<https://www.bbc.com/news/world-43418251>>. Web. 15 Jan 2019
24. Powell, Robyn. "The Tributes to Stephen Hawking Show What's Wrong With How We Talk About Disability." *Rewire News*. 27 March, 2018. <<https://rewire.news/article/2018/03/27/tributes-stephen-hawking-show-whats-wrong-talk-disability/>>. Web. 15 Jan 2019
25. Reeve, Donna. "Biopolitics and bare life - Does the impaired body provide contemporary examples of homo sacer?". Eds. Kristiansen, K, S. Vehmas and T. Shakespeare. *Arguing about Disability - Philosophical perspectives*. London-New York: Routledge, 2009. 203-217. Print.
26. Rose, Martha L. *The Staff of Oedipus – Transforming Disability in Ancient Greece*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2003. Print
27. Scully, J. L. *Disability bioethics: Moral bodies, moral difference*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2008. Print
28. Shapiro, J. "The sexual assault epidemic no one talks about." *National Public Radio*. 8 January 2018. <<https://www.npr.org/2018/01/08/570224090/the-sexual-assault-epidemic-no-one-talks-about>>. Web. 01 Nov 2018
29. Silvers, Anita. "An Essay on Modeling: The Social Model of Disability." *Philosophical Reflections on Disability*. Eds. D. Christopher Ralston and Justin Ho. Dordrecht-Heidelberg-London-New York: Springer, 2010. 19-36. Print
30. Sirnes, T. "Deviance or homo sacer? Foucault, Agamben and Foetal Diagnostics." *Scandinavian Journal of Disability Research* 7 (2005): 206–219
31. Stiker, H-J. *A history of disability*. Trans. W. Sayers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. Print
32. The International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF), World Health Organisation. <<https://icd.who.int/browse10>>. Web. 15 Dec 2018
33. Thornberry, C. and K. Olson. "The abuse of individuals with developmental disabilities." *Developmental Disabilities Bulletin*. Vol. 33/1. (2005): 1-19.
34. Vergano, Dan. "Stephen Hawking, Astrophysicist with paralyzing disease dies." *Buzzfeed News*. 14 March 2018. <<https://www.buzzfeednews.com/article/danvergano/stephen-hawking-astrophysicist-with-paralyzing-disease-dies>>. Web. 15 January 2019

Elena IgnovskaAssistant Professor, PhD, Faculty of Law "Iustinianus Primus"
University "Ss. Cyril and Methodius", Skopje

PRE-GENETIC DIAGNOSIS AND PRE-NATAL DIAGNOSIS: LEGAL AND ETHICAL DISCUSSION

ABSTRACT: Medical science allows to address each individual from his/hers particular genetic makeup on an embryonic level, either in vivo (prenatal diagnosis, hereinafter PND) or in vitro (preimplantation genetic diagnosis, hereinafter PGD), a sort of personalized medicine. Both technologies assist reproduction in order to identify and possibly address genetic alterations. Therefore, they have been subjected to ethical and legal controversies, mostly regarding to issues such as: the dignity of the embryos to be discarded, the voice of the unheard – the future child-, the renaissance of eugenics policies- and, the lack of a universal normative framework that circumscribes it.

The European Court of Human Rights has already ruled that access to such genetic testing is a human right protected under the European Convention of Human Rights – *inter alia, in re Costa and Pavan v. Italy*. This right is argued and affirmed in many international documents and becomes a European consensus among the Member States of the Council of Europe. Thus, the discussion in this article will go beyond its affirmation, into the sphere of relating the right to its counterpart –the obligation to create healthy offspring, *i.e.* reproductive responsibility in the Republic of Macedonia and internationally.

KEY WORDS: prenatal diagnosis; preimplantation genetic diagnosis; eugenics; human dignity; responsible reproduction.

1. INTRODUCTION

In the Republic of Macedonia, pre-natal diagnosis could be done as Amniocentesis between 16th and 18th week of pregnancy covered by the health insurance, or as part of the so-called personalized medicine via genetic sequencing tests after 10th week of pregnancy in a private clinic uncovered by the health insurance (even though prices vary, it is considered to be relatively expensive, from 600-800 euro). The first option is intrusive (amniotic fluid taken from the amniotic sac surrounding a developing fetus) and has small risks of miscarriage. The second is not (done via blood sample). The Law on Termination of Pregnancy, as a general rule allows termination before the 10th week of pregnancy¹. Only as an exception, the termination could be afforded afterwards if it is due to heavy inherited diseases or other mental disabilities of the fetus. This leaves the time-limit when a human embryo deserves protection wide open. Pre-genetic diagnosis on the other hand is restrictively regulated in the Law on Bio-medically Assisted Fertilization (the law only allows it without even naming it as such if there is a possibility of a heavy inherited disease to be transferred on the procreation). Having in mind that at the time when the Law was brought by the Parliament, there was not much (or to say any) public discussion regarding some ethical and legal queries that such law brought into life (as in contrast to the afore mentioned „law on abortion“),

¹ The Law was in force during the Conference *Bioethics on Crossroads: East-West* where this paper was presented. Later on (on 14.3.2019) a new, significantly different law was enacted.

this paper will trigger those related to life of embryos in relation to the responsibility of the parents and the State to safeguard public health.

2. ETHICAL QUERIES

PGD provides us with the exceptional possibility of tackling down the genetic disorders from the very beginning –that is, from the moment the ova is fertilized by the spermatozoa, offering an alternative to prenatal invasive procedures followed by abortion (PND). Indeed, this new medicine overlaps two technologies: assisted reproduction and genetic testing (Baruch et al., 4). However, as medical science boosts its limits, the ethical dilemmas grow in complexity (Maliowski, 205).

This technique, hence, is not an exception because it triggers a myriad of ethical and legal controversies, mostly regarding to issues such as: the dignity of the embryos to be discarded, the voice of the unheard –or the child to be-, the *renaissance* of eugenics policies –designer babies?- and, of course, the lack of a universal normative framework that circumscribes it. A prospective study conducted in 2010 by a taskforce of the European Society of Human Reproduction and Embryology concluded that the existent normative and funding disparities at regional level have stimulated a new trend named reproductive tourism, i.e. the flow of patients across European borders to avoid unfriendly legislation (Shenfield et al., 8). Even more, such a technology raises concerns on questions such as equality and just distribution, stimulating the opposite –inequality in a hypercompetitive world (Rescher, 23). This procedure, in general, seems to have a dual (eugenic) purpose: on one side, it can be used to look for traits that prospective parents disapprove for their children –negative eugenics- and, on the other, it could serve to select certain qualities or attributes that they desire to pass on to their progeny –positive eugenics.

In order to delimit the scope of moral debate, gene transfer technology for enhancement is excluded. I will only focus on predictive tests of genetic disorders (e.g. Huntington's disease, Cystic fibrosis, Down syndrome, Tay-Sachs disease etc.) and the possibility to avoid them. Since law to a certain extent codifies the *minimum ethics* under which predictive medicine can be performed, I took it as a main pillar towards harmonizing complex ethical queries.

In our heterogeneous secular world, diverse philosophical perspectives, e.g. Kantian theory², Utilitarianism (Bentham, Mill)³, Communitarianism (Macintyre)⁴, address the moral concerns raised by PGD and PND. However, none provides an integral assessment to definitively resolve them.

Furthermore, due to the difficulty to identify an objective and harmonious hierarchy of moral values, the text proposes to board the core moral challenges already identified supra through the rationale laid down by the case law outlined.

To oblige someone to perform certain conduct and to bear him/her responsible for it –*could parents be morally obliged to conduct PGD or PND and, consequently, be morally responsible to make decisions on behalf of their future children?-,* presupposes that the individual has at least acquired the necessary information that would led him/her to select the course of action to follow.

PGD, undoubtedly, provides the knowledge to make decisions in the process of parenthood, i.e. implant the unaffected embryo in the woman's uterus or, instead, de-

² Kant stipulated: [a]ct in such a way that you use humanity, whether in your own person or in the person of any other, never merely as a means to an end, but always at the same time as an end.

³ The Utilitarian moral theory holds that the best moral action is the one that maximizes utility.

⁴ This philosophy stresses that individual identity is molded by community relationships.

stroy the abnormal one. Regarding the dispute of the ontological status of the human embryo, it has to be acknowledged that it is a query that has been assessed in a myriad of ways –from a biological, philosophical, religious and even legal perspective-, and there is no agreed definition as to when human life begins. Succinctly, four moral positions can be identified. The first considers the human embryo deserves absolute respect solely for being a member of this specie; its right to live is unbridgeable. In the opposite lane it is estimated to be a mere cluster of cells, hence it does not deserve any protection. Between these two extremes, there are two gradualist perspectives: on the one hand, there are those who recognize that development is a continuous process and therefore the human embryo acquires full protection only when it reaches viability; on the other, there are those who stress that protection increases progressively with the development, but only alive at birth is a subject of law (Steering Committee on Bioethics). PGD technology seems to have a dual functionality. On the one hand, it guarantees the right to know and, on the other, to decide the path to take based on that information, recognizing hence the autonomy and reproductive freedom of prospective parents.

Autonomy, as a capacity, encompasses a number of different aspects such as independence, privacy, self-realization, freedom of choice. Obviously being autonomous means taking responsibility for decisions and actions. An autonomous person, then, is someone who realizes his/her existential project inter-subjectively: “A person realizes that he cannot be anything... unless others recognize it as such”, I cannot obtain any truth whatsoever about myself, except through the mediation of another, “The other is indispensable to my own existence, as well as to my knowledge about myself” (Sartre, 37). Autonomy also imposes a duty to respect other people as autonomous beings –this means, without interfering in decisions pertaining to self-referential morality (Beauchamp, Childress).

In order to determine whether a person has acted autonomously, it is necessary to determine whether or not (s)he acted freely. The concept of freedom refers to the preferences and values that an individual has in a given scenario, while the concept of autonomy refers to the ability of a person to be able to reflect critically on those and therefore take a stand. Our decisions and actions can be constrained by various agents, e.g. lack of information, internal or external pressures / influences, absence of alternatives, diminished psychic abilities, etc.; in these cases those cease to be autonomous. Nonetheless, to act freely is to enforce one’s own decisions without ignoring the desires and thoughts of those individuals involved (Dworkin, Raz).

As a matter of fact, *no man is an island*, individual autonomy and freedom can be belted to ensure general welfare and peaceful coexistence, while respecting certain insurmountable duties, for instance: *do not harm without justification, respect individual autonomy and share equitably risks and benefits*, otherwise it would be intolerable, since tyranny of the majority is not acceptable.

To sum up, a free and autonomous action entails a three level of knowledge: in the first place, discern one’s own preferences; secondly, distinguish others expectations and dreams; and, finally, be aware of the consequences derive from the implementation of the decision.

No doubt then that PGD and PND can be regarded as a therapeutic process that assures future parents’ freedom to decide if and when to reproduce. The *Proclamation of Tehran* from 1968 states: “Parents have a basic right to decide freely and responsibly on the number and spacing of their children and a right to adequate education and

information in this respect". Planned and responsible parenthood as a key goal of the *United Nations Population and Development Strategy* inevitably includes both individuals in the decision-making process of conceiving a child. The aim of family planning is to enable both couples and individuals to decide freely and responsibly about the number, spacing and timing of making informed reproductive choices. Consequently, family planning is in concordance with the promotion of optimum health, respect for the dignity of all persons, as well as family well-being. The enablement of free and informed choices should offer a variety of methods depending on the age, parity, family-size preference and other factors to ensure access to the proper effective family-planning methods (Report of the International Conference on Population and Development, 44, 45).

The *principle of reproductive benefit* suggests a possibility for the parents to choose a child (among the children they could have) with the best chances for the best life, according to the available and relevant information. Accordingly, the principle gives a green light to choose embryos *in vitro* depending from the potential diseases' threats, defects in genes or other possible anomalies (Savulescu, 413). It goes even further by promoting selection for non-disease genes even if it manifests or increases social inequality. This principle though, has been subject to many critics opposing such moral reasoning (Bennett, Sparrow).

The World Health Organization (WHO) defines *health as a state of complete physical, mental and social well-being, capable of operation, and not merely the absence of disease or infirmity* (Preamble of the WHO Constitution).

Health and disease cannot be derived only from the operation and biological structure of the person. Instead, it is essential to understand that psychic and somatic aspects are closely interrelated and must be viewed in the light of social, cultural and even political factors. Therefore, it is not a matter restricted only to scientific analysis, but also includes judgments. There are several philosophical theories that explain the terms *disease* and *health*. Perhaps, one could confine the debate to two positions, the biological model and the holistic model. In the first case, disease is identified with structural changes and diminished physical and mental functioning. In the second, psychosomatic, social and cultural factors are taken into account, so health is related to the operation of the whole person. This concept opposes the *Galenic* medical tradition, since the latter considers that the normal functioning of the body will depend on being among the parameters set as normal within a particular group (Boorse, Caplan et al., 545).

Every parent, in general circumstances, imagines, yearns and hopes that his offspring reach superlative levels in various areas of life. In many cases the desire to have a child becomes a forced experience, so non complying with it makes it a (mandatory) need which, in turn, becomes an obsessive character that affects the individual's own happiness (Denier, 81). Obviously, taking knowledge that the progeny suffers from a genetic condition directly affects both parents socially as well as psychologically (Steel, 351).

It could be argued that PGD would set the threshold to eradicate selective abortion policies. Furthermore, this technique presents a great opportunity to (try to) eliminate the weight of increasingly broad spectrum of genetic defects afflicting our species. Vaccination campaigns have been implemented precisely to combat the fragility of our species, so as to reduce our vulnerability inherent to our human condition.

Expectations, hopes and dreams that a parent deposits in his progeny could be so elevated that in the presence of severe chromosomal abnormalities, such as *Tay Sachs* disease, the only accepted path would be discarding that embryo. A recent study shows the difference between transferring an embryo that is potentially Tay-

Sach carrier and an embryo with potential to be a BRCA-1 carrier (Insogna, Ginsburg). The study argues that transferring an embryo possibly affected by an immediately fatal condition is different than an embryo that carries a threat of a medical condition that manifests later on in life, that it would never be in the future child's interest to be born like that and that the transfer of known affected embryos should be prohibited. In another recent study, authors have called upon the liberal eugenic challenge to opponents of disability screening in order to argue that the coercive interference by the state to restrict parental access to embryo selection technologies could be proved by the harm done, i.e. reduced diversity. They do however, make a distinction between selection against severe (i.e. Downs Syndrome or Tay Sachs) and selection against mild conditions, i.e. dyslexia or Asperger's syndrome (Gyngell, Douglas). It is true that the twentieth century witnessed tremendous racist and discriminatory policies across the globe. Some examples are the heinous experiments on live human beings made, for instance, by the Japanese during the Second World War in order to increase scientific knowledge to improve bacteriological weapons; or, the compulsory sterilization practices that took place in the United States as well as Scandinavian countries well into the decade of the '70s, and so on. At the end of World War II, the Japanese doctors who led the infamous 731 Biological Warfare Unit were dismissed for lack of evidence by the International Military Tribunal for the far east exchange of results and scientific information obtained from the abhorrent experiments performed with living human subjects for a decade (Chen; Harris).

Certainly we must not fall into the mistakes made during the classical period of eugenics, i.e. discriminatory programs coercively applied by the state (Galton). For instance, on November 12th 1909, Charles Davenport proposed to the American Academy of Medicine, Yale University, a system for probing the characteristics of families in order to identify those features that provide us better men (Davenport).

Alexander Graham Bell stated that the first goal of eugenics should be to raise the overall quality of health for the greatest number of individuals (Bell) PGD in any way should be used to limit reproductive freedom, seeking to propose a genetic determinism subject to racial or social prejudice. On the contrary, the primary objective of the progress of medical science is to *clean up* genetic deficiencies that afflict our species, but individually, without further constraints, based on solidarity. For instance, The Argentine civil and commercial code, in Article 39, prohibits any practice intended to alter the genetic makeup of the offspring, except those that tend to prevent genetic diseases or predisposition to them. This standard would be sponsoring what the German philosopher, Jürgen Habermas has criticized as liberal eugenics from the practice of PGD. This technique would be useful to transfer the fittest embryo to the woman's uterus, i.e. one who has been cleaned up of eventual genetic abnormalities, reducing or eradicating the individual trauma of abortion for any couple in general and for women in particular, as well as the pain and suffering that means living with certain physical and / or mental or the knowledge that we will die for a condition that cannot be treated. In other words, this new eugenics, as Habermas calls it, does not involve coercion, but respect for autonomy, freedom and informed decision for the wellbeing of any individual (Habermas, 146).

Eugenic practices are not reprehensible when they respect the autonomy and freedom of the individual. In this sense, no moral principle seems to provide sufficient reason to condemn individual eugenic purposes. Some commentators have alleged that PGD could be misused for customizing conception –commodification of children. For

instance, selecting certain traits of the future child (sex selection), or even creating a *donor sibling* for a sick child (Robertson). The possibility to free ourselves from the scourges that natural selection enslaves us through medicine does not differ from the parental decision to teach his/her progeny certain religious values, or his enrollment to practice a particular sport, or even study foreign languages. If there is no coercion or force, and also prevails individual decision, then it would become difficult to argue that the use of genetic knowledge to *clean up* health of future generations would prove to be a discriminatory practice based on social, racial or genetic aspects, in particular, when it is based on the informed decision of the parents (Caplan et al. 2; Buchanan et al., 100).

The advance of applied science, however, allows us to agree that there is an obligation that rests with each one of us to deal with health costs and expenses, mainly because of our lifestyles. There is a dilemma about whether society should pay for medical treatment to individuals who have, for example, contracted HIV because of their lifestyles, *i.e.* drug users who share needles, sex workers, individuals who consciously have unprotected sex (Miller & Rollnick; Schechter et al., 519). In any liberal society, people are free to do and undo according to their own desires and conveniences, but the interest and collective welfare bind us to respond later for the damages derived from our actions.

PGD and PND directly influence individual reproductive decisions, which would not be free and autonomous if not provided with all available information. In this sense, it would be correct to hold parents responsible if they do not use the aforementioned technique, since knowing is always better than not knowing when assessing the benefits and risks involved. Some years ago, the European Court of Human Rights found that Poland had violated Article 3 (prohibition of inhuman and degrading treatment), because he had refused a Polish citizen access in a timely manner to a prenatal genetic test, medically indicated. This, according to the aforementioned court meant humiliation and mistreatment of pregnant women, since it prevented her from taking a decision on the interruption or continuation of pregnancy to the fact that the unborn child was suffering from Turner syndrome. In addition, the European Court found that the intervening doctors and therefore the state were responsible for not having established a legal and procedural framework to protect the right to respect for private and family life of women (article 8) by the lack of adequate information and counseling. Finally, the regional court indicated that *Member States are obliged to organize their hospitals to ensure the effective exercise of freedom of conscience of medical professionals in a context that does not prevent people access legal health services, as the decision to abort a fetus before presenting a malformation* (ECtHR, R. R. v. Poland).

Thus the right to be informed about the genetic evolution of the unborn child, in fact, would become a social duty because knowledge would be achievable. Our autonomy decreases when we unreasonably opt to not know. Freedom of choice and decision in the context of PND includes both the option to discard the embryo or to favor the pregnancy. The question lies in understanding that reproductive freedom is autonomous and individual, and cannot be restricted in advance, but subjected to further liability.

3. LEGAL QUERIES

On European soil, the practice of the European Court of Human Rights (ECtHR) has shown to be not only the human rights keeper but even more, the human rights developer by judging and analyzing individual cases from the Member States of the Council of Europe through the prism of the European Convention of Human Rights and the other international conventions.

The possible interferences with the rights guaranteed under the umbrella of the Convention are always judged on an individual case basis, recognizing the diversity of circumstances that add value to particular cases. Therefore the Margin of appreciation can possibly pose limits only within specific cases (Lavender, 382). The State's national regulations have to satisfy several requirements to qualify as permitted infringements of the Convention. The first requirement is existence of prescribed law in the national legal system, so that the consequences are foreseen and clear, while the information is accessible for people to guide their actions, thus, avoiding arbitrary decisions.

The second requirement is that the infringing norms should have *legitimate aims and purposes*, strengthened by the requirement of their necessity in a democratic society.

The third principle requires that the infringing norms are *proportionate* (have reasonable proportionality between the objectives meant to be achieved by interfering with the Convention and the means used to achieve it. This means that no restrictions in the law should be automatically justified if they are not related to the achievement of normative goals. Three factors are guiding principles when the possible infringements of the Convention are allowed: (1) the *European consensus standard*, as a comparison among the regulations of the other Member States; (2) the nature of the right (absolute or relative character); and (3) the aim to be achieved by the contested measure enacted by the State (*The Margin of Appreciation*, Council of Europe).

Human rights in the realm of private and family life have always been considered on the one hand, significant, so to be characterized as fundamental, while on the other hand, also out of subjective nature, allowing national States based on their own morals and traditions to rule what family life and choices encompasses. Extending the limits of the Margin of Appreciation to allow such morally, traditionally and culturally driven national regulations is in the intersection of the individual human rights and the nationally protected values. Appreciating differences between the Member States sometimes collides with the protected human rights. The *European consensus standard* sets the limits of the Margin of Appreciation even further if, comparatively, particular breach is present in the national legal systems of more Member States. The space for calling upon this standard could be especially manifested, and even manipulated in the field of family life and application of science. The *European consensus standard* has been criticized for not possessing enough grounds on which the human rights protected by the Convention could be infringed (Helfer, 133) On the other hand, the standard has also been favored as a tool that allows evolutive interpretation of the European Convention on Human Rights, thus, striking a balance between development and stability (Dzehtsiarou, 1730).

In fields of contested moralities, such as in the section between medically assisted reproduction and family life, the Margin of Appreciation is especially flexible. (Van Hoof, Pennings, 14).

Genetic engineering is a procedure to modify or change the human genome, very often with a purpose to switch nonfunctional with healthy genes. There are two types of human genomes' modifications: somatic and gametic. While the first ones refer to modifications of certain tissues, cells or organs, excluding reproductive cells, the second ones could modify the genetic outlook of next generations. The regulation of these issues in Europe was paved and directed by the Oviedo Convention (*Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine*). The Convention found its reasoning in the principles of bioethics: autonomy, confidentiali-

ty, beneficence/non-maleficence and justice. (Beauchamp, Childress) The origin of the principles can be traced back to the *Belmont Report* and the activities of the *National (American) Commission for the Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Sciences* between 1974 and 1978. The *Belmont Report* established three principles used as a common language in bioethics from the beginning: respect for persons (to make informed decisions and actions, as safeguarded by the possibility of informed consent), beneficence (to protect from harm and to secure well-being, as safeguarded by the assessment of risks and benefits), and justice (in terms of “equals ought to be treated equally” safeguarded by the division of subjects on two levels: individual and social). The aims of the *Oviedo Convention* as defined in its *article 1* are to protect the dignity and identity of all human beings, while guaranteeing everyone, without discrimination, respect for their integrity and other rights and fundamental freedoms with regard to the application of biology and medicine. The Convention sets two kinds of standards: for establishing individual rights which can be directly addressed to the courts, and for the States’ obligation to adopt the necessary legislation and thus, to harmonize the national laws. The principles set out in the Convention had influence in drafting other international documents with universal scope, such as the *Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights (UDHGHR)* and *UNESCO’s Universal Declaration on Bioethics and Human Rights (UDBHR)*. The common agreed principles on which they rest are: non-discrimination and non-stigmatization based on genetic characteristics and individual genetic heritage; equality, justice and equity, sharing of benefits, access to scientific and technical knowledge, and equitable access to health care in accordance with the person’s medical needs, especially for women and children; informed consent, autonomy to decide and individual responsibility; privacy and confidentiality as opposed to the private life, and the right to information about personal and familial origins.

Articles 12 and 13 stipulate as follows: “tests which are predictive of genetic diseases or which serve either to identify the subject as a carrier of a gene responsible for a disease or to detect a genetic predisposition or susceptibility to a disease may be performed only for health purposes or for scientific research linked to health purposes, and subject to appropriate genetic counseling”, and “an intervention seeking to modify the human genome may only be undertaken for preventive, diagnostic or therapeutic purposes and only if its aim is not to introduce any modification in the genome of any descendants”. This means that it is not allowed to change a normally functioning human genome for purposes of human enhancement (inevitably encompassing next generations too). Nevertheless, it is allowed and perhaps even preferred to detect a genetic disease or a predisposition and try to avoid it (even though, this too inevitably affects next generations). This is in concordance with the following article (14) that stipulates as follows: “the use of techniques of medically assisted procreation shall not be allowed for the purpose of choosing a future child’s sex, except where serious hereditary sex-related disease is to be avoided”. European legislators are also obliged to follow the guidelines set forth in the Helsinki Declaration with a purpose to guarantee general minimum ethics in human research, including genetic therapy, defined as the correction or prevention of disease through the addition and expression of genetic material that reconstitutes or corrects missing or aberrant genetic functions or interferes with disease-causing processes (*Statement on Gene Therapy Research*, Hugo Ethics Committee, April, 2001). The genetic therapy here is limited to the somatic gene therapy and its main purpose is to distinguish it from the gametic gene therapy and

human enhancement's therapies. Nevertheless, the HUGO Ethics Committee, in the very same document calls for widespread discussion regarding the appropriateness of the possible future use of gene transfer technology for enhancement and for germline interventions.

The act of conception and the issue of defining the particular moment of gestation when the zygote starts to acquire features of a human embryonic life worthy of legal protection is a subject of sharp debate and serious discussions around the world. Despite the disagreements, a legal compromise has been achieved that has not yet been regarded as universal, nor has it reconciled the differences between ethical, religious and professional groups concerned by the various national legislation. A legal compromise has also been set in the Macedonian Law on Bio-medically Assisted Fertilization. Article 29 of the Law forbids extra-corporal development of an embryo older than 14 days, which means after the development of the primary notch and thereafter claims gradual level of protection of the embryo, transferring the ethical dilemmas of the value of its life into the domain of abortion, once the embryo is in the woman's body. The Law on Termination of Pregnancy⁵ stipulates that as a general rule, termination of pregnancy can be performed up until the tenth week from the time of conception (article 3). As an exception, termination of pregnancy can also be performed after the tenth week from the time of conception under several conditions, *inter alia*, if it is confirmed that (1) the pregnancy endangers the health and life of the woman (article 4, paragraph 2); (2) she may experience severe personal, familial, financial or other hardships that will affect her health (including disturbed marital and familial relationships, asocial familial environment, financial instability, disturbance of the health of the other members of the family and the number of the children in the family – *article 4, paragraphs 4 and 5*); and (3) there are certain expectations that the child will have severe physical or psychological disturbances (article 4, paragraph 3). This means that legal life does not start at conception. The legal consequences of personhood start at the time of birth when the legal capacity of being a natural person is gained. Therefore the parental responsibilities also start at the time of birth. An exception exists in the Law on Inheritance, following the Roman law principle - *nasciturus pro iam nato habetur, quotiens de commodiseiu sagiturus* - which presumes that the foetus will be considered as already born for purposes of inheritance, and therefore is treated as a natural person before being born. The Inheritance law (article 122) stipulates that only "born alive person at the time of activating the legal consequences of the inheritance (the death of the deceased) has the capacity to be a heir (*paragraph 1*). Already conceived child at the time of the death, will be considered as if it is born already, if is born alive later on" (*paragraph 2*).

For the reasoning of the European Court of Human Rights regarding the issue right to *life of stored embryos* especially important is the corner-stone case *Evans vs. the United Kingdom* from 2007. It regards a married couple who decided to store embryos for later use. The woman got an ovarian cancer and she could not produce embryos anymore. They divorced; she wanted to use the stored embryos as her last chance for having children while her now ex-husband changed his mind due to changed circumstances. The Court ruled against the woman's petition and concluded that parental rights and responsibilities over frozen embryos are not existent before their implantation in the womb. The Court further on stated that each party, the man or the woman

⁵ The Law was in force during the Conference *Bioethics on Crossroads: East-West* where this paper was presented. Later on (on 14.3.2019) a new, significantly different law was enacted.

could contest their implantation at any time, jeopardizing the individual reproductive project. As a result, an embryo does not have independent rights or interests and cannot claim on its behalf a right to life under article 2 of the European Convention on Human Rights. This seems to have become a European consensus ever since.

The case of *Maurice v. France* from 2005 involves a mistaken PGD due to switching bottles in a laboratory – similar to the case of *Draon v. France*, but different because the later involved PND. Due to their similarity, the court brought decision for both cases on the same date.

The concerned couple complained in front of the ECtHR under the protection guaranteed in article 1 of Protocol n. 1 (peaceful enjoyment of property), article 8 (respect for private and family life) and 41 (in respect of pecuniary and non-pecuniary damage). While the French authorities recognized only compensation in respect of the damage caused by negligence by switching bottles, excluding the damage caused by the disability itself (since it was not a direct consequence of the negligence), the ECtHR recognized also damage in respect of the special burdens that would be incurred on account of the child's disability throughout its life (including the cost of house alterations and equipment purchases). Accordingly, the court found that there was a violation solely of article 1 of Protocol N. 1 unanimously and invited parties to reach a negotiated settlement. The compensation to the Maurices' amounted to 2.065.000 euros – 1.690.000 for provision of the child's material needs throughout life and 375.000 euros for all other damage taken together.

The case of *Costa and Pavan v. Italy* was brought before the court for an allegedly violation of the right to respect for private and family life of the couple (healthy careers of cystic fibrosis)⁶ that were banned from screening embryos for *in vitro* fertilization for purposes of selecting one that will not have the disease.

After having their first child affected by that disease, for the second, the couple took advantage of PND that was allowed in Italy. The fetus was diagnosed as a positive carrier after which followed abortion. For the next attempt to have a child, they applied for PGD because they wanted to spare themselves from additional traumas related to abortion. They were rejected due to reasons that under the Italian law, there were strict conditions under which one can benefit from *in vitro* procedure, being restricted to sterility and sexually transmissible diseases such as HIV or hepatitis B and C (for more in depth analyzes on the Italian law before and after the case see Penasa).

Having no access to PGD on same grounds as the others, the ECtHR also considered that the Italian authorities have discriminated against them, thus infringing article 14 in conjunction with article 8 of the European Convention on Human Rights. The court brought the decision based on relevant European law,⁷ the disproportionality of the State's interference with the applicants' right to respect for their private and family life and on grounds of an existent European standard⁸.

⁶ Genetic disease, also known as *mucoviscidosis*.

⁷ *Oviedo Convention*, art. 12; *Explanatory Report of the Oviedo Convention (par. 83)*, Directive 2004/23/EC of the European Parliament and the Council of 31 March 2004, *Background Document on Preimplantation and Prenatal Genetic Testing*, Steering Committee on Bioethics (CDBI) and the Council of Europe (CDBI/INF) on 22 November, 2010; *Preimplantation Genetic Diagnosis in Europe*, Joint Research Center of the European Commission, December, 2007; *Report on the Proposal for a Council Recommendation on a European Action in the Field of Rare Diseases*, European Parliament, 23 April, 2009.

⁸ At the time of judging, PGD was authorized in Germany, Belgium, Denmark, Spain, Finland, France, Georgia, Greece, Norway, Portugal, the Czech Republic, the United Kingdom, the Russian Federation, Serbia, Slovenia, FYR Macedonia, and Sweden. PGD was not a regulated in Bulgaria, Malta, Estonia, Ireland, Latvia, Luxembourg, Poland, Romania, Slovakia, Cyprus, Turkey and Ukraine (even though, the last three countries allowed it in practice). Only two out of thirty two studied States (Austria and Switzerland) banned PGD in such circumstances. See par. 29 and

Both cases: *Draon v. France* and *Maurice v. France* regard compensation for damage done not only to the parents, but also to their children just because they were born with disability due to doctors' negligence. For these reasons, inevitably, they bring into question both „wrongful birth“, and consequently, „wrongful life“ claims as the children, without the negligence would not have been born healthy, i.e. at all, and thus would not have experienced the suffering produced by the genetic disease. In some countries, there is a duty to conduct and inform accordingly about the pre-genetic and pre-natal tests, while, the doctors' negligence, whether in PND or PGD is commonly a subject of claims of non-pecuniary damage for the parents (Von Bar 347). The amount of the compensation shows a great proportion in favor of the child's physical, psychological and material needs throughout life in comparison to the other damages caused to the parents. This means that despite of the medical and psychological hardship to both parents and children born with disabilities, there is also a great financial hardship (to adjust the living space, provide for the other specific needs of the child due to the disability etc.). Many families around the world deal with the consequences of genetically transmitted diseases on their own just because they never questioned if they were carriers or not. If PND and PGD are compulsory tests, covered by the health insurance, the number of children born under the clause of „wrongful life“ would be limited to incidents caused by doctor's negligence and would not be a matter of „wrongful destiny“.

The cases are ethically controversial by suggesting that there is a right not to be born that is not inconsistent with the right to life. In the case *R.R. v. Poland*, the Court went beyond abortion issues (as often related to right to life debates) and condemned the system failure that caused humiliation and suffering exceeding the minimum threshold of severity under article 3, infringing also private and family life. Even though the case focused on woman's private life, including her physical and moral integrity, her right to privacy and to personal autonomy, the case also dealt with the consequences that follow after involuntarily giving birth to a child with severe abnormalities that constitute a form of inhuman and degrading treatment and are against one's freedom to plan a family. If we defocus from the abortion debates, we will arrive to a point that clearly depicts the hardships for caring and being cared as a child with severe disorders, again calling into question the „wrongful life“ claim. It is also questionable if doctors should conduct and give pre-genetic results only if the patients ask for them⁹ or is it their duty to inform the patient of possible health threats that the

70 of the case. Later on, Switzerland amended the law and the Constitution introducing PGD following referendum (see more in the study of Oswald).

⁹ On 21 December 2004 the Polish Minister of Health enacted an Ordinance on Certain Medical Services (*rozporządzenie Ministra Zdrowia w sprawie zakresu świadczeń opieki zdrowotnej*). An Appendix No. 3 to this Ordinance, entitled Scope of Medical Prenatal Services (...) (*Zakres lekarskich badań prenatalnych (...)*) read, in so far as relevant:

“1. Prenatal tests are to be understood as examinations and diagnostic procedures carried out in respect of pregnant women during the first and second trimesters of pregnancy where there is an increased risk of genetic ailment or malformation, but not later than in the 22nd week of pregnancy.

2. Prenatal tests comprise: 1) non-invasive examinations [including ultrasound scans and biochemical tests [marking of serum levels in a pregnant woman's blood]; 2) invasive tests [including biopsy of the trophoblast and amniocentesis].

3. Prenatal tests are recommended, in particular, where ... 5) results of the ultrasound scan carried out during the pregnancy indicate an increased risk of the foetus being affected with a chromosomal aberration or other malformation.” Furthermore, under section 39 of the Medical Profession Act (*ustawa o zawodzie lekarza*), a doctor may refuse to carry out a medical service, invoking her or his objections on the ground of conscience. He or she is obliged to inform the patient where the medical service concerned can be obtained and to register the refusal in the patient's medical records. Doctors employed in health care institutions are also obliged to inform their supervisors of the refusal in writing. Section 31.1 of the Medical Profession Act 1996 provides that physicians are

fetus may carry. It is completely another issue if despite the negative test results, the mother refuses to abort and if the child's health, and consequently life should depend on the mother's consent to give birth or not, again raising questions about the right to live against the right not to be born in the first place.

Finally, in the case *Costa and Pavan v. Italy*, the Court condemned the Italian prohibitions to access PGD due to prevention of eugenic practices as being inconsistent with the fact that the Italian law allows PND and abortions if fetal abnormalities are diagnosed. Further on, the Court not only recognized that the scientific and medical development of reproductive technologies with an aim to exercise one's reproductive right falls under the protection of article 8, but it also draw a distinction between the *right to reproduce* and the *right to a healthy child* (the right appealed by the couple to have access to in vitro and PGD for a purpose of procreating a child without the specific genetic disease).

4. CONCLUSION

Planned and responsible parenthood as a key goal of the *United Nations Population and Development Strategy* inevitably includes both individuals in the decision-making process of conceiving a child. PGD and PND seem to have a dual functionality. On the one hand, they guarantee the right to know and, on the other, to decide the path to take based on that information, recognizing hence the autonomy and reproductive freedom of prospective parents.

The practice of the ECtHR has shown that embryos do not qualify for rights to claim on their own before their implantation in the women's wombs. Instead, the reproductive project is solely and inclusively dependent on the future father and the future mother. Even more, while they are in the woman's womb, their destiny is still uncertain. Therefore, it is their parents' autonomy and freedom to choose deciding factors if the embryo will be born to life and if it will be born relieved from genetic threats or not. This strengthened by free and informed consent goes hand in hand with the responsibility to act in concordance with the future child's best interests and opt for healthy life on their behalf. It also showed that heavy genetic disorders that can be diagnosed in advance via genetic tests do impose great burden in life on parents, children and the state.

The debate should not be solely circumscribed on elucidating whether PGD and PND are morally condemned or not. Instead, it should be asked for urgent, uniform regulation that could transcend domestic traditions, as well as religious and ethical perspectives.

These technologies must become compulsory (nowadays are not) and, therefore, covered by basic health insurance, so as to limit the number of children born under the clause of *wrongful birth* and *wrongful life* to incidents. Thus the right to be informed about the genetic code of the embryo, in fact, would become a social duty.

under an obligation to provide to the patient, or his or her representative, comprehensible information about his or her health, diagnosis, proposed and possible diagnostic and therapeutic methods, foreseeable consequences of a decision to have recourse to them or not, and about possible results of therapy and prognosis.

From this regulation, it could be concluded that *it is recommended* but not compulsory to undergo PND tests. Nevertheless, once the tests are done, it is the *doctor's obligation* to provide the patient with accurate information. Even more when it comes to PGD, the European Society of Human Reproduction and Embryology (ESHRE) holds a stand that physicians as collaborators of the parental project ought to refuse transfer of an embryo that may be affected by a condition that poses a high risk of serious harm to the future child. They should only refuse to assist patients in their reproductive efforts if the quality of life of their future child is so low that it would have been better off not to have been born (for more see the study of Pennings et al.)

As to the case of the Republic of Macedonia, firstly, PGD should be profoundly regulated in the Law on Bio-medically Assisted Fertilization, in a way not to allow misinterpretation. Secondly, it should furthermore be examined if Pre-natal genetic testing should replace Amniocentesis and be covered by the public health insurance and available for everyone avoiding inequality due to material wealth as in accordance with the national strategy for promoting natal policies and protecting mothers, children and families.

REFERENCES

1. Baruch S. et al, *Preimplantation Genetic Diagnosis: A Discussion of Challenges, Concerns, and Preliminary Policy Options Related to the Genetic Testing of Human Embryos*. 01/2004
2. Beauchamp T., Childress J., *Principles of Biomedical Ethics*. Oxford, Oxford University Press, 2008
3. Bell, A. G., "How to Improve the Race", *Journal Heredity*, Vol. 5, No. 1, 1914
4. Bennett R., "The Fallacy of the Principle of Procreative Beneficence", *Bioethics*, Vol. 23, No.5: 265-273, 2009
5. Bentham J., *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Oxford, Clarendon Press, 1907
6. Boorse C., "Health as a Theoretical Concept", *Philosophy of Science*, Vol. 44, 1977
7. Buchanan A. et al., *From Chance to Choice: Genetics and Justice*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000
8. Caplan A. et al., "What is Immoral about Eugenics?", *British Medical Journal*, Vol. 319, No. 11, 1999
9. Caplan, Engelhardt & McCartney (eds.), *Concepts of Health and Disease. Interdisciplinary Perspectives*, London, Addison-Wesley
10. Chen, Y. F., "Japanese Death Factories and the American Cover-up", *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, Vol. 6, 1997
11. *Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine*, Council of Europe, European Treaty Series No. 164, Oviedo, (Oviedo Convention), 1997
12. *Costa and Pavan v. Italy*, European Court of Human Rights, no. 54270/10 (11/02/2013)
13. Davenport C., *Eugenics: The Science of Human Improvement by Better Breeding*. New York, The Quinn & Boden Co. Press, 1910
14. Dernier Y., "Need or Desire?", *International Journal of Applied Philosophy*, Vol. 20, No. 1, 2006
15. *Draon v. France*, European Court of Human Rights, no. 1513/03 (10/06/2005)
16. Dworkin G., *The Theory and Practice of Autonomy*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988
17. Dzehtsiarou K., "European Consensus and the Evolutive Interpretation of the European Convention of Human Rights", *German Law Journal*, Vol. 12, No. 10, 2011
18. *Evans v. the United Kingdom*, European Court of Human Rights, no. 6339/05 (10/04/2007)
19. Galton F., "Eugenics: its Definition, Scope and Aims", *The American Journal of Sociology*, Vol. 10, No. 1, 07/1904

20. Gyngell C., Douglas T., „Selecting Against Disability: the Liberal Eugenic Challenge and the Argument from Cognitive Diversity“, *Journal of Applied Philosophy*, 2016
21. Habermas J., *El futuro de la naturaleza humana: ¿hacia una eugenesia liberal?*. Barcelona, Ediciones Paidós, 2002
22. Harris S., *Factories of Death. Japanese Biological Warfare 1932-1945 and the American Cover-up*. New York, Routledge, 1995
23. Helfer L.R., „Consensus, Coherence and the European Convention on Human Rights“, *Cornell International Law Journal*, Vol. 26, No. 133, 1993
24. Insogna J.G., Ginsburg E., „Transferring Embryos with Indeterminate PGD Results: the Ethical Implications“, *Fertility Research and Practice*, Vol. 2, No.2, 2016
25. Lavender N., „The Problem of the Margin of the Appreciation“, *European Human Rights Law Review*, No. 4, 1997
26. Law on Bio-medically Assisted Fertilization - Закон за биомедицинско потпомогнато оплодување, *Службен весник на Република Македонија*, бр. 37 од 19.3.2008
27. Law on Inheritance – Закон за наследувањето, *Службен весник на Република Македонија*, бр. 47 од 12.9.1996
28. Law on Termination of Pregnancy - Закон за прекинување на бременоста, *Службен весник на Република Македонија*, бр. 87 од 17.6.2013
29. Macintyre A., *After Virtue. A Study in Moral Theory*. Indiana, University of Notre Dame Press, 1981.
30. Malinowski M., „Choosing the Genetic Makeup of Children: Our Eugenics Past – Present, and Future?“, *Connecticut Law Review*, No. 36 , 2003
31. *Maurice v. France*, European Court of Human Rights, no. 11810/03 (10/06/2005)
32. Mill, J. S., *Utilitarianism*. Chicago, University of Chicago Press, 1906
33. Miller W. & Rollnick S., *Motivational Interviewing: Preparing People to Change Addictive Behavior*. New York, Guilford Press, 1991
34. Nordenfelt L., *On the Nature of Health. An Action/Theoretic Approach*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1995
35. Oswald K., „Switzerland Votes for PGD“, *Bionews*, 6 July, 2015
36. Penasa S., „The Italian Law on Assisted Reproductive Technologies n.40 of 2004 facing the European Court of Human Rights: the Case of Costa and Pavan v. Italy“, *Revista de Derecho y Genoma Humano*, No. 37, 2012
37. Pennings G., de Wert G., Shenfield F., Cohen J., Tarlatzis B., Devroey P., ESHRE „Task Force on Ethics and Law 13: the Welfare of the Child in Medically Assisted Reproduction“, *Human Reproduction*, Vol. 22, No. 10, pp.2585-2588, 2007
38. Preamble of the WHO constitution, adopted by the International Health Conference in New York, July 22nd 1946
39. *Proclamation of Tehran*, International Conference on Human Rights, 1968
40. *R.R. v. Poland*, European Court of Human Rights, no. 276/17/04 (26.5.2011)
41. Raz J., *The Morality of Freedom*. Oxford University Press, 1988
42. *Report of the International Conference on Population and Development*, United Nations, Cairo, 1994
43. Rescher N., „The Canons of Distributive Justice“, J. Sterba (ed.), *Justice: Alternative Political Perspectives*, Belmont, 1980
44. Robertson A., „Extending Preimplantation Genetic Diagnosis: Medical and Non-medical Uses“, *Journal of Medical Ethics*, Vol. 29, No. 4, 08/2003

45. Sartre J.-P., *Existentialism and Human Emotions*. New York, Philosophical library, 1957
46. Savulescu J., "Procreative Beneficence: Why We Should Select the Best Children", *Bioethics*, Vol. 15, No. 5-6, 2001
47. Schechter M. et al., "Behavioral Impact, Acceptability, and HIV Incidence among Homosexual Men with Access to Post Exposure Chemoprophylaxis for HIV", *Journal Acquired Immune Deficiency Syndrome*, Vol. 35, No. 5, 04/2004
48. Shenfield F. et al., "Cross Border Reproductive Care in Six European Countries", *Human Reproduction*, No. 25/1, 2010
49. Sparrow R., "Procreative Beneficence, Obligation and Eugenics, Genomics", *Society and Policy*, Vol. 3, No. 3: 43-59, 2007
50. *Statement on Gene Therapy Research*, Hugo Ethics Committee, April, 2001
51. Steel K.O., "The Road that I See: Implications of New Reproductive Technologies", *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, Vol. 4, No. 3, 1995
52. Steering Committee on Bioethics (CDBI), *Report on the Protection of the Human Embryo in Vitro*. Strasbourg, 19/06/2003
53. *The World Medical Association's Declaration of Helsinki. Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects*, WMA General Assembly, 2008
54. Van Hoof, Pennings G., "Extraterritorial Laws for Cross-Border Reproductive Care. The Issue of Legal Diversity", *European Journal of Health Law*, Vol. 19, No. 2, 2012
55. Von Bar C., *Principles of European Law. Study Group on a European Civil Code. Non Contractual Liability Arising Out of Damage Caused to Another*, European Law Publisher, 2009

Aleksandra Deanoska

Associate Professor, PhD, Faculty of Law "Iustinianus Primus"
University "Ss. Cyril and Methodius", Skopje

**WHERE DO WE GO? – BIOETHICAL AND CRIMINAL LAW
RESPONSE TO THE CONCEPT OF REPROGENETICS**

ABSTRACT: The list of challenges that bioethics faces regarding life sciences is increasing proportionately with the galloping development of biomedical sciences. One of the actual matters is the concept of the so-called rerogenetics and the need to specify its meaning vis-à-vis eugenics. This paper will elaborate the term of eugenics and its negative dimension derived from the Nazi eugenics programs, the ideas of modern eugenic movements; the key difference that the eugenics is always focussed at the society as a whole in order to provide «clean» future generations, while rerogenetics is carried out on an individual level - for example, the future parents may decide to create an embryo «clean» of mutated genes etc.

From a bioethical and criminal point of view, it is not the same whether healthy offspring will be obtained through deprivation of life or sterilization of carriers of severe hereditary diseases, by aborting foetuses with detected anomalies or by creating healthy embryos. The first case is extremely unethical and illegal; the second is disputable due to the differences in the national treatment of reproductive rights, while in the latter, there is no entity (embryo, foetus or person) whose right would be violated.

KEY WORDS: rerogenetics, eugenics, bioethics, criminal law, offence

INTRODUCTION

The development of bioethics significantly contributes to overcome the enormous gap between social and natural sciences (Rincic, 21). For example, the golden standard of the biomedical procedures, the so called "informed consent" is undoubtedly an emanation of the development of bioethics and its firm establishment of certain commonly accepted principles. Moreover, this principle is so theoretically advanced that certain authors rather discuss it as "informed choice" (Frkovic, 142).

The principles of bioethics are subtly different in the American compared to the European bioethics and usually consist of the concepts of: autonomy, welfare, non-harm principle, fairness, as well as dignity, integrity and vulnerability (European Commission on Basic Ethical Principles in Bioethics and Biolaw, 8-9).

These principles nowadays are a monument of the bioethical progress made in the fusion of the medicine and law and especially the human rights area. Through the prism of the aforementioned, a number of issues of multidisciplinary character – social, legal and medical origin have been examined and challenged, most of them having a long historical, on one side, and future dimension bond, on the other side.

The concept of rerogenetics that is the subject we analyze in this paper is relatively new and unknown to many. Therefore, it is of utmost importance to give a clear picture what it means and to differentiate it clearly from other concepts.

WHAT IS REPROGENETICS VIS A VIS EUGENICS?

Discussing about eugenics, it is a term more familiar to the public than the re-progenetics. The many definitions of it determine it as a study of methods for improving genetic qualities through selective breeding; science of procreation enhancement; a social philosophy that favors the improvement of human hereditary qualities through selective breeding; application of the principles of genetics in the improvement of the human race; etc. (Деаноска - Трендафилова, 40-42). Eugenics is also a belief that the information on inheritance can be used to improve the human race; practice of attempts to influence the human inheritance (transferring the genes from the parent to the child) by supporting the transmission of the desired characteristics and non-transfer of the unwanted characteristics; a set of programs through which people are carefully selected for reproduction in order to maximize certain qualities. Eugenics, no matter which definition we take into account, is focused on the global picture of the society. These are just some of the many definitions.

The word itself etymologically derives from the Greek word εὐγενής and means «good race».

When we speak about the re-progenetics, if we pay attention to the word itself, we will note that reproduction and genetics are the main topics that build this concept. The use of genetics in reproduction is the simplest definition if it. But, weather the objective is to choose traits in an offspring or to minimize the risk of genetic disease makes meaningful difference.

In the first case it can be still examined *in concreto* weather that objective is directed to eugenic goals or simply to lead to the second case – avoiding hereditary diseases.

Regarding the abovementioned hazards of eugenics, history has proved that science may often be used against the humanity itself, especially if one acts against the main bioethical principle set up in the Convention of Oviedo, according to which the interests and welfare of the human being shall prevail over the sole interest of society or science (Council of Europe, Convention on Human Rights and Biomedicine, article 2).

Consequently, eugenics represents a collective, general policy of creation of better future generations; it affects a whole range of population. On the contrary, the re-progenetics is performed as a right (of the parents to act according to their will), without an existing subject and only in individual cases (Silver, 375-378).

WHY SHOULD EUGENICS BE FORBIDDEN?

Apart from what was mentioned above, it was not so long ago when the humanity faced the attempts for creation of a superior human race. The attempts of this kind are the historical shame of the humanity and paid with numerous human sacrifices.

In the ambitions of individuals to act in the direction of creating the above-mentioned «superior» human race, unfortunately, in the most discriminating sense of the word, people with physical or mental disabilities, elderly, sick people, etc., were often referred to as «useless eaters» and considered «worthless life» (Mostert 155-168).

So, how does the face of eugenics as a crime look like? Almost a quarter of a million hospitalized persons with physical or mental disabilities have been killed by the Nazis and it is also assumed that over one million people with disabilities who were not institutionalized were also deprived of life. Moreover, in 1933, referring to the eugenics as a science, mandatory measures for sterilization of women and men suffering from hereditary diseases have been adopted in Germany (Reiser, 1). It is the worst human rights breach in history based on the eugenic motives.

As in all spheres and areas in which a person and citizen enjoy certain rights, the criminal law is also called upon here to provide the *ultima ratio* and the highest degree of protection as a science and as a positive legal discipline. And just when we could conclude that the eugenics, or more specifically, eugenically motivated acts, which in essence, manifest themselves as forms of torture, bodily injury and murders (especially during the Second World War) and are clearly defined in the law as qualified forms of the corresponding criminal offences (Камбовски, Тупанчески, 46), the advances in science, especially medicine and molecular biology, or genetics, again raise the question of whether the eugenics «returns to the scene», this time in a form that could be not only legally permissible but also regulated?

Additionally, let's not forget that ethics is / should be at the core of every legal norm, especially in the criminal law, which has been defined by numerous criminal law professors for centuries as «ethical minimum» or in the narrow sense of the word, the bioethics is the ethical minimum on which medical / health criminal law is established (Камбовски, 243).

The questions that today arise for us, the criminal lawyers, regarding which biomedical interventions should be forbidden, and which should be allowed, should actually be given by the bioethicists.

Eugenics, even in its "smoothest" forms, lacks to meet the important bioethical principles such as the right to autonomous decision, the non-harm rule, and the protection of the dignity and the prevalence of the individual interest.

ADDITIONAL LEGAL SUBSTANTIVE PERSPECTIVE

Eugenics as a criminal offence represents the first type of bond between this concept and one of the oldest positive legal sciences. There is no doubt that eugenic procedures constitute criminal offenses. Thus, according to the criminal law, deprivation of life of a person on the grounds of considering the victim «worthless» of life, because of a disability, for example, meaning of eugenic motives, constitutes a qualified form of a homicide. There is nothing justifiable in that, a person who is already old, or not able to walk, speak or hear, for example, to be regarded as a naked burden to his family or society and, therefore, to be deprived of important human rights or, at worst, his/her life.

In this direction, within the framework of the criminal law science, a special attention is paid to this issue through the use of an interdisciplinary approach. Namely, certain authors are basically pointing to the confusion of this term - eugenics with the term euthanasia, which most of the time means "mercy killing" usually of a person terminally ill (Тупанчески, Деаноска – Трендафилова, Кипријановска, 94). Further, they point to the fact that social «uselessness» must not be the basis for depriving any person of his right to life, and that determining what is «valuable» is conditioned by many factors - social, political, and others. Hence, neither the aforementioned methods nor even the medical scientific achievements should be used to create «programmed offspring» (Камбовски, Тупанчески, 46-47).

The programmed offspring is another dimension which in a eugenic sense would be achieved by a permanent limitation, i.e. the deprivation of the reproductive rights of persons who have a certain mental or development disabilities.

All the above mentioned different types of actions accompanied by the respective motives may constitute different types of crimes like murder, bodily injury, illegal abortion, forced sterilization, violation of the equality of the citizens etc.

IS THE IDEA OF IMPROVED NEW GENERATIONS STILL ALIVE?

Those who represent the contemporary standings and justification of the eugenics in order to prevent in future generations people with unwanted characteristics not through deprivation of life, but through modern methods of contraception and other methods, have often scientific and exact arguments to support their views, unfortunately, completely neglect the field of human rights. Such a new movement is the so-called “humanitarian eugenics”. It is considered as an ‘eugenics based on science’ movement. And the standpoints of many followers are published in respective papers available online and on specific web sites.

For illustration, on the site titled «Future Generations» it is stressed that it is dedicated to the humanitarian eugenics and that authors who publish their own research and views on this site are advocating voluntary measures to improve the quality of the human race, for which, they warn from the beginning that such proposals might sound politically incorrect, but that they are sincere and that it is the only solution in the long run for humanity not to degenerate, because their arguments, as they emphasize, are scientifically confirmed.

For example, some of them widely argue that the eugenic based methods for permanent reproduction control for persons with mental disabilities and development difficulties are necessary to provide healthy future generations (Van Court, 1-9). They argue, for example, that these people, have lower IQ and that the human civilization is entirely dependent on the inborn intelligence that has the crucial influence in countries and that it corresponds to the scale of their development, and not to the resources that have the respective states, for example. Furthermore, with a decrease in the IQ in a society, a number of deviant manifestations rise (Herrnstein, Murray 235). Van Court recommends the use of eugenic measures - permanent birth control in these persons, which will decrease by approximately one third the number of persons with mental disability, i.e. developmental disabilities, in each next generation, and believes that the rate of abuse of children will be reduced, since persons with such disabilities in large percentage are revealed to be parents who are unable to perform their parental rights properly and often abuse their own children.

Hence, according to these authors, it is advisable to accept the views of the so-called eugenics based on science which will improve the quality of life in the world and the level of civilization of future generations (Van Court, 9). Of course, these views and recommendations are highly controversial and are potential serious human right violations and discrimination.

Whether we deprive people with a disability of life or force them to sterilization, it is equally dangerous, that is, these actions get into the fragile sphere of human rights. Therefore, in this respect we have to stress that the ideas in these new movements are extremely dangerous and if realized the way they are proposed would definitely constitute discriminatory criminal offences.

REPROGENETICS, GENE ANALYSIS AND REPRODUCTION. DISCUSSION

Genetics is an inherent part of every action related to gene enhancement. But in contemporary context, genetics should give us solutions that will be legal and legitimate. Gene analysis gives an exceptional contribution to the sphere of so-called «predictive medicine». It consists in the analysis of the structure of DNA, which results in the decoding of certain hereditary characteristics. A genetic test can identify genes that cause hereditary diseases or show a certain inclination to certain diseases. With

the discovery of an increasing number of genes, the number of predictable diseases increases, among which unfortunately there are many of those for whom there is currently no effective remedy or any other method of treatment.

Prenatal diagnosis, which is a genetic testing, is carried out in almost every country (in ours as well), that is, at the Macedonian Academy of Sciences and Arts in the Institute for Genetic Engineering and Biotechnology, for monogenic diseases, as well as for chromosomal aneuploidies using techniques of recombinant DNA technology and, therefore, many hereditary diseases are detected (Ефремов, 141). This sort of information can be very useful for planning actions to prevent these conditions in future generations if possible and wanted.

Nowadays, as mentioned before, are actual the movements and positions according to which the genetics should be used for eugenic purposes. Unfortunately, although at first glance it seems that this concept would go solely in the direction of exploiting scientific achievements in the field of biomedicine for human well-being, it turns out that once more, as already mentioned above, resurrect ideas that are discriminatory and severely restrictive in terms of a range of fundamental human rights.

The question arises whether the solution to avoid inherited diseases cannot at least partially be found in the so-called reprogenetics? Let us remind again that repro-genetics is something very similar to eugenics. Namely, in an existing case, with the help of biomedical science, the "bad", mutated genes are avoided and only the good ones are inherited. This logic is also used when discussing gene therapies (Radišić, 266-268). It could be widely used in IVF fertilization procedures. Namely, after a genetic test is performed in future parents, if one is found to be a carrier of such a gene, embryos would be created in a way to prevent inheriting those genes or if a certain syndrome is inherited on a gender basis, then for example, a female embryo would be created instead of a male embryo and vice versa. From comparative law perspective, even in the Republic of Macedonia, sex selection is considered to be unethical, discriminatory and therefore punishable, unless this is done in order to avoid a serious hereditary disease (Law on Medically Assisted Fertilization, art. 24). This possibility is also stipulated in the Convention of Human Rights and Biomedicine. But this is as well a sort of programmed offspring, so what's the difference with the eugenics?

Let's not forget that before gene therapies (Трајковски, 332) become a reality (they are applied today in only a few cases) and before they become widely available, the permissible abortion due to anomalies in the fetus remains to be a eugenic / repro-genetic sui generis measure as well.

Thus, by applying formal legal logical arguments, if abortion due to anomalies in the fetus is still a drawback and to some extent a controversial issue, then even more (*argumentation fortiori, argumentum a minore ad maius*) it is problematic to wipe away the reproductive rights completely or to deprive certain people of life, for which there are no dilemmas that it would constitute a criminal offence.

But in the case of reprogenetics things might be legitimate, as it is explained in the conclusion, so it should at least be considered as generally acceptable and we should focus on examining further all bioethical, social, legal, psychological and other aspects.

CONCLUSION

From all that was presented and discussed above, we can conclude that there are strong similarities between the concepts of eugenics and reprogenetics, but only from the scientific point of view.

The objectives of the process and its nature require to be precisely defined in order to determine the meaning of the pure goal that is to be reached – the withdrawal of mutated genes in order to obtain healthy new generations.

While the eugenics represents a collective, general policy related action and, therefore, does not respect the basic bioethical standards regarding the consent, autonomy and *premium non nocere* rule and violates a number of individual human rights, the reprogenetics is performed as a right, it is not – coercively performed, without an existing subject and it is individual, meaning that there is an absence of eugenic state policy and measures, but the right of parents to act in their particular individual case with a decision according to their will.

The desire for healthy offspring does not always have a negative eugenic background, so acting in this direction without existence of an entity whose rights would be violated, that is, before the creation of the embryo, should be seen as generally acceptable action.

From legal point of view, appropriate provisions should be elaborated in a detailed manner and introduced to the medically assisted reproductive techniques laws in accordance with the international standards for human rights in the respective area and the national potentials to provide citizens with the possibility of practicing reprogenetics associated rights and services.

Let us not forget that the Criminal Code of every modern legislation should not fail to provide adequate criminal law protection in this respect; namely, the crimes of eugenics should be sentenced as aggravated murders or other aggravated forms of certain crimes and the right to reprogenetic services once the country is able to provide it should be also protected from its deprivation.

LIST OF REFERENCES (WORKS CITED)

1. Council of Europe. *Convention on Human Rights and Biomedicine*. 1997
2. Деаноска – Трендафилова, Александра. *Казненоправни аспекти на генетските манипулации*. (докторска дисертација). Скопје: Правен факултет „Јустинијан Први“, 2010. Print
3. Ефремов, Георги Д. (уредник). *Истражувачки центар за генетско инженерство и биотехнологија (дваесетгодишен јубилеј)*. Скопје: МАНУ, 2007. Print
4. European Commission on the Project Basic Ethical Principles in Bioethics and Biolaw. *Final Report*. Copenhagen, 1999
5. Frkovic, Aleksandra. *Medicina i bioetika*. Zagreb: Pergamena, 2010. Print
6. Herrnstein, Richard, Charles Murray. *The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life*. New York: Free Press, 1994. Print
7. Камбовски, Владимир. *Казнено право – општ дел*. Скопје: Правен факултет, 2011. Print
8. Камбовски, Владимир, Никола Тупанчески. *Казнено право – посебен дел*. Скопје: Правен факултет, 2011. Print
9. Mostert, Mark P. *Useless Eaters: Disability as Genocidal Marker in Nazi Germany*. url: <https://www.catholicculture.org/culture/library/view.cfm?recnum=7019>
10. Official Gazette of Republic of Macedonia. *Law on Medically Assisted Fertilization*. 2008 and subsequent amendments
11. Radišić, Jakov. *Medicinsko право, drugo prerađeno i dopunjeno izdanje*, Beograd: Nomos, 2008. Print

12. Reiser, Richard. *Lest we forget: Eradicating the 'Useless Eaters' in the Third Reich*. url: http://www.worldofinclusion.com/res/qca/Lest_We_Forget.pdf
13. Rincic, Iva. *Europska bioetika, ideje i institucije*. Zagreb: Pergamena, 2011. Print
14. Silver, Lee M. *Reprogenetics: third millennium speculation (The consequences for humanity when reproductive biology and genetics are combined)*. EMBO Reps, doi: 10.1093/embo-reports/kvd096
15. Трајковски, Владимир. *Хумана генетика*. Скопје: Филозофски факултет, Институт за дефектологија, 2005. Print
16. Тупанчески, Никола, Александра Деаноска – Трендафилова и Драгана Кипријановска. *Медицинско казнено право*. Скопје: Правен факултет „Јустинијан Први“, 2012. Print
17. Van Court, Marian. *The Case of Eugenics in a Nutshell*. The Occidental Quarterly, 2004. Print

613.94:172.15(4-12)

Amir Muzur¹, Iva Rinčić²¹ Professor, MD, PhD, Department of Public Health, Faculty of Health Studies, University of Rijeka¹² Assistant Professor, MA, PhD, Department of Public Health, Faculty of Health Studies, University of Rijeka

THE FUTURE OF NON-MAINSTREAM BIOETHICS: THE CASE OF WESTERN EURO-MEDITERRANEAN²

ABSTRACT: Three countries represent a shining example of diversity of bioethical traditions in contemporary Western Euro-Mediterranean: Spain, Italy, and Croatia. Although equally multifold, bioethical trends in those countries demonstrate certain differences. In Spain, bioethics had been imported by the Jesuit Francisc Abel about 1976 from Georgetown, but eventually was enriched and “deviated” from the biomedical mainstream particularly thanks to the works of Diego Gracia (Mediterranean bioethics) and Marcelo Palacios (global bioethics). In Italy, the first mention of bioethics (Menico Torchio, 1973) had announced a broader, Potterian perspective, but soon was “overthrown” by Catholic bioethics faithful to the Georgetown doctrine and left only a few groups out of the mainstream (Luisella Battaglia, Stefano Mancuso, etc.). In Croatia, Catholic import of bioethics (Valentin Pozaić, 1985) later was marginalised by the Marxists Ivan Šegota (Rijeka) and Ante Čović (Zagreb), promoting Potter’s original ideas, Fritz Jahr’s European roots of bioethics, and even imposing an innovative integrative bioethics.

In the present work, we shall try to analyse the future perspective of a Mediterranean bioethics based on a more complex intellectual heritage than the mainstream biomedical ethics.

KEY WORDS: history of bioethics, Mediterranean bioethics, Spain, Italy, Croatia

INTRODUCTION

To consider the Mediterranean a particular part of the world seems not unjustified: “as an economic area of strategic importance, it can be seen as an observatorium of issues of global development and a laboratory in which new strategies are tested integrating the North and the South” (Ferragina and Quagliarotti, 249). Of course, cultural heterogeneity of the Mediterranean has to reduce every consideration, in our case, onto the North-Western quadrant (Mallia, 419).

Three countries represent a shining example of diversity of bioethical traditions in contemporary Western Euro-Mediterranean: Spain, Italy, and Croatia. Although equally multifold, bioethical trends in those countries demonstrate certain differences. In Spain, bioethics (actually, biomedical ethics) had been imported by the Jesuit Francisc Abel i Fabre about 1976 from Georgetown, but eventually was enriched and “deviated” from the mainstream particularly thanks to the works of Diego Gracia Guillén

¹ The authors are also parts of this institutions: Department of Social Sciences and Medical Humanities, Faculty of Medicine, University of Rijeka; UNESCO Chair on Social Sciences and Medical Humanities, University of Rijeka; The „Fritz Jahr“ Documentation and Research Centre for European Bioethics, Faculty of Health Studies, University of Rijeka; Scientific Centre of Excellence for Integrative Bioethics, Faculty of Humanities and Arts, University of Zagreb.

² A part of this paper was published in Croatian, in Muzur and Rinčić, *Bioetička Europa našeg doba*.

of the Complutense University (establishing Mediterranean Bioethics) and Marcelo Palacios Alonso, the founder of the *Gijón Sociedad Internacional de Bioética* (promoting Potter's Global Bioethics). In Italy, the first mention of bioethics (Menico Torchio, 1973) had announced a broader, Potterian perspective, but soon was "overthrown" by Catholic bioethics faithful to the Georgetown doctrine and left only a few groups out of the mainstream (Luisella Battaglia, Stefano Mancuso, etc.). In Croatia, Catholic import of bioethics (Valentin Pozaić, 1985) later was marginalised by the Marxists Ivan Šegota (Rijeka) and Ante Čović (Zagreb), promoting Potter's original ideas, Fritz Jahr's European roots of bioethics, and even imposing an innovative integrative bioethics.

There is a lot common in bioethical initiatives which have marked bioethics in the 20th and 21st centuries in Croatia, Italy, and Spain. First of all, those nations are of dominant Catholic tradition influencing ideas even when it comes to thinkers of a different worldview and origin. Second, those three nations – according to bioethical, but also other literature – are quite prone to dialoguing and writing (their own, but also others') history (in Spain, several versions of the history of bioethics exist – mostly domestic and Latin-American³, in Italy as well, with re-capitulations after 20 and 25 years, respectively (by Viafora and Russo); in Croatia, one doctoral dissertation was defended and a few papers published with the ambition of a synthesis). However, unlike Spain and Croatia, where explicitly bioethical journals have been less frequent (*Revista de bioética y derecho*; *Eidon – Revista española de bioética*; *Revista Iberoamericana de Bioética*; *Cuadernos de bioética* in Spain and *Jahr – European Journal of Bioethics* in Croatia), in Italy, they are more numerous (*Medicina e morale*; *Bioetica e Cultura*; *bio-ethos*; *Bioetica*; *Bioetica news Torino*; *Questioni di bioetica*; *Studia bioetica*; *Bioetica e società*; *Argomenti di bioetica*). No wonder that, precisely in the area of the North-Western quadrant of Mediterranean, the inadequacy and incompleteness of the Georgetown bioethics has first and most clearly been detected, as well as that in the same area and in co-existence with the Georgetown doctrine, its alternatives have started to emerge: in Madrid and Sicily, the idea of Mediterranean Bioethics, in Croatia, of the Integrative and the revived Jahr's and Potter's.

It is true, however, that, in the background of those variations, some important differences are hidden. The Sicilian priest Salvatore Privitera, for instance, views the typicality of "his" Mediterranean bioethics not only in the "existence in that region of certain health problems like thalassemia, but in the *Mediterranean* way of solving those problems, that is, in the common finding of solutions of our problems within the framework of cultural, ideological, and religious conditions present in that area" (Privitera, „Alle radici della Bioetica“, 16). The Maltese George Grima, following the thought of D. Callahan, advocates the necessity of forming cultural bioethics as opposed to the normative (stressing the concepts of honour, hospitality, or relation toward environment (Agnoletti, 257) which all are playing important roles in Mediterranean culture (Grima, 17).

Alasdair MacIntyre sees the roots of the particularity of Mediterranean (bio) ethics in teachings of Aristotle and Catholicism, based upon the idea of virtue. In the 18th-century Northern Europe, at the time of Enlightenment and Protestantism, this idea, according to MacIntyre, was replaced by the ideas of right and duty (MacIntyre, 44). Informed consent, again, as the central concept of "Anglo-Saxon bioethics," has

³ Even if nice, those histories are not always trustful: one of them „found“ a photograph of Fritz Jahr, assigned him the title of „university professor,“ and re-baptised the more recent authors into „Veacht“ or „Hengelhardt“ (Roacastellanos, Valenti, and Márque Mendoza 139).

sense – both for MacIntyre and Gracia – where the doctor-patient relation is reduced to a relation between strangers, while, in the Mediterranean, that relation has been considered as between friends: if there is trust, informed consent is superfluous, and if there is no trust, it is useless (Gracia Guillén, 220). Jorge Teixeira da Cunha, the moral theologian from Porto, thinks that a return toward Ancient virtue ethics would be anachronous for its “individualism, elitism, and pharisaism,” but he sees a Mediterranean “corrective” of principlism as a necessity. Other moral theologians, on the other hand, view the Mediterranean environmental ethics precisely as an upgrade of the virtue ethics (of Francis of Assisi and other thinkers; Rossi and Rossi, 81). Of course, the virtue ethics of the European South has been criticised many times in history as the cause of „retardedness,” particularly since the 17th century and later (Descartes, Pascal, Voltaire). Like Privitera, Teixeira stresses the advantage of the “narrative character” over the imperative (that is, the Kantian, but also Jahrian) in the promotion of life, because „truth has metaphoric dimension which does not derogate rationality but makes it more complete.” In brief, the principles exist, but are not sufficient: they seem like a rigid form deprived of content reflected in human aspiration toward happiness and humaneness (Teixeira da Cunha, 75). It is possible that Fritz Jahr tried to diminish the rigidity of Kantian principlism not only by insisting upon the broadening of the object of (his) imperative (onto animals and plants), but also by inserting the expression “according to possibilities” (*nach Möglichkeit*).

In Spain – thanks not only to D. Gracia – the consciousness about the necessity to deviate from the Anglo-Saxon empirism and pragmatism first resulted in fostering the attempts at Europeanisation of (American) principles by P. Kemp and J. Dahl Rendtorff (the *Borja* Institut being the publisher of the *Principles*), and eventually clearly articulated the specificities and potentials of a “Latin”/Mediterranean bioethics: the important role of character (honour, glory, magnanimity, sincerety, compassion, etc.); the role of trust in family and friends; the lower importance of who decides and the received information (thus, the inveteracy of paternalism); higher trust in doctors (witnessed also by the minor number of complains against them); several centuries of stoicism (based upon the Ancient Greek and Christian tradition) – the choice of happiness as the aim of life (meaning stronger relations to other people than to material surrounding), anti-utilitarianism (disdain toward practical solutions and applications), exaltation of life in accordance with nature and virtues, distrust in the individual and private, inclination toward meditation on life and death; greater importance of professional norms than human rights (whereby the interest for social justice, as well as the late and imposed legislative recognition of patient rights, has been explained by a long history of dictatorships denying the individual and promoting the societal; Sánchez González, 185).

The identification of the “Mediterranean” with “Latin” seeks stronghold in the Greek-Latin-Judeo-Christian philosophical-cultural matrix which has not been hit so extensively by the influence of Enlightenment (Mazuelos Pérez, 5). In his doctoral dissertation, José Mazuelos Pérez (a physician and theologian, the bishop of Jerez de la Frontera) tried to analyse bioethical concepts of D. Gracia and H. T. Engelhardt (as the two authors advocating lay bioethics based on the Georgetown principles, but aware of the necessity of their update) and to find in them the arguments in favour of Mediterranean bioethics. Concluding this confrontation, Pérez stressed what he has considered the major difference between a “Mediterranean man” with respect to an (Anglo-Saxon) pragmatist – the inveteracy in history and the search for truth (“Mediterranean man is a man of history, he has roots in history, knows how to see history/story

behind himself. In pragmatic thinking, the importance is with 'today,' actuality; history does not tell anything or is left behind, since the pragmatic idea is that truth eventually changes."⁴). From other hypothetical characteristics of Mediterranean bioethics, Mazuelos Pérez also mentions the relating of ethics with metaphysics (with a resulting conviction that there are universal/absolute moral obligations influenced by customs, like respect toward life as the supreme personal value), pronounced social dimension of human, including common good, solidarity, family, etc. Although the analysis by Mazuelos Pérez is very interesting and stresses the necessity of lay approach, his conclusions openly oppose pluralism, "pushing" toward typically Catholic value of sanctity of life. Unlike Spanish bioethical scene, which is spread over a narrower range from the Catholic-Georgetown to liberal-Catholic positions, in Italy and Croatia, one can find a greater variety of bioethical approaches and perspectives, guaranteeing better opportunity for a future formation of a (broader) Mediterranean bioethics.

CONCLUSION

If only S. Privitera could have lived longer, he certainly would have done much more to realise his vision of Mediterranean bioethics: he announced the foundation of Mediterranean Society for Bioethics and he cleared land with his own hands at the foot of Etna, with the ambition of transforming it into an agro-tourism complex which would "feed" the Institute of Sicilian Bioethics (Vecchio, 13). (A person used and opened to frequent coincidences in the history of bioethics, cannot forget Jahr's and Torchio's pensioning and retreating in isolation; Leopold's, Næss', and Potter's wood cottages, even Ivan Šegota's "Ozone Study Centre" on the Alan.) Privitera's bioethics, like in many other places, acquired an interesting pluri-perspective approach to the issues considering life, but, thematically, it has still remained imprisoned by biomedical anthropocentrism ("The Sanctity of Life", "The Meaning of Death", "The Quality of Life", PERLA – European Project on Life Research and Anthropology, etc.) in spite of Privitera's stressing that „bioethics cannot be interested only in medical problems: it has to be interested in all the problems related to human and non-human life“ (Privitera, "Mediterranean meeting", 14). Unlike M. Torchio, who also contentually was broadening bioethics onto environmental issues, S. Privitera confronted the imams, Catholic priests, and rabbis with predominantly biomedical topics. Nevertheless, an optimist might conclude that MacIntyre, Gracia, and Privitera did plant an intriguing presentiment of the particularity of the North-Western Mediterranean which, perhaps – in the hands of more stubborn and focused cultivators – one day will bloom into a resistant evergreen bioethics, mature even for broader universalisations.

WORKS CITED

1. Agnoletti, Mauro. "Environmental thinking and cultural values: a reflection on environmental globalisation and the Mediterranean culture." *Global Environment* 7. 2 (2014): 257-290. Print
2. Ferragina, Eugenia, and Desirée A. L. Quagliarotti. "Introduction." *Global Environment* 7. 2 (2014): 248-256. Print
3. Gracia Guillén, Diego. "Spanish bioethics comes into maturity: personal reflections" (translated by Pablo Rodríguez del Pozo and Joseph J. Fins). *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics* 18 (2009): 219-227. Print

⁴ "El hombre mediterráneo es el hombre de la historia, tiene sus raíces en la historia, sabe ver detrás de él una historia. En el pensamiento pragmático cuenta el hoy, la actualidad, la historia no dice nada o está superada, ya que la idea pragmática es que la verdad cambia con el tiempo" (Mazuelos Pérez 65).

4. Grima, George. "Sul concetto di una bioetica mediterranea." *Bioetica mediterranea e nordeuropea*. Ed. Salvatore Privitera. Roma: Armando Editore, 1996. 17-33. Print
5. MacIntyre, Alasdair. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. London: G. Duckworth, 1981. Print
6. Mallia, Pierre. "Is there a Mediterranean bioethics?." *Medicine, Health Care and Philosophy* 15. 4 (2012): 419-429. Print
7. Mazuelos Pérez, José. "Posibilidad y significado de una bioética mediterránea: comparación de los modelos bioéticos de H. T. Engelhardt y D. Gracia." PhD Thesis, Academia Alphonsiana of the Pontifical Lateran University, 1998. Print
8. Privitera, Salvatore. "Mediterranean meeting on bioethics." *The Quality of Life in the Mediterranean Countries: 1st Mediterranean Meeting on Bioethics (Quaderni di Bioetica e Cultura 1)*. Palermo: Edi Ofes, 1993. 9-18. Print
9. Privitera, Salvatore. "Alle radici della Bioetica... nel Mediterraneo." *Bioetica mediterranea e nordeuropea*. Ed. Salvatore Privitera. Roma: Armando Editore, 1996. 7-16. Print
10. Roa-Castellanos, Ricardo Andrés, Emanuele Valenti, and Octavio Márque Mendoza. "Origen y evolución del neologismo «bioética»." *Historia Ilustrada de la Bioética*. Ed. Benjamín Herreros Ruiz-Valdepeñas and Fernando Bandrés Moya. Madrid: Fundación Tejerina, 2015. 139-146. Print
11. Rossi, Teodora, and Girolamo Rossi. "Dalla virtù all'ecologia." *Bioetica e Cultura* 5. 9 (1996): 81-87. Print
12. Sánchez González, Miguel Ángel. "La bioética en España." *Historia Ilustrada de la Bioética*. Ed. Benjamín Herreros Ruiz-Valdepeñas and Fernando Bandrés Moya. Madrid: Fundación Tejerina, 2015. 185-198. Print
13. Teixeira da Cunha, Jorge. "La «ragione» iberica delle radici mediterranee." *Bioetica mediterranea e nordeuropea*. Ed. Salvatore Privitera. Roma: Armando Editore, 1996. 61-75. Print
14. Vecchio, Giuseppe. "Il teologo innamorato della vita." *Bioetica e Cultura* 48 (2014): 13.

613.94:172.15(4-11)

Iva Rinčić¹, Amir Muzur²¹ Assistant Professor, MA, PhD, Department of Public Health, Faculty of Health Studies, University of Rijeka¹² Professor, MD, PhD, Department of Public Health, Faculty of Health Studies, University of Rijeka

THE FUTURE OF NON-MAINSTREAM BIOETHICS: THE CASE OF EASTERN EURO-MEDITERRANEAN²

ABSTRACT: Bioethics has had different pathways of development in various Eastern Euro-Mediterranean countries. In Bosnia and Hercegovina, Macedonia, and Albania, the major influence has been provided by Croatian Zagreb School of integrative bioethics. This is partly true also for Serbia, where, however, also a strong analytic-philosophy Anglo-American mainstream bioethics co-exists. In Bulgaria, the first monograph devoted to bioethics in Eastern Europe had appeared as early as 1988 (Vassil Prodanov), announcing a broader version of bioethics even if the later development has mostly departed from it, reducing bioethics to the narrowed-down biomedical ethics. In Greece, the Orthodox Church has had more influence than elsewhere, but the Jahrian tradition found its way of growth thanks to Eleni Kalokairinou.

Rather than providing a historical overview, this paper is trying to offer an insight into the potentials of an Eastern Euro-Mediterranean non-mainstream bioethics.

KEY WORDS: history of bioethics, Mediterranean, Zagreb School of Bioethics, mainstream bioethics, biomedical ethics

INTRODUCTION

Even if this region is not so large, it is very interesting to follow the variety of schools of bioethical thought in various countries of Eastern Euro-Mediterranean.

Let us first consider the development of bioethics in Bosnia and Hercegovina. Beside the Fifth Bioethical Forum for South-East Europe, held in Sarajevo in 2009³, in Bosnia and Hercegovina, five international bioethical symposia have been organised upon a direct incentive of the Zagreb Ante Čović's school (2006, 2008, 2012, 2014, and 2016), followed by the eventually published proceedings (the idea of foundation of Bioethical Society in Bosnia and Hercegovina itself was born in Mali Lošinj, at the occasion of the First Bioethical Forum for South-East Europe in June 2005, and realised in 2006, mostly thanks to the FONDEKO association for promotion of sustainable development and life quality; Valjan 218). A textbook of bioethics was published by Velimir Valjan (Sarajevo: Svjetlo riječi, 2004), while sections devoted to bioethics were incorporated into journals like *Znakovi vremena* and *Sarajevske sveske*. The major credits for the development of bioethics in Bosnia and Hercegovina, basing on Croatian model, have

¹ The authors are also parts of this institutions: Department of Social Sciences and Medical Humanities, Faculty of Medicine, University of Rijeka; UNESCO Chair on Social Sciences and Medical Humanities, University of Rijeka; The „Fritz Jahr“ Documentation and Research Centre for European Bioethics, Faculty of Health Studies, University of Rijeka; Scientific Centre of Excellence for Integrative Bioethics, Faculty of Humanities and Arts, University of Zagreb.

² A part of this paper was published in Croatian, in Muzur and Rinčić, *Bioetička Europa našeg doba*.

³ The Forums were organised within the framework of the international project „Academic Renewal of South-East Europe,“ lead by A. Čović and W. Schweidler, in Mali Lošinj (2005, 2006, and 2007), Opatija (2008), Sarajevo (2009), and Belgrade (2010).

had Velimir Valjan (Franciscan Theology, Sarajevo), Sulejman Bosto (Faculty of Philosophy, Sarajevo), Dževad Hodžić (Faculty of Islamic Studies, Sarajevo), Faris Gavrankapetanović (Clinical Centre, University of Sarajevo), Slobodan Loga (Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Hercegovina), Nada Mladina (Faculty of Medicine, Tuzla), Orhan Jašić (Faculty of Islamic Studies, Sarajevo), etc. The fact that “Bosnian Bioethics” has developed out of a joint initiative of Franciscan theology and Islamic studies itself is unique: as much as such synergy might seem “forced” to an outsider sceptic, it is clear that it is both avanguard and only possible. One more singularity is that the Sarajevo symposia sometimes seem like collective search for subjective answers to all the issues at once, without particular selection of topics or focus from one meeting to another (Muzur and Rinčić, “Bosanska bioetika”, 41) (out of about 90 contributions published in the proceedings, some 40 are still primarily medical-ethical: even if we do not count Euro-bioethical ecological texture of the FONDEKO (Bosto, 253), we still can hope that Dalibor Ballian, who recently took over the lead of the Society and the organisation of the Symposium, will “deviate” the interest toward his field – forestry).

Into Serbia, bioethics has been „brought“ about 2003. Then, namely, the *Nacionalna komisija za bioetiku Komisije za saradnju sa Uneskom Srbije i Crne Gore* was founded, and as soon as 2004, bioethics appeared as a course within the framework of the Belgrade Faculty of Medicine study programmes. In April 2008, Serbian Bioethical Society was founded, and in 2012, Centre for Bioethical Studies: the Society standing under dominance of integrative bioethicists (the sociologist Karel Turza and the pharmacologist Zoran Todorović, both from Faculty of Medicine; Sandra Radenović from Faculty of Sports and Physical Education, etc.), while the Centre being controlled by analytical philosophers oriented toward biomedical ethics of the Anglo-American tradition (mainly Vojin Rakić, and partly Petar Bojanić, Jovan Babić, etc.: the Centre enjoys support also from some external experts like John Harris, Don Marquis, and Julian Savulescu; Radenović et. al. 311). Vojin Rakić who, beside the Centre, heads also the Serbian Section of the UNESCO Chair for Bioethics (established in 2011), certainly has the internationally most recognised career including the editing of two proceedings (Srđan Prodanović, Vojin Rakić, and Petar Bojanić, eds., *New Perspectives on Bioethics*, Beograd: IFDT, 2012; Vojin Rakić, Rada Drezgić, and Ivan Mladenović, eds., *Bioetika*, Beograd: Službeni glasnik / Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 2012) and a special issue of *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics* (2017; guest-editor devoted to enhancement, with J. Harris) and papers published in journals like *American Journal of Bioethics*, *American Journal of Bioethics: Neuroscience*, *Journal of Medical Ethics*, etc. Without trying to diminish the value of these contributions, once again we have to conclude that it is possible to reach the best scientific journals in the US or UK, provided that one does „bioethics“ in the Georgetown way...

One might say that the group around Turza and Todorović has embraced integrative bioethics thanks to the contacts with Croatian bioethicists, particularly of the Zagreb circle. And indeed, after years of participation in the most important meetings in Mali Lošinj, Rijeka, and Sarajevo, this group established its own publishing activity resulting in monographs (e. g., Sandra Radenović, *Bioetika i medicina: odnos lekar-pacijent u paradigmi integrativne bioetike* Novi Sad: Akademska knjiga, 2012) and proceedings (Zoran Todorović, Milica Prostran, and Karel Turza, eds., *Bioethics and Pharmacology: Ethics in Preclinical and Clinical Drug Development*, Kerala: Transworld Research Network, 2012; Zoran Todorović, Karel Turza, and Jelena Drulović, eds., *Neuroetika: zbornik*, Beograd: Medicinski fakultet, 2017). However, judging from their titles, as well as from

the Serbian Bioethical Society conference topics, one should point out that this group has acquired the methodological aspect of integrative bioethics (pluri-perspective approach resulting in orientation knowledge), but the choice of subjects has remained within the framework of biomedical ethics (the exception being the conference devoted to "Ethical Aspects of Animal Welfare" in 2012). These observations are valid also for the Niš integrative bioethicist Marko Trajković from the Faculty of Law, but not for the group of "integrativists" – Željko Kaluđerović, Damir Smiljanić, etc. – from the Novi Sad Faculty of Philosophy, who, beside the epistemological aspects, more often turn toward bioethical approach to animals and plants.

Globally usual and expected import of Americanised "biomedical ethics" (which, honestly, sometimes is not even called "bioethics"⁴), into Macedonia (like elsewhere) has been fostered by the foundation of Macedonian unit of the UNESCO Chair for Bioethics⁵ (the seat being located at the Albanian University of South-Eastern Europe in Tetovo, and headed by Mentor Hamiti) which, nevertheless, has revealed interest mostly for non-bioethical fields of ethics (ethics of communication, business ethics, political ethics, etc.).

Deducing the roots of bioethical thought out of the works of Serbian biologist and ecologist of the Ohrid Lake, Siniša Stanković, the Marxist and ethnopsychologist Dušan Nedeljković, and Pavao Vuk-Pavlović, Croatian-Jewish⁶ philosopher who worked at Skopje University as Professor of ethics and esthetics 1958-1971, Dejan Donev advocates a broader vision of bioethics and follows Macedonian bioethical tradition from Pavlović's student Kiril Temkov⁷ and Denko Skalovski up to the youngest generation of (bio)ethicists (Marija Todorovska), who not only have embraced the networking with Croatian, Serbian, and Bosnian colleagues, but also institutionalised integrative bioethics by their publications (the *Filozofija* journal, 2011), symposia (Ohrid, 2011; proceedings in 2012), and even foundation of the Centre for Integrative Bioethics. And while, in his typically critical style, Donev views many moves of Macedonian bioethical policies as only „attempts at satisfying Western standards“ (Donev, "Bioetički stav", 52) Kiril Temkov, on the other hand, recalls the last lecture by Vuk-Pavlović in 1971, with an original-Jahr-like message to students: "Take care of everything that lives!" (Temkov 261).

Originating from the "Lošinj circle" and, since the beginnings in 2004, collaborating with W. Schweidler and A. Čović, Valentina Kaneva from the Sofia "St. Clement of Ohrid" University Faculty of Philosophy succeeded in hosting the meeting of integrative bioethicists of South-Eastern Europe, and then, in 2011/2, launching a three-semester MA Programme in Integrative Bioethics. Kaneva's efforts have had not too many strongholds: like in other Eastern-European countries, in Bulgaria, in the 1970s, also has started to develop only (bio)medical ethics, until Vassil Prodanov, Director of the Bulgarian Academy of Science Institute for Philosophical Research, published a textbook *Bioethics* (Sofija: Nauka i izkustvo) in 1988 bringing the new discipline into the country (Aleksandrova-Yankulovska 98). In accordance with his time, Prodanov advocated a "Marxist bioethics," understanding it, however, at the same time broader than biomedical ethics and including into it also ethical issues of ecology, evolution, demography, etc. Later authors – if we do not

⁴ See, for example, the legal analysis of the Biomedically-Assisted Fertilisation Act from 2008 in (Micković and Ristov, 21).

⁵ Beside the „central“ unit in Israel, lead by Amnon Carmi, the Chair has 26 other units, from Fiji and Vietnam to Armenia and Albania.

⁶ Born in Koprivnica with the family name Wolf, later embraced Catholicism.

⁷ In the *Ekologija* (2006-2007) and *Nova Makedonija* journals, he published contributions named „Bioetika“ (Donev, „Neophodnost povezivanja“ 126).

count the philosophical perspective of V. Kaneva – have brought back Bulgarian bioethics into the stream of biomedicine (Stanka Hristova, Petko Lisajev, Hristina Živkova, etc.), while, as yet, Bulgarian Orthodox Church has not revealed particular interest for this topic at all (Todorov, 245).

Like in some other countries (Romania, partly also Croatia and Slovenia), the development of bioethics in Albania has tightly been related to forensic medicine: the reason for that has certainly to be found in the fact that forensic medicine experts have often taught deontology (like in Rijeka, Split, Ljubljana, etc.), and maybe also, as Bardhyl Çipi from the University of Tirana thinks, because “bioethics in Albania was born in medical scandals” (corruption, medical errors, etc.; Çipi, “Bioethics in Albania in a legal medicine view”, 268). Quite regularly participating in the Lošinj Days of Bioethics and South-East European Bioethics Forums, the physician and lawyer Bardhyl Çipi studied bioethics in the New York Hastings Center, published a textbook of „bioethics from the forensic medicine’s point of view” (*Bioetika: në një këndvështrim mjekoligjor*, Tirana: Naim Frashëri, 2001; re-printed in 2005) and has still remained faithful to the classical topics of biomedical ethics like confidentiality, abortion, AIDS, human and animal experiments, torture, euthanasia, autopsy, organ transplantation, etc. (Çipi, *Bioethics in Albania*).

In Greece, which did not have to pass through a Communist era (even if, by the end of WW2, it was very close to doing it), bioethics has stood under very strong influence of the autocephalous Orthodox Church which, thanks to the activity of the Bioethical Committee of the Greek Church, like it was the case in Italy in the 1980s or later in Ireland, promotes public dialogue and secures to itself informedness in medical matters, imposing at the same the representation of spiritual component in this dialogue, as well as the influence upon the state in the process of creating laws within interest of the Church (Hatzinikolaou 415). Among the most prominent liberal authors certainly is Stavroula Tsinorema, the philosopher for the University of Crete, occupied mostly with methodological and epistemological aspects of bioethics.

Eleni Kalokairinou, a bioethician who first worked on Cyprus and now works at the Aristotle University of Thessaloniki, has been among very few promoting different bioethics than the Georgetown one: she participated in the 1st international conference on Fritz Jahr and European bioethics in Rijeka 2011, contributing eventually to the two Lit’s publication on F. Jahr (E. Kalokairinou translated Jahr’s paper from 1926 into Greek, as well as the Rijeka Declaration on the Future of Bioethics).

In an article from 2016, Nikolaos Koios and collaborators very lucidly try to distinguish medical ethics from bioethics, stating that the former one deals with issues emerging from practicing medical profession, while bioethics is an interdisciplinary field studying “interventions into the phenomenon of life,” but very soon blur this delimitation by identifying physician’s paternalism, accessibility of healthcare, and other typically medical-ethical topics with bioethics. Not much more precise are the Greek authors defining bioethics a “broader notion related to other sciences than medicine, producing results that might have influence upon human health” (Dalla-Vorgia, Kalapothaki, and Kalandidi, 103). No wonder that Koios and collaborators have to conclude that the Greeks only incorporated the “old and known” (Hippocratic) medical ethics into “modern and imported” bioethics (Koios, Veloyanni, and Alvanos n. pag.).

CONCLUSION

The short overview of the most recent trends in bioethics in Eastern Euro-Mediterranean reveals dynamics and heterogeneousness that might be a guarantee for

a longlasting alternative to the malfunctional mainstream boethics. This alternative might increase its chance for survival and success if the still rare individuals and institutions engage in a strong network of research and publication activities. This, according to our opinion, is precisely the aim of our meeting.

WORKS CITED

1. Aleksandrova-Yankulovska, Silviya S. "Development of bioethics and clinical ethics in Bulgaria." *Folia Medica* 59. 1 (2017): 98-105. Print
2. Bosto, Sulejman. "FONDEKO als Konzept einer integrativen bioethischen Strategie." *Integrative Bioethik: Beiträge des 1. Südosteuropäischen Bioethik-Forums, Mali Lošinj 2005 / Integrative Bioethics: Proceedings of the 1. Southeast European Bioethics Forum, Mali Lošinj 2005*. Ed. Ante Čović and Thomas Sören Hoffmann. Sankt Augustin: Academia Verlag, 2007. 253-260. Print
3. Çipi, Bardhyl. "Bioethics in Albania in a legal medicine view." *Bioethik und kulturelle Pluralität – die südeuropäische Perspektive/Bioethics and Cultural Plurality – the Southeast European Perspective*. Ed. Ante Čović and Thomas Sören Hoffmann. Sankt Augustin: Academia Verlag, 2005. 268-275. Print
4. Çipi, Bardhyl. *Bioethics in Albania Nowadays: For the Further Development of Medical Ethics, Forensic Medicine and the Medical Rights*, 2nd ed. Tirana: Ada, 2016. Print
5. Dalla-Vorgia, Panagiota, Victoria Kalapothaki, and Anna Kalandidi. "Bioethics in Greece: social, medical ecological, cultural, legal problems and perspectives." *The Quality of Life in the Mediterranean Countries: 1st Mediterranean Meeting on Bioethics (Quaderni di Bioetica e Cultura 1)*. Palermo: Edi Oftes, 1993. 101-112. Print
6. Donev, Dejan. "Bioetički stav i oponašanje zemlje u tranziciji na početku 21. Stoljeća." *9. lošinjski dani bioetike – Mali Lošinj, 2010*. Ed. Hrvoje Jurić. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 2010. 52-53. Print
7. Donev, Dejan. "Neophodnost povezivanja bioetike sa novinarstvom." *Arhe* 9. 18 (2012): 119-131. Print
8. Hatzinikolaou, Nikolaos. "Church and Bioethics in Greece." *Studies in Christian Ethics* 24. 4 (2011): 415-427. Print
9. Koios, Nikolaos, Lambrini Veloyanni, and Demetrios Alvanos. "Evolution of medical ethics and bioethics in Greece: 'Ancient-Christian-contemporary Greece.'" *Eleftherna* 3 (2006)
10. Micković, Dejan, and Angel Ristov. "Biomedical assisted fertilization in Macedonia, Serbia and Croatia: ethical and legal aspects." *SEE Law Journal* 1. 1 (2014): 21-34. Print
11. Muzur, Amir, and Iva Rinčić. "'Bosanska bioetika': teorijska mogućnost i praktične reperkusije." *Integrativna bioetika i prirodno naslijeđe: zbornik radova Četvrtog međunarodnog bioetičkog simpozija u Bosni i Hercegovini (Sarajevo, od 20. do 21. lipnja/juna 2014.)*. Ed. Dalibor Ballian and Emira Hukić. Sarajevo: Bioetičko društvo u Bosni i Hercegovini, 2015. 37-43. Print
12. Muzur, Amir, and Iva Rinčić. *Bioetička Europa našeg doba: struje, kormilari, sidrišta* [Bioethical Europe of our time: streams, steermen, and anchorages]. Zagreb: Pergamena / Znanstveni centar izvrsnosti za integrativnu bioetiku, 2018. Print

13. Radenović, Sandra, Karel Turza, Zoran Todorović, and Vida Jeremić.
„Institucionalizacija bioetike u Srbiji.“ *Socijalna ekologija* 21. 3 (2012): 311-328. Print
14. Temkov, Kiril. “Bioethics in Macedonia.” *Bioethik und kulturelle Pluralität – die südeuropäische Perspektive/Bioethics and Cultural Plurality – the Southeast European Perspective*. Ed. Ante Čović and Thomas Sören Hoffmann. Sankt Augustin: Academia Verlag, 2005. 261-267. Print
15. Todorov, Christo. “Bioethik unter den Bedingungen des Postkommunismus – Fallbeispiel Bulgarien.” *Bioethik und kulturelle Pluralität – die südeuropäische Perspektive/Bioethics and Cultural Plurality – the Southeast European Perspective*. Ed. Ante Čović and Thomas Sören Hoffmann. Sankt Augustin: Academia Verlag, 2005. 245-253. Print
16. Valjan, Velimir. “Bioethische Ausbildung: Modelle und Inhalte – mit einer Kurzübersicht zur Lage in Bosnien und Herzegowina.” *Bioethik und Bildung / Bioethics and Education: Proceedings of the 2nd Southeast European Bioethics Forum, Mali Lošinj*. Ed. Walter Schweidler and Kurt Walter Zeidler. Sankt Augustin: Academia Verlag, 2014. 209-221. Print

Bardhyl Çipi

Professor, Dr., Faculty of Medicine,
University of Medicine, Tirana

BIOETHICS IN ALBANIA NOWADAYS

ABSTRACT: Bioethics is the science of ethical issues from scientific and technological advances in biomedical fields. Bioethics is also related to other disciplines: medical ethics and deontology, medical rights, legal medicine etc. All of these disciplines share a common goal: respect for the patient, respect and protection of human rights. New discoveries in biomedical sciences in the last decades, which gave birth to the new discipline of bioethics, have the tendency to come into conflict with the spirit of human rights. Nowadays bioethics is characterized by its globalization, the so-called Global Bioethics, due to the globalization of medicine and medical research.

In this paper, the author presents aspects of bioethics development in Albania, its connection with the discipline of legal medicine, and the bioethical issues of medical controversy of illegal transplants of human organs. In Albania since the 1990s, with its opening after a long isolation, the possibility was created to apply world biomedical sciences achievements, but also the bad and forbidden medical practices of developed countries. The authors analyze a medicolegal case in Albania involving the misuse of cancer treatment with sodium bicarbonate from an Italian physician in a private hospital in Tirana that caused the death of an Italian patient. Other situations of development of bioethics in Albania have to do with the issue of telling the truth to the patient about diagnosis and prognosis, the question of sex discrimination during prenatal diagnosis using ultrasound sex determination. In conclusion it is noted that the application of the rules and principles of bioethics will serve to the health care improvement in Albania and the avoidance of illegal practices that may have been used or are in danger of being used in our country.

1. INTRODUCTION

Bioethics is a new discipline, developed also in Albania.

To address the topic more specifically, it is appropriate to give some explanations about the disciplines that are closely related to bioethics²:

- » Medical ethics and deontology that deal mainly with the behavior of physicians, principally in their relationships with patients.
- » Bioethics, which deals with ethical issues related to scientific and technological advances in various biomedical fields.
- » Medical Rights, which represent the totality of all legal norms dealing with medicine.
- » Legal Medicine, which is the discipline that establishes the link between Law and Medicine.

I have since immediately noticed, as all other researchers, that all of these disciplines share a common goal: respect for the patient, and therefore, the respect and protection of human rights^{2,3,4,12}. I believe that this idea is reflected in all my studies presented at various scientific activities. Many of the studies e.g. death and aging issues, euthanasia, suicide, autopsy, human experimentation, transplant, ethical issues of molecular genetics, anatomical osteology, orthopedic, and Islamic religion have

been presented to the annual Days of Bioethics conference meetings since the beginning of this scientific activity in 2001⁵. In all these studies I have tried to reflect the actual conditions of medical practice and issues of medical ethics, bioethics and legal medicine in Albania.

2. FEATURES OF BIOETHICS

Bioethics is considered the science that studies ethical issues that have to do with new discoveries of biomedical sciences of the last decades.

*The birth and the development of bioethics in the world*¹

From ancient times questions have been asked about the attitude that must be kept to different aspects of human life: birth, sickness, aging, death, etc. They are usually accompanied by the establishment of moral rules and the elaboration of codes of deontology. Thus, the oldest Code of Deontology left to us by ancient civilizations is the Hippocratic Oath.

In fact, in the past centuries, doctors, lawyers, philosophers, theologians, have generally displayed more or less similar point of views on these issues, especially in Western countries. But recently, tremendous advances in the fields of Biology and Medicine have led to a real transformation of the world and human destiny, coupled with a steady increase in life expectancy, infantile mortality, etc., thus improving conditions of human life.

All of these, together with the strengthening of the pluralist spirit of developed countries, have led to new discussions about artificial insemination, sterilization, in vitro fertilization, allowing or not to clone human beings, such as and have created the opportunity for new solutions to the already old problems such as. those of abortion, euthanasia, eugenics and eugenics.

In general, all these issues have been subject to numerous and stringent debates. In fact, their scrutiny is indispensable and urgent. This is because technical and scientific advances in biomedical fields, which, on the one hand, fascinate the secrets they have discovered, the benefits that promise to humanity, but on the other, they have caused many people to feel the feeling fear, in the sense that henceforth the fate of mankind has fallen into the hands of the so-called «magicians»¹.

In the conditions of a pluralistic society where each individual wants to live in accordance with his own personal ideas and desires, it is necessary to find common solutions to the attitude of mankind to these issues, in order to avoid the anarchic and uncertain circumstances that can be created. To characterize this new situation, in late 1960, is called for the first time the word «bioethics», which was immediately spread with lightning speed. And along with this term gave birth to a new discipline, which she also conducted in an extremely fast way¹.

But the word «bioethics» did not replace other terms and disciplines such as: Ethics and Medical Deontology, Medical Law etc. In fact, Bioethics is a multidisciplinary character having close ties not only with medical and biological sciences and their subdivisions, but also the humanities as sociology, psychology, philosophy, theology etj.³.

The source topics of bioethics

The issues that Bioethics deals are many. However, there is no exact definition of the problems that pertain to it. Some topics have been accepted by all researchers belonging to Bioethics and they are, as it were, its core issues. In fact, they will be called

source topics, which are fixed and limited¹⁰. Each source theme is thus the starting point of a large number, but not precisely defined, of bioethical problems, which are often intertwined with each other.

The main topics, unanimously accepted by all scholars¹⁰ as essential issues of Bioethics, relate to:

- » Aging and dying issues: death determination criteria, cerebral death (brain damage), euthanasia, therapeutic excess, vegetative state, palliative treatment;
- » human experimentation issues;
- » neuropsychological diseases and interventions in the human brain: psycho-pharmacology, neurosurgery, psychosurgery;
- » Issues related to new discoveries in the fields of genetics and molecular biology: genetic engineering, human genome manipulation, gene therapy, predictive medicine, prenatal diagnosis;
- » procreation issues: birth control, contraception, abortion, sterilization, artificial insemination, in vitro fertilization and embryo transfer with its GIFT and ZIFT variants, cloning, eugenics and eugenics.

Other authors have expanded the field of bioethics including other topics¹:

- » suicide issues;
- » transplantation operation issues;
- » health policy issues.
- » research issues in the fields of chemical and biological weapons;
- » torture issues;
- » the death penalty issues;
- » environmental pollution issues

Nowadays bioethics is characterized by its globalization, the so-called Global Bioethics, due to the globalization of medicine and medical research³. These are efforts to adapt ethical issues with local norms, social, economic conditions of various countries; religious and cultural differences; all within the boundaries of international cooperation.

Another nomination of Bioethics is Integrative Bioethics. Integrative Bioethics is a form of bioethical discourse developed especially in Southeast Europe and influenced by the concrete conditions of the society – or societies- we can find there. Integrative Bioethics analyze the reasons why a new form of ethical discourse is needed. Integrative Bioethics expresses the mixture of different religions and believes, but also a coexistence of different tradition and ways of life.

3. SOME CHARACTERISTICS OF BIOETHICS IN ALBANIA

The birth of bioethics in Albania

In Albania, as in other developing countries, the situation of Bioethics, Medical Ethics is very different in comparison with those of developed western countries^{2,6}.

This situation is determined by the fact that our country doesn't conduct bio-medical research, due to the low level of medicine that still exists.

However, the different religions that are now permitted in our country have a great influence on Bioethics. Since the political and economic situation is still in a prolonged transitional state, this causes a negative influence in the analysis of Bioethical problems.

Thus the difficult economical and health situation with a high level of unemployment, high mortality rate, low social and health aid, especially at the poor strata of the society and also the high level of widespread corruption have caused that little importance has been paid to the problems of Medical Ethics.

Forensic medicine

Another characteristic of the development of Bioethics in Albania is that, before 1990, its problems, also these about Medical Ethics, Medical Rights, etc. have been examined systematically only by the discipline of Legal Medicine in the theoretical and practical courses with the students and post-university specialists.

The Central University Service of Legal Medicine in Tirana has been the only Institution that examined all the cases of Medical Breaches, both for ethical and juridical problems, especially, when it was suspected that these medical violations were subjects for penal pursuit. The legislation that was carried out in these cases was the proper items of Penal Code on Careless Medical Treatment and Refusal of Medical Aid.

In 1985, the introduction of a short theoretical cycle about Medical Ethics and Deontology with the post-university specialists gave a good incitement to the deeper knowledge of these problems and these especially for the Central University Service of Legal Medicine.

The introduction for the first time in 1995 of this discipline in the Faculty of Medicine and later in other medical schools in Albania have served to the knowledge and serious and systematic studies of these problems, which undoubtedly present a great importance for the improvement of Medicine in our country.

Order of the Albanian physicians

The total state failure in the 1990s after the overthrow of the former regime and the opening of our country to the democratic society was accompanied with a lot of changes in our life and of course they influenced even the medical field. In 1993, the Order of the Albanian Doctors was established with the proper Code of Medical Deontology; in 1998 the National Committee of Medical Ethics was also established. These events created the conditions to pay more attention to the issues in Medical Ethics, which undoubtedly present a great importance for the improvement of Medicine in our country.

However, we shouldn't forget that moral and cultural traditions in the medical field are deeply grounded in people's lives. It is very difficult to absorb new ideas. Modern medical development has witnessed this difficulty in many cases^{1,11}. In fact, the reform of Health System that began after 1990 was accompanied among other things with the efforts to apply free market principles to Medicine. Regarding the free market we should not forget the conflict that exists between Medicine with its altruistic aim in treating diseases and the free Market that has its main purpose to fulfill individual interests. This confrontation between Medicine and the free Market in a developed society with established legal culture is softened generally successfully through the intervention of the government. While, in former eastern-block countries, where in general, democratic liberal regimes are established, the solution of the government's impact has been very difficult. This is the grave situation of our health system which is I think it is worse than the other eastern-block countries.

The human rights and Bioethics in Albania

The issues of human rights in relation to bioethics are numerous in Albania^{2,3}. Indeed these rights in medicine are mentioned in connection with the patient and their rights, because as it is known the physician-patient relationship has an asymmetry (unevenness). Typically, the physician maintains a dominant position to the patient. Unfortunately, this situation can be used by the physician to abuse the patient by corruption and medical malpractice.

Informed consent⁷

The situation about informed consent in Albania is discussed, which it is included in the respective medical legislation (code of medical ethics and deontology).

Medical advances with the use of modern techniques have become the focus of attention, which may have contributed to the devaluation of the physician-patient relationship, paying less attention to informing the patient. This situation may have contributed to increased patient dissatisfaction with physicians and increase in the cases of denunciations against doctors.

The most important problem of informed consent that has begun to emerge in our country, is related to its use in medical malpractice. Thus, when a physician accused of medical negligence, if he has applied the ethical rule of informed consent, this will protect him from the charge he has filed against him. On the contrary, he will be held accountable for this charge, which may be criminal or deontological.

Today's advances, applied in our country, with the introduction of new invasive techniques and more efficient, but more dangerous medicines, require greater care by doctors in terms of information which they should give to the sick and their relatives, thus ensuring the strict application of informed consent and avoiding cases of denunciations against doctors.

Telling the truth to the patient³

A study on the issue of «Telling the truth to the patient about diagnosis and prognosis» was carried out by the scientific circle of students at the Medical Faculty in Tirana, in 2013. The study was realized by means of a questionnaire completed by 100 physicians at the Tirana University Hospital Center. Most of the physicians interviewed, expressed the opinion that telling the truth to the patient in cases of disease with good prognosis impacted the patient's treatment positively; while in the case of patients with unfavorable prognosis, telling the truth to the patient has not been practiced as widely. The physicians are more reserved towards patients with unfavorable prognosis.

Sexist discrimination³

Another problem of human rights and bioethics that has recently surfaced in Albania is regarding prenatal diagnosis. It has been determined that fetus sex determination has been used to make a decision on whether the fetus will be aborted. Specifically, this phenomenon is associated with the performance of selective abortion of female fetuses, which may have contributed to increase infant male births compared to female ones, thus appearing a sexist discrimination in Albania. One of the measures to avoid this negative phenomenon can be also control for strict implementation of the law on abortion. According to the law, abortion is allowed up to the 12th week of pregnancy, whereas ultrasound sex determination is made after the 14th week. Therefore, selective abortion of female fetuses would be impossible if the law is strictly respected.

Bioethics and medical scandals

After 1990, when our country was opened to the world, it created the possibility that the achievements of biomedical sciences of developed countries, to be used even the human material of our country as already happened with the so-called third world countries^{2,8,9,10}.

This phenomenon in Albania, favored also by the anarchistic situation of these last years, it is followed with some public scandals, which are analyzed by legal expertise

too. What is the attitude to be taken in such cases? This is an issue that today is widely discussed by the specialists of the field of bioethics and which belongs to us directly. So this is one more reason for the need for our knowledge of the discipline of Bioethics as soon as possible. Such problems, often made known by our and foreign media, as medical scandals, where often for their solution has again intervened the Forensic Medicine.

Illegal traffic of human organs⁷

Concerning trafficking of human body parts and organs, there was a rising suspicion on the existence of an illegal trafficking of human organs to be used for transplantation outside of Albania. The first rumors in the media appeared in the beginning of the '90s decade. It was suggested that a considerable number of adoptions of sick, handicapped and orphan children to foreigners were carried out so they could allegedly be used as source of organs. To investigate this problem, the Ministry of Justice of Albania set up a Juridical Commission. The Commission was able to verify only that the Albanian adoption laws were infringed, but nothing else was revealed^{4,5,6,7}.

Year later, a concrete accusation was made to the Tirana Maternity. In April 1998, during the burial of newborn corpses from this institution, it was observed that two coffins were empty. This unexpected discovery supported the previous suspicions raised by the media. It seemed beyond any doubt that Tirana Maternity, in collaboration with the foreign traffickers, organized, probably many years ago, a profitable illegal trade of newborn babies and their organs. It is a well-known fact, that in the field of organ transplantation, there is a considerable shortage of new born baby organs. If allowed by law, in some countries, even the organs of anencephalic babies may be used. Due to this suspicion, a criminal investigation was launched. The Institute of Forensic Medicine performed exhumations of the new born corpses⁸.

The medico-legal expertise determined that the cadavers of newborns were removed after being buried on April 1998. This was confirmed when it was discovered that one of the caskets was missing its cover which was found hidden nearby covered with vegetation. Also, inside the casket three, instead of one, new born cadavers in advanced rotteness stages were found⁸. These results corroborated suspicions about the existence of an illegal traffic network of human organs. During this investigation an Italian prosecution team was involved to shed light on a possible trafficking network. However, in absence of direct evidence of a children trafficker's network between Italy and Albania, the issue was neglected by the Albanian state attorney.

From 2003 and on, this issue was raised again by the foreign media, Organisms of the European Council etc. accusing that unlawful trafficking of children's organs was ongoing. The allegations were made that organs were obtained in Albania to be used in the neighboring countries, chiefly to Italy and Greece. These accusations went so far as to claim that an organ trafficking clinic does exist in Albania, as well. But the competent instances have proved that all these allegations do not have any basis⁷.

Bad medicine from the using of wrong procedures⁷

The use of medicine, during almost all its history of development, has had many cases of misuse by using the wrong procedures due to lack of medical knowledge, despite the efforts of doctors to cure the disease.

In the last 100 years, medicine has undergone proper development, affecting the healing and relief of diseases and increasing the life expectancy of humans, even

today there are cases of medical misuse by the use of the wrong medical methods, as is the case of treatment of cancer with sodium bicarbonate in some European countries, including our country.

In Albania, in order to avoid cases of alternative medicine by using wrong medical treatment methods from foreign doctors, it is necessary to strengthen the control by relevant bodies, including the ethics committee, for the admission of these doctors to practice medicine as well as to strengthen the legislation on the punishment of such cases.

Such an interesting example of the forensic medicine practice of our country belongs to the case of Italian doctor Tullio Simoncini, convicted and excluded from the right to practice the profession of doctor in Italy, because of the treatment with the baking soda which he had used for cancer in Italy and the Netherlands, had caused the death of some patients.

According to Simoncini, cancer is a fungal infection (*Candida albicans*) that develops in an acidic environment, so Simoncini found the method of treatment by changing pH and consequently pretended to stop tumor development or treat it. For this purpose, he used high-grade solutions of high-quality baking powder. He has stated that this medication has been used for 20 years and many of his patients have been healed, even when other doctors predicted a mortal progress. But his theory, unrecognized by medical science, is wrong, because the sodium bicarbonate introduced into the human body in large doses, disturbs the mineral balance significantly and causes the death of the patient, as were the cases with which he was condemned. On the other hand, this therapeutic procedure has not been subjected to experimental tests by scientific methods.

In 2012, this doctor, through cheating on the leading health instances of our country, he applied to a private hospital in Tirana, his method of treatment of cancer, to an Italian 27-year-old Italian citizen who suffered from severe brain tumor illness. After carrying out the procedure of introducing the baking soda in his body, the patient's health condition was exacerbated: headache, vomiting, minor epileptic attacks, until he died on the way to the CHU of Tirana.

The autopsy determined that his death had come from acute pulmonary edema in a person with a malignant brain tumor treated with sodium bicarbonate (baking soda). The case was considered by the forensic medicine and the Albanian prosecution as a careless medical case in the form of negligence, as this medication is not recognized by contemporary protocols, which led to the death of the patient. Albanian courts condemned the guilty doctor in 2015, imprisonment for a year and a half, and waiver of the profession's right for 6 months. There are other cases of abuse of application of alternative treatment, such as cancer treatment with acme poison, according to a practice that has not been approved in the US and European protocols.

In Albania, in order to avoid cases of alternative medicine by using wrong medical treatment methods from foreign doctors, it is necessary to strengthen the control by relevant bodies, including the ethics committee, for the admission of these doctors to practice medicine as well as to strengthen the legislation on the punishment of such cases. These cases indicate that, for the health of our country, among other things, it is necessary to strengthen the control by the appropriate instances for the admission of foreign doctors who practice our medicine, including the review by the ethics committee of the treatment protocols cases of use by foreign doctors of medical procedures that may be wrong.

Also, as proposed in 2017, the possibility to include in the penal code an article that foresees the punishment of the exercise of alternative medicine, which has had

serious consequences for the patients without the appropriate authorization of the health authorities, should also be included.

In conclusion it is noted that the application of the rules and principles of bioethics will serve to the health care improvement in Albania and the avoidance of illegal practices that may have been used or are in danger of being used in our country.

LITERATURE

1. Durand G, *La bioéthique* (Editions Fides, du cerf), Quebec 1997, 8, 9, 34, 35
2. Çipi B, *Bioetika në një këndvështrim mjekoligjor*, Tiranë 2005, 9 – 20, 23-38
3. Çipi B, Çipi R, *Human Rights and Bioethics*, 13th Mali Loshinj Days of Bioethics, 2014, 54-55
4. Çipi B, Meksi S, *Etika Mjekësore*, Tiranë 2013, 5-36
5. Çipi B, *Bioethics in Albania nowadays*, Tirana 2016, 48
6. Çipi B, *La Bioéthique en Albanie*, Bulletin of ESPMH, 3:3 (special issue)
7. Çipi B, *Albanian transition under the magnifier of Forensic Medicine*, Tirana 2018, 196 – 208, 242 - 250
8. Çipi B, "Ethical problems of health legislation in Albania", *International Journal of Bioethics*, Nr.2, Vol 7, June 1996, 101-103
9. Çipi B, "Ethical and legal aspects of medical breaches in Albania", *Journal de Médecine Légale Droit Médical*, NR. 7-8, VOL 40, Lyon, Nov-Dec 1997, 525-529
10. Hottois G, Parizeau M-H, *Mots de la Bioéthique* (De Boeck Université Bruxelles 1993), 51
11. Reich Waren Thoma, *Encyclopedia of Bioethics, Central and Eastern Europe*, Vol 3, New York 1995, 1600, 1601 – 1609, 1992 - 1667
12. Roche L, Malicier D, Maisonneuve P, *Droit et éthique médicale*, Lyon 1984, 9-12